

Максим Шторм

СТРАХ ВО ТЬМЕ

Волею случая группа незнакомых и совершенно разных людей оказалась в загадочном и таинственном месте — старинном замке Стиллхолл. Никто из героев и не подозревал, с чем им придётся столкнуться за могучими стенами средневекового исполина. Никто и не мог подумать, что вскоре им придётся встретиться со Страхом во тьме...

---

*... барабанит по стёклам дождь, как будто живой...
Жизнь идёт где-то за стеною,
А ты в плену пустоты.
О, как жаль, но всему виною
Мечты, мечты, мечты...
Ария «Мечты»*

Кажется, я маленько задремал. Впрочем, я привык любую свободную минутку урывать для сна. А в движущемся транспорте меня всегда укачивало. Поэтому не мудрено, что я задал знатного храпака. Просыпаюсь я всегда быстро и без лишней раскачки. Вот и сейчас, распахнув глаза, я не принялся зевать во всю пасть, тупо пытаюсь сообразить, где я вообще нахожусь, а сразу включился в суть происходящего вокруг меня... Благо, происходило не так уж и много, а с того момента, как я отправился на боковую, не произошло совсем ничего нового. Наш автобус, блестящий перламутрово-зелёный красавец «Неоплан», всё так же уверенно и неотвратно покорял метр за метром бесконечную ленту асфальта, двигатель автобуса работал исправно, своим мерным баюкающим гулом укачивая не только меня, но и других пассажиров.

В салоне царил приятный полумрак, прорезаемый приглушенным шёпотом тех, кто не отлёживал бока, видя десятые сны, наподобие меня. Я отодвинул занавеску и глянул в окно. Темнеет, однако. Вроде и времени всего ничего, пятый час пополудни, а всё ж таки темновато уже. Осень, как никак, да и погода, вернее, непогода, вносит свои коррективы. За слегка тонированным стеклом проносился унылый и однообразный ландшафт типичной средней полосы Англии. Ровные, распаханые лоскуты полей, покрытые жухлой травой нескончаемые луга, ряды стройных деревьев, мачтами высящиеся вдоль дороги и защищающие собой поля от снежных и пыльных бурь... Я не выдержал и всё-таки зевнул. М — да, тоска зелёная. Я посмотрел на небо, затянутое сплошным одеялом угрюмых, угрожающе надутых чёрно-серых туч, и покачал головой. Только ещё дождя не хватало для полного счастья. А дождь, скорее всего, будет. Сквозь свинцовый полог, закрывший всё небо, не проникал ни один лучик заходящего солнца, зато то тут, то там яростно посверкивали пока ещё едва заметные, тонкие веточки молний. К дождю, без вариантов.

Я провёл ладонью по коротко стриженным волосам и, положив руку на подлокотник крайне удобного и мягкого кресла, подпёр подбородок сжатым кулаком, продолжая смотреть в окно. Я рассчитывал застать тот момент, когда начнётся дождь. Сколько себя помню, мне всегда, ещё с детства нравилась такая погода, нравилась эта сумрачная палитра тяжёлых грозовых туч, эта непередаваемая атмосфера зарождения чего-то первобытного и... опасного. Нравился разлитый в воздухе освежающий и волнующий запах озона. Я любил смотреть на срывающиеся с небес капли и мечтать под шёпот дождя. Романтик? Нет, конечно! Просто нравится и всё тут. У каждого свои тараканы в голове. А у меня их более чем предостаточно, и необъяснимая страсть к дождю один из них.

Я ещё не представился и не рассказал о себе? Что ж, спешу исправить это упущение. Зовут меня Алексей Болотин. Мне двадцать шесть лет, далеко не мальчик, но и до зрелого возраста мне так же не близко. Рост у меня чуть выше среднего, телосложение среднее, самомнение... хм, гораздо выше среднего. И, на мой скромный взгляд, я довольно тяжёлый и

сложный во взаимопонимании человек. Кое-кто вообще считает, что я козёл. Ну, и чего-нибудь там ещё похлеще, о чём писать не прилично. Глаза у меня серые, нос прямой, губы твердо очерченные, резкие скулы и совсем не кэмпбеловский подбородок. Помните незабвенного Эша? Волосы я имею жёсткие, короткие и тёмно-русые, и на раннее облысение не жалею.

Чем я занимаюсь? Да ничем! Пока, во всяком случае. У меня высшее образование, правда, проку от него никакого. Хотя нет, вру, английским я владею свободно, и на том спасибо. Служил в армии, в спецвойсках (где научился множеству крайне интересных и любопытных вещей) сначала по призыву, потом подписал контракт на пять лет. Дорос до старшего лейтенанта. На большее у меня не хватило ума. А, может, связей и денег? Кто знает. Как бы там ни было, контракт мой закончился пару месяцев назад, и продлевать его у меня не было ни грамма желания. На то есть свои, весьма серьёзные причины, о которых я ни в малейшей степени ни хочу говорить. Зарабатывал я неплохо, да и затраты у меня на жизнь мизерные, так что за прошедшие годы я поднакопил денег и решил немножко попутешествовать. А Британские острова я всегда хотел посетить. Средневековая эстетика, коей старая добрая Англия обильно пропитана, меня издавна привлекала. Ещё один таракан из моего персонального стада, вот.

Поэтому я сейчас нахожусь здесь, в этом автобусе и еду в Манчестер. Благо в Лондоне я уже посмотрелся на всё, на что только можно. Да и, если честно, хоть я и люблю дождливую погоду, но в случае со старушкой Англией это ЧЕРЕСЧУР! Такое ощущение, что здесь постоянно осень. А меня чёрт дёрнул прилететь сюда ещё и настоящей календарной осенью! Лондон впечатляет, спору нет, но... Надоело, одним словом. Захотелось сменить место дислокации. И вдобавок, доложу я вам, хорошо там, где нас нет. Честно. Попробуйте и узнаете, каково это. Если вы, правда, не окажетесь заядлым путешественником. Хотя, конечно, сомневаюсь, что Манчестер будет так уж сильно отличаться от дождливой столицы, но взглянуть охота. В юности я одно время болел за Объединённый Юнайтед, знаете ли.

Из философских раздумий «за жисть» меня самым наглым образом выдернул приглушенный неистовый вопль, раздавшийся за моей спиной и переросший в скоростной бег электрогитар, при поддержке мощной ритм — секции. Признаюсь, ребята, нервами я слаб, и сердце у меня сейчас подскочило прямо под горло. Салон пронзающего надвигающийся вечер автобуса был полупустой и рядом со мной никто ни сидел. А вот сзади кто-то обосновался с явным намерением довести меня до инфаркта. Видит Бог, я ничего ни имею против тяжёлого металла, но иметь совесть тоже надо! Поэтому я решительно развернулся назад и грозно посмотрел между спинками кресел на своего излишне шумливого соседа, готовясь сказать ему пару добрых и отеческих слов... Ей. Ей сказать. Ибо позади меня сидела девушка?! и так же внимательно смотрела на меня.

С этого момента буду писать поподробнее, такое зрелище не каждый день увидишь. На вид ей было лет... Шестнадцать? Семнадцать? Да хрен его знает. Агрессивная косметика, даже, вернее грим, превращали, в общем-то симпатичную мордашку в вызывающую броскую маску. Огромные зелёные глазищи, обведённые чёрной тушью, ярко алые, кривящиеся в сардонической усмешке пухлые губы, тонкое серебряное колечко в левой ноздре — тот ещё видок, доложу я вам. Прибавьте к этому кожаные штаны, чёрную проклёпанную «косуху» и кожаные перчатки с обрезанными пальцами, и вы получите полное представление об этой воинствующей пропаганде стиля «хэви метал». Девчонка сидела в кресле с ногами, подтянув

колени до подбородка и попирая сиденье тяжёлыми «казаками», отягощенными стальными цепочками. У малолетней гарпии были всклокоченные чёрные, отливающие синевой волосы и бледная кожа. Потрясающе!

Она сжимала цифровой плеер и не спеша разматывала проводки наушников. Музыка из внешнего динамика гаджета продолжала орать. Я постучал по правому уху и жестом указал на плеер. Девчонка оказалась из понятливых. Увенчанный массивным перстнем-черепом палец с чёрным лакированным ногтём мягко нажал на кнопку и плеер замолк. Я вымученно улыбнулся, не зная, как вести себя дальше. Она, похоже, знала. Продолжая меня бесцеремонно рассматривать, как гиббона в зоопарке, она брякнула:

— Чё надо?

Голос у неё был необычный. Низкий, грудной, с придыханием, но приятный. И что самое главное, она меня нисколько не боялась, хотя бесспорно и понимала, что в корне не права. А ведь я, не хвастаясь, смог бы одним ударом выбить из неё всю дурь. Фу-у, сморщитесь вы, бить женщин это нонсенс! Согласен, и никогда этого ни делал. Хотя знавал я пару стерв, которые этого явно заслуживали... Но девчонка то не могла знать, что я таким не страдаю. У меня же на морде не написано, что я джентльмен!

Я миролюбиво улыбнулся. Она сморщила носик, и моя улыбка мигом стёрлась.

— Вы что-то хотели?

— В общем-то, да, — я решил, что с этой фурией надо быть помягче.

— Вам мешает моя музыка? — обвинительным тоном продолжила девчонка, нагло глядя куда-то мимо меня. — Или вам мешаю ИМЕННО я?

Я уже говорил, что не знаю, как вести себя с особами подобного рода? Теперь уже я и сам поверил своим словам. Я растерянно захлопал глазами, всё моё раздражение куда-то улетучилось. Я прочистил горло.

— Эй, милая моя, я разве хоть слово сказал против того, что ты слушаешь? «Judas Priest» — хорошая группа. Более того, одна из моих самых любимых.

Она сфокусировала на мне свои глазищи. Из полупрезрительного её взгляд превратился в недоверчивый.

— Да ну... Что вы можете знать о ТАКОЙ команде?.. «Хэви метал» нынче не в моде!

— Я что, похож на модного человека? — деланно оскорбился я. Тут автобус заложил излишне резкий поворот, и я впечатался физиономией в спинку кресла. Чертыхнувшись, я поднялся и облокотился о подголовник, уставившись на собеседницу сверху вниз. Она улыбнулась самыми краешками губ, должным образом реагируя на мой казус. Пусть, я никогда не боялся смеяться над самим собой. Похоже, наш диалог начинает налаживаться.

— А ты слышала такие их композиции, как «Love bites», «Sentinel», «Hell patrol»? А? Да и сама «Ram it Dawn» вещь весьма забойная.

Девчонка просто обалдела, доложу я вам. Она откинулась на спинку кресла и широко развела по-прежнему согнутые в коленках ноги. Движение достаточно откровенное и фривольное.

— Дядя, а вы меня не клеите часом? Предупреждаю сразу — по яйцам я бью без промаха!

От подобного заявления я впал в ступор. Ну, ни хрена ж себе!

— Ты чего, офигела? Согласен, что на металлиста я не похож, но и на маньяка-насильника тоже не потяну, иначе мне дадут ровно столько, сколько тебе! И в камере у меня будет очень много по-настоящему близких и хороших друзей, которые и слухом не

слыхивали о рок-музыке.

И вот тут её наконец-то проняло. Она запрокинула лохматую головку и засмеялась. Я опять поразился. Не смотря на низкий тембр голоса, смех у неё напоминал звонкий перелив хрустальных колокольчиков. Банальщина, да, но мне больше не с чем сравнить такой смех!

— А ты нормальный чувак. Меня зовут Трейси Стюарт, — она решительно протянула мне свою ладошку для рукопожатия. — Извини, что помешала тебе. Я как-то сразу не въехала, что ты парень в доску свой. Ничего, что я на «ты»?

Впечатлённый частотой смены её настроения, я аккуратно принял девичью ладонь в свою десницу, опасливо покосившись на остроносые «казаки».

— Ну а я Алекс Болотин, — представился я, называясь именем, которое говорил всем иностранцам. — Я-то сразу понял, что ты ТА ещё язвочка....

Она опять засмеялась. Слушать её смех было сплошным удовольствием. Я поймал себя на том, что скалюсь, как дурак, во всю рожу. И тут до неё дошло. Трейси изумлённо вылупилась на меня, оборвав сыплющиеся изо рта смешинки.

— О, так ты что... Русский, что ли?!

— Он самый, — набычился я. — А ты что, выросла на предрассудках к нашему народу?

Трейси передёрнула затянутыми в кожу плечиками.

— Да нет.... Просто у меня ещё не было в друзьях никого из ваших. Теперь есть!

Улыбалась она тоже очень мило. Да и вообще, Трейси была очень симпатичной девочкой. Общее впечатление портил только несколько широковатый нос. А небольшая косинка в зелёных глазах, наоборот, только придавала ей некий шарм, что ли... Уф, куда это меня понесло? Я в ответ по-свойски подмигнул и опустил на сидение. Так, а что у нас «за бортом»?

«За бортом» погода, что называется, окончательно скурвилась. Вот так вот, да! Я давно обратил внимание, что к привычному гулу автобусного салона примешивается какой-то посторонний шум. Это был ветер. Не на шутку разгулявшийся ветер. Я расплющил нос о стекло, наблюдая за тем, как набирающие силу духи воздушной стихии начинают планомерный захват всей округи. Ветер подгонял свинцовые громады туч, гнул деревья, играючи стелил по земле отживающую своё траву и ломал редкие придорожные кустарники. Ого, прямо ураган какой-то! Неужели дождь отменяется? При таком то ветре! Наш «Неоплан» начал ощутимо содрогаться, ветер, неумолимо завывая, набрасывался на автобус, пробуя на нём всю свою мощь. Мне стало как-то не по себе, жутко, короче говоря. Только представьте: мы совсем одни на пустынном шоссе, кроме нас нет никого, темнеет очень быстро, скоро будет не видно ни зги, над нами мрачным угрюмым куполом опрокинулся серый небосвод, сверкают молнии, доносятся приглушенные громовые раскаты и дикие неукротимые завывания сумасшедшего ветра....

Та ещё обстановочка. «День независимости» какой-то! А ведь нам ещё ехать и ехать. Надежда только на то, что мы минуем этот безлюдный и захолустный участок пути как можно быстрее. Нет, не подумайте, я не то, что бы там совсем уж трус закостенелый. Но только не по себе мне стало, очень сильно не по себе. А своим чувствам я привык доверять. Я задёрнул занавеску. Но от усиливающегося за окном рёва стихии я закрыться по понятным причинам всё равно не мог. Я поёжился, хотя в салоне холодно не было. Что-то не то... Как у Бредбери. «Чую, что-то страшное грядёт». Я это ЧУВСТВОВАЛ спинным мозгом.

Я оглянулся назад. Моя новоявленная подружка, похоже, ничем таким себе не напрягала. Трейси, с наушниками в ушах, прикрыла глаза, дрыгая в такт ногой и явно

получая от происходящего большой кайф. Что ж, в незнании — великое спокойствие, сумничал я про себя и обвёл прищуренными глазами погружившийся в мягкий сумрак салон автобуса. Водитель, целиком сосредоточенный на вождении, не спешил включать свет, за что я был ему искренне благодарен. Темнота — друг молодёжи, в темноте не видно рожи... Хотя в автобусе находилась отнюдь не одна только молодёжь.

У меня неплохая память на лица. И я мог спокойно, излишне не утруждаясь, перечислить и описать более — менее подробно если не всех, то большую часть пассажиров нашего рейса уж точно. Помимо того, я вполне сносно разбираюсь в людях, в человеческой психологии, и могу достаточно много сказать о человеке, даже если вижу его впервые в жизни. Выражаясь проще — всяких отморожков и уродов вижу насквозь. Бывает, что ошибаюсь в своих суждениях, но это исключение из правил, нежели само правило.

Напротив меня, через проход, сидел испитого вида старикан в мятом офисном костюме неопределённого цвета, с перекрученным галстучным узлом, но дорогими часами на левой руке. Видимо, он переживал не лучшие времена, о чём свидетельствовал не только помятый вид, но и плоская фляжка с недвусмысленным содержимым, к которой старик то и дело прикладывался. Я осуждающе скорчил гримасу. Никогда не понимал тех, кто закладывает лишку. Да, бывает так, что проблемы ложатся неподъёмным грузом. Но от них не спрячешься в пьяном угаре. Проблемы не решатся, от них не убежишь. От СЕБЯ уйти невозможно. Но это я так, брюзжу на злобу дня.

Выпивоха заметил, что за ним наблюдают, и отсалютовал мне булькающей фляжкой. Редкие, седые волосы его стояли дыбом, а по осоловевшим глазам было ясно, что ему уже и море по колено. Шутник хренов. Вот уж кого точно не волнует набирающий за пределами автобуса силу ветер.

Я закрыл глаза и, принаравливаясь к приглушенному гомону редких голосов, проникающему внутрь шуму ветра, решил ещё малость вздремнуть. Оно ведь страшно, пока не заснёшь. Чтобы быстрее закемарить, я стал перебирать в уме своих соседей по автобусу. Я не собирался никому перемывать косточки, просто по себе знаю, что от такой методы я быстрее провалюсь к Морфею.

Итак, помимо меня, сопящей позади меня Трейси Стюарт, и прикорнувшего напротив всё того же меня явно изрядно набравшегося старикана, в «Неоплане» находилось немало интересных и заслуживающих внимания личностей. Одна банда разномастных подростков в количестве пяти или шести человек чего стоила. Тинэйджеры разместились кто где горазд парами и, не умолкая, бубнили всю дорогу о чём-то своём. Ещё достаточно незаурядной личностью мне показался крепко сбитый, поперёк себя шире мужик лет сорока, с густыми усами и одетый по-походному. Он сидел в самом начале салона и с моего места был не виден. Уверенный в себе, невозмутимый и спокойный. Спокойный от осознания собственной силы. Тёртый калач не дать не взять. Такие люди могут быть опасными противниками. А вот здоровенный детина, не иначе как спортсмен какой, расположившийся на два ряда впереди меня, такого впечатления не производил. Хотя здоров был, как буйвол. Ничего, большой шкаф громче падает. К этому амбалу ещё на вокзале всю липла сногшибательная блондинка, с роскошной фигурой, кукольным личиком и большим процентом свободного места в златокудрой головке. Она тоже села в наш автобус и наверняка уже забросала громилу плотоядными взглядами изголодавшейся кошки. Остаётся ему только позавидовать! На меня, например, никто и никогда ТАК не смотрел. Да и эффекта я особого не произвожу, если честно.

Ну кто ещё? Из общей массы, на мой взгляд, выделялось ещё парочка пассажиров. В самом последнем ряду сидела оче-е-нь я вам скажу привлекательная девушка с гривой шикарных огненно рыжих волос и очками в тонкой оправе. Внешне она напоминала учительницу или кого-то в этом роде. Вся из себя чинная, благородная и скромная. Наверняка неизмеримо начитанная и образованная. Но... В тихом омуте черти водятся, не правда ли?

Последним из заинтриговавших меня пассажиров выступал крайне странный тип. Он занял место сразу за водительским отсеком и вызывал весьма противоречивые чувства. В хмыре лет примерно тридцати пяти-сорока невооружённым глазом просматривалась порода. Не исключено, что прямой потомок какой-нибудь известной фамилии. А то и наследный дворянин. Вот только что дворяне делают в общественном транспорте, хотел бы я знать? Короче, чувак сей был голубых кровей и точка. И если б только кровей! А то ещё и ориентации! Да-да, ребята, вы всё правильно прочитали. И если вы считаете, что мужик, выщипывающий брови, подводящий глаза тушью и красящий губы нормален, значит, вы ошиблись чтивом! За наряд этого создания я вообще молчу. Только и успел заметить женские сапоги на высоком каблуке, придающие недомерку пару лишних сантиметров роста, аляповато вычурный брючный костюм и газовый шарфик, намотанный вокруг шеи. Как я только увидел этого представителя секс меньшинств, у меня сразу появилось стойкое желание эту самую шею свернуть. А остальные вроде ничего, особой реакции не проявили. Хрен их поймёшь, этих толерантных англосаксов....

Я стоически зевнул. Кажись, засыпаю. Вроде всё спокойно, наш автобус размеренно следует по маршруту, непогода бессильно бесится снаружи, водитель уверенно крутит баранку... Поэтому резкий, раздирающий барабанные перепонки скрежет и тошнотворный вой тормозов я воспринял, как кару небесную.

Вот же, мать твою, накаркал, только и успел подумать я.

*Дрожит земля, дрожит горячий воздух,
Стрела летит туда, где рухнул мост.
Не жди других, пока ещё не поздно,
Разбей окно и прыгай под откос.
Ария «Горящая стрела»*

Автобус резко затормозил, всех пассажиров в тот же миг единым рывком бросило вперёд. Спустя доли секунды наш транспорт занесло и «Неоплан» заложил крутой вираж, достойный войти в пособия для каскадёров. Кому совсем не повезло, тех со всего маху швырнуло в центральный проход между рядами кресел. Поднявшийся многоголосый ор и истерические вопли едва ли не заглушили треск ломающегося металла и издыхающее шипение подчистую стиравшихся тормозных колодок...

Я ожидаемо оказался в числе самых невезучих, рыбкой нырнув на пол. Не успел я и глазом моргнуть, как сверху на меня шлёпнулся ещё кто-то! Судя по отчаянному лязгу железа и отборным ругательствам — Трейси. Я бессильно расплющился, получив сомнительное удовольствие поближе познакомиться с прорезиненными дорожками. На моё счастье автобус наконец-то прекратил кульбиты свихнувшейся лошади и окончательно остановился. Какое-то время в салоне раздавались лишь приглушенные всхлипывания и судорожные стоны боли, приправленные изрядной толикой страха. Что, чёрт возьми, за выкрутасы, хотел бы я знать? Похоже, подобными мыслями был одержим не я один, и салон многострадального автобуса постепенно наполнился рокотом нарастающих голосов, кипящих от возмущения и пережитого ужаса. Вроде особо серьёзно никто не пострадал, и народ спешил, как в таких случаях бывает, знать правду. Не перевернулись — и то хорошо, все живы — ещё лучше, но какая сволочь всё это устроила?! Так и до самосуда недалеко, человек существо определённо неблагодарное и забывчивое. И скорое на расправу. Укажи только виновного!

Я мученически закричал, пытаюсь воздеть себя в вертикальное положение, и совсем забыв о копошащейся у меня на закорках Трейси.

— Эй, я смотрю, ты там неплохо устроилась, — пропыхтел я, отжимаясь от пола.

— Угу, у тебя просто шикарная спина! — жизнерадостно отозвалась Стюарт.

Ну и задница эта девчонка, скажу я вам. Однако осознав всю тяжесть моего положения, она смилостивилась и резво скатилась с моего хребта. Я тот час поднялся и протянул ей руку, которую она благодарно приняла.

— Ты в порядке, ничего себе не отбила?

— Были бы нервы, было б сотрясение, — фыркнула Трейси, возбуждённо сверкая зелёными глазищами.

— Вообще-то говорят мозги, — педантично поправил я.

— Неужели ты ещё и зануда?

Нет, всё-таки несокрушимая девчонка! Мы только что попали в самую настоящую автокатастрофу, а ей хоть бы хны. Ещё и острить пытается. Я покачал головой, ну и ну...

Так что же всё-таки произошло? Я решительно двинулся в начало автобуса, пробираясь практически на ощупь. За окнами окончательно стемнело, и ранние осенние сумерки вкупе с неутраченным ветром и хмурым небом отнюдь не добавляли мне настроения. Ещё не

хватало застрячь здесь, где-то у чёрта на рогах, на всю ночь! Так, главное не наступить на кого-нибудь. Вдруг не все успели подняться? Трейси пристроилась позади меня в кильватере и то и дело тыкалась носом в мою спину. М — да, кажется, мне от неё так просто не удастся избавиться...

Моё продвижение было остановлено возникшей в проходе широченной колоритной фигурой. Я пригляделся. Ага, тот самый усатый мужик. Ниже меня сантиметров на десять, но тяжелей килограмм на двадцать будет. На голове у него красовалась шляпа а-ля Индиана Джонс, а толстые руки были сложены на широченной груди. Такого не собьёшь одним щелчком.

— Если ты решил потолковать с водителем, то я с тобой, парень, — пророкотал мужик.

Вот так, просто, без обиняков, прямолинейно, как танк. И по существу. Сразу видно, что он не привык даром терять время и всегда норовит взять быка за рога. А вот что у него за выговор? Нет, скорее даже акцент. Грубоватая такая, словно камнепад, речь. Неужто немец? Я пожал плечами:

— Да без вопросов, приятель. Вдвоём даже сподручней. Со мной, так со мной.

Он молча кивнул, видимо и, не рассчитывая на другой ответ. Как будто просто ставил меня в известность. С другой стороны, коли так, зачем тогда меня спрашивать? Хорошо воспитан? Так, вдвоём, а если считать прилипшую словно банный лист до одного места Трейси (называть себя задницей как-то не очень хочется...), то троём мы протолкались в головную часть автобуса. Никак не привыкну, что у них, у англичан, правый руль. Постоянно, в любом транспорте, будь то обычная машина или тот же автобус, норовлю сесть не с той стороны. А уж сколько раз я ставил в тупик лондонских таксистов...

Наш водитель сидел прямой как свеча, вцепившись мёртвой хваткой в баранку. В сгущающейся темноте было отчётливо видно, что его до сих пор бьёт мелкая и не очень дрожь. Цвет лица рассмотреть было уже невозможно, но, по-моему, определение «мертвенно-бледный» подходило как нельзя кстати. Приборная панель не отсвечивала ни одним огоньком, габариты и фары тоже не подавали признаков жизни. Прочистив горло, я вкрадчиво спросил:

— Приятель, ты как, в порядке? — и на всякий случай добавил: — Ты так не переживай, вроде все целы остались. Наверно...

— Закурить не найдётся? — прохрипел водитель. — Я бросил три года назад.

Я беспомощно оглянулся на своего нового усатого знакомого. На что тот развёл руками и виновато шепнул мне на ухо:

— Я курю только сигары. Дорогие. Кубинские. Сам понимаешь...

Я остолбенело кивнул. На выручку неожиданно пришла Стюарт, сунув мне в руку предмет, на поверку оказавшийся мятой пачкой «Лаки-Страйк», кажется. Я поспешно вставил одну сигарету в рот водителю и чиркнул «зипповской» зажигалкой, так же любезно предоставленной Трейси.

— Спасибо, — кивнул водила и надрывно закашлялся, подавившись ароматным дымом. Я не отказал себе в удовольствии как следует хрястнуть его по спине.

— Да что вы с ним нянчитесь? — внезапно раздался из глубины салона чей-то пронзительный женский голос. Я его моментом опознал. Во время аварии обладательница этого голоса вопила громче всех. — Он нас чуть всех не угробил, а они его обхаживают!.. Сигаретки ему предлагают! Да его убить мало, недоумка! Набрался, не иначе, алкаш...

Ну вот, что я говорил? Началось в колхозе утро. Толпе дай только порвать. Я обернулся.

Да, и впрямь толпа. Люди повскакивали со своих мест, с пола и напирали друг на друга, пытаясь подобраться к нам поближе, глухим ропотом одобряя вышесказанное. Ого, только суда Линча ещё не хватало вдобавок ко всем проблемам. Я успокаивающе поднял верх руки, заслоняя собой водительское кресло.

— Господа. Дамы. Да успокойтесь вы ради Бога. Всё позади. Я вас уверяю, что сей джентльмен и в мыслях не имел причинить нам вред. Скажу больше — он спас нас всех! Именно спас, потому что подобные происшествия сами по себе, без определённой причины не случаются.... И наш водитель приложил все усилия, чтобы удержать автобус на ходу. Мы не перевернулись ТОЛЬКО благодаря ЕМУ! Так что прошу вас, держите себя в руках и не давайте кипящим эмоциям возобладать над разумом.

О как я загнул! Премия «Грэмми» должна быть моей...

— Эй, а ты чего вообще раскомандовался тут? — донёсся из толпы нахальный, совсем ещё молодой голосок.

— Это кто там такой смелый? — изогнул я бровь. — Может, покажешься мне во всей красе, дружок?

Родившееся молчание пояснило, что смелых не нашлось. Трейси, воинственно насупленная, и не отходившая от меня ни на шаг, задиристо вякнула:

— Что, кое-то штаны намочил? Ничего, Алекс, я заметила, кто это сказанул. Мы с ним потом разберёмся...

— МЫ? ПОТОМ? — я вперил в наглую девчонку неотразимый взгляд своих серых глаз.

— Ну да! Мы же теперь друзья, — не стусевалась Трейси. — А этого гомика я запомнила...

Кажется, я страдальчески застонал. Ситуацию разрядил забытый всеми шофёр, собственно, главный виновник начавшегося торжества.

— Меня зовут Уильям Спенсер... Если это кого-нибудь ещё здесь интересует, конечно. Так вот что я хочу сказать...

Он встретился со мной взглядом, тлеющий алый фитилёк сигареты бросал на его лицо причудливые блики. Я наострил уши. Взбунтовавшиеся было пассажиры тоже, как не странно, притихли. Спенсер выпустил через ноздри дым, руки у него больше не тряслись.

— Я хочу сказать, что пятнадцать лет за рулём, всякого насмотрелся... Но такого ещё не видел.

— Не видел чего? — встопорщил усы мой новоявленный союзник.

— Не видел, что бы передняя ось почти нового автобуса, без малейшего перегруза, ломалась, как сухая спичка!

Так вот что это за скрежет такой был, дошло до меня. Если всё обстоит именно так, Спенсеру надо памятник ставить! Мы только каким-то чудом не полетели вверх тормашками. Удержать управление, после такого подарка судьбы, да ещё на приличной скорости... Это дорогого стоит. Я уважительно посмотрел на водителя.

— Так почему же она все-таки сломалась? — недоумевающе кто-то спросил. — Заводской брак?

Спенсер пожал плечами.

— Да хрен его знает. Всё случается в первый раз. Я не думаю, что мы стали жертвами чьей-то диверсии!

Раздался приглушенный нервный смех, быстро, впрочем, оборвавшийся. Уильям сделал последнюю затяжку, бросил окурок на пол и раздавил его каблуком ботинка, как бы подводя

итоговую черту под случившимся. В «Неоплане» повисла гнетущая тишина, позволившая отчётливо слышать отголоски неутраченного ветра. Пользуясь случаем, я выразил терзающую, наверно, всех без исключения мысль, вслух:

— И что теперь делать? Я правильно понимаю, что автобус уже никуда без посторонней помощи не поедет?

— Абсолютно, — авторитетно заверил Спенсер. — Такие поломки чинятся только в ремонтных мастерских. Я ничего не смогу сделать при всём желании.

— Надо вызвать службу спасения! — пришла кому-то в голову светлая мысль. — Сотовые телефоны — то у каждого есть!

— Телефоны-то есть, а вот связи нет и в помине, — хмуро поведал уже упоминаемый мной двухметровый громила, подпирающий головой потолок, и кисло смотрящий на экран своего мобильного. Пассажиры засуетились и захлопали по карманам, выуживая телефоны. Я оставался спокойным, у меня сотового попросту и не было. На фиг он мне здесь сдался? Кому мне звонить, королеве Елизавете?

Вырвавшийся общий вздох разочарования и негодования лучше всех слов дал понять, что бугай прав. Чего и следовало ожидать. Мёртвая зона, гроза или просто место такое? Вряд ли в этом медвежьем углу озаботились поставить передающую сигнал мачту сотовой связи. Знать бы ещё, где конкретно этот угол находится... А то куковать тут всю ночь чего-то мне не охота. Как чувствовал, блин, что так и будет! Как бы только ещё хуже не стало. Я прикусил себе язык. Так, хорош, уже накаркал.

— Ой, так это что, и у меня связи не будет? — беспомощно пролепетала грудастая блондинка, бестолково хлопая длинными ресницами. Кто-то не выдержал и заржал во всю глотку. Раздались смешки. Трейси обречённо закатила глаза.

— Вот дура, а?!

Меня взял за локоть усатый крепыш. Выразительно посмотрел и протянул свою лапищу.

— Я Ральф. Ральф Шнитке. По-моему, нам надо держаться вместе... Ты как считаешь?

Я кивнул и крепко пожал его «лопату». Что я говорил по поводу акцента? Так и есть, немец. Интересная у нас компания подбирается, своеобразная. Я опять повернулся к водителю.

— Хм, слушай, Билл, а ты не можешь хоть примерно сказать, где мы сейчас находимся? Сидеть здесь и ждать с моря погоды я не вижу никакого смысла. По этой дороге даже самая задрипанная тачка не проехала за последнее время. И помощи нам ждать неоткуда. Надо что-то решать.

Спенсер согласно кивнул, мигом выудил откуда-то дорожный атлас, и водрузил его на панель. Ральф услужливо подсвечивал ему экраном сотового телефона. Хоть какая-то польза от этих побрякушек! Лихорадочно зашуршав страницами, Спенсер пробормотал:

— Я точно не помню, но тут должна быть где-то рядом одна объездная дорога... По-моему, тут неподалёку один городишко расположен, и эта дорога ведёт к нему.

— О, это уже другой разговор, — оживился я. Перспектива ночёвки на шоссе стала отдаляться на задний план.

— Ага!.. Есть! Я же помнил, что это где-то здесь, — Билл ткнул пальцем в атлас. Я из вежливости посмотрел. В картах я разбирался неплохо. — Вот он, этот городишко. Гринсвуд называется. Насквозь провинциальный, но довольно зажиточный. У них даже гостиница есть. Так что без крыши над головой не останемся!

Спенсер радовался как ребёнок. Так и хотелось погладить его по головке и дать

леденец. С другой стороны, в рейсе он за нас за всех отвечал, так что понять его радость можно. Я кое-что прикинул в уме.

— Это сколько до него топать, до Гринсвуда этого?

— Ну... Дай подумать. От начала дороги до городской черты... Где-то мили полторы!

— Угу. То есть около двух километров. Если быстро шевелить педалями, то за тридцать минут можно запросто дойти...

— Чем шевелить? — перебила мои размышления Трейси, наморщив лоб.

— Задницей! — раздражённо огрызнулся я. Стюарт скривила алые губы и показала мне язык.

— Так, а саму эту дорогу мы не проехали, а приятель?

— Мы до неё НЕ доехали где-то чуть больше трёх миль.

— Ещё пяток километров. Терпимо. Если поторопимся, то можем успеть.

Шнитке удивлённо посмотрел на меня. Я поспешил объяснить.

— Раньше, чем пойдёт дождь. Ты только глянь, что на улице творится. Если не поспешим, то займем все шансы вымокнуть по пути до нитки.

— Не спорю. Надо поторапливаться. Но ты представляешь, сколько людей не захочет расставаться со своим багажом? Все вещи на себе не попрёшь.

Я успокаивающе похлопал его по твёрдому как дерево плечу.

— Дружище, я не собираюсь думать и решать за всех. Я не набиваюсь в герои, спасители и не собираюсь всех вести к свету в конце тоннеля. Что делать дальше — личное дело каждого. Я не могу, да и не вправе решать за всех. За себя я могу сказать, что больше не собираюсь находиться в этой коробке. Я иду в Гринсвуд. Кто со мной — пожалуйста. Насильно я никого тянуть не собираюсь.

Шнитке усмехнулся в густые усы.

— Я только возьму ЛИЧНЫЕ вещи, приятель.

Я наклонился к Спенсеру.

— Билл, открывай двери. Даруй нам путь к свободе!

— Да вот уж хрена лысого, — обломал меня водитель. — Проводка вся полетела к чертям собачьим. Электроника вообще не работает.

Как оказалось, к нашему разговору прислушивается не одно чуткое ухо. Тот час поднялся внеочередной хай!

— Так мы что, заперты здесь навечно?

— Да что же это такое здесь происходит?!

— А я в туалет хочу! Мне очень надо!

— Господи, спаси...

Я поморщился. Да сколько можно талдычить одно и то же. Воистину, человек разумен только тогда, когда он представляет из себя отдельный, здравомыслящий индивидуум, не зависимый от мнения окружающих. Но стоит людям собраться вместе, в замкнутом пространстве, да еще найти повод для паники, то только держись! Стадо баранов покажется рассудительнее.

— Ребята, да мы сейчас выломаем дверь и все дела. Чего кричать-то? Лучше бы кто помог нам с мистером Шнитке разобраться с этой дверью. Или проще выбить окно, а, Билл?

— Да одинаково. Просто среди пассажиров немало женщин, а им будет полегче всё-таки выйти в дверь.

— И то верно. Ну, так что, есть желающие? Вон ты, парень, иди сюда, не стесняйся.

Высокий лоб! Должно быть, здоровый как бык...

Из толпы выдвинулся худой нескладный юноша студенческого возврата с грустными глазами и страдальческим выражением на лице.

— Это вы мне, сэр?

— Да что же это за детский сад вокруг, а? — простонал я. — Билл, у тебя есть монтировка или ещё чего-нибудь в этом роде?

Как бы там ни было, мы с Ральфом при помощи понятно, чьей матери, кое какого инструмента, и парочки помощников из числа давешних тинэйджеров (видимо, этим оболтусам как раз и придавило на клапан) достаточно быстро и лихо разобрались с дверью, напрочь вырвав замки и петли, и сдвинув искорёженный лист метала в сторону. Я первым высунул нос наружу и всей грудью втянул в себя освежающий, одуряющий, шибанувший по обонятельным рецепторам запах озона. Будет дождь!

*Путь в никуда — я зову, а мне в ответ ни слова,
Путь в никуда — из-под ног моих уходит земля...
Ария «Путь в никуда»*

Мы высыпали из поверженного «Неоплана» как горох из стручка. Не скажу, что мне так уж и повезло быть первым. Напирающие сзади собратья по несчастью чуть меня не затоптали! Я бодрой рысью пробежался по асфальту и как следует осмотрелся. В принципе, темно было, хоть глаз выколи. Это пока проморгаешься и привыкнешь к разлившейся вокруг чернильной мгле. Но скованное клубящимися тучами непроглядное небо то и дело озарялось всполохами грозных разрядов. Ослепительные молнии развесистыми гигантскими ветками кололи небо на части. И во время этих чудовищных вспышек можно было хоть что-нибудь да увидеть.

Серая лента асфальта уходила вдаль. С правой стороны тянулись поля, с левой — узкая полоска лесонасаждений. Ни хрена не смыслу в ботанике, с трудом отличаю яблоню от вишни, поэтому не могу сказать, какие именно деревья произрастали в нескольких метрах от меня. Если не ошибаюсь, то в посадке преобладали преимущественно акации и тополя, скрипящие на все лады голыми, лишёнными осыпавшихся листьев, ветками под порывами ветра. Кстати, о ветре. Дул он просто с бешеной скоростью, был холодный, как выюга и моментом пронизывал до исподнего, заставляя кожу покрываться мурашками величиной с орех. Ветер выл на разные голоса, меняя тональность, и навевал просто какую-то первобытную жуть. Я даже на секунду пожалел, что покинул тёплый и уютный салон автобуса. Я продрог до костей, не смотря на джинсы, высокие шнурованные ботинки, свитер и чёрную джинсовую куртку. Плюнув, я полез в карман и достал вязаную шапочку. Натянув её до самых бровей, я подошёл к автобусу.

Пассажиры, с причитаниями и вздохами, сетуя на «дурацкий ветер», под руководством Билла Спенсера потрошили багажное отделение, доставая сумки, чемоданы и прочее барахло. Интересно, как они будут тащить всё это на себе и насколько хватит самого выносливого? Что касается меня, то весь мой нехитрый скарб уместился в небольшой спортивной сумке через плечо. А вот Ральф Шнитке, торжествующе ухмыляясь, забросил за спину здоровенный, под завязку набитый непонятно чем рюкзак, и вдобавок ухватил продолговатый кожаный футляр. Если я хоть что-то понимаю, то там у немца должна находиться винтовка. Или ружьё. Он что, охотник? Ко мне подбежала Трейси. В темноте её зелёные глазищи горели как у кошки. Подняв воротник «косухи», она прокричала мне на ухо:

— Учти, я иду с тобой! Не думай, что я боюсь остаться одна, просто и тебе будет спокойней за свои тылы! Я тебя прикрою, если что.

— Я в тебе не сомневался, — на полном серьёзе кивнул я, стараясь сдержать улыбку. Она что, в «зарницу» решила поиграть? Крайне странная девочка, однако. — Располагая тобой, я могу быть спокоен за свою спину.

— Да! А то так засадят по самые шары, что и опомниться не успеешь!

Ну что прикажете с ней делать? Я подтянул ремень сумки и притопнул ногой. Тех нескольких минут, что я рассматривал карту, мне хватило с запасом, чтобы запомнить маршрут. Я был уверен, что не собьюсь с пути и легко дойду до этого самого Гринсвуда.

Пять километров — пустяк. В своё время мне приходилось бегать и побоя. И не с лёгкой сумочкой. За Ральфа я был спокоен, лось он здоровый и хабари свои выбрасывать ни за что не станет. Не знаю, насколько Трейси удобно в её окованных «казаках», но выглядит она девчонкой крепкой и выносливой. До остальных же мне не было особого дела. Я вовсе не эгоист, но и в эдакие Моисеи я не набиваюсь. И никого вести за ручку не намерен. Каждому от природы дан рассудок, чувство самосохранения, инстинкт выживания. Так что вперёд, господа. А моя жизнь — это моя жизнь. И цеплять к ней груз тянущих на дно проблем я не собираюсь.

— Ну что, двинули? — я оглянулся на своих спутников. Ральф натянул на уши шляпу, чтоб не сорвало ветром, и молча кивнул. Немногословный малый. Но когда говорит, то всегда по существу. Молодец. Стюарт же в своём репертуаре показала мне «козу», что можно было расценивать как знак согласия.

Не тратя больше не секунды, мы бодро зашагали по асфальту. Слава богу, ветер дул нам в спины. И хоть задница моя, как бы там Трейси её не прикрывала, потеряла от холода всякую чувствительность, но идти против ветра было бы намного хуже. Вспышки молний всё же освещение не очень надёжное, да и не постоянное, поэтому Трейси достала мобильник и включила фонарик, освещая нашу дорогу. Главное, чтобы батарейка не села раньше времени.

Не успели мы сделать и сотни шагов, как позади нас раздался забиваемый хохочущим ветром крик:

— Эй!!!...одождите...ас! Эй!..

Я недоумённо затормозил и повернул голову. Должен сказать, что одиноко торчащий посреди дороги автобус на фоне мрачно — чёрных деревьев, озаряемый сверканием молний, выглядел достаточно жутко, словно часть декорации из фильма ужасов про дорожных маньяков... А обступившие автобус люди, почему-то не спешащие следовать за нами, напоминали сбившихся в стаю голодных зомби.

В нашу сторону бежало пять фигурок. Поравнявшись с нами, они, отдышавшись, дружно, на перебой начали тарабанить, мешая друг дружке. Из всего я понял только то, что эти молодые люди, в количестве трёх юнцов и двух девчонок им под стать, прямо-таки сгорают от желания идти вместе с нами. Т-А-А-К, в нашем полку прибыло. Только банды малолетних сопляков мне не хватало на шее. Как будто мне одной Трейси мало! Я внимательно рассмотрел пополнение личного состава, пользуясь скоротечными вспышками молний в качестве фонаря. Ага, три пионера из пяти были мне уже знакомы: долговязый застенчивый юноша и парочка, что помогала взламывать двери. Видать, закадычные дружки. Компанию им составляли две девчонки примерно того же возраста, что-либо более подробно сказать о них я затруднялся. Скажу только, что средний возраст окруживших меня птенцов колебался от шестнадцати до, наверно, лет восемнадцати. Не исключено, что я ошибаюсь. По нашему времени вообще хрен поймёшь это подрастающее поколение. Бывают такие недоросли, что и в пятнадцать лет выглядят на все два десятка, и, соответственно, наоборот. Меня самого, если побрить и подстричь помодней, можно запросто принять за Митрофанушку-переростка. Это если не обращать внимания на мои совсем не детские глаза и не видеть моего обнажённого тела.

— Значит так, ребяташки, — взял я с места в карьер. — Я не возражаю против того, чтобы вы шли вместе с нами. Никого гнать взащей я не собираюсь. Но пока вы будете находиться рядом со мной, следует выполнять ряд жёстких правил. Во-первых, не ныть и не жаловаться, во-вторых, не отставать и слушать меня, и в-третьих заботиться о

сопровождающих нас дамах. Всё ясно? Если всё, и возражений нет, то милости прошу.

— Не вопрос, генерал! — шутливо отдал честь один из мальчишек. — Разрешите выступить?

Я кисло скривился и махнул рукой. Ну что я говорил? По первах никто не воспринимает меня всерьёз. Но это только при поверхностном знакомстве с моей персоной.

Я сразу взял довольно высокий темп. Шнитке, будучи даже здорово загруженным, легко его выдерживал, шагая чуть позади меня и мурлыча в усы какую-то незатейливую немецкую мелодию типа «та-та, та-та, тирлим бом-бом, а после пошёл за пивом». Ох уж мне эти немцы... Трейси, закусив удила, рысила рядом со мной, звонко цокая подкованными каблуками по асфальту, и перекрывая звяканьем своей металлической амуниции стонущий вой ветра. Пятеро тинэйджеров чуть поотстали, но в принципе держались неплохо. Вот только времени и дыхания, чтобы острить и подкалывать друг друга, у них уже не оставалось. Хе-хе, и то хорошо! Далеко позади нас мельтешением разноцветных светлячков загорелись фонарики и экраны мобильных. Это пассажиры, разобравшись с багажом, собрались с духом, и вяло потрусили следом за нами. Что ж, сияние светлого разума наконец — то возобладало. Никто не остался на месте аварии.

Мы прошли где-то километра два, когда ветер внезапно стих. Наступила, что называется зловещая, гробовая тишина. Вынужден признать, контраст был достаточно резкий и неожиданный. Но я уже догадывался, чем это вызвано. И когда вместе с усиливающимся запахом озона на нас упали первые, холодные как ледышки, капли дождя, я несколько не удивился. Дождь был мелким, морозящим и до дрожи противным. Небесная влага норвила прошмыгнуть за воротник, попасть в рот, намочить нас как последних бродяг. Шум дождя окутал нас, в темноте его звучание было особенно впечатляющим. Гром давно отгрохотал, молнии исчерпали весь запас энергии, и дождь теперь стал единственным владыкой над этой частью мира. Частью, в которой не повезло оказаться нам.

— Час от часу не легче, — пробурчал Ральф, щелчком стряхивая с полей шляпы дождевые капли. — Пока дойдём, раскиснем как туалетная бумага.

— Дружище, я в жизнь не поверю, чтобы такой матёрый зубр как ты, растаял от этого грибного дождика, — скептически отозвался я.

— Это точно, мне приходилось в ТАКИХ условиях выживать, что тебе, Алекс, и не снились.

— Охотишься?

— Верно. Где я только не побывал с моей крошкой, — Ральф потряс футляром. — Всякое бывало, часто возникала ситуация, что либо я, либо зверь! Я охотился и в тайге, и в тундре, и в европейских лесах... Бывал в джунглях, в саванне, на ледниках. У меня дома в Мюнхене целый бестиарий из чучел и трофеев!

— Верю! Но что ты делаешь здесь, в Англии, где и приличного волка давно днём с огнём не сыщешь? Да и сомнительно, чтобы тебя интересовали волки с лисами.

— Ездил к тёще, — буркнул немец. — У меня жена из этих мест.

— А ружьё зачем таскаешь? — изумился я.

— Да так, на всякий случай. Привычка у меня такая, — сконфуженно признался Шнитке.

— А я-то уж подумал, чтобы от тёщи отбиваться! — я не выдержал и захохотал во всё горло. Ральф возмущённо хрюкнул нечто неразборчивое, запыхтел и зашёлся урчащим смехом, всё же оценив мой «чёрный» юмор.

Так, перебрасываясь шутками — прибаутками, мы уверенно двигались вперёд. Правда, дождь уже начинал доставать, монотонно поливая нас и ограничивая и так бог невесть какую видимость. Да ещё я и замерзать начал, шкура у меня, в отличие от Шнитке, вовсе не носорожья. Бедные студентики, нахохлившись как мокрые вороны, шмыгая носами, плелись сзади, через силу загребая ногами. Мне даже стало жалко их. Сразу видно, что такие марш-броски для них в диковинку. Лучше всех себя чувствовала Трейси. Её проклёпанная одежда не пропускала воду, и неплохо защищала от холода. Оставалось ей только завидовать. И надеяться, что Стюарт не заржавеет в конечном итоге! Со своей короткой стрижкой и подпрыгивающей походкой она напоминала мальчишку, и вела себя соответствующе носимому образу. Даже успела сцепиться с долговязым парнишкой, которого звали, как выяснилось, Колин Рэнделл.

Он имел неосторожность нечаянно наступить Трейси на драгоценную пяточку. И тут началось....

— Эй ты, дылда, ты чего это толкаешься? — тенью в ночи накинута на ошарашенного юношу Трейси, воинственно сжимая кулаки. Мы от неожиданности все так и замерли. Это ещё что за фигня?

— Я просто... — пробормотал сбитый с толку Колин, сверху вниз глядя растерянными глазами на настырную девчонку.

— Ты что, думаешь, что раз длинный, то всё можно, да? Я тебе сейчас враз все шары снесу, будешь знать!..

— Не такой уж я и длинный! — Колин, приняв во внимание тяжёлые, кованые сапоги Трейси, отодвинулся в сторону. — В баскетбол люблю поиграть, кто спорит, хотя в команду меня бы не взяли...

По-моему, бедняга совсем не знает, как вести себя в таких случаях. Я не один так думал. Обрадованные неожиданным развлечением, два других подростка, весело зубоскаля, стали давать советы, что Колину надо сделать. Не скажу, что я кое с чем не был согласен! Две девчонки пока предпочитали отмалчиваться.

— Щас, баскетболист хренов, ты у меня будешь ростом пониже!

Уронив сумку на дорогу, я еле успел остановить с боевым кличем набросившуюся на несчастного паренька Стюарт, перехватив её сзади поперёк живота и прижав к себе. Трейси отчаянно сражалась. Она извивалась как угорь, брыкалась, лягалась, пыталась меня укусить и, не переставая, вопила. Это был тот ещё концерт, скажу я вам... Обступившие нас тинэйджеры от хохота чуть не падали на землю, Шнитке, причитая, не знал, за что хвататься, Колин держался от длинных ног Трейси на почтительном расстоянии. Цирк, одним словом. И всё это нелепое действие под проливным дождём и под покровом ночи! Слава Богу, остальные безнадежно отстали и нашу джигитовку больше никто не видел.

— Пусти меня! Пусти, говорю!!! Я сейчас с ним разберусь... Да хватит меня держать, я говорю! А ты чё ржёшь, как сивый мерин?! Я и до тебя доберусь! Я вам всем сейчас покажу! Да я... Да убери ты от меня свои грабли, я не шучу! И нечего меня лапать, козлиная! У меня чёрный пояс, только выпусти, и мы выйдем с тобой один на один!.. И не хватай меня за сиськи, я СКАЗАЛА!!!

Ну, после этой тирады от хохота полегли уже все. Одному мне было не до смеха. Попробуйте удержать голыми руками разъярённую рысь, и вы поймёте, о чём я! Тем более что мои руки постоянно скользили по мокрой «косухе» и то и дело я задевал ладонями за маленькие, крепкие, упругие груди девчонки. Твою мать, о чём это я думаю?

— Все вы гомики! Все мужики — козлы! Да отпусти же меня...

Мои руки разжались сами собой, и Стюарт шлёпнулась на асфальт, подняв тучу брызг. Что ж, мокрее никто не стал. Трейси подскочила распрямлённой пружиной, шипя как кошка. Должно быть, она здорово ушибла мягкое место. А оно и в самом деле мягкое... Так, стоп, что-то меня понесло совсем не туда, ребята. Девчонка отряхнулась и обвинительным тоном заявила мне:

— Эх ты, а я-то думала, что мы с тобой вроде как скорешились!..

Громко фыркнув и смерив напоследок всех нас презрительным взглядом, она, гордо вскинув голову с прилипшими короткими волосами, побрела прочь. Нам ничего не оставалось, как последовать за ней. Я только развёл руками. Бабы, что с них возьмёшь. И понять их подчас невозможно. И неважно, сколько им лет, десять или сорок. Женщина всегда остается женщиной. В любом возрасте. И не забывайте, что они самые жестокие существа в мире. А женщина-ребёнок — это вообще караул. И вместе с тем они самые чудесные, милые, очаровательные создания, и нам, мужикам, без них никуда... С ними бывает плохо, но без них ещё хуже. Это я авторитетно заявляю. Как большой специалист по амурным делам. Да, было время, когда я любил. Любил истово, сильно, безоглядно, выжигая себя изнутри дотла, отдавая всю свою любовь безвозмездно... Думал, что так же любят и меня. Хм, оказалось, что нет. И ведь я шестым чувством, как зверь, чувствовал это, но моя любовь ослепляла меня, и я ничего не видел. Не хотел видеть. Я крепко зажмурил глаза, прогоняя воспоминания, провёл рукой по мокрому от дождя лицу и сжал зубы. Чёрт, а ведь я до сих пор её...

— Спасибо, сэр, — напротив меня пристроился Колин, стараясь шагать со мной в ногу. — Вы мне жизнь спасли!

Благодарный, что меня отвлекли от грустных мыслей, я криво улыбнулся.

— Ерунда, парень. Трейси нормальная девчонка. Она бы тебя не съела.

— Вы военный?

От неожиданности я споткнулся и пристально посмотрел на Рэнделла.

— С чего ты это взял?

— Ну... — смутился высокий юноша. — То, как вы себя ведёте: спокойно, уверенно, чётко расставляете приоритеты, грамотно формируете поставление задач... И в автобусе, да и здесь! Плюс ваша реакция и непоколебимость в действиях. После всего вышеперечисленного я смею предположить, сэр, что вы — солдат. Причём, хороший. Или же были им когда-то.

Я присвистнул. А мальчишка-то не из глупых. На вид типичный «ботаник», только очков на длинном носу не хватает, а соображалка работает отменно!

— Я угадал, сэр?

— Угадал. Когда-то я... был солдатом. И я тебе не сэр, а Алекс. С этой минуты называй меня только так. Не то я тебе устрою гауптвахту.

— Не вопрос!

Остаток пути мы прошлёпали, всё больше напиваясь водой и нетерпением, но относительно спокойно. Трейси ещё какое-то время дулась на всех, не желая ни с кем разговаривать. Потом всё же сизошла до беседы и всё грозилась показать мне какие-то смертоносные приёмы, после испытания которых на себе я куда быстрее, чем задумано судьбой, привяжу коня. В смысле врежу дуба. Хвасталась, что занимается карате с пяти лет, дескать, папа у неё инструктор в школе восточных единоборств и у неё чернейший из

поясов... Пока мне не надоело выслушивать всю эту ахиною, и я ядовито не поинтересовался, а трусы, часом, у неё не чёрные? Стюарт, было, снова надулась как мышь на крупу, но не выдержала и прыснула со смеху. Я опять восстановился в категории её друга. Вот и ладненько. Надо будет как-нибудь между прочим поинтересоваться, куда, собственно, все эти юные обалдуи ехали? Вроде все должны где-нибудь да учиться, в колледже или вузе каком. С другой стороны, сегодня была только суббота, и неприкосновенно дело каждого студента касается того, чем он занимается в выходной. Современная молодежь так быстро растёт и взрослеет, что я, человек далеко не старь, ну никак не поспеваю за ними в восприятии мира, и порой сам себе кажусь ужасно древним и старомодным.

Наконец, справа от нас появилась едва видимая, отходящая от основной трассы дорога. Достаточно старая, но ещё вполне добротная, с неплохим покрытием. Ха, чего я удивляюсь, здесь на счёт хороших дорог и вопросов не возникает. Ну как им удаётся ТАК их строить? Буквально на века? Секрет в особом рецепте асфальта, или песок с глиной у них волшебные? Не то, что у нас на Руси-матушке.

А ещё здесь был лес. Метров через двести начиналась высокая густая чаща, и дорога разрезала её на две части, теряясь в глубине смыкающихся деревьев. Тут же на углу стоял дорожный знак, гласивший «Гринсвуд. Население 8776 человек. Добро пожаловать!». Так что ошибка была исключена. Мы были чуть более чем в двух тысячах метров от конечной цели.

— О, вот это я понимаю! — оживился Ральф. Даже в темноте было видно, как азартно засверкали его глаза. — А лес-то ничего, впечатляет! Таких сейчас мало осталось, уж можете мне поверить.

По-моему, окромя немца никто не спешил выражать такой бурный восторг. Что я там говорил на счёт лисиц и... волков? Ещё раз присмотревшись к непроницаемо чернильной стене деревьев, наполненных вкрадчивым шорохом не унимающегося дождя, я произвольно втянул голову в плечи. Впрочем, выбора то у нас нет никакого. Все хотели как можно скорее оказаться в тепле, с крышей над головой, обсохнуть, отдохнуть... Да и пожрать по-человечески тоже не помешало бы. И, как бы это поприличней выразиться, ну очень в последние минуты меня тянуло в кусты! И не одного меня. Девчонки, когда думали, что на них не обращают внимания, возбуждённо шушукались и выразительно посматривали на обочину дороги. Трейси, особо не стесняясь, топталась на месте как индюк и корчила зверские рожи.

— Ну что, мы идём или нет? — громогласно спросила Стюарт. — Я уже не могу терпеть! Этот дождь меня заколебал! Я не собираюсь тут торчать и продолжать добровольно принимать этот душ.

— Тебя никто и не заставляет, — парировал я и первым ступил на дорогу, ведущую в Гринсвуд, тем самым положив начало всем нашим дальнейшим злоключениям. Если бы в тот момент я знал, что мы сходим в ад, то... Впрочем, я, пожалуй, забегаю вперёд.

А пока, мечтая лишь о скором отдыхе, мы ускорили шаг. Далеко впереди в ночи горели греющим душу гостеприимным светом окна окраинных домов. Жители Гринсвуда зажигали свет, готовясь отужинать, почитать газету на сон грядущий, посмотреть вечерние новости по ящику. В такую омерзительную погоду хороший хозяин собаку на улице не выгонит. Значит, выходило, что наше нынешнее положение ещё хуже собачьего!

Мы дошли до границы леса. Узкая двухполосная дорога казалась единственным признаком человеческой цивилизации, до того дико, первобытно и мрачно выглядел этот

лес. Шнитке от обуявшего его восторга умильно ругался по-немецки себе под нос. Студентики испуганной стайкой промокших цыплят сбились за моей спиной. Трейси гоголем вышагивала в авангарде, всем своим видом выражая презрение и независимость. Рисуется, коза мелкая.

Зловеще поскрипывали ветви возвышающихся по обе стороны от нашей весьма своеобразной компании деревьев, над головой неспешно плыли бескрайние тучи, дождь продолжал противно моросить, явно задавшись желанием во что бы то ни стало превратить нас в ходячие водоросли. Лес меж тем молчал. Ни слышалось ни крика зверя, ни уханья сов, не шуршания мелких пресмыкающихся. Не скажу, что я был не рад сему обстоятельству. Но... Уж больно тревожным показалось мне это молчание. Как будто лес торжественно и обречённо провожал нас в последний путь. Так! Хватит взвинчивать нервы и вносить в наши ряды пораженческое настроение. Не хватало, чтобы от моей нарастающей тревоги заразились и все остальные. Разбегутся же, как мыши кто куда, и ищи их потом по всему лесу до самого утра.

— Короче, кто как хочет, но если я сейчас не отойду в кустики, то обоссусь, не сходя с этого самого места, — вдруг без обиняков заявила Трейси и ломанула за ближайšie деревья.

— Подожди нас! — взволновано запищали девчонки и бросились за ней. Бравые парни тут же метнулись на другую сторону.

Нам с Ральфом осталось только вытаращиться им в след. По-моему, вид у меня был самый пришибленный. М-да, дисциплина в нашем подразделении хромает на все четыре ноги. Нам ничего не оставалось, как пользуясь представившимся случаем, сделать то же самое, что задумали наши юные попутчики, не покидая дороги. Зато потом настроение у всех заметно прибавилось, и даже дождь уже не казался таким уж невыносимым страданием. Трейси, к примеру, заявила, что во время критических дней она мокреет ещё больше, и нечего, жива до сих пор. Две других девчонки (до сих пор не знаю их имён!) смущённо зарделись, озарив румянцем темноту ночи, а пацаны (та же беда!) захрюкали от смеха. Колин буркнул под нос «чокнутая», но так, чтоб Стюарт не услышала.

Мы продолжили наше нескончаемое паломничество. До городка оставалось не более полукилометра. Меж тем я выяснил, что девчонки и в самом деле подружки и зовут их соответственно Джессика Веласкес! И Саша Зверева!!! Я начал потихоньку обалдевать. Нет но вы сами представьте, что за интернационал у нас получался! А встретить в глухой английской провинции ещё и землячку (правда, она пока не поняла, что является таковой по отношению ко мне), это вообще нарочно не придумаешь. А когда я узнал, что Колин — из Австралии, а один из мальчишек — Мартин Скотт — американец, то просто не поверил своим ушам. Выходило, что среди всей нашей разношёрстной группы всего один англичанин, и тот, образно выражаясь, в юбке. Это я о Трейси. Последний паренёк — Артур МакДжонс, как вы догадываетесь, являлся шотландцем. Горец чёртов! Добавлю, что Джесс была испанкой и на этом закончим. Сил моих больше не было переваривать этот международный винегрет. Хорошо, что мне недолго осталось терпеть всех этих интуристов.

— Алекс, а у тебя в школе было какое-нибудь прозвище? — ни к селу, ни к городу брякнула Трейси, подтягивая ремешок небольшого кожаного рюкзака с лого «King Diamond» на застёжке клапана.

Продолжая размерено шагать, я недоумённо покосился на неё. Вообще-то я человек не стеснительный, да и особо скрывать мне нечего.

— Ну... Было, конечно. Но не в школе, и даже не в институте, а позже. Хм, можно

сказать, что оно до сих пор у меня есть.

— Ой, правда? А какое, ну скажи, ну пожалуйста! Клянусь, я никому не разболтаю, даже если оно очень обидное.

— Да я как-то не обижался... Болото было моё прозвище.

— Болото? — округлила ротик Трейси. — А почему именно «болото»?

— Фамилия такая, — усмехнулся я и, видя, что юная металлистка ничегошеньки не понимает, пояснил. — На моём языке моя фамилия как раз и означает болото!

— Офигеть можно! А знаешь, какая кличка была у меня?

Я решил поддержать её игру. Делать было всё равно нечего, кроме как уныло топать вперёд. Да и отвлечься от плохих мыслей тоже не помешало бы.

— Честно, сгораю от любопытства. Дай попробую угадать... Неужели Железная Задница?

— Да пошёл ты, — Трейси на ходу стукнула меня кулачком в бок. Должен отметить, что удар у пигалицы был очень даже поставленным. — В младшей школе меня дразнили Упырём.

— Упырём?! — настал мой черёд удивляться.

— Ага, — шмыгнула носиком моя собеседница. — Знал бы ты, сколько мне пришлось вытерпеть и сколько расквасить носов! Я, видишь ли, ещё со школьной парты, с самого нежного возраста отличалась от других детей. И по характеру, и по внешнему виду. Естественно, ко мне постоянно придирались, подшучивали надо мной, пытались то и дело унижить.

— И что... Ты покорно терпела? — я с улыбкой посмотрел на девчонку.

— Чё я, дура, что ли? Вскоре все шуточки и подколы отпали сами собой. Вместе с зубами кое-каких особо непонятливых.

— Но почему именно упырём? Ты вроде, м-м-м... недурна собой... Не крокодил какой-нибудь!

— Просто я уже тогда носила подобную одежду, мазала лицо гримом и слушала тяжёлый металл, в то время как все мои одноклассники — недоумки тащились от Джастина Тимберлейка и Бритни Спирс! А уж когда я в десятилетнем возрасте проколола ноздрю, вставила кольцо и в таком виде заявила на урок, учительница выгнала меня из класса и побежала к директору!

Я представил себе этого ангелочка в десять лет и ужаснулся. Скорее уж дьяволёнок! Но почему она рассказывает подробности своей личной жизни именно мне? Монотонное шуршание дождя заглушало наш тихий разговор и настраивало на романтический лад. Кошмар!

Тем временем я и не заметил, как мы миновали лесную чащу и вышли к городской окраине, столь притягательно светившейся окошками погружённых во тьму домов. Домишки были все примерно одного типа, добротной постройки, крытые, по-моему, черепицей. Многие были двухэтажными, хотя здесь меня бы никто не понял, если бы я так заявил. Англичане почему-то считают второй этаж первым. Вот чудики, да? Многие строения были огорожены высокими стенами и забором. Насколько мне удалось рассмотреть, понятие «мой дом — моя крепость» здесь воспринималось дословно. Мы медленно шли прямо по улице, начавшейся там, где закончилась дорога, и всюду крутили по сторонам головами, стараясь не пропустить гостиницу. Или что тут у них заменяет это заведение. Должно быть, весной и летом Гринсвуд утопал в зелени, деревьев и аккуратно подстриженных кустарников вдоль

оград было вдоволь. Уличных фонарей, правда не было и в помине, но эту досадную оплошность мы им уж как-нибудь простим. Дождь продолжал поливать наши макушки, улицы были пустынные, не лаяла ни одна собака, навстречу не попадался никто из припозднившихся местных... Тоска, одним словом.

Гостиницу первым заметил Шнитке, внимательный зоркий глаз прирожденного охотника и следопыта опередил всех.

— Эй, друзья, а это часом не то, что мы ищем?

Я поглядел, куда он указывал тяжёлой лапицей и кивнул. Именно то.

*Ночью укрыт, мир будто спит,
Свет из таверны ночлег нам сулит...
Кружки с водой, блюда с едой
Ставит на стол наш трактирщик седой.
Молча стоял — денег не взял,
Жестом подвинуться нам указал...
Эпидемия «На пороге ада»*

Гостиница носила гордое название «Король Ричард», о чём всем гостям сообщала массивная бронзовая табличка, закреплённая над внушительной дверью. Чуть выше названия шла менее броская и заметная надпись «трактир». Угу, даже так! Чем дальше в лес, тем больше дров, скажу я вам. Трактир имени короля представлял из себя солидное двухэтажное (по-нашему!) здание, сложенное из тесаного камня, и выдержанное строго в староанглийском стиле. Ну, вы понимаете: аркообразные окна, декоративные башенки по углам четырёхскатной крыши, кованые фонари по сторонам от входа, сама дверь, оскалившаяся львиной пастью, закусившей в клыках здоровенное железное кольцо. Так задущево всё и трогательно, что хоть плачь от восторга! Окна первого этажа мягко светились жёлтым светом, что нас, продрогших, голодных и озябших, очень приободрило.

— Клёвое местечко! — с видом знатока одобрил Артур МакДжонс, плотоядно поглядывая на трактир. — У нас, в Глазго, таких заведений полно. Там всегда валом пива, и по ящику крутят центральные футбольные матчи премьер-лиги!

— Что ж вы, молодой человек, делаете в таких заведениях? — промычал я. — Лет вам сколько?

— Ну... Это... — смутился юноша. — Я...

— Стоял под окнами, смотрел через стекло, и пускал слюни, — нахально встряла Трейси, повергнув Артура в гнев. Он волком зыркнул на девчонку.

— Тебя, по-моему, никто не спрашивал.

— А я и не отвечаю, а констатирую факт...

— Слышь, ты!..

Я вклинился между напыжившимися спорщиками, готовыми вцепиться друг другу в волосы.

— Так, горячие финские парни, вы меня уже достали! Ещё одна попытка саботажа, и я вам обоим вломлю по самые дальше некуда. Трейси, ты успокоишься, наконец? Или ты потихоньку, всю дорогу, закидываешься каким-то возбудителем? Артур, ещё вначале я выдвигал ряд требований, которые, в том числе и ты, обязался свято соблюдать. Забыл?

Мои юные спутники пристыжено понурили буйные головушки. Хотя держу пари, раскаяния ни в одном не было ни на йоту. Устав от всего этого и желая побыстрее скинуть с плеч груз ответственности, который начал здорово меня тяготить (это при моей то несбалансированной нервной системе...) я решительно взялся за кольцо и толкнул дверь. На хорошо смазанных петлях она бесшумно отворилась вовнутрь. Я первым вошёл в помещение, по ходу отметив, что кольцо в львиной пасти вовсе даже и не железное, а чертовски смахивает на серебряное. У владельца заведения настолько хорошо идут дела? В глубинке ценят и берегут каждую копейку и пустым расточительством заниматься не будут.

Странно....

За мной струйкой шустро втянулись мои малолетние бойцы, замыкающим был невозмутимый Шнитке, аккуратно притворивший за собой дверь. Ещё с порога я цепким и пристальным взглядом окинул зал, в котором мы очутились, за короткое время оценив его со стратегической и тактической точек зрения. Комната была будь здоров и занимала собой чуть ли не пол этажа. Внутри выдерживался всё тот же стиль, что и снаружи. Дощатый пол, с потолочных балок свешиваются на цепях зажженные люстры, в противоположной от входа стене жарким пламенем пылал камин. Широкая дубовая лестница с резными перилами плавно поднималась на второй этаж. Слева, вдоль всей стены тянулась колоритная барная стойка, центр зала занимали десяток крепких столов, окружённых не менее крепкими стульями. Уютно. Тепло. Спокойно. Я почувствовал, как моя физиономия начинает расплываться в блаженной улыбке.

За столами сидело десятка полтора посетителей самого рабоче-крестьянского вида, окунающих носы и усы в граненые кружки с пивом. За барной стойкой полотенцем, переброшенным через плечо, протирал тарелки здоровенный огненно-рыжий детина с бакенбардами, которым позавидовал бы и Пушкин, и мясистым носом, подпоясанный белоснежным фартуком. Вот и главный дядька, подумалось мне. Уж больно хозяйским взором он посматривал по сторонам. Я направился напрямик к нему. Остальные от меня старались не отставать. Не покривлю душой, сказав, что нас провожали ну о-о-чень удивлёнными глазами. Оно и понятно, в городке, где все друг дружку знают, а каждая собака известна по собственному имени, появление такой разношёрстной и неординарной компании, как наша, событие этапное. Да и выглядели мы не лучшим образом, скажу я вам, насквозь промокшие, оставляющие за собой грязные следы и потёки луж, одетые явно не по местной моде...

Пройдя к барной стойке, я взгромоздился на высокий круглый табурет и покосился на лежащий рядом телефонный аппарат, помнящий, судя по его обшарпанности, лучшие времена. Ну, мне-то звонить некому (вы уже в курсе, да?), а вот мистеру Спенсеру, который, если нигде не заплутал, и по моим расчетам должен был в течение часа подтянуться, позвонить куда следует и сообщить об аварии не помешало бы. Я поднял голову и встретился с настороженным взглядом глубоко посаженных зелёных глаз рыжего трактирщика.

— Нам бы пожарать чего-нибудь, — не стал я ходить вокруг да около. — И передохнуть до утра. Свободные комнаты есть? Сразу предупреждаю, скоро нас станет ещё больше, остальные на подходе.

— Комнаты есть. А есть ли у вас деньги? — невозмутимо протирающий тарелки мужик был предельно лаконичен. — Уж больно вы подозрительные ребята. Кто вы? Откуда взялись? Только не говорите, что с луны свалились!

— С деньгами и нашей порядочностью проблем нет, уважаемый, — бухнул пудовые кулаки на стойку Ральф Шнитке. Поля его шляпы чуть провисли под тяжестью пропитавшей ткань воды. Чемодан и чехол с ружьём немец положил у ног. — Мы проездом в ваших местах, и спокойно ехали бы и дальше, но наш автобус сломался, а сотовая связь тут почему-то не работает... Вот и пришлось идти сюда. Нам ещё повезло, что авария произошла неподалеку от вашего городка!

К нам прислушивались. В толпе завсегдатаев забурлили шепотки и приглушенные споры. Хозяин «Ричарда» отставил в сторону тарелки и уже другим тоном участливо произнёс:

— Сочувствую, извините, если поначалу был не слишком приветлив. Надеюсь, серьёзно никто не пострадал, помощь никому не нужна? А то у меня есть машина, если что... Или может позвонить доктору Джонсону? Это главный врач нашей поликлиники.

Я успокаивающе поднял руки.

— Спасибо, конечно, от всей души благодарим, но раненых у нас нет! А вот как бы...

Трактирщику больше объяснять не понадобилось. Спустя секунды из кухни выскочила опрятно одетая официантка и стала торопливо накрывать на стол, стоящий напротив камина. Это хорошо, обсохнем быстрее. Не хотелось бы подхватить пневмонию или чего похуже. Рыжий хозяин оглянулся на увешанную ключами доску за спиной.

— Сколько вас всего?

— Человек тридцать, — быстро прикинул я в уме. — Где-то так, да. Они скоро будут здесь. А мы просто быстрее других передвигаем конечностями и меньше рассусоливаем.

— Многовато, — протянул трактирщик. — У нас с клиентами, как вы понимаете, не густо, но всё равно столько людей разместить мы не сможем. Уж вы простите. Гринсвуд маленький город и расположен в стороне от основных дорог, так что надобность в большой гостинице тут никогда и не стояла.

Я почесал в затылке. Ну не найдётся всем страждущим по койке с подушкой, ну и что? Мне то что? Я что, должен, ОБЯЗАН за всех отвечать, беспокоиться? Один хрен одинаков хорошим для всех без исключения никогда не будешь. Я знаю, что говорю. На своей шкуре проверено, и не раз. Какое мне дело до остальных? Да львиная доля моих попутчиков плевать на меня хотела и на моём месте уж точно не терзались бы подобными высокоморальными вопросами. В конце концов, мы первые пришли и не обязаны уступать тёплые места кому бы то ни было! Я посмотрел на мнущихся рядом со стойкой продрогших и кашляющих студентиков. Фактически дети ещё! И что, та же, так импонирующая мне Трейси должна предложить свою комнату прикольному дяде с ориентацией цвета неба?

— О чём задумался, Алекс? — тронула меня за рукав куртки Трейси, словно прочитав мои мысли. — Пошли за стол, полистаем меню. Интересно, чем могут накормить стоящим в этой дыре...

— Не бери в голову, — догадался о причине появления на моей небритой морде одухотворённо-возвышенного выражения Ральф. — У каждого своя жизнь, не забывай. А ты не фонд сестёр милосердия, понял?

Я передёрнул плечами. Какого чёрта, в самом то деле? Ох, добрый я, ребята, чересчур добрый. Не к добру это! Как бы мне моя доброта рано или поздно не аукнулась. Я отряхнулся. На нас уже никто не обращал внимания. Все вернулись к разговорам, прерванным нашим появлением. С самым серьёзным видом обсуждались знаменитая английская погода, цены на бензин, план работы на местной лесопилке, любовные похождения какой-то неизвестной мне дамы и все единогласно сходились во мнении, что нынешний премьер-министр самый последний мудака. Это вам не светский раут в высшем обществе! Тут люди простые, и разговоры у них простые, чуть, что не так — сразу в хлеборезку.

Мои птенчики во главе с бравым немецким охотником уже разместились за столом, скидывая верхнюю одежду и развешивая её на спинках стульев. Огонь камина завлекательно подмигивал, жаркие языки пламени манили к себе, уютно потрескивали прогорающие поленья, на столе уже выстроились блюда с хлебом-солью... Эх, красота! Люблю провинцию, люблю деревенский образ жизни. А Гринсвуд, как бы там британцы не

кичились, мол, хутор в тысячу человек уже город, в любом случае деревня. Я, было, потопал к столу, порядком разомлев от тепла и убаюкивающей атмосферы «Короля Ричарда» (да царствует он вечно), но моё продвижение и восхищение красотами местного разлива были самым отвратительнейшим образом прерваны! То, что я поначалу принял за штопаный мешок с картошкой и до поры до времени лежащее чуть в стороне под барной стойкой, вдруг зашевелилось, выпростало из недр рваного тряпья грязную руку и ухватило меня за левую ногу! Я до того обалдел, что в ответ лишь беспомощно дёрнул захваченной в плен клешнёй. Рука разжалась, и классически замогильный голос прошелестел по залу, заставив стихнуть все разговоры:

— Я вижу тебя незнакомец. Я вижу твою душу. Она мятежна!

Тоже мне, новость! Я это знаю и без всяких липовых пророков и шарлатанов-предсказателей. Но Христа ради скажите, КТО это ко мне прицепился?! От таких фокусов можно и инфаркт схлопотать, между прочим. Куча тряпья поднялась во весь рост и предстала предо мной, нет, не как лист перед травой, но где-то близко к этому. Это была... женщина. Возраст её я затруднялся определить, где-то между тридцатью и пятидесятью, с лохматой гривой давно забывших, что такое расчёска чёрных волос с обильным вкраплением седых прядей, острым носом, впалыми скулами и безумно сверкающими зелёными глазами под изгибом резко изогнутых бровей. Один мой давний друг, помнится, называл такие брови чародейскими. Тётка была достаточно измождена, грязна; я принюхался — и пахло от неё соответствующе. Про форму одежды лучше промолчу, я не такой идиот, чтобы принять мешок от картошки за вечернее платье, так что, по-моему, с её нарядом всё понятно.

Она маниакально сверлила меня своими глазищами, словно я был ей что-то должен и беззвучно шевелила сухими губами. Я заметил одну вещь, которая мне не понравилась, друзья. Все без исключения посетители трактира сделали видимость особо сильной занятости, а наш милейший хозяин, подняв очи горе, продолжил натирать и без то сияющие тарелки! Я был готов побиться об заклад, что эту чокнутую (а в её умственных способностях у меня сомнений даже и не возникало) здесь жутко боятся. Древние суеверия и предрассудки всегда заставляли с опаской относиться к юродивым, не задевать их попусту. Но, ребяташки, какой сейчас год на дворе? Да у нас эту бродяжку даже не пустили бы на порог и более захолустного заведения. Я не говорю, что это хорошо, но именно так бы всё и было!

Я с кривой улыбочкой повернулся к не дающей мне пройти женщине.

— Мэм, не могли бы вы... — я прикусил язык. Вы бы тоже прикусили, посмотри на вас ТАК. В зелёных глазах не было и намёка на сумасшествие, в них разлились скорбь и жалость. Она смотрела на меня, как будто зная, что через пару минут я упаду на ровном месте и сверну себе шею. Так смотрят на обречённых.

— У тебя сердце сочится кровью, — почти ласково, звучным, поставленным голосом сказала она. — Не держись за прошлое, открой душу, попробуй дойти до своей цели.

Я чуть не задохнулся и напомнил себе, что надо дышать. Вообще-то я на такие речи не ведусь и с всякими там цыганками-гадалками у меня разговор короткий, но сейчас я стоял, как последний баран, разинув варежку и тупо тараща глаза. Юродивая протянула руку с грязными обломанными ногтями и коснулась моей щеки. Сам не знаю почему, но я стоял, как вкопанный... Её голос изменился, в нём вновь зазвучали предостережение и зловещие нотки:

— Старик у тебя на пути, он несёт смерть... Берегись Тьмы! Избегай ЕЁ!

Окончательно утешив меня последним заявлением, она взметнула драными юбками,

развернулась и резво выскочила в ночь, наполненную дождём, громко хлопнув дверью. Я вернул на место отвисшую челюсть. Судя по вытянутым лицам моих товарищей, они тоже находились под впечатлением от сольного выступления этой замечательной женщины. Трактирщик поставил последнюю тарелку на стол. От меня не ускользнуло, что рука его немножко дрожала. На алконавта рыжий здоровяк не был похож, заявляю официально. Нервы, что ли, пошаливают?

— Это... Кх-м, м-м, наша местная достопримечательность... — проскрипел натянутым голосом трактирщик. — Безобидная в целом женщина, только вот с головой у неё не в порядке, а если точно, то совсем крыша съехала! Вечно пророчит всякие бедствия и такую ахинею городит, что только диву даёшься, как до такого додуматься можно... Но она никому ничего плохого не сделала, вот её и жалеют все. Да и я не исключение, частенько пускаю погреться, подкармливаю там... Не переживайте, сэр, она не со зла, а от обиды божьей.

— Ага, — я крепко задумался. Жалеют или всё-таки бояться до потери пульса? Где истина? Хотя чего это я, испугался слабоумную нищенку?

— Как её хоть звать? — мимоходом поинтересовался я, чуть задержавшись у стойки.

— Элис Блэр, по прозвищу Чокнутая...

Договорить он не успел, входная дверь вновь распахнулась, и в зал хлынули наши отставшие пассажиры. Я как-то разом потерял ко всему интерес и торопливо сел за стол, спиной к камину, так и не дослушав хозяина. Сумку я бросил здесь же. Угу, знакомые все лица. Билл Спенсер, старый пропойца, сексуальная грудастая блондинка, углой лодчонкой смотрящаяся в обнимку с накачанным Геркулесом-Титаником, рыжая девушка в очках, как будто сбежавший с гей-парада клоун с аристократическими замашками и прочая, прочая... Шумной гурьбой они подбежали к хозяину, окончательно превратив некогда чистый пол в затоптанное грязное поле, и подняли несусветный гомон. Местные старожилы такого, поди, отродясь не видали. Да и трактирщик от столь обильного наплыва клиентов слегка растерялся. Спенсер первым делом сграбастал телефон и стал лихорадочно крутить диск, набирая номер. Надеюсь, он всё уладит и завтра за нами пришлют новый автобус.

— Не очень они и отстали от нас, — удивился Шнитке, накалывая на вилку кусок жаркого.

— У нас было много остановок, а дополнительного времени судья не давал, — я пододвинул к себе тарелку. Трейси, поймав камень в своём огороде, снова показала мне язык. Серебряное колечко в её носу озорно блестело, и маленькая металлюга выделялась среди нас как эта свихнутая Элис среди местной братии. Начав основательно насыщаться, я получил возможность как следует, при хорошем освещении рассмотреть своих новых знакомцев. Благо, они того заслуживали.

Что из себя представляет Великая и Ужасная Трейси Стюарт вы уже, я думаю, поняли прекрасно. С Ральфом Шнитке тоже всё понятно — настоящий мужик, преданный друг и Охотник до мозга костей. Колин Рэнделл... Этот высокий худой задумчивый юноша с печальными глазами поэта мне определённо нравился. Неглупый и рассудительный, уравновешенный, спокойный. Наверняка его в школе дразнили «ботаником». Подумаешь! Ко мне в школьные годы в старших классах цеплялись частенько. Ещё бы, я не курил, в то время ещё не выпивал, приемлемо учился, изучал английский! Бывало, даже выгребал по шее... Много позже, когда мне ничего не стоило согнуть былых обидчиков в бараний рог, я всё благополучно забыл и всем всё простил. Не злопамятный я человек, да...

Процеживая сквозь зубы вкусный виноградный сок, я исподтишка, краем глаз изучал

жующих напротив меня тинэйджеров. Девчонки были не похожи одна на другую, но каждая из них была вызывающе красива и привлекательна. Ха, скажи я это вслух, и Трейси паралич бы разбил! Джессика Веласкес была обжигающей брюнеткой с копной иссиня-чёрных волос, нежной смуглой кожей и большими тёмными глазами в обрамлении пушистых ресниц. Я же и говорю: красивая девочка. Что-что, а в женской красоте я понимаю! Одеждой ей служили синие джинсы, стильная курточка с откинутым капюшоном и высокие облегающие стройные голени кожаные сапожки. Она часто улыбалась, приятно изгибая сочные пухлые губы и, много жестикулировала. Испанка!

Моя соотечественница Саша Зверева ни ростом, ни телосложением, ни возрастом почти не отличалась от своей тёмненькой подружки. Бесспорно красивая, с выразительными серыми глазами, точёным носом, плавно очерченными губами, она заплетала густые тёмно-русые волосы в шикарную косу. Непослушная чёлка падала на высокий лоб, то и дело норовя угодить в глаз. Я поневоле ощутил гордость за нашу державу и за наших красных девиц! Одевалась Саша просто и со вкусом: полусапожки, строгая юбочка чуть выше коленок, свитер и лёгкая куртка. Девчонки сильно промокли и по очереди шмыгали носами, ведь им, неженкам нашим, простудиться проще пареной репы... Надеюсь, до гриппа дело не дойдёт.

Мартин Скотт являлся самым младшим и маленьким в этой банде и, по-моему, жутко переживал по этому поводу. И пусть разница всего лишь в нескольких жалких сантиметрах и месяцах, но ставить себя на одну ступень со своей ровесницей Трейси бравый американский парень не собирался. Он наигранно хмурил брови, сурово щурил карие глаза, изображая Клинта Иствуда, и топорщил стоящие торчком короткие светлые волосы. Но, когда он краснел, на его остром носу выделялись крупные веснушки, сводя на нет все его ковбойские потуги. Нормальный, в, принципе, малый, никак не могущий понять, какой это чудесный возраст — шестнадцать лет.

Последний из подростков — Артур МакДжонс, представлял собой крепкого волевого парня среднего роста с льдисто синими глазами и тёмными, давно не стриженными волосами. Этаким Дункан МакЛауд, не удержался я от ироничной аналогии. Юный шотландец косо посматривал на невозмутимо хрумкающую Трейси и, видимо, изобретал способы расквитаться за якобы поруганную честь родного клана. По крайней мере, видок у него был именно такой. Ох уж мне эта детвора! За металлизированную зазнобу я был спокоен. Трейси кому хочешь даст от ворот поворот. Даже бессмертному горцу.

Вот такая вот компания собралась вместе за одним столом в тот... Я глянул на наручные «Орион», зафиксировав половину девятого вечера. Да, правильно, в тот вечер. Меж тем возле барной стойки началась оживлённая перепалка, грозящая вылиться в нечто большее. Да что ж им всё неймётся-то? Наш хозяин что-то утихомиривающе втолковывал, призывая не нервничать и не доводить до греха. У Билла Спенсера было такое выражение на физиономии, словно его предали, или сообщили, что он уволен.

— Вы жуйте, а я пойду, послушаю, что там происходит, — я решительно встал из-за стола и продефилировал к гудящей толпе. Спенсер встретил меня побитым взглядом и виновато развёл руками, кивнув на телефон трактирщика.

— Похоже, что мы застряли здесь на гораздо больший срок, чем я думал. Оказывается, нас задело лишь краешком. На юге прошла настоящая буря, с ураганным ветром, градом и ливнем. Я еле смог дозвониться диспетчеру. Все рейсы отменили. Произошло несколько серьёзных аварий... В общем, поняв, что мы легко отделались и нам ничто не угрожает, начальство посоветовало спокойно переждать пару-тройку деньков, а как всё устаканится, за

нами приедут.

— То есть, — медленно произнёс я, — завтра мы будем на том же самом месте, что и сейчас?

— А я что сделаю? — угрюмо пожевал губами Спенсер. — Я рад не больше вашего. Диспетчер сказал, что наша кампания обзвонит всех родственников пассажиров и успокоит если что. А пока у них есть проблемы посерьёзнее и поважней! Они несут ответственность за каждый рейс и не отказываются возмещать моральный и физический ущерб...

— Но нам сейчас от этого не легче, — вздохнул я. — Всё ясно.

— Ну, если никто никуда особо не спешит, то вполне можно пару деньков и здесь переждать.

Я в очередной раз пораскинул мозгами. Надо, кстати, поосторожнее с этим занятием, а то, не ровен час, кинешься — а мозгов то уже и не осталось. Так и помрёшь дураком пустоголовым... Я сам куда-нибудь спешил? Честно сказать, не особо. А наиболее точно — вообще никуда! С комфортным размещением в Гринсвуде туговато будет, но мне не привыкать. Бывало, что и земля, крытая зелёной травкой, заменяла мне постель. Выбирать зачастую не приходилось. Деньги у меня с собой имелись, джентльменский набор на все случаи жизни лежал в дорожной сумке. Так что к открывшимся перспективам я отнёсся достаточно лояльно и рвать на себе от досады волосы не собирался. Другое дело большинство остальных пассажиров, оказавшихся заложниками этой непростой ситуации. У многих обнаружили срочные и неотложные дела, которые должны непременно решаться и не в этой «занюханной дыре», а там то и там то! Кто-то просто спешил домой, у кого-то срывалась важная встреча, некоторые возмущённо голосили по инерции, за компанию, так сказать.

Я не стал выслушивать все эти крики и нескончаемые обвинения в адрес всех и вся, и вернулся за стол, кратко и содержательно обрисовав наострившим ушки спутникам наше положение. В панику впала одна только Джесс, убеждённо заявив, что в таких кошмарных условиях она не протянет и дня. Тут я начал загибать пальцы, запоминая наиважнейшие и неотъемлемые приоритеты юной испаночки. Итак, по всем раскладам выходило, что она неминуемо загноётся без сотового телефона, MTV (Трейси сделала вид, что её тошнит), какого-то жутко редкого сорта кофе и горячего душа. Ну, с последним утверждением она погорячилась, душ, пусть и горячий, в трактире уровня «Короля Ричарда» быть должен.

— У них же наверняка в туалете нет приличных унитазов! — добила всех окончательно Джессика, возбуждённо размахивая руками. Она настолько успешно изображала ветряную мельницу, что примостившийся рядом Мартин был вынужден постоянно уклоняться от её рук. Правда, мелкий паршивец при этом не забывал стрелять глазами на тяжело вздымающуюся полную грудь испанки.

Трейси звонко засмеялась, развязано закинув ногу на ногу, и сложив руки на набитом животе. Ральф утробно хрюкал в усы, остальные ржали как кони, и я в том числе. Саша прилагала титанические усилия, чтобы не присоединиться к нам.

— Ну чего вы смеётесь, я же серьёзно говорю! — надулась Веласкес, обхватив себя за плечи. — Я ничего смешного не вижу, понятно вам? Саша, ну скажи ты им! Или ты тоже против меня?

Зверева заботливо погладила подружку по черноволосой головке, приговаривая нарочито ласковым голосом:

— Не переживай, милая. Они просто не понимают всех нюансов твоей утончённой

возвышенной натуре. Я тоже без приличного унитаза глаз сомкнуть не смогу!

— А-а-а! Ты задница бессердечная, а не подруга!

Короче, мои ребята держались на ура, молодцом. Шутки-прибаутки повышают настроение и боевой дух. Оптимистично заряженному человеку любая проблема кажется легко решаемой и проходимой. Вот только, что это я заладил, как попугай — «мои ребята, мои друзья»? Я что, добровольно выбрал себе ярмо няньки, записался в волонтеры, воспитатели? Я их всех знаю меньше суток и не Бог весть как, а всё туда же! Уже непроизвольно забочусь о них. Волноваться начал. Записался в этакие лидеры-наставники, придурак. Что меня заставляет идти впереди, решать все трудные вопросы, отстаивать их интересы? Я знал, что без колебаний заступлюсь за любого из этих подростков, и никого из них не оставлю в беде... И ничего не мог с этим поделать. Что двигало мной? Что проснулось во мне? Порядочность, чувство справедливости, отцовский инстинкт? А, может, такое порядком подзабытое в современном мире понятие, как честь? Я толком не могу сказать. Просто так вот всё получается. Ну не могу я почему-то на них наплевать. Неправильно это, не по-человечески, не по-мужски, что ли. По-другому я не мог и точка. Хватит об этом.

Пока мы трепались по пустякам, произошла одна, во многом определившая дальнейший ход развития, вещь. Несколько бедолаг, в том числе и мы, умудрились остаться без комнат. Все заветные ключики были влёт расхвачены более шустрыми и предприимчивыми личностями. И когда мы подошли к барной стойке, нашему взору предстала голая доска с оголёнными вбитыми гвоздиками. Хозяин виновато потупил глаза. Мол, извините, кто не успел, тот опоздал. Что ж, обидно, конечно, но сами виноваты, в большой семье не щёлкают хлебалом. Однако, как дальше быть? Завалиться всем вповалку на полу под ногами у подвыпивших посетителей трактира как-то не улыбалось. Равно как и прозябать на улице под забором. С нами были девушки, в конце то концов!

В числе невезучих оказались, помимо нашего разношёрстного бандформирования, привлекательная рыжая девушка в очках, несколько растерянно кусавшая красивые губы, старикан-алкоголик, периодически подмигивающий мне, как старому приятелю (сообразить на двоих предлагает, что ли? так я вроде не похож на рядового из контингента бухариков), гориллоподобный здоровяк, с видом нобелевского лауреата двигающий бровями, смахивающая на шлюшку Барби-блондинка, и... Потенциальный дворянин и стопроцентный гомосек, которого только и не хватало всем для полного счастья. Этот типчик постоянно жеманно улыбался и потирал холёные пальцы, отягощённые явно женскими перстнями. Меня он жутко нервировал. Мерзкий тип. С удовольствием дал бы ему в подведённый тушью глаз. Как это ещё местные на него внимания не обратили? Глядишь, и захотели бы прочесть ему лекцию о вреде пагубного образа жизни.

И что же нам, теперь бомжевать всем вместе, что ли? Охренеть можно, братцы-кролики! Мы стояли, не в силах даже предположить, куда можно податься. Весьма сомнительно, что поблизости окажутся гостеприимные души, согласные приютить нас на пару деньков. Нас выручил всё тот же трактирщик. Кстати, звали рыжего здоровяка Ричард Бонем. Вон оно оказывается, что за король-то. Растянув харю в довольной щенячьей ухмылке, он доверительно сообщил, что уладил все наши трудности и нашёл нам кров над головой и матрас под бок.

— Я позвонил мистериу Стокману, всё рассказал, и попросил помочь. Это ж не дело, чтобы гости у нас беспризорничали! Мистер Стокман всё понял с полуслова, и сказал, что

ни в чём вам не откажет. Он с радостью готов принять всех, кому не хватило мест, и разместить у себя.

— Э-э-э... Прошу прощения, но этот Стокман, он кто? — я в упор уставился на трактирщика. — Что ещё за доброжелатель? Местный меценат? Директор пансиона? Выживший из ума старый простофиля?

— Мистер Стокман — владелец Стилхолла! — гордо ответил Бонем. В его устах это звучало, как провозглашение титула английской королевы, ей богу. Что это ещё за птица такая, и с какого перепугу он хочет протянуть нам руку помощи? В обмен на наполнение этой самой руки чем-то более весомым, чем волшебное слово «спасибо»? Всё может быть, по крайней мере, это многое объяснило бы. Да, собственно и деваться нам было особо некуда.

— Он скоро будет здесь и всех вас заберёт к себе. У мистера Стокмана микроавтобус, путь-то до Стилхолла неблизкий, несколько миль точно будет.

После таких слов оставалось прослезиться и поставить в местной церквушке свечку за здравие этого золотого человека. Но меня почему-то последние несколько минут настырно свербилла какая-то навязчивая, прилипчивая мысль, не дающая мне покоя. Что-то я упустил из виду. И достаточно важное....

— Слушайте, мистер Бонем, вы так и не дорассказали мне про это вашу уличную предсказательницу, — внезапно озарило меня. — Как там её, вы говорите, зовут?..

Трактирщик почему-то перестал улыбаться и разом посмурнел. Он отвёл глаза в сторону и, стараясь выглядеть невинной овечкой, беспечно так отрапортовал:

— Элис. Элис Блэр по прозвищу Чокнутая Баньши.

У меня на затылке зашевелились волосы, а ладони заиндевели. Я с треском сжал челюсти. Баньши, значит, ну-ну. В кельтской мифологии баньши называют злобного духа женского пола, своим заунывным пением предрекающего смерть. Тот, кого баньши отмечала своим вниманием, обязательно умирал. Они не имели свойства ошибаться. Я почувствовал, что ещё немного, и я поверю во всё, что угодно. Мне стало жутко. Тревожно. Страшно. Элис Блэр недвусмысленно дала понять, что я — не жилец. Баньши не ошибаются.

*Не спешите — места хватит всем!
 Не бегите — места хватит всем!
 Не кричите — места хватит всем!
 Мастер «Места хватит всем»*

Дождь прекратился, оставив после себя сырость, слякоть и собачий холод, заставляющий втягивать голову в плечи, а руки в карманы. Ночной чернильный небосвод озарился сиянием тусклых серебристых звёзд, сверкающих точно шляпки гвоздей, вбитых в небесную твердь. Тучи растворились бесследно, как будто их никогда и не было. Мерцающая горбушка полумесяца поглядывал на землю бездушно и свысока. Лёгкий ветерок ничем не напоминал о том яростном шторме, что бушевал по округе ещё несколько часов назад. Мы тряслись в стареньком микроавтобусе «Фольксваген», собранном, судя по всему, во времена Третьего Рейха, направляясь прямым ходом в «старый добрый гостеприимный» Стиллхолл. Баранку крутил бойкий молодой парень совершенно раздолбайского типа, с хитрой мордой и невинно-честными глазами записного прохвоста. Откликнулся он на имя Дон Рейнолдс и подвязывался у distinguished мистера Бенджамена Стокмана мастером на все руки, выполняя обязанности и водителя, и носильщика, и гида. Сам же Стокман сидел на переднем кресле рядом с ним и периодически разряжался высокопарными речами, сияя как начищенный самовар. Его, похоже, всё происходящее радовало, как наступление Рождества. Физиономия, во всяком случае, у Стокмана была восторженная до безобразия. Интересно, почему? И что это за Стиллхолл такой? Что это за место, куда мы направляемся этим затянувшимся поздним осенним вечером?

Ах да, я перескочил через несколько событий и рассказываю не по порядку. Поясняю. В трактире «Король Ричард» нам пришлось выждать ещё некоторое время. Многие уже зевали и были готовы закемарить где угодно. Новоявленные постояльцы спокойно обживали свои номера, а мы, упустившие комнаты буквально из — под носа, продолжали заседать за столом. В трактире народу немного прибавилось, пиво не кончалось, официантки привычно занимались маневрированием между столами, Бонем, оперевшись локтями о стойку, о чём-то болтал с сильно подвыпившим мужиком, во всеуслышание заявляющим, что все бабы — стервы.

К десяти вечера за нами, наконец-то приехали. Мистер Стокман как ошпаренный залетел в трактир и, мигом уяснив, кто есть кто, с широченной белозубой улыбкой подкатил к нам, приветственно раскинув руки. Каждому пожал лапу, заверил в вечной дружбе, посочувствовал нашему горю, и широким жестом пригласил к себе в гости. Повторюсь, мне его ненаигранный энтузиазм показался чересчур подозрительным. Какого дьявола? С чего это радушие? Тогда я ровным счетом отказывался что-либо понимать. Понял я всё несколько позже. Стокман как человек лично мне доверия не внушал. Мне он сразу не понравился. Одевался он хорошо, даже очень хорошо. Особенно по местным стандартам. Его костюм, галстук, туфли и строгого покроя пальто стоили немало. Скажу больше, на себе Стокман носил трехмесячную зарплату какого-нибудь среднего трудяги. У него были редущие прилизанные чёрные волосы, острый нос, тонкие губы и маленькие тёмно-карие глазки, отдающие маслянистым блеском. По — моему проныра ещё тот. Из-под стоячего подошвы выпорот и запросто продаст эскимосам партию морозильных камер. На уроженца глухой

провинции он был похож, как я на Адольфа Гитлера.

Ясен пень, что от его щедрого предложения отказываться никто не стал. Мы набились в «Фольксваген», как сельди в бочку (и не забывайте про ручную кладь!) и машина лихо тронулась с места. Рейнолдс сразу заложил такой крутой вираж, что его впору было с позором лишить водительских прав, а я в результате сих трюков ткнулся лбом в колени сидевшей напротив меня рыжеволосой девушки. Я машинально пробормотал что-то извиняющее, а она мило покраснела и поправила съехавшие на кончик носа очки. Ну да ничего! В тесноте, но не в обиде. Зато, пользуясь столь редким случаем дружного единения, я узнал имена остальных попутчиков. Как-никак, жить некоторое время нам придется вместе под одной крышей, и обращаться друг к другу «эй, ты, как там тебя!» никому не хотелось. Итак, девушку, чьи колени я уже по достоинству оценил, звали Грейс Брайен, и занималась она, как вы думаете, чем? Правильно, преподаванием истории и английского языка в колледже. Старого, пропитанного виски алкоголика именовали Роберт Мастерс. Яркая блондинка с выдающимся бюстом — Кристи Нотенберг. Едва разместившийся в маленьком салоне микроавтобуса широченные плечи громила — Эдвард Блейк, прихвастнувший, что ну очень серьезно занимается бодибилдингом. Даже выигрывал там что-то. Где-то. Перестаравшийся по части косметики бледный хмырь тоненьким голоском пропищал, что его зовут Герберт Уэнрайт, и что он ничем не занимается, благо достаточно состоятелен и является наследником какой-то древней английской аристократической ветви. К чему он это всё выложил? В надежде, что кто-то купится на его деньги? Уэнрайт один из всех нас разместился вполне комфортно. Рядом с ним попросту никто не стремился садиться! И как он, зараза, умудрился увязаться за нами? Ладно, хватит поднимать бурю в стакане, а то можно подумать, что я боюсь какого-то тщедушного доходягу с «голубыми» замашками. Но спиной я к нему поворачиваться всё-таки не буду!

Мы ехали уже минут десять, освещая светом фар пустые, наполненные мраком улицы ночного Гринсвуда. Похоже, спать здесь ложились рано, и на нашем пути ни встретилась ни одна живая душа. Мы проезжали мимо аккуратных, привлекательных своей добротной старой постройкой, домов, редких магазинчиков, мастерских... Рассеивать пропитанную влагой тьму помогали редкие уличные фонари. Встречаемые деревья тянули к нашему автобусу ветки, словно хотели остановить, или же махали в след обнажёнными кронами, будто прощаясь. Да — а- а, ни тебе неистово бьющего по глазам света неоновых рекламных вывесок, не ярких ёлочных огней колоссальных супермаркетов, не тысяч хаотично мчащихся машин, ни пронзающих небо многоэтажек, никакой городской суеты. Идиллия, одним словом. Люблю деревню. Тихо так, спокойно...

Несколько раз мы сворачивали с улицы на улицу, проехали большую рыночную площадь, миновали здание суда, мэрию, винный магазин. Думаете, откуда я это всё знаю? Да просто, помимо управления автобусом, Дон Рейнолдс успевал заученным голосом расписывать нам местные достопримечательности. Я ощутил себя туристом, совершающим познавательную экскурсионную поездку. Ехали мы через весь город и должны были вскоре выбраться за его пределы. Стиллхолл находился в миле от Гринсвуда, и к нему вела старая дорога, которой редко кто пользовался. Да что же это за таинственное сооружение такое — Стиллхолл? Звучит, конечно, круто, монументально так, внушительно. На вопрос Шнитке, воплотившем вслух мои мысли, Стокман многозначительно ухмыльнулся и сказал, что не пройдёт и получаса, как мы сами всё увидим и не забудем это зрелище до конца жизни. Серьёзное заявление, ничего не скажешь.

В салоне «Фольксвагена» горела лампочка и я, чтобы как-то занять себя, развернул прихваченную из трактира свежую газету. Что ж, с регулярными почтовыми поставками в Гринсвуде сбоев не было. Примостившаяся сбоку от меня Трейси нахально сунула свой нос мне под руку, мешая читать.

— А, одна ерунда! Впрочем, как и обычно. Я газеты вообще не люблю. Кроме очередных скандалов, новостей шоу-бизнеса (в её устах это прозвучало как ругательство) и осточертевшей политической хрени, всё равно ничего путного не напишут. Чушь это всё. Алекс, как ты можешь это читать?

— В принципе, я с тобой согласен, — не стал я спорить, пролистывая страницы. — Но иногда и в периодических изданиях попадаетея что-нибудь стоящее.

— Не знаю... Я читаю только рок-журналы и фантастику!

— А я — «Пентхаус», — вальяжно протянул прислушивающийся к нам Мартин.

— А, понятно. Подрочить любишь? — Трейси сложила губки бантиком и ядовито улыбнулась. Ох, и язвочка!

Бедный юноша аж поперхнулся от возмущения, уши его заалели, а веснушки стали видны даже не смотря на неважное освещение. Надеюсь, они не успеют поубивать себя до того, как мы приедем в Стиллхолл. Моё внимание привлекла статья на седьмой странице. Вверху шёл крупный заголовок «Одиннадцатая жертва Безумного Потрошителя». Ого! Я заинтересовано прищурился. Так — так, что это ещё за современный Джек? Я углубился в газету, и вскоре от моего вполне закономерного скепсиса не осталось и следа. Из прочитанного выходило, что вот уже почти год в отдалённых от крупных городов провинциях с завидным постоянством происходят убийства, связанные одним подчерком и совершаемые при схожих обстоятельствах. И у полиции до сих пор не было ни одной приличной зацепки, ни одного разумного объяснения происходящим преступлениям. На первый взгляд между жертвами не было ничего общего. Одиннадцать человек разного возраста, пола, социального положения. Объединяло их лишь то, что все погибшие проживали в сельской местности, в небольших городишках. Ну, типа Гринсвуда что-то. Хм, я невесело усмехнулся, час от часу не легче. Не хватало только нарваться на Чикатило английского пошиба! Ну, честно скажем сами себе, подобная встреча в нашем случае равна нулю. Ну не бывает так! Каждый, услышав о чём-то похожем, старается уверить самого себя, что с ним- то уж точно ТАКОЕ произойти не может. С кем-то другим — пожалуйста, но только не со мной. Вот и я, ребятаки, не был исключением.

Тем более что у субъекта (назвать его человеком как-то язык не поворачивается), убившего этих несчастных, крышу явно сорвало ещё в младенчестве. Однажды, помню, один мой знакомый психолог как-то за рюмкой чаю рассказывал, что первые признаки маниакального поведения в человеке проявляются тогда, когда его не трогают и не волнуют горе и боль других людей, когда он спокойно может пройти мимо сбитого машиной бедолаги и не обратить ни малейшего внимания на мольбы о помощи. Мой давнишний приятель рассказывал немало интересного из этой области, но я всего не запомнил, ибо набрался тогда тоже нехило. Ну а когда кто-то сам начинает совершать различные зверства... Истязание беззащитных животных тоже из той оперы, господа. Да-да, не морщите носы. Когда видите, как малолетние отроки, только выросшие из детского сада, шутки ради вздёргивают на суку кошку или избивают, весело хихикая, маленького щенка, знайте — перед вами потенциальные маньяки. Которые вполне могут из этих детишек при определённых условиях вырасти. За редким исключением, убийцами и извращенцами не

рождаются, а становятся ими по ходу проживаемой жизни. Множество факторов влияет на становление этих монстров в человеческом облики. Уф, ладно, что-то я отвлекся от темы.

Читаю дальше. Способы умерщвления, выбранные Безумным Потрошителем (как его окрестила пресса), действительно отдавали полным сумасшествием и вызывали ужас и омерзение. Этот псих перегрызал всем жертвам глотки и пожирал внутренности, вырывая потроха зубами из ещё тёплых тел, что было доказано неоспоримыми экспертизами. Акт сексуального насилия, к всеобщему удивлению, не было. Что очень странно, конечно. Обычно большинство маньяков буйно помешаны на этой благодатной почве. Но провинциальный Потрошитель вёл целомудренный образ жизни. Некоторые даже выдвигали предположения, что за жуткими злодействами стоит женщина, а не мужчина! Что, впрочем, было весьма сомнительным. О маньяках в юбке ещё никто никогда не слышал. На местах преступлений ублюдок не оставлял абсолютно никаких следов. Судя по всему, все убийства он совершал в одном месте, а бездыханные тела выбрасывал там, где ему было удобно. Очень осторожный, хитрый и умный тип. Полиции было совершенно не от чего оттолкнуться. Не было ничего, чтобы позволило сдвинуть дело с мёртвой точки. Ареал преступлений был достаточно обширен и охватывал несколько графств, не вписываясь не в одну логическую схему. Убийства происходили каждый месяц, и это было ровным счётом всё, что службы безопасности могли сказать точно. То, что через месяц всё повторится опять. И, пожалуйста, будьте осторожны и избегайте тёмных подворотен! И ещё была одна странная вещь, вызывающая множество яростных споров и перепалок. Учитывая лёгкость, с какой маньяк грыз людей, челюсти у него должны быть как у гиены. Поначалу, как появились первые жертвы, многие эксперты думали, что это какой-то бешеный пёс бесчинствует, но дальнейшее расследование показало, что подобная теория достаточно абсурдна и легко опровергаема. Ну а дальше список стал всё полниться, и всем всё стало понятно: маньяк.

— Ну, вот мы и приехали! — жизнерадостно оповестил всех нас сочащийся гостеприимством голос Бенджамена Стокмана.

Я отбросил газету и посмотрел в окно. Сколько там раз я за последнее время изумлялся, не помните? Так вот, я в очередной раз просто ОФАНАРЕЛ. Как вы думаете, что за диковина отзывалась на гордое имя Стиллхолл? Не догадываетесь? Так вот, Стиллхолл был замком. Натуральным старинным средневековым замком. Не скажу, что до сих пор не видел ни одного из них. Благо древних крепостей в старушке-Англии хватало с избытком. Но все они были какие-то неестественные, неживые, словно часть громоздких декораций к историческому фильму. В них никто не жил, это были музеи, а не дома, в них не было души. Но от Стиллхолла за милю веяло чем-то невообразимо мощным, суровым, несокрушимым, живучим и... жутковатым.

Мы все, как только микроавтобус остановился, выстрелянной пробкой от шампанского вылетели вон. Бесшабашно улыбающегося, склонного к лунной полноте, полумесяца и яркого света небесных кострищ-звёзд вполне хватало, чтобы увидеть, ошалеть, восторгнуться, схватиться за ёкнувшее сердце и... ужаснуться. Не знаю, как другие, но я был раздавлен именно такой мешаниной чувств и эмоций.

Все как один, с восхищением, не в силах оторваться, смотрели на Стиллхолл, купающийся в чернильном сумраке ночи. Стиллхолл был сложен из массивных каменных блоков, оплывших под невероятной тяжестью и иссечённых временем и непогодой. Башни и шпили горделиво возносились на головокружительную высоту. Бойницы и забранные металлическими решётками тёмные провалы окон зловеще смотрели на окружающий мир.

Замок выглядел настоящим каменным колоссом, гигантом, серой громадой вырисовываясь в холодном чернильном ночном воздухе. Широкий ров изломанным кругом, насколько хватало глаз, опоясывал Стиллхолл. Да, замок был велик, а если учесть, сколько скрывается в его утробе залов, спален, кабинетов, обеденных залов, кладовых, библиотек, складов, альковов, тайных ниш, гостиных, уборных комнат, то поневоле голова идёт кругом. Плюс ко всему холл, прихожая, подвал, пыточная камера (она просто обязана быть!), оружейная... Видит Бог, их предки умели строить с умом и размахом!

Метрах в пятидесяти от Стиллхолла располагались старенький ветхий гараж, с пристроенным кирпичным домиком, и удобной для подъезда площадкой, где мы, собственно и затормозили. К западу от замка простирался, кутаясь в саванн ночи, древесным морем лес, соперничая, видимо, по возрасту с самим каменным соседом. Раньше земля вокруг таких махин тщательно очищалась от буйных зарослей, сорняков и трав, старательно утаптывалась. В те лихие времена подле замков безжалостно уничтожалось любое деревцо, любой чахлый кустик, дабы не служить прикрытием для атакующего противника. Но нынче окрестности Стиллхолла могли похвастаться знатным гербарием, мечтой ботаника. Как видно, хозяева давно плюнули на старинные средневековые военные премудрости....

Слова разделяемого восторга невольно срывались с губ потрясенной аудитории. Каменные бастионы и могучие башни приковывали взгляд, своеобразная архитектура поражала уверенными штрихами и одновременно надёжной простотой, с которой был построен замок.

Роберт Мастерс изо всех сил напрягал старческие слезящиеся глаза. Видимо, впечатляющий облик замка поразил даже его затуманенную алкоголем головушку.

— Вот это громадина! — выдохнув, прохрипел Мастерс, скользя осоловевшим взглядом по башням Стиллхолла.

Сжимая наманикюренными пальчиками дорогую кожаную косметичку, Кристи Нотенберг застыла рядом с Робертом. Золотые волосы её, рассыпаясь по плечам ярким нимбом, сияли в ночи. По-детски наивные синие глаза девушки округлились, искушающий рот превратился в букву «О», кукольное лицо дышало неподдельным восторгом.

— Мамочка моя, какой прелестный дворец! — прижимая руки к высокой груди, лепетала Кристи. Я стоял рядом и тарачился вместе со всеми, но время на снисходительную усмешку нашёл. Блондинка! Растрепанный, опухший Мастерс был со мной полностью солидарен. Он мрачно покосился на девушку и сплюнул от досады.

Мои юные друзья-путешественники застыли человекоподобными изваяниями, тщетно пытаясь изображать видимость олимпийского спокойствия и арийской невозмутимости. Ага, как же, только челюсти забыли вернуть в исходное положение.

— Ну что застыли? Господа, прошу всех проследовать внутрь, на дворе слишком холодно и сыро, и ночевать под стенами моего гостеприимного домена я никому не позволю!

Стокман сделал приглашающий жест затянутой в замшевую перчатку рукой. Мы нестройной толпой двинулись к замку. Мне в голову вдруг пришло сравнение с гамельнским крысоловом, игрой на дудочке заманивающего доверчивых и падких на классику крыс в ловушку. А, чёрт, вечно в мою башку лезет всякая хрень! Вблизи огромный Стиллхолл подавлял, оглушал, заставлял чувствовать себя мелкой, ничтожной букашкой, оказавшейся у подножья древнего гиганта. Выстроенный в соответствии с традициями средневекового зодчества, Стиллхолл пятью чудовищными башнями возносился на немыслимую высоту.

Каменные стены казались вечными, отполированные и сглаженные столетиями.

— Господи! Невероятное зрелище, — с почти священным трепетом выдохнула Джесс, широко распахнув чёрные колодца глаз. — Мне кажется, что я стала лилипутом и попала в страну великанов. Прямо как Геркулес!

— Гулливер, — педантично поправила подругу Саша. Умничка, девочка, от меня лично большой поклон! Дьявольски не люблю, когда оговариваются. Зверева машинально откинула со лба непослушную чёлку.

— Какая разница! — безмятежно отмахнулась Джесс, до хруста позвонков задирая голову. — Просто я настолько поражена, что не могу толком связать и двух слов.

— Ты явно наговариваешь на себя.

— Да ни фиги!

Возбужденный говор полтора десятков людей напоминал гул растревоженного осинового гнезда. Каждый стремился во всеуслышание выразить охватившие его ощущения. Я, не выпуская из рук дорожной сумки, продвинулся на несколько шагов и остановился у рва. Посмотрел вниз. Ничего, в отличие от самого замка, впечатляющего. Шириной примерно метров восемь, глубиной он был раза в четыре меньше. И то, насколько мне удалось рассмотреть, ров порос густым, жёстким бурьяном, дно было завалено обсыпавшейся с обваливающихся краёв землёй, мусором и каким-то хламом, не поддающимся опознанию. Раньше, лет эдак до хрена назад, глубина, небось, достигала метров десяти, а днище было утыкано заострёнными кольями, обломками мечей, кос, и прочих милых сердцу ржавых игрушек. Хорошо, что те времена безвозвратно канули в лету!

Загрохотали толстенные стальные цепи, и огромный десятиметровый подъёмный мост медленно и степенно опустился монструозным языком к нашим притаптывающим от нетерпения ногам. Обшитые железом двустворчатые ворота из прочного мореного дуба с лёгким скрипом растворились. Мне показалось, что некий невиданный исполин открыл прожорливую пасть, жаждающая поскорее нас проглотить. Проявляя чудеса заботы и благорасположения, Стокман повёл нас по мосту, бормоча какую-то ободряющую чушь. Похоже, ему чертовски сильно нравилось всё происходящее. Кое-кто с явной опаской вступал на единственное связующее звено между замком и внешним миром. Но все волнения и тревоги были напрасны. Шириной в пять метров, сработанный из дубовых досок пятидесятисантиметровой толщины, мост лежал как влитой. Не задрожал он и тогда, когда десятки ног начали равномерно покорять его поверхность. Вслед за такими дорогими гостями, как мы, пыхтя и обливаясь потом, ковылял бедный Дон Рейнолдс, увешанный разномастным скарбом, коим его нагроулили некоторые личности, чтоб он почём зря не скучал от безделья. Не скажу, глядя на перекошенную харю Рейнолдса, что он сильно обрадовался этому коллективному решению.

В отличие от многих, Трейси вприпрыжку неслась по мосту, снисходительно поглядывая по сторонам. Закусив в уголке губ раскуренную ароматную сигару, Ральф Шнитке громыхал ботинками, бережно сжимая в лапищах свою артиллерию. Роберта Мастерса, с трудом курсирующего в людском потоке, особенно привлекали массивные, толщиной с бедро человека цепи, уходящие в круглые дыры по обе стороны от ворот. Его любопытство мне было понятно. Мост весит не одну тонну и в замке наверняка имеется мощный гидравлический механизм, способный поднимать эту «калиточку». Старик подрал ногтями заросший подбородок и сделал неверный шаг к краю моста, намереваясь получше рассмотреть цепь, прикрученную к доскам гигантским болтом. Мастерс вполне мог

отколоть номер и загреметь вниз к вездесущему ужасу окружающих! Но я не дремал. Поспешно обойдя обольстительно подмигнувшего мне Уэнрайта (бр-р-р, какая гадость!), я сноровисто подхватил Мастера под руку.

— Сэр, позвольте, я вас провожу. Вы что-то нетвёрдо держитесь на ногах, — безапелляционно заявил я. Восприняв моё появление, как должное, Роберт покорился чужой воле, но глаза его не отрывались от цепи.

— Эта цепь... Вы уверены, что она не порвётся и мост не обрушится под нами? Мне бы не хотелось, кхе... не хотелось столь печального исхода дел.

— Да разве ж мы столько весим? Ниже земли не упадём, — по-свойски успокоил я, с жалостью поглядывая на пропойцу. — Вам не стоит ни о чём переживать. Раньше всё строили на века!

В общем, без особых помех мы благополучно миновали мост и один за другим вошли в прихожую, очутившись в замке Стилхолл.

— Берегись Тьмы!

Я вздрогнул, как ошаренный, и резко обернулся. Но, как и ожидалось, я не увидел за спиной Элис Блэр. Но голос её предупреждающим набатом с бешеной силой отдался в моей голове. Чёрт.

— ... вот такие вот пироги, приятель. Так что решать только тебе — за здоровый ты образ жизни или же против. Одно из двух — другого не дано. Надеюсь, ты примешь правильное решение, и я покажу тебе пару упражнений. Жаль, что у нас не будет времени для совместных тренировок, ну да всё равно с чего-то начинать да нужно! И не стоит меня благодарить, приятель. Это пустяк по сравнению с тем, что вы для нас делаете. Вы здорово выручили всех нас. От всей души благодарен. Так и передай хозяину.

— Всенепременно, — отозвался Дон, уничтожающе буравя затянутую в спортивную куртку широченную спину культуриста. Рейнолдс вспотел, как мчащаяся галопом лошадь, отмахавшая не одну милю, разве что пена не капала с удил... тьфу, изо рта! А ведь он всего лишь нёс личную сумку этого качка. Обыкновенная такая сумка, плотная, холщовая, но весит, как гружённый кирпичами грузовик!

— Эй, дружище! — не выдержал Дон и, отдуваясь, прислонился к стене, впитывая разгорячённым телом прохладу камня. Сумка с грохотом выпала из онемевших пальцев. — У тебя там что, чёрт возьми, гантели и гири?

Гигант, вальяжно шедший впереди, приостановился и несколько удивлённо посмотрел на изнемогающего носильщика.

— Ну да! А ты что думал?

Рейнолдс яростно заскрежетал зубами, на шее запульсировала бьющаяся жилка. Тогда бы сам её и тащил, благодетель хренов! А он не нанимался срывать спину и зарабатывать грыжу. И ему и даром не нужны твои бесценные тренировки и советы, как сделать жизнь безвредной и здоровой!

— А я думал, что стероиды, — съязвил Дон, вновь трогаясь в путь.

Словно свет померк в коридоре. Блейк огромной тенью надвинулся на успешного пожалеть о последних словах Дона, затмевая собой приглушенное сияние закреплённых на стене масляных фонарей. Чёрные брови со стуком сшиблись на переносице, а огромная лапа играючи сгребла перепуганного гида за грудки. Кажется, меня сейчас будут бить, флегматично подумалось Рейнолдсу, не делающему даже попытки освободиться.

— Надеюсь, ты сказал это опрометчиво, не подумав о последствиях, — угрожающе промурлыкал Эдвард, сверху вниз глядя на съёжившегося Дона. — Поэтому на первый раз я прощаю тебя, но чтобы впредь подобных оплошностей не было. И заруби себе на носу следующее. Я не увлекаюсь подобным дерьмом и никому не советую. Свои мышцы я заработал потом, кровью и месяцами усиленных тренировок, не прибегая к помощи стимуляторов. А если я услышу, что ты разносишь обо мне гнусные сплетни, то без промедления сверну тебе шею. Ты понял меня?

Гигант слегка встряхнул окаменевшего от предчувствия расправы Рейнолдса.

— К — конечно, приятель, не вопрос! Я всё понял, не дурак. Ты... это... извини. Я действительно ляпнул, не подумав.

Скуластое лицо культуриста расплылось в добрейшей улыбке. Могучая длань бережно разгладила помятый сюртук носильщика.

— Я рад за тебя, сынок. Искренне рад, что ты одумался. Ну так где моя комната?

— А... мы уже почти пришли! — бодро сказал Дон, окрылённый сменой темы. Кажется, пронесло. Опять его длинный язык завёл не туда. Хорошо, что Коннор не видел, иначе не избежать нагоняя. А с другой стороны, какого хрена? Да этот амбал должен в ногах ползать и благодарить за предоставленный кров! Потом и кровью! Ха! Тоже мне... Рассказывай сказки. А то мы не знаем, как вы качаетесь, импотенты несчастные. А потом ваши жёны ищут на стороне какого-нибудь хиленького, но способного удовлетворить женщину, мужичка. И у вас, господа, ТАКИЕ рога вымахивают, что никакими упражнениями не собьёшь! Ишь, заливают тут, потом и кровью....

Снедаемый подобными мыслями, гид отворил вскрытую потрескавшимся от времени лаком орехового цвета дверь и пропустил Блейка внутрь.

— Добро пожаловать в вашу опочивальню, сэр, — помпезно провозгласил Дон. — Ванна вон за той дверью, вода горячая. Камин разожжен, постель заправлена свежими простынями.

Блейк, кивая головой, одобрительно осмотрел увенчанную балдахинном двуспальную кровать, ковёр на полу, гобелен на стене, полыхающую под потолком люстру. Камин вкусно хрустел жаркими углями.

— Мне нравится, — вынес вердикт Блейк. — Самое то, что нужно. Давай сюда мою сумку.

Избавившись от непосильной ноши, Дон выжидающе уставился на гостя, вежливо покашливая.

— Всё в порядке, дружище, спасибо за помощь. Можешь идти, ты мне больше не понадобишься.

Вытеснив Рейнолдса за пределы комнаты, гигант захлопнул дверь перед самым носом возмущённого до глубины души гида.

— Чёртов ублюдок, — разочарованно выдохнул Дон и потряс ноющими пальцами. — А как же чаевые? Ведь так принято!

Мало того, что он чуть не надорвался, волоча неподъёмный баул на второй этаж и в результате едва не словив по морде, так ещё и лишился законных чаевых. Тупоголовый, недоразвитый идиот! Ведёт себя так, словно находится в родном домене. Чушь какая. Но кому жаловаться? Дон обречённо покачал головой, недобро усмехнулся и уныло поплёлся по коридору.

Я с размаху плюхнулся в чудовищно заманчивое и удобное на вид кресло и довольно хрюкнул. Кресло не обмануло моих ожиданий. Ну, наконец-то можно свободно вздохнуть и размять косточки. Отмытый и выскобленный до скрипа кожи, я находил, что жизнь не такая уж и плохая штука. От разгоревшегося камина шло благодатное тепло, средневековая эстетика комнаты радовала глаз, масляные фонари не чадили (отдушины и вытяжки в замке были на высоте), мягкий ворс ковров приятно ласкал ступни... Да и некоторые созревшие у меня вопросы нашли вполне устраивающие меня ответы. Я же жуть как не люблю оставаться в неведении. Теперь же многие вещи стали мне понятны, в том числе и фантастическое радушие нашего хозяина Бенджамена Стокмана.

Вытянув ноги, я блаженно прикрыл глаза, наслаждаясь треском озорного огня, тишиной и покоем. Самое время подвести кое-какие итоги прошедшего чрезмерно насыщенного дня. Итак... Стокман был довольно крупной акулой в Манчестере, имел солидный вес и достаточное влияние. Владел большой сетью дорогих ресторанов и гостиниц. В конфронтации с законом замечен не был, к уголовной ответственности не привлекался, с криминальными авторитетами не являлся. Ну просто образцово порядочный бизнесмен! Интересно, а такие вообще бывают на свете? В честность и бескорыстность Стокмана и ему подобных я не верил не на грош. Хотя сейчас, конечно, Бенни был предельно честен и искренен. Нынешнее положение обязывало, естественно. Хитрому делегу неслыханно повезло. Прежний владелец замка, престарелый барон Галлахер скоропостижно скончался (впрочем, учитывая более чем почтенный возраст усопшего, ничего удивительного в его кончине и нет!), а поскольку барон был старым бездетным вдовцом, всё его состояние и родовой замок, согласно завещанию, переходило в руки ближайшего родственника. Каковым и оказался мистер Бенджамен Стокман, безмерно ошарашенный сим фактом, ибо и знать не знал, что у него имеются такие далёкие и отнюдь не бедные родственники.

Но бизнесмен всегда остаётся бизнесменом. Порадовавшись свалившемуся как снег на голову подарочку, Стокман озарился гениальной идеей превратить роскошный средневековый замок в современную гостиницу. Всё должно приносить деньги, считал Стокман. Отчасти он был прав. Ну что ещё прикажете делать с этакой каменной громадой? Переезжать на постоянное место жительства в провинцию у Бенни не было не малейшего желания. Оставлять всё как есть, непрактично и глупо, вот и решил мистер Стокман замутировать новую махинацию, грозящую в перспективе приносить весомые барыши. Стокман ознакомился со всеми документами, счёл, что всё вполне законно, без подвоха, приехал в Гринсвуд, осмотрел Стиллхолл и решил не откладывать дело в долгий ящик. Замок был вымыт, вычищен, выдраен до блеска, внутреннее убранство приведено в более-менее благопристойный вид. Старый барон вёл аскетично-отшельнический образ жизни и не отягощал себя цивилизованными удобствами. Стокман провёл телефон, избавился от гор мусора и хлама, ковров паутины и болот плесени, привёз профессионального дворецкого по имени Энтони Коннор, нанял водителя (он же гид и мастер на все руки Рейнолдс), повара, кой какую прислугу. Это так, всё по мелочи, в дальнейшем штат по проекту Стокмана в разы увеличится. Просто сейчас смысла не было размещать в замке уйму народа. Велись серьёзные ремонтные работы, и им пока не было видно ни конца, ни края. Бенни частенько приезжал в замок контролировать ход восстановительных процессов. Работы ещё хватало. Колорит колоритом, но электрифицировать замок было просто необходимо. Установить сантехнику, провести воду (черпать её из местного колодца не очень приятное занятие), сделать отопление, чтобы многочисленные каминные и печи выполняли чисто декоративно-

прикладную роль — всего не перечислить. Так что до открытия гостиничного двора было далековато.

Ну а на кой хрен Стокман пригласил нас к себе, в недоведённый до ума замок, спросите вы? Зачем окружил теплом и заботой и вьётся лисой вокруг каждого из нас, делать ему что ли, больше нечего? Да всё банально просто, ребята. Реклама. Реклама, будь она не ладна, двигатель прогресса. А Стокман старался не отставать от хода времени. Наше временно-вынужденное проживание в Стиллхолле как нельзя лучше способствует продвижению его дальнейших планов. Он нам залижет задницы до мозолей, лишь бы мы впоследствии на каждом углу расписывали, какой он классный мужик и как у него офигительно живётся в замке Стиллхолл, лучшей гостинице во всём мире! Вот так вот. Всё гениальное просто. При других обстоятельствах, голову даю на отсечение, Бенни даже не посмотрел бы в нашу сторону.

Поскольку во многих комнатах до сих во всё шёл ремонт, а в некоторых и вообще жить было невозможно в силу полного бардака, нас гостеприимный хозяин расселил на первом и втором этажах по двое по трое в одной комнате. Добавлю, что сам замок имел форму квадрата с четырьмя башнями по углам, часовней (чья башня, пятая по счёту, была самой высокой), возвышался на три этажа и все двери выходили в просторный внутренний двор. Ворота сразу пропускали в своеобразную каменную кишку, позволяющую оценить толщину стен (эта часть замка была уже переделана под прихожую), а затем вы попадали в холл, откуда и вели лестницы на второй и третий этажи. Донжона, как такового не было, во всём выдерживалась строгая форма и простота. Стены замка одновременно являлись и наружными крепостными стенами, крышей Стиллхоллу служила позеленевшая за прошедшие века черепица. Все эти нехитрые подробности успел рассказать незаменимый Дон Рейнолдс, разводящий нас по, хм, номерам.

Нас, повторюсь, разместили в двух замковых крыльях на втором и первом этажах. Саша и Джесс сразу заявили, что будут спать вместе, чем вызвали громкое ржание Мартина и Артура, которое быстро прекратилось, как только они уловили, что им тоже придется делить одну комнату на двоих. Шнитке, как и Роберт Мастерс, оказался счастливым обладателем одноместного «люкса»... И незабвенный наш лорд Герберт Уэнрайт очутился в гордом одиночестве — дураков, рискнувших бы заночевать с ним в одних апартаментах не нашлось. Напрасно Герби заявлял, что сосед его ничуть не стеснит, и при этом, томно потупив глазки, косился на нас. Ага, щас! Грейс Брайен была определена вкупе со шлюшкой-златовлаской Кристи — более непохожих женщин и сыскать было сложно. Так же катались как сыр в масле Блейк и довольно сморщившая мордочку Трейси. Им нашлось по комнатухе. А вот вашему покорному слуге пришлось делить кровать с Колином Рэнделлом. Неплохим, он, кстати, оказался парнем. Который в данный момент плескался в глубокой деревянной бадье за дверью в средневековом эквиваленте ванной комнаты.

Я широко, во всю пасть зевнул, скинул халат и с разбегу бухнулся на кровать. Спать хотелось, хоть спички в веки вставляй. Я сложил руки на груди, критически рассматривая пальцы ног. Скрипнула плохо смазанными петлями дверь и в спальне показался кутающийся в такой же халат, как и у меня, Колин. Я похлопал рукой по кровати рядом с собой.

— Ложись.

— Зачем? — у бедного юноши на голове зашевелились мокрые волосы, а глаза совершенно ошалели. Это надо было видеть! С трудом сдерживаясь, чтоб не расхохотаться во всё горло, я небрежно так бросил:

— Знакомиться будем.

— Слушай, может, тебе лучше поселиться у Уэнрайта? — робко спросил Колин.

Вот тут я не выдержал. Мне скрутил жесточайший приступ необузданного смеха. Я заржал так, что чуть не упал с кровати. Вытирая выступившие от смеха слёзы, я прохрипел:

— Ну ты и отмочил! Молодец!

Рэнделл понимающе осклабился и завалился на вторую половину широченной кровати (да на ней можно и впятером спать), заложив руки за голову, и мечтательно уставившись в потолочные балки. Вид у него был поэта или художника, поймавшего музу за хвост или осенённого озарением свыше. Я выжидательно притих. Колин меня не разочаровал. Он разлепил сжатые в строчку губы и сказал:

— Это место... Этот замок... В нём что-то есть. Что-то необычное, живое. У меня такое чувство, будто каждый камень, каждая доска в Стиллхолле живут какой-то своей особенной жизнью. Не похожей ни на что другое.

Он повернул ко мне лицо, его умные голубые глаза были абсолютно серьёзны. Я прикусил язык.

— Ты что, решил в отместку запугать меня страшными историями о привидениях? Признаюсь, ты уже преуспел!

— Да нет! — возбуждённо отмахнулся юноша и приподнялся на локте. — Скажу больше — наше появление здесь тоже кажется мне далеко не случайным. Слишком много совпадений за последнее время. Напрашивается вывод, что кто-то начал дёргать за ниточки наших судеб в угоду своим прихотям!

— Тебе надо поселиться в Стиллхолле на всю жизнь, — скривившись, пробурчал я. — И ты сможешь составить достойную конкуренцию местной юродивой. Нет, правда, ты с лёгкостью заткнёшь её за пояс, Нострадамус доморощенный!

Юноша пристально уставился на меня и неожиданно рассмеялся.

— Ха, да ты просто боишься! Ты что, испугался невразумительного бреда, что несла та немытая бродяжка?

Я мрачно пожевал губами.

— Ну, не то, чтобы испугался, но аппетита мне её пророчества не добавляют.

Некоторое время мы молчали, слышно было только треск пылающего камина. За задёрнутым плотной шторой аркообразным окном, забранном ажурной железной решёткой, давно царила ночь. А мы лежим тут, как страдающие бессонницей бобики, и несём несуразную, с точки зрения здравого смысла, ахинею. Обалдеть можно. И тут Колин выдал ещё один номер, когда я уже счёл, что он заснул и дивиться больше нечему.

— Я стихи сочиняю. И у меня сейчас созрел ещё один. Хочешь послушать?

Я наверно выглядел, как пришибленный подушкой, набитой камнями, идиот. Если бы мне кто-нибудь раньше сказал, что я буду в средневековом замке лежать на одной кровати с малознакомым типом, заправляющим мне как серенады, стихи собственного сочинения... Ужас!

— Только не про любовь, лады? — умоляюще попросил я.

— Хорошо! — Колин дико обрадовался свободным ушам. Ну что я говорил? Поэт он и романтик, мать бы его за ногу! — Про любовь в следующий раз. Я совсем недавно начал писать, и, по-моему, у меня неплохо получается.

— А что тебя заставило заняться словоблудием? — из вежливости полюбопытствовал я. У меня был один дружок, балующийся на досуге подобным, но я не ожидал встретить ещё

одного такого индивидуума. — С бухты барахты в зрелом возрасте не начнёшь кропать стишки про амурные чувства!

Юноша смутился и покраснел, отведя взгляд.

— Это... неважно, поверь. Неудачная любовь, скажем так. Устраивает объяснение?

— Вполне, — важно кивнул я. — Знакомая ситуация. Ну ладно, давай бухти мне, как космические корабли бороздят Большой Театр.

В мои последние слова Колин не въехал вообще, но общий смысл уловил. Он непременно откашлялся и на одном дыхании продекламировал:

Мрака пелена поглотила разум,
Судорожный крик разорвал мне грудь.
Я закрыл глаза, и всё с каждым разом
Тяжелей дышать, мне не продохнуть.
Я взметнулся ввысь — там свет в конце тоннеля,
Оглянувшись, понял — назад дороги нет.
Внизу остался я, на солнце коченея,
Потому что смерть раскрыла мой секрет.
От чего я умер, кто расскажет правду?
Кто поймёт, зачем терпел я эту боль?
Хлесткий взмах косы — бой шёл не на равных,
Потому что был диагноз мой — любовь....
Улыбнулся я мёртвыми губами,
Что меня там держит, в этом мире грёз?
И кому я нужен, тусклый и бесцветный,
Приносящий людям столько горьких слёз?
А любовь? В безумстве я захохотал!
Вы меня спросите, я смогу ответить.
Я всё это знаю, я любовь познал.
Любовь — это боль, тоска, безнадёга,
Она опалает и жжёт изнутри.
Она точит душу, плюя на законы,
И разбивает в осколки мечты.
Любовь приходит на беду,
Она ломает и изводит.
Не пожелаешь и врагу
Того, что в сердце происходит.
Любовь прекрасна лишь тогда,
Когда в ответ ты слышишь то,
Что по ночам шептал в слезах той,
Кому сердце отдано...
Сказав всё это, разрыдался,
Ну что ж, пора, мой час настал.
Ведь в прошлом, как я не старался,
В ответ любви не испытал.
Но свет померк, и тьма сгустилась,

И что — то давит. Мне назад?
Я закричал, мне не приснилось —
Я полетел в крошечный ад!
Меня отвергли небеса,
Не нужен грешник им такой.
И подмигнул мне Сатана:
Привет, дружок, теперь ты мой!

Я медленно выдохнул сквозь стиснутые зубы и сосчитал до трёх. Грехи мои тяжкие...

— Колин, скотина ты малолетняя, ты соврал мне. Я же просил не про любовь! Знаешь, на что это было похоже?

— Ты ошибаешься, Алекс, — тихим голосом отозвался юноша. — Это стих про жизнь и... смерть.

Ну и что прикажите с ним делать? Ну точно Элис Блэр номер два!

— Ты это сегодня сочинил?

— Да, сидя в ванной, — пожал плечами Рэнделл. — На меня нашло что-то...

Я лишь грустно улыбнулся....

*Новый день встаёт за мою спиной,
Новый день придет, и ты будешь со мной.
Возьми огня и найди меня,
Ты найдёшь меня на пороге дня.
Эпидемия «Новый день»*

Утро нового дня встретило нас тёплыми лучами нежданно негаданного солнца. Небо заполнили стайки шныряющих птиц и кавалерия беззаботных облаков всевозможных расцветок: нежно голубых, угрожающе фиолетовых, умиротворённо синих, безмятежно белоснежных... Ого! Ещё чуть — чуть и я начну впадать в лирику, а то и возьмусь клепать стишки, как мой австралийский друг. Устроим соревнование, у кого резче слог и метче слово! Всем желающим присутствовать — вход свободный!

Солнечные зайчики весело забегали по черепице, металлу и башням Стиллхолла. Но, попадая в ров, осколки вселенского светила растворялись в густой тени...

Мы сидели за длинным столом, накрытым скатертью размером с полигон, и неспешно насыщались. Обеденный зал, способный вместить более сотни человек, приглушенно бурлил потоком людской речи и громко дребезжал звоном посуды и столовых приборов. Глаза разбегались от обилия предоставленных блюд — соусы, несколько видов сыра, рыба всевозможного приготовления, жаркое, дорогие вина... Словом, было, что положить на зубок. Замковый повар с подачи Стокмана сегодня явно находился в ударе.

С куполообразного потолка свешивалась полутонная люстра свечей на двести, стыдливо купаясь в разливе солнечного света, проникающего в зал через три огромных, больше роста человека, окна. Одиночество голых каменных стен скрашивали щиты, боевые топоры, знамёна и охотничьи трофеи. Столовой по задумке Бенни сохранили максимально приближённый к ветхой старине облик. Для прибавления гостям большего аппетита, не иначе. Для пущего эффекта только не хватало снующих под ногами собак, грызущихся из-за костей и объедков. Во главе пиршественного стола, подобно владельческому барону, в высоком резном кресле расположился Бен Стокман. В честь грандиозного завтрака наш хозяин напялил белую рубашку, серый жилет, такого же цвета брюки и синий галстук. Раздавая направо и налево белозубые улыбки и отпуская дружественные реплики, Стокман степенно подкреплялся, сжимая холеными пальцами серебряные вилку с ножом. Выглядел он внушительно, ничего не скажешь.

По правую руку от бизнесмена сидел я, набивая брюхо от души и впрок, краем своих неотразимых серых глаз наблюдая за манипуляциями коллег по завтраку со столовыми приборами, запоминая движения, чтоб не оплошать. Чёртов этикет! Ну а если мне неудобно держать вилку в левой руке, а нож в правой? Кроме того, существовала какая-то специальная вилка для рыбных блюд, найти которую я был просто не в состоянии!

Однако я наслаждался не только плотски, но и духовно, не спуская глаз с Грейс Брайен, занявшей место напротив меня. Девушка была необыкновенно хороша в простеньком облегающем сиреневом платье, подчёркивающим высоту упругой груди и изгиб тонкой талии. Я откровенно любовался ею, её лицом и свободно распущенными по плечам лавоподобными волосами. Грейс деликатно отщипывала по кусочку сыр и отправляла в рот, облизывая кончики пальцев. Выразительные зелёные глаза, скрывшись за линзами очков,

нет-нет, да и поглядывали на меня. Вот так вот, ребятки, мои акции поднимаются вверх! Когда наши взгляды встречались, пухлые чувственные губы девушки посещала едва заметная улыбка. Даже так... Я едва удержался от искушения заглянуть себе за спину — может, это вовсе и не мне предназначены эти завуалированные знаки внимания? Мы же с ней и парой слов перекинуться едва успели! Хм, поживём — увидим.

Стокман не рискнул усадить рядом с собой сэра Герберта Уэнрайта, и наследный лорд был услан на задворки. Теперь Герберт сидел сразу за Грейс и всю строил глазки переминающемуся с ноги на ногу Дону, стоящему в стороне от стола в состоянии полной боевой готовности. Рейнолдс же, свирепо выкатывая глаза, всем своим видом показывал, что с «голубыми» ему не по пути. О том, что лорд — гомосексуалист, было разве что не написано у него на лбу. Разодетый в пух и прах (Уэнрайт притарабанил в замок все свои шмотки), с наманикюренными ногтями и слоем грима на женоподобном лице, Герби вертелся как уж. Тонкий, жеманный голосок лорда то и дело вклинивался в мерный говор жующих гостей Стиллхолла. Честной народ подозрительно (ну наконец-то и вас проняло!) косился на замотанное в ядовито оранжевый шарф пугало, а у Стокмана было такое выражение на морде, словно у него заболели все зубы разом.

А ещё в обеденной зале имелся дворецкий. Я говорю об этом отдельной строкой, потому как по-другому и не скажешь! Ну настоящий дворецкий, Богом клянусь. До мозга костей. Энтони Коннор, помимо потрясающих знаний манер и этикета, шестью десятками недаром прожитых лет за плечами, был обременен и впечатляющим обликом. Ростом с Терминатора, импозантный, с тщательно зачесанными назад светлыми, тронутыми благородной сединой волосами, он был живым воплощением стопроцентного английского джентльмена. На нём были безукоризненный, шитый чёрным с серебром сюртук и неподвижность мраморной статуи на высокопарном лице. Такого посади на бочку с порохом и зажженным фитилём — он и бровью не поведёт! Рейнолдс, ответственный за своевременную перемену блюд, как мне показалось, боялся его как огня.

— Дамы и господа! — Бенни поднялся со своего места, отвешивая почтительные поклоны. Зал притих, сосредоточившись на хозяине замка. — У меня тост!

Стокман театрально откашлялся, прилизал редкие чёрные волосы и, что называется, толкнул речь:

— Жизнь, дорогие друзья (ну вот, я что говорил? мы уже его лучшие корешки), довольно таки странная штука. Кто бы мог подумать, что спустя столько лет этот замок опять наполнится голосами, радостным шумом, людьми? Да, наверное, никто! Настолько подобное казалось невероятным. Но, к счастью, чудеса на свете есть и без них наша жизнь была бы куда как более скудной и унылой... Так вот, друзья, я пью за то, чтобы в вашей жизни случалось побольше чудес и в ваших домах всегда звучали смех, радость и веселье, как звучат они сейчас в Стиллхолле. За вас!

Тронутые столь пламенной и сердечной речью, мы взметнули над столом бокалы. Слава Богу, обошлось без аплодисментов. Я поспешно засосал полстаканчика красного, чтоб не приснуть со смеху. Это наше появление в этих местах напрашивается на благостное определение «чудо»? Это мы сидим тут и радуемся до розовых пузырей? И, на мой скромный взгляд, постоянно шумно, весело и радостно может быть только в одном месте — в дурдоме! Не иначе, как Бенни просто элементарно отрабатывал речь на будущее, когда за этим столом будут сидеть ребята, готовые за каждое лестное слово платить звонкой монетой, сукин сын. Я посмотрел по сторонам. Не я ли один так думаю? И что же я увидел

своим натренированным, цепким как репей, взором? Да, пока не забыл, со слухом у меня тоже полный порядок...

Пропустив половину из сказанного мимо ушей, Роберт Мастерс охотно поддержал тост. Старик находился почти в самом конце стола и, не стесняясь, налегал на спиртные напитки, сдабривая их обильной закуской. Одетый всё в тот же помятый костюм, Роберт сгорбился в жёстком деревянном кресле, цедя из фужера «четырёхзвёздочный» херес. Думая, что его никто не видит, хитрый старикан преспокойно опустил в карман пиджака бутылочку «бордо». Ну, даёт! Не смотря на внешне непрезентабельный вид, опухшие от пьянства глаза и общее неблагоприятное впечатление, Мастерс, как мне думалось, отнюдь не был полоумным кретином, за которого его с лёгкостью многие, наверняка, держали. Нетушки.

— Эдди, милый, налей мне ещё вина.

— Как пожелаешь, принцесса.

Огромный культурист плеснул в бокал беленького и подал Кристи. Бутылка в его лапищах выглядела пузырьком одеколona. Рядом с ним забила место Кристи Нотенберг, без умолку болтая и хихикая, теребя гиганта за рукав спортивной куртки, силясь обратить на себя внимание. А обращать было на что: обтягивающая кофточка и легинсы не скрывали достоинств отлично развитой фигурки, золотисто-соломенные волосы обрамляли кокетливое, хорошенькое личико. Благодарно улыбнувшись, Кристи провела кончиком языка по влажным губам и отпила из бокала, глядя на Эдварда так, будто собиралась его съесть.

— Эдди, ты просто душка! И настолько силён, — девушка восхищённо потрогала бицепс Блейка. — Как это мужчина может вырасти таким большим и сильным? В голове не укладывается...

Ха, усмехнулся я про себя, в твоей голове не одна связная мысль не уложится. Эдвард же, в фокусе её голубых, по-детски восторженных глаз, напыжился как кандидат номер один в чемпионы конкурса Мистер Вселенная.

— Всё очень просто. Комплекс специальных упражнений, правильное питание (тут он не врал, поскольку озадачил Стокмана заявлением, что он, де, на диете, и попросил молоко и обезжиренный творог!), здоровый образ жизни и упорство. Любой человек может добиться того же, что и я, стоит проявить лишь выдержку...

— Упражнения, говоришь? — томно промурлыкала Кристи, закатывая глаза.

Блейк натужно сглотнул. Попался ты, дружище, как кур в ощи!

Юность, как известно, обладает хорошим аппетитом, и обильный завтрак был как нельзя кстати. Молодым, растущим организмам требуется есть побольше и почаще, не придерживаясь блейковской диеты. Немудрено, что шестеро тинэйджеров наворачивали за дюжину, расхваливая местную кухню и сетуя, что дома столь вкусно не готовят.

— Ой, как мне здесь нравится! Я даже почти забыла, что с нами за беда приключилась. Честно. Будь у меня возможность, я бы поселилась здесь навечно, — Джессика Веласкес вытерла рот салфеткой и блаженно откинулась на спинку кресла. — Я думаю, что даже моей маме стоило бы взять пару уроков кулинарного искусства у здешнего повара.

— Да, тут классно! — согласилась с ней Саша, попивая из высокого стакана апельсиновый сок. — Боюсь, все остальные мысли отходят на задний план.

— О чём ты говоришь? Разве можно думать о чём — то ещё, когда вокруг такое великолепие?

— Так-то оно так, но у нас своя жизнь, и она диктует свои условия.

— Да ладно тебе, подруга, расслабься, — не унималась испаночка. — Лучше попробуй

этот замечательный грибной салат. И не забываем строить глазки нашим мальчикам...

Последние слова она почти прошептала, но я всё слышу, девочки! Меж тем, «их мальчики» всю крутили головами, дивясь огромному обеденному залу, не забывая, впрочем, отдавать должное пище. Мартин ожесточённо пилил ножом сочный бифштекс, от усердия высунув кончик языка. Юный уроженец штата Мэн был в видимом полном восторге от происходящего. В его возбуждённо сверкающих глазах проносились видения древних ландшафтов, мощных крепостей, огнедышащих драконов, рядом с ним восседали не чавкающие Артур с Колином, а благородные рыцари в блистающей броне и изнеженные красавицы...

МакДжонс, впитавший дух старинных традиций с молоком матери, не вчера слез с суровых шотландских гор. Он вёл себя более сдержанно, снисходительно поглядывая на оторопевших товарищей. Чувствуя, что с отвисшей челюстью выглядит полным олухом, Колин приложился к кубку с каким-то компотом. Н-да, приятель, твоя родная жаркая Австралия тут и рядом не стояла! Слева от высокого юноши сидела Трейси. От её соседства Колин сильно нервничал, ожидая как минимум вилку под ребро или поднос на голову. Трейси недобро ухмылялась, исподлобья осматривая жующих людей. В своём бронированном кожаном прикиде она резко выделялась из всех нас. Мелкой стервочке нравилось нервировать окружающих, пусть на неё и смотрят как на чумную крысу. Того и гляди, укусит. Она скорчила гримасу и с железной решимостью вонзила столовый нож в деревянный полированный подлокотник кресла. Лезвие со скрипом вошло в древесину и двинулось по поверхности, подчиняясь поднаторевшей в подобных делах руке.

Заметив её манипуляции, Колин чуть не подавился водой, вылупив в изумлении глаза. Я его вполне понимал! Увидев появление на свет божий надписи «DIO», Колин воровато заозирался вокруг, чуть ли не чувствуя себя невольным соучастником этого кощунства. Ну, вдруг кто заметит... Уши надерут всем, это уж как пить дать.

— Ты что делаешь, ДУРА? — процедил сквозь зубы юноша, прикрываясь давешним кубком.

— Не очкуй, долговязый.

— Тебя же сейчас линчуют. Ты только глянь на дворецкого! Если этот старикан увидит твои художества, то его удар хватит. А потом он надерёт тебе задницу, поверь мне. И плевать он хотел на твою принадлежность к металлической тусовке.

Стюарт презрительно фыркнула, игнорируя перепуганного Колина.

— Моей заднице не привыкать. И вообще, не суйся, куда не просят. Или ты меня заложить хочешь?

Как ни в чём не бывало, вернув нож на место, Трейси обратила на Колина два изумруда глаз.

Юноша вспыхнул:

— Я не стукач!

— Ты же терпеть меня не можешь, дружок. Я это сразу просекла, не отнекивайся.

— Просто из-за тебя влетит всем нам. Ты что, не понимаешь? Мы здесь временные гости и должны вести себя в благодарность хоть немного, но прилично. У тебя что, совести совсем нет?

— Всё ясно, — брезгливо поморщилась Стюарт. — Трясёшься за свою драгоценную загорелую шкуру. Так бы и сказал.

— И ничего я не трясусь, — Колин с трудом подавил негодующий крик, прикусив

язык. — Несмотря на нашу взаимную неприязнь, мне бы не хотелось видеть, как мистер Стокман и дворецкий надают тебе по шее.

— Хэви-метал, ублюдок.

Колин раздражённо уткнулся в свою тарелку. Натолкнувшись на мой сочувствующий взгляд, он обессилено покрутил пальцем у виска и махнул рукой.

— Сэр, он меня нервирует! Клянусь. Этот извращенец ТАК на меня смотрел! Мне стало не по себе, мало ли что... Ума не приложу, на кой хрен он тут сдался, этот гомо...

— Поосторожней в выражениях, мистер Рейнолдс, — сухо отозвался Коннор. — Он наш гость и этим всё сказано.

— ...сапиенс, — ловко выкрутился Дон, хитро поглядывая на старого мажордома. — Нет, сэр, поймите меня правильно, я не наговариваю на этого, вне всякого сомнения, достойного человека, но... Как бы вам понравилось в одно прекрасное утро обнаружить у себя в постели голого мужика?!

— Полноте, юноша. Наши временные постояльцы не сегодня так завтра покинут Стиллхолл. И у мистера Уэнрайта просто физически не хватит времени воплотить свои желания и фантазии в жизнь.

Коннор едва заметно улыбнулся. Он понимал вполне обоснованное беспокойство молодого помощника. Но на данный момент его занимало совсем другое. Они вели неспешную беседу в опустевшей обеденной зале. Пиршественный стол общими усилиями был приведён в благопристойный вид: посуда убрана, застелена чистая хрустящая скатерть, в которую мог бы завернуться и слон, объедки выброшены. Пол подметён, помещение проветрено, всё готово к обеденной трапезе. Энтони провёл пальцем по подлокотнику одного из десятков резных кресел с высокой спинкой.

— Надеюсь, наши гости остались довольны завтраком.

— Ещё бы, сэр! Они так жрали, что их, наверно, слышали и в Гринсуде. Заметил я несколько рож... прошу прощения, лиц, которые явно заправлялись впрок и надолго.

— Раскованная дружелюбная обстановка весьма способствует аппетиту, — высокопарно заявил дворецкий и с силой сжал губы, продолжая елозить по подлокотнику побелевшим от напряжения пальцем.

Дон сунул руки в карманы форменных брюк и возвёл очи горе.

— Ужас, я ещё и к настоящей работе не приступал, собственно говоря, а уже устал, как собака. Оказывается, прислуживать за какой-то дюжиной людей ещё то удовольствие... А что же будет, когда мы официально откроемся, и постояльцев станет в пять раз больше? Да мне покоя не будет! Даже если я буду выполнять строго свои, оговорённые контрактом, обязанности. Покажи это, проводи туда, расскажи о том...

— Вы знали, на что шли, — дворецкий неодобрительно посмотрел на Рейнолдса. — Не время роптать и сокрушаться по этому поводу. Хотя ещё не поздно написать заявление и рассчитаться.

— Да ну, не сгущайте краски. Платит мистер Стокман более чем прилично, что позволяет мне заpastись терпением и держаться до победного!

Коннор хмуро зыркнул на терзаемый им подлокотник.

— Интересно...

Дон не выдержал:

— Сэр, да перестаньте вы щипать это чёртово кресло! Ваши непонятные действия тоже

начинают нервировать.

— Обратите внимание СЮДА, мистер Рейнолдс.

Гид присмотрелся и только сейчас заметил, что подлокотник кресла безобразно изуродован каким-то острым предметом. У него отвисла челюсть.

— Ни хрена себе!

— Оставьте хрен при себе и следите за языком! — вскипел Коннор.

Дон обижено засопел:

— Я всего лишь хотел сказать, что до глубины души возмущён и шокирован этим злодейством. Варварство какое! Да кто посмел...

Дворецкий выпрямился, как шпакетник.

— Есть кое-какие соображения.

— А что это вообще за хрень, пардон, хм, шедевр резьбы по дереву? — Рейнолдс кивнул на доморощенную клинопись. — Что за «ДИО»? Или кто?

— Вы настолько не сведущи в музыке?

— Да как-то... — молодой человек пожал плечами. — Я в современных направлениях не шибко разбираюсь. Вся эта... м-м... попса, знаете, не для меня.

В старческих глазах Энтони промелькнуло удивление. Впрочем, от подрастающего поколения он ничего другого и не ожидал.

— Понимаю... Ну что ж, зацепки у меня есть, и я этот проступок так не оставлю.

Рейнолдс, видя нешуточный настрой Коннора, поёжился. Он не завидовал несчастному, осмелившемуся поднять руку на святое! Ишь ты, вредитель завёлся, короед. Но и на короеда найдётся свой дятел.

— Какие у вас сложились отношения с мистером Блейком?

— С кем? С Блейком? — Дон оторопел от неожиданного вопроса. — А — а - а... Это тот здоровенный бугай...

— Да. Вы так странно на него смотрели. Словно один его вид вызывает у вас приступ жесточайшей мигрени. Что-то случилось? Нам не нужны лишние неприятности, юноша.

— Меня он тоже нервирует, — тоскливо пробормотал Дон, пряча глаза.

Я ещё никогда не видел столько книг, собранных в одном месте. И не просто книг, а Книг с большой буквы. Сотни, тысячи толстенных фолиантов в потёртых кожаных переплётках, окованных железом, серебром и медью. Некоторые замыкались на миниатюрные замочки. Чёрные, синие, зелёные корешки, словно клавиши пианино, гордо поглядывали с книжных полок. Битком забитые стеллажи уходили ввысь, к едва освещённому потолку. До верхних полок можно было добраться только по специальной металлической лестнице на колёсиках. Огромную библиотеку озаряли десятки масляных фонарей, закрытых колпаками из толстого матового стекла. Пол скрывался под однотонным серым ковром. Окон в библиотеке не было, и вокруг царил приятный, неповторимый аромат старых книг, слегка отдающий стружками и пылью.

Что я делаю в замковой библиотеке, спросите вы? Ну что я ещё должен был делать, по-вашему? Стокман после завтрака созвонился с добрейшим мистером Бонемом, поговорил со Спенсером и отрапортовал, что куковать нам в Стиллхолле придется ещё как минимум сутки. Нет, конечно, если кто хочет, то вполне может попытаться выбраться отсюда согласно своим возможностям. Но наш милейший хозяин настоятельно рекомендовал не пороть горячку, а спокойно подождать ещё денёк — другой, наслаждаясь его безграничным

гостеприимством, ни в чём себе не отказывая и не стесняясь в удовольствии отдохнуть вдали от городской суеты и шума. Что ж, уговаривать он умел, этого у Бенджамена было не отнять. Нам был дан карт-бланш осмотреть замок с верху до низу, заглядывая в любой понравившийся закуток. Но желательнее под бдительным присмотром гида. Ибо Стиллхолл достаточно огромен, чтобы в нём можно было запросто заплутать и потеряться. Отважный Дон Рейнолдс клятвенно пообещал, что рядом с ним заблудиться практически невозможно и за нас он отвечает, как за себя. Вот после этих его слов мне и стало тошно. Нет уж, я лучше уж как-нибудь сам за себя отвечу. Я не особо вдавался в подробности, чем намерены заняться мои спутники, поскольку для себя твёрдо решил, чем займусь именно я.

В отличие от некоторых я не захотел возвращаться в комнату. Впрочем, на это так же были свои причины. И одна из них находилась непосредственно в библиотеке.

Грейс Брайен с округлившимися глазами медленно шла вдоль стеллажей, благоговейно касаясь кончиками пальцев старинных книг. Она настолько погрузилась в это занятие, что не заметила появления в библиотеке моей внушительной персоны. Ха, шучу, разумеется, вид у меня прямо скажем, далёк от совершенства. Ох, что-то я распутился в последнее время. Как бы ни оказаться, как говорить, в шутейном доме!

Книги полностью заворожили девушку. Грудь её высоко вздымалась, она с наслаждением вдыхала запах книг. Вы заметили, что я постоянно обращаюсь к груди этой милой дамы? Сам не пойму, с чего. Обычно в девушках меня в первую очередь привлекает совсем другая часть тела! Ну да ладно, что-то я отвлёкся... Я осмотрелся. Одному Богу известно, как тут можно отыскать нужную тебе книгу. И за месяц не справишься. Я передёрнул плечами: в библиотеке камин не был предусмотрен во избежание пожара, это понятно. Но как же здесь было зябко! Да, холод и стужа коридоров и неотопливаемых комнат были большими минусами Стиллхолла, да и любого другого замка тоже. Хорошо, наверно, здесь летом, когда так и хочется спрятаться от удушающей жары в каком-нибудь подвале или каменном мешке...

Я услышал за спиной шаркающие нетвёрдые шаги. Спина моя непроизвольно напряглась. Но через секунду я разжал стиснутые кулаки, поскольку подошедший человек не представлял ни малейшей опасности. Разве что для самого себя.

Роберт Мастерс отхлебнул из неизменной фляжки и, поморщившись, сказал:

— Вот уж никогда бы не подумал, что нынешняя молодёжь интересуется книгами. Современных подростков в читальный зал и на верёвке не затащишь. Не правда ли?

Я заломил бровь.

— По-моему, я уже давно вышел из настолько юного возраста. Да и помимо всего прочего, чтение — моя давняя слабость.

Слегка пошатнувшись, Роберт сунул фляжку за пазуху и указал головой на Грейс.

— А я, дурак старый, уже начал было полагать, что это она — ваша слабость.

Грейс бережно взяла с полки потрёпанный фолиант и начала неторопливо перелистывать страницы. Я внимательно пригляделся к пьянчужке: трёхдневная щетина, впавшие щёки, руки трусятся, но глаза... Глаза из-под кустистых бровей смотрели зорко и пристально. Повторюсь, это не были глаза выжившего из ума старика-алкоголика. Непрост, ох, непрост это тип.

— И, по-моему, вы не похожи на ценителя русской классики.

— Почему русской? — осторожно спросил я.

— Ну как же... Всё-таки ваш родной язык отнюдь не английский, хотя у вас и отличное

произношение, а, скорее всего, именно русский.

Мастерс криво улыбнулся и поскрёб щетинистый подбородок. Раздалось сдавленное чихание. Увлечшаяся Грейс открыла чересчур запыленный том и теперь расплачивалась за свою опрометчивость. Поправив чуть не слетевшие с носа очки, девушка поставила книгу на место. Я же невольно зацокал языком. Ну что... Старикану палец в рот не клади — откусит по локоть. С его наблюдательностью ему надо бы работать в службе безопасности, а не пить горькую.

— Сэр, вы правы на все сто процентов. Моё полное имя Алексей Болотин. Просто имя Алекс звучит более просто и не режет... э-э-э...

— Слух иноземцев, — хмыкнул Роберт. Дьявол, он читал мои мысли!

Целый день ворота замка были гостеприимно распахнуты, а подъёмный мост опущен, что позволяло невольным постояльцам свободно околачиваться вокруг Стиллхолла, любясь живописными окрестностями. Правда, желающих покинуть замок и прогуляться не находилось. Погода опять безвозвратно испортилась. От ободряющего утреннего солнышка не осталось и жалкого лучика. Радужные облака сменились более привычным для этого времени года непроглядным скопищем свинцово-серых туч. Заметно похолодало. Дверь сиротливо примостившегося напротив величественного замка домика нехотя распахнулась. Назначенный Бенни сторож лениво высунул нос наружу, почесал пузо, и скрылся в глубине тёплого помещения, аккуратно притворив за собой дверь. В обязанности бравого сторожа входило охранять ночующий на площадке под шиферным навесом микроавтобус и сдувать пылинки с запертого в гараже «Ягуара», на котором Бенни приезжал в Гринсвуд.

В сыром стылом воздухе постепенно стала формироваться полупрозрачная завеса из далёких морских брызг, дождевых испарений и влаги — знаменитый английский туман. Возможно, именно этим фактом объяснялось нежелание гостей оставлять монументальное убежище и рисковать подхватить насморк на послеобеденной прогулке. Вокруг разлилась приглушенная умиротворяющая тишина.

Спокойствие туманной тишины внезапно нарушилось чьими-то решительными шагами. Миновав арку ворот, по опускному мосту двигался кряжистый, широкий в кости мужик с суровым лицом немецкого кайзера и густыми усами. В правой руке он играючи держал вороненую двустволку, грудь и торс опоясывали патронташи, из-за спины выглядывал походный рюкзак. Прогрохотав по доскам армейскими ботинками, Ральф Шнитке (ну кто, если не он?!) направился в сторону леса, чья тёмно-зелёная стена, окутанная кольшущимся маревом, высилась в полумиле от замка.

Дверь домика повторно приоткрылась, и Ральф отдал нарисовавшемуся в проёме сторожу честь, приложив два пальца к полям шляпы. Дородный сторож, разомлевший от тепла и пинты принятого на грудь пива, выкатил очумевшие глаза.

— Сэр, вы КУДА собрались, во имя Христа!?

— В лес, — как нечто само собой разумеющееся ответил немец.

— В лес? — эхом откликнулся сторож. — Но... Вы так снарядились, словно идёте на медведя! Да у нас в лесу кроме зайцев, куропаток и дюжины недобитых лис и ни водится ничего. А вы прям с таким ружьищем!..

— Винтовка «Экспресс» двенадцатого калибра, скорость полёта пули 440 метров в секунду, сила удара 2048 килограмм, — отрапортовал Ральф и снисходительно добавил. — Дружище, я надеюсь поохотиться на дичь покрупнее, чем зайцы. На волков хотя бы...

Сторож лихорадочно почесал обширную плешь.

— ВОЛКОВ? Каких волков, мистер Охотник? Да у нас волков лет пятьдесят как вывели! Я вам гарантирую, что крупнее лисы вам никого не выследить, право слово.

Ральф, невозмутимо подкрутив кончики усов, повернул лицо к лесу. Крылья его мясистого носа жадно затрепетали. Он с шумом втянул воздух.

— Я уже двадцать лет охочусь и нутром чую, что меня ждёт славная охота. Я могу встретить не только волка, но и кого-нибудь посолиднее и... опаснее. Бывай, дружище.

Подтянув ремни сбруи и, забросив двустволку на плечо, Ральф продолжил свой путь. Лес как магнитом тянул его.

— А... Э... Эй, ты что, серьёзно, парень?! — обалдевший сторож беспомощно смотрел в широкую спину удаляющегося немца. — Кого он, мать его, надеется пристрелить, динозавра, что ли?

Возмущению сторожа не было предела. Метнув напоследок осудительный взгляд в сторону громадного замка, он поспешно нырнул в комнату, пробурчав под нос:

— Какие ещё шизики собрались в этой домине, хотел бы я знать?

*Ты учил повадки зверя, ты умеешь путать след,
Ты готов во имя веры изменять судьбу планет...
...Ты готов сразиться с братом ради вечной тишины,
Так почётно быть солдатом, быть избранником луны.
Харизма «Охотник»*

На счёт двадцати лет профессионального стажа Ральф несколько не соврал. Чутьём он обладал воистину отменным и к сорока годам исколесил весь земной шар. Родовой особняк в Мюнхене ломился от бесчисленных трофеев, добытых в самых труднодоступных уголках всех без исключения континентов. Роскошная шкура белого медведя, при жизни весившего не менее тонны, расстилалась перед любимым камином Шнитке. В кабинете Ральфа особое почётное место занимало чучело гигантского гризли. Над креслом были скрещены великолепные слоновьи бивни. Африканские саванны, амазонские сельвы, австралийские пустоши, сибирская тайга — где бы ни побывал Шнитке, он отовсюду возвращался с добычей. Не всегда целым и невредимым, да. Крепкое тело охотника носило многочисленные следы зубов и когтей. О каждом шраме он мог рассказать занимательнейшую историю. Но он всегда возвращался победителем. Ни одно животное, будь то тигр или свирепый носорог не могло соперничать с ним в искусстве выживания, когда два противника сходятся в смертельной схватке.

Далеко не последнюю роль в победах Шнитке играли винтовка «Экспресс 500» и модернизированный пятизарядный охотничий карабин «Сайга» (для более «мелкой» дичи — надёжнейшее и безотказное оружие). Невольно возникает вопрос, что потянуло такого искушённого и опытного человека в гринсвудский лес? Перед самим собой Ральф был предельно честен. Умом он чётко осознавал, что в этом лесу уж ему-то ловить точно нечего. Ну не против же зайцев с лисами ему обращать винтовку, в самом-то деле! Умом понимал, но нутром, каким-то шестым чувством, сходным со звериным, Ральф чувствовал, что в лесу есть нечто, что сможет его заинтересовать. Что-то, что невидимыми мощными волнами притягивало его. Ральф всегда полагался на свои инстинкты, они были у него не хуже, чем у хищника. Вот и сейчас он полностью подчинился воли проснувшейся в жилах крови первобытных предков. О том, кто может ему встретиться, Ральф имел весьма смутные представления... Но он был уверен в одном. В том, что встреча будет запоминающейся и опасной. Где-то рядом был очень опасный и сильный зверь, более чем достойный соперник. Шнитке проникся этим ощущением ещё на повороте к Гринсвуду, когда они прошли по дороге, зацепив самый край леса. И с каждым часом это ощущение всё усиливалось. Он больше не мог терпеть...

Ральф, не жалуясь, продирался сквозь лесные дебри, сознательно ломаясь в самую густую чащобу. Богатейший опыт позволял немцу легко проходить там, где обычный человек беспомощно бы барахтался в мешанине ветвей и цепких кустарников. Раскидистые кроны деревьев смыкались над головой в плотный непроницаемый шатёр, ни в коей мере не смущая Шнитке. Он великолепно ориентировался. Немец неумоимо преодолевал разломы, овраги, перепрыгивал через вросшие в землю валежины, мелкие ручейки и обросшие сочным буро-зеленым мхом валуны.

А вокруг безмолвными свидетелями упорства охотника стояли сосны и орешники, дубы

и ели, берёзы и липы. Лес был на загляденье разнообразен и величав. Высоко в деревьях стрекотали белки и перекликались птицы. В шуршащей под ногами палой листве шустро сновали мелкие грызуны и деловитые ёжики. Лес жил своей особой размеренной жизнью и хладнокровно и невозмутимо наблюдал за вторгшимся в его владения человеком.

Хмуря брови, Ральф внимательно смотрел, куда ступает, подмечая каждую мелочь. Любая сухая веточка или примятая травинка могли о многом ему сказать. Следопыт из немца был первоклассный. Как бы ни был хитёр зверь, Ральф всё равно оказывался хитрее. Шнитке остановился в тени раскидистых клёнов и, не торопясь, осмотрелся. Нос охотника вновь затрепетал, фильтруя запахи, а чуткие уши пытались вычленить из лесной какофонии любой необычный звук. Иногда Ральф сам сравнивал себя с каким-нибудь хищником.

Выбравшись на едва приметную, петляющую меж деревьев тропинку, Ральф задрал голову. Небо по-прежнему не пропускало солнечных лучей, тучи продолжали хаотично громоздиться друг на дружке. Туман, казалось, пропитал своими миазмами всё живое и неживое вокруг, здорово сокращая видимость. Поправив шляпу, Ральф присел на корточки и мягким, отработанным за годы движением сдёрнул с плеча винтовку. Положив «экспресс» рядом на пожухшую траву, он осторожно коснулся сырой земли и поднёс испачканные пальцы к носу, делая глубокий вдох. Вытерев пальцы о штаны, Ральф довольно кивнул. Это был едва приметный, но всё же различимый след, оставленный в сырой земле. Свежий след звериной лапы, напоминающей собачью. Но нет, собакой тут и не пахло. След вне всяких сомнений принадлежал волку. И оставлен он был не более двенадцати часов назад. Ральф мог поклясться в этом. Судя по отпечатку лапы, волчара был матёрый и здоровенный, что твой телёнок. Таких нынче днём с огнём не сыщешь. Как он здесь оказался?

Ральф задумчиво покусал кончик усов. Что-то здесь не вяжется... Исходя из размеров, волк являлся старым, битым жизнью самцом, не связанным узами стаи. Волк-одиночка. Местные ни сном, ни духом не подозревают о его существовании, значит, серый дьявольски хитёр и осторожен. Но откуда он всё-таки взялся? Последний оставшийся в живых после старых облав, когда английские леса ещё могли похвастаться этими косматыми хищниками? Но неужели его ни разу не замечали тутошние охотники и егеря? Шнитке не считал себя потомком Великого Духа Маниту, перед которым дикое зверьё само падало ниц. И в такое невероятное везение, как «пришёл, увидел, победил» он тоже не верил. Это что ж получается? Жил себе волк и жил, никого не трогал, успешно на протяжении многих лет скрывался в чаще, питался вегетарианской пищей, и ни давал ни малейшего повода заподозрить его в существовании на белом свете?! А тут появился он — непобедимый Ральф Шнитке, и волк буквально у него под носом нечаянно подвернул лапку? Да хрена с два!

Ну не ради же обычного, пусть и очень крупного, и старого волчары Ральфа тянуло в лес похлеще аркана! В своё время немец уложил немало волков, и они его давно не интересовали. Что-то здесь всё же не то... Шнитке пока не мог понять, что именно. Но в одном он убеждался всё больше. Волк такой же новичок в этих краях, как и он сам. Хищник был не из этих мест. Но откуда тогда?

Ральф стелящимся шагом прошел ещё несколько метров. Винтовку он держал в состоянии боевой готовности, снятой с предохранителя. Приклад упирался в плечо, палец замер на спусковом крючке, глаза как локаторы быстро и методично обшаривали лесные заросли. Шнитке давно научился избегать сомнительных сюрпризов. Нечто непонятное и крайне неприятное беспокоило немца, свербело в мозгу, настойчиво вставало поперёк мыслей. Ральф опустил винтовку и припал на одно колено. Снова след. Зверюга двигалась

крайне осторожно, избегая мягких и отсыревших участков земли, но всё равно периодически оступалась. Хотя нет, просто по-другому здесь и не пройти, надо быть бесплотным фантомом, чтобы вообще не оставлять следов. И тут Шнитке внезапно, проникшись каким-то озарением свыше, понял, что именно ему сразу не понравилось, ЧТО его беспокоит. Следы. Немец достал из кармана носовой платок и вытер почему-то вспотевшее лицо. Хоть и было прохладно, но он порядочно взопрел. Захотелось закурить. Но Ральф никогда не нарушал одну из охотничьих заповедей: на охоте не курят, ибо животные чуют табачный дым за километры.

Что ж, либо у него началась белая горячка, либо он ничего не понимает в своём деле. Ральф нервно сдвинул шляпу на затылок, затравленно оглядываясь вокруг. Глупость какая-то, чушь. Но меж тем факт оставался фактом, и Шнитке ну никак не мог просто взять и отмахнуться от того, что он прочитал по следам. Одно из двух — или Ральф внезапно превратился в клинического идиота, или... Волк ходил на двух задних лапах.

Спускаясь со второго этажа по широченной лестнице красного дерева, Коннор не отрывал руки от массивных, покрытых сложными узорами, перил, высоко поднимая голову. Даже в отсутствии сторонних наблюдателей, Энтони старался держаться с достоинством и уверенностью... Внезапно его пальцы натолкнулись не узор, которого на перилах НЕ ДОЛЖНО было быть. Коннор успел изучить замок до распоследней мелочи и незамедлительно заметил различия в резьбе. Да, в резьбе. Совсем свежей. Полный недобрый предчувствий, Коннор присмотрелся к новоявленному узору. Так и есть, чья — то злодейская рука (да отсохнет она навеки!) умело вырезала на дереве три буквы — «U. D. O.».

Дворецкий стиснул зубы мёртвым капканом. Сначала одна надпись, теперь вот другая. Нет сомнений, что обнаружатся ещё. Как нет сомнений, что это дело рук одного человека. Что ж, произведя нехитрые вычисления, Энтони мог побиться об заклад, что знает, кто занимается этими варварскими художествами. Осталось только поймать мерзавца с поличным и потолковать с глазу на глаз. Или... Лучше сказать — мерзавку?

Вдоволь нанюхавшись библиотечной пыли, я решил не сидеть в четырёх, хм, стенах, а прошвырнуться в Гринсвуд. Людей посмотреть, себя показать, нагулять аппетит перед обедом. К нашему временно-вынужденному заточению в замке я относился вполне философски. Так, значит, так. Всё могло бы сложиться гораздо хуже, не уставал я себе повторять. Тем паче, что мне по большей части было до лампочки, на пару дней мы задержимся в сих дивных краях или на пару недель. Я никуда не спешил, меня никто не ждал. Как в одной песне «судьба хранит бродяг, а я — игрок. Никто и звать никак, свободен и жесток». Это про меня, братцы. Я, наконец-то за долгие годы ощущал себя по настоящему свободным. Единоличным хозяином своей жизни. Своей судьбы. Жесток? Моё сердце ожесточилось давным-давно, когда... Впрочем, это к нашей истории не имеет ни малейшего отношения. Добавлю только, что доверия к людям у меня с ТЕХ пор несколько поубавилось.

За мной увязалась Трейси. Юная метал-валькирия, наглухо застегнув «косуху», вприпрыжку шагала рядом со мной, периодически забегая вперёд и элементарно путаясь под ногами. Она ультимативно заявила, что ей необходимо развеяться, и она согласна составить мне компанию. При этом вид у неё был хитрой нашкодлившей кошки, и её навязчивое стремление смыться куда подальше вызвали у меня стойкие, вполне обоснованные подозрения. Но я был рад её шалопайскому, забавному и хулиганскому одновременно

обществу. Идти одному было бы скучновато. Ральф куда-то запропастился, малёхо перебравший Роберт уже довольно плохо понимал меня, а я его, к Грейс у меня пока не хватало смелости подкатить... Вот и получалось, что на текущий момент именно Трейси — мой лучший друг. Остальных постояльцев Стиллхолла я в расчёт не брал.

— А ты видел, как этот долговязый старикан таранился на меня? У меня сложилось впечатление, что он очень предвзято относится к людям моего склада! Нет, Алекс, ну ты видел, КАК он на меня зыркал? Прямо вылитый Кристофер Ли из фильмов о Дракуле, точно! Мне даже как-то не по себе стало...

— Даже и представить не могу, с чего бы это дворецкому ТАК на тебя смотреть, — сочувственно посокрушался я. — Чем такая пай-девочка, как ты, может вызывать стойкую антипатию, ума не приложу.

— Вот и я о том же, — приободрённая моим пониманием, вдохновлено подхватила девочка. — Пялится, как вампирище недобитый! У, старый козёл, знаю я ТАКИЕ взгляды... Все они фокусируются в области моих жопы и сисек!

Я с трудом душил в себе хохот, искоса поглядывая на чересчур серьёзную и недоумевающую мордочку Стюарт. Выражение её лица вкупе с броским вызывающим гримом было предельно комичным. Но Трейси не поняла бы моего смеха, поэтому я, удушающе похрюкивая, молчал, и полностью принимал её правила игры. Мне это даже нравилось. Напоминало детство, прошлые невинные шалости и глупости. Боже, иногда я чувствую себя таким древним. Особенно в компании людей, много младше меня. Почему так? Ведь до пресловутого кризиса среднего возраста мне вообще-то далеко. У меня не было ответа.

Через полчаса мы пересекли незримую границу городской черты и, не спеша шлёпали по тротуару. На смену утреннему солнцу пришли вездесущая хмарь, затянув небо, и сырой унылый туман, поглотивший всё вокруг. Туман скрывал улицу, скрадывал наши шаги, укутывал дома, вился в ветвях деревьев. Гринсвуд был типичным глубинным городком, и его окраина не слишком отличалась от центра. Уютные, старинной постройки дома, кривые улочки, вездесущие лавки и магазинчики, аккуратные чистые тротуары, много деревьев. Прелестное, тихое местечко.

Я поднял воротник куртки и сунул руки в карманы. Было зябковато, холодный влажный воздух приятно наполнял лёгкие бодрящей свежестью. Вот только слечь с диагнозом «грипп» вовсе не хотелось, поэтому я вдобавок натянул на уши вязаную шапочку. Часто наблюдаешь забавную картину, когда зимой наголо стриженные ребята, капитально околевая на морозе, в силу непонятных мне обстоятельств не пользуются головными уборами. Ладно бы, и в самом деле не мёрзли! Так нет же, от холода зубы стучат, но лысина гордо сияет. Ясно, что выпендриваются, являя всему миру свою крутизну, но оно того разве стоит? А чудесный набор хронических болезней впоследствии как бонус за выпендрёж? Или, может, в их котелках просто мёрзнуть нечему? Я вот свои мозги, те, что ещё не выбили, предпочитал беречь. Итак, шапку я надел, но заработал недоумевающий взгляд огромных зелёных глаз. Трейси демонстративно провела рукой, затянутой в перчатку с обрезанными пальцами, по коротко стриженным чёрным взерошенным волосам. А что, я давно слышал, что женщины не так восприимчивы к холоду, как мы. Назовите мне хоть одного нормального мужика, который не задубел бы на морозе, напялив юбку. Если, конечно, он не шотландец, или этот... Ну, типа нашего лорда Уэнрайта.

— Да, замёрз, а что тут такого особенного? — я обиженно надулся.

— Эх, вы, мужчины так называемые... Иногда вы меня просто добиваете. Не понимаю я вас, хоть убей.

— Эй, что за революционные речи я слышу? — оскорбился я за всю мужскую братию.

Трейси широко развела руками, не сбавляя шага. «Казачки» её звонко цокали подмётками по камням тротуара. Она скорчила кислую гримаску.

— Понимаешь, Алекс, признаюсь тебе... Я не очень люблю вашего брата. Ну, в смысле, мужиков. Не спрашивай, за что, просто поверь, что у меня есть достаточно ВЕСОМЫЕ причины для неприязни. И моя нелюбовь постоянно выливается в моих разговорах. Даже когда я НЕ хочу никого задеть, я не всегда контролирую свой язычок. Я прекрасно понимаю это. Не думай, что я дура полная. Я знаю, что за подобные вещи меня и не переваривают, но ничего не могу с собой поделать. Я такая, какая есть, и уже навряд ли изменюсь.

Я невольно затормозил, уставившись в удаляющуюся девичью спину. Трейси остановилась и оглянулась через плечо.

— Что с тобой? Камешек попал в ботинок?

— Да... Нет. В смысле, всё нормально, — я подобрал отвисшую челюсть и нашёл в себе силы двинуться дальше. — Просто... гм, в свете открывшихся фактов, у меня созрело несколько вопросов, которые я хотел бы тебе задать. Хм, правда, не знаю, как бы покорректней выразиться...

— Ты на счёт моей сексуальной ориентации? — невинным ягнёночком прощбетала девочка, захлопав густыми ресницами.

Я поперхнулся и следующие несколько секунд мы были заняты тем, что я надрывно пытался откашляться, а ликующая Трейси от души молотила меня крепкими твёрдыми кулачками по многострадальной спине. Немногочисленные прохожие с изрядной осторожностью косились на нас и предпочитали обходить стороной.

— Ты не пробовала доски разбивать, а? — полузадушено простонал я, придя в норму.

— Пробовала! — жизнерадостно подтвердила Стюарт. У неё был вид ребёнка, чьи самые заветные желания сбылись под новогоднюю ночь. — Что с тобой? На нас смотрят, как на придурков.

— Тебя и это радует?

— Ага! Теперь нас двое!

Изо всех сил делая вид, что предыдущего разговора не было, я ускорил шаг, держа морду кирпичом. Трейси не отставала. Она обогнала меня и помахала перед моим носом ладошкой.

— Знаешь, ты покраснел, как мальчишка, впервые увидевший на свидании голые сиськи своей подружки. Что с тобой? А? Признайся, ведь тебе жутко интересно, не так ли?

— Что?! — не выдержав, рявкнул я, до полусмерти напугав разминувшуюся с нами пожилую матрону, обременённую под завязку набитыми хозяйственными сумками.

Трейси радостно захихикала, по-дружески ткнув меня в печень острым локотком. Кажется, я мученически застонал. Моя истязательница сочащимся мёдом голосом продолжила, невзирая на мои одичавшие глаза.

— Чтобы ты дальше не терзался, сразу оговорюсь, что лично к тебе я отношусь вполне лояльно. В отличие от других, ты мне нравишься. Клянусь, я и в самом деле считаю тебя своим другом. Надеюсь, что взаимно, ха-ха-ха! Так, о чём это я? А, вот! Отвечаю на незаданный тобой вопрос.

Она, дурачась, повернулась ко мне лицом, зашагав задом наперёд. Ох, грехи мои тяжкие, хоть бы не упала, что ли...

— Да, друг, я — самая страшная мужененавистница в мире и закоренелая лесбиянка, впитавшая пошлые инстинкты с молоком матери! Мой первый опыт полового сношения с девушкой произошёл, когда мне стукнуло восемь лет и с тех пор... Жуть, правда?

Я взгляделся в её изумрудные, сыплющие искрами жизнерадостного смеха глазищи, и замахнулся в надежде отвесить знатного леща этой неугомонной стервозене. Трейси, расхохотавшись, уклонилась от моей карающей десницы, но вполне ожидаемо оступилась и чуть не шлёпнулась. Я вовремя успел ухватить её за воротник куртки. Задыхаясь от смеха, несносная девчонка уткнулась носом в моё плечо. Мне ничего не оставалось, как прижать её к себе и отечески поцеловать в макушку.

Поразительно, но когда мне искренне хотелось задушить Трейси, она всегда умудрялась выдать нечто такое, что моментом возвращало мне былое расположение к ней. И руки мои опускались. Продолжая в том же духе, мы свернули в очередной переулок и замерли. По обеим сторонам улицы возвышались двухэтажные домики, каминные и печные трубы уютно чадили, дым смешивался с мягко стелющимся туманом. Конец улицы терялся в непроглядной туманной дымке. На этой улочке не росло ни одно дерево, зато она было очень узкой, мощенной, как и тротуары, булыжником, и машины, судя по всему, здесь не ездили. В некоторых домах окна были наглухо закрыты ставнями. Туман живым ковром стелился по черепичным крышам, обволакивал дома, и жадно лизал вмурованные в дорогу камни. У меня возникло ощущение, что мы свернули и попали в позапрошлый век. Я бы не удивился, если бы тут же мимо нас протарахтела запряжённая лошадьми карета, а на наши головы выплеснулось ведро помоев. Но на улице, кроме нас, никого не было. Мне стало как-то не по себе. Моей подружке тоже. Трейси затихла как мышка и прижалась ко мне.

— Слушай, что-то мне здесь не нравится. Как-то странно тут и... Неправильно. Давай уйдём, а, Алекс? Ну пожалуйста.

Что ж, я был готов с ней согласиться. И впрямь, атмосфера в этом закутке была прямо-таки убийственно гнетущая, наталкивающая на грустные мысли о бренности человеческого бытия. Мне стало не то, что не по себе, ага. Страшно мне стало. Ух, чтой-то в последнее время я много переживаю, как бы преждевременный инфаркт не схлопотать. Трейси взяла меня за руку, и я благодарно сжал её похолодевшие пальчики. Мы медленно, стараясь не терять остатки достоинства, повернулись на сто восемьдесят градусов и... Я чуть не заорал благим матом. Реакция Стюарт вылилась в стальную хватку нежных девичьих пальцев, клещами обхватившими мою ладонь. Мы буквально стояли впритирку нос к носу с блаженной Элис Блэр, которая неизвестно каким чудом тихо и незаметно материализовалась за нашими спинами.

Кажется, эта женщина задалась навязчивой идеей стать моим персональным кошмаром. Мы огорошено тарацились на неё, она вполне осмысленно разглядывала нас. Моя храбрая и несокрушимая Трейси стала суетливо переминаться с ноги на ногу, словно ей резко приспичило. Я пытался выдавить из себя хоть что-нибудь героическое.

— Э-э-э... Кх-м... Ну... Чем обязаны, мисс Блэр? — кто сказал, что я струсил?

— Я же говорила тебе. Просила. Но ты не послушался.

Пронзительные зелёные глаза Элис, казалось, ввинчивались в мою душу, пытаясь вытянуть наружу всю подноготную моей сущности. В своих заношенных лохмотьях, с горящими глазами и копной немыто-нечесаных волос она здорово напоминала всамделишную ведьму. И так же успешно пугала. Голос Блэр звучал обвинительно.

— Я предупредила на счёт Тьмы. Ты не послушался. Ты можешь умереть. А я устала от

смертей.

— Эй, мадам! — набравшись духу, воинственно прокаркал я. — Нельзя ли выразаться попонятней, для особенно одарённых вроде меня? И что вы всё заладили — смерть, тьма, смерть? Это уже не смешно, ей Богу.

Чокнутая Баньши откинула с глаз седую прядь и мягко (так обычно разговаривают с душевнобольными), произнесла:

— Здесь кто-то смеётся? Я говорила не о тьме, а о Тьме!

— А что, есть какая-то разница? — пропищала Трейси, выглядывая из-за моей широкой мужественной спины.

Блэр отступила на шаг назад и, сощутив глаза, одарила нас взглядом из категории — я всё про вас знаю. Она словно гипнотизировала нас, подавляла своим непонятным и неосязаемым превосходством. Мы не могли и с места сдвинуться. Самообман? Ещё какой! Но действенный, зараза...

— Прекрати цепляться за прошлое, иначе оно пожрёт тебя. Дурак! Тебя уничтожат собственные демоны.

— А вот лезть в мою личную жизнь я никому не советую, — внезапно обозлившись, я угрожающе задвигал желваками. — Это касается только меня.

Элис глухо рассмеялась и, подскочив ко мне вплотную, маниакально зашептала, обдавая меня не самым свежим дыханием. Я стоически терпел. Может, на небесах зачтётся?

— Невозможно жить с такой ношей, которую ты добровольно взвалил на себя. Нельзя жить с такой болью. Ты... Ты же САМ загнал себя в тупик!

Оттолкнувшись от меня, она сморщила нос и простодушно изрекла, изучая носки своих разваливающихся сандалий, выглядывающих из-под драной юбки:

— Сказать по правде, я удивлена, что ты до сих пор находишь в себе силы не склонять голову... Что движет тобой? Неужели ОНА и вправду так сильна как говорят?

— Довольно, — выдохнул я, не ощущая ничего, кроме внезапно навалившейся вселенской усталости и опустошённости. — Спасибо за советы, но... Мне бы хотелось жить своим умом.

— Однажды ты решил так. И к чему это привело? Ты чуть не умер... — юродивая жалостливо смотрела на меня. Взгляд её внезапно переместился на Трейси, и Чокнутая слегка изумлённо протянула:

— О-о-о, дитя моё... Какая же ты чистая и светлая... Редко встретишь в наше время такую невинность.

У Трейси был видок быка, принявшего удар кувалды меж рогов. Она недоверчиво брякнула:

— Это вы обо мне, что ли? Мне надо сделать книксен в благодарность?

Вместо ответа Элис протянула руку и бережно провела грязными пальцами по лицу девочки, касаясь ядовито красного рта, бледной щеки, начёрную затушёванных глаз. Трейси замерла как мышь перед змеей. Блэр протяжно вздохнула и отёрнула руку.

— Я оказалась права. Ты уникальна. Помоги ему. Иначе он перестанет быть собой. Твой друг и так выиграл у судьбы много времени.

У Трейси отпала челюсть, я по-джентельменски помог ей, ласково хлопнув под подбородок. Я чуток успокоился, пришёл в себя, и спросил, обводя окрестности свободной рукой:

— Кстати, мэм, вы не скажете, что не так с этим местом, с этой улицей? За всё время,

что мы стоим, не из одного дома не вышел не один человек, не проехала не одна машина. Всё настолько безлюдно и тихо, что возникает стойкое ощущение нереальности происходящего. Вы сами мне не снитесь, а?

Погрозив мне пальцем, Элис вновь раздалась кудахтающим смехом.

— Верно подметил, юноша. Ты не настолько пропащий, как я уже было решила.

Она хитро подмигнула нам, и жестом опытного фокусника произвела мудреный пас левой рукой, как будто бы выхватывая из наполненного туманом воздуха некий предмет. Накрыв сжатый кулак правой ладонью, она пригласительно махнула кудлатой головой.

— Подойдите ближе, не бойтесь! Смотрите сюда...

Чертовски заинтригованные, мы послушно приблизились к юродивой. Улыбнувшись, Элис разжала кулак, выпуская на волю... Туман. Он, как живой, вырвался из ладони, гибко обволакивая пальцы, поднимая вверх многочисленные бесплотные отростки. Туман сгустился, полностью скрывая ладонь Элис, как бы имитирую крепкое рукопожатие, и распался на несколько лоскутков, торопясь слиться с белесым саванном, окутывающим улицу. Я был потрясён, право слово. Это было, как... Волшебство? До того просто, но настолько эффектно... Масштабные фокусы Дэвида Копперфилда производили меньшее впечатление. Потому что то были фокусы, а эта демонстрация непонятной нам силы являла собой нечто большее. Недостигаемое для обычного восприятия. Блэр тихо прошептала:

— Гринсвуд — старый город. Очень старый. Он помнит многое, помнит то, что напрочь забыли его жители. И порой прошлое прорывается в настоящее. И мы видим то, чего нет, или то, что было когда-то. Над Гринсвудом невидимым пологом довлеет прошлое. Страшное прошлое. Заглянув в него, можно... сойти с ума. Остерегайтесь его. И постарайтесь понять, что Тьма — это Тьма!

Я уже вообще отказывался понимать что-либо. Мельком взглянув на Трейси, я понял, что в этом плане она со мной солидарна. Переведя взгляд обратно на Элис Блэр, я не увидел никого... Чокнутая Баньши растворилась в неизвестном направлении, точь-в-точь, как пойманный ею клочок тумана. Охренеть можно! Или я уже сошёл с ума?

— Алекс, мне больно! — жалобно проскулила Трейси, вернув меня к действительности.

— Прости, милая, — я разжал руку, до меня дошло, что я так сильно сжал её ладошку, что чуть не переломал бедняжке все кости.

Растирая ладонь, Стюарт как-то по-особенному смотрела на меня.

— Знаешь, приятель, теперь у меня созрела куча вопросов к ТЕБЕ.

— Пошли отсюда, — только и смог сказать я, нежно взъерошив короткие волосы моей подружки. Та согласно кивнула. Ну, Элис, ну, блин, ведьма! Выпотрошила меня как хотела. Наизнанку вывернула! Ну и кто из нас после этого дурак? Я уже не дал бы однозначно категорического ответа.

Настроение у нас несколько упало. Покинув злополучный переулок, мы бесцельно блуждали по окраинам Гринсвуда. Все встречаемые нами улочки были похожи друг на друга, как близнецы. Автомобилей в городе было не очень много, и те, что нам попадались по пути, новизной похвастать не могли. Места пошли более людные, и улицы заполнили прохожие, вечно спешащие куда-то по своим делам. С виду (ну, я, по крайней мере, точно!) мы мало отличались от местных жителей. На нас никто не обращал внимания. Но меня не покидало ощущение, что мы с совершенно другой планеты... Мы прошли небольшой, уютный скверик, миновали пару кварталов и остановились напротив магазинчика,

торгующего сладостями. Трейси за всё время нервно выкурила четыре сигареты и безапелляционно провозгласила, что не прочь перекусить. Мы перешли дорогу и замерли перед дверьми магазина.

— Как порядочный и галантный кавалер ты угощаешь даму за свой счёт, — Трейси не спрашивала, а ставила меня в известность.

— Родная, если ты покажешь эту даму, то я без лишних раздумий раскошелюсь, — нагло ухмыльнулся я. — Или ты хочешь сказать, что в своём прикиде ты похожа на леди?

— Но не на мужика же, — буркнула Стюарт, испепелив меня взглядом. — Ты чё, зажал пару другую фунтов?

— И к тому же, леди не курят, — наставительно поднял я указательный палец, открывая двери и пропуская фыркающую мадемуазель вперёд.

— Зануда старая.

— Коза мелкая.

Мы прошли вглубь полутёмного помещения и остановились у прилавка. Я с наслаждением поёжился. Тепло, однако. Снаружи ни в пример было холодно, сыро и мерзко, в общем. Воцарившийся повсеместно туман так же не улучшал настроения. Я купил моей язвительной подружке несколько рогаликов и бутылочку «пепси». Самому мне есть чего-то не хотелось. Покинув магазин, мы дотелепали до конца улицы и сели на массивную деревянную лавочку. Над нами склонили гибкие волнистые ветви три ивы. Я с сомнением посмотрел на сырые доски и только вздохнул. Трейси то что, у неё штаны кожаные... Девочка с азартом уплетала рогалики, запивая прямо из горлышка, я лениво посматривал по сторонам, откинувшись на спинку скамейки и сложив руки на груди. Я старался не думать о том, что нам нагородила Элис. Но что-то подсказывало мне, что в полубезумных словесах уличной бродяжки скрыт глубокий смысл. И прислушаться к ней всё же стоит, как бы тошно не было. Тем более что по многим пунктам она оказалась права. Чёрт, да она прочла меня как открытую книгу! Такие фокусы надо держать в рукаве. Про представление с частичкой дрессированного тумана я вообще молчу.

— Слушай, у меня уже вся задница отмёрзла, — проглотив последние крошки, промычала Трейси. — Двинули, что ли дальше?

— Двинули. А куда?

— Куда... Обрато в наши хоромы! Что-то у меня пропало желание дальше знакомиться с местными достопримечательностями. Похоже, в этом Гринсвуде полно психов, верно?

— Угу, вернее не бывает. Пошли!

Не мудрствуя лукаво, мы поднялись с холоднящих досок и, сунув руки в карманы, поковыляли вдоль по улице. Я потуже натянул шапочку, а то уши уже отказывались реагировать на прикосновения. Трейси демонстративно фыркала, как простудившаяся кошка, а у самой нос покраснел как у перепившего Деда Мороза. Мы шли по обочине дороги по самому краешку. Шли, как мне казалось, правильно с точки зрения правил дорожного движения. По левой стороне, на встречу, значит, движущемуся транспорту. Представьте же моё удивление и праведный гнев, когда сзади раздался нарастающий рёв двигателя, и я едва успел, совершив прыжок, достойный леопарда, отпрыгнуть в сторону. Чуть не затоптанная мною Трейси протестующе завопила. Мимо нас, разудало визжа всеми четырьмя покрывками, на космической скорости промчался грязно-чёрный «корвет». Не снижая скорости, он долетел до конца улицы, с крутым заносом завернул за угол и скрылся с наших налившихся кровью глаз!

— Трейси, мать твою! — коршуном накиннулся я на девчонку. — Ладно, я, баран закордонный, до сих пор не привыкну к вашему левостороннему движению, но ты!.. Ты каких ворон ловила?!

— Нечего на меня орать, — возмущённо защищалась Стюарт. — Замечталась я, понял? Я, если ты не заметил, всё-таки женщина, а нам свойственно порой задумываться о высоком...

— Да, мы чуть было не полетели высоко-высоко!

— И кроме того я привыкла чувствовать себя рядом с тобой в безопасности (ну, подлиза мелкая!), вот и расслабилась, распустила нюни! И вообще, Алекс, эти так быстро смывшиеся гомики могли хотя бы посигналить нам для приличия. А то похоже на то, что ублюдки хотели специально на нас наехать! Ты, кстати, не запомнил их номера?

Я отряхнул джинсы, одёрнул куртку и примирительно щёлкнул Трейси по милому носику. В самом-то деле, чего я набросился на бедную девчонку? Она оказалась в абсолютно одинаковой со мной ситуации, и сама могла пострадать. А вот этого я бы уже, боюсь, так спокойно не стерпел. Ну, уроды, не дай Бог, пока я нахожусь в вашем гадюшнике, мне попадётся на встречу ваша долбаная колымага... Когда я зол, я сам себе не нравлюсь. Дальше, не сговариваясь, мы шли по тротуару. Трейси высказала сомнения по поводу правильности нашего маршрута, на что я её уверил, что прекрасно ориентируюсь и легко нахожу выход в любом лабиринте. Мне даже не пришлось успокаивающе врать, поскольку я и в самом деле говорил правду.

Мы без происшествий добрались до конца улицы, повернули было налево, как вдруг Трейси вцепилась мне в руку и яростно зашипела.

— Смотри сюда, быстро!..

Я великодушно обратил свой царственный взор, куда она указывала и... Обомлел. Так-так, наши резвые друзья, возомнившие себя чемпионами «Формулы 1» далеко не уехали. Чёрный, давно не мытый «корвет» припарковался на противоположной стороне, возле маленького кафе. Что, проголодались, недоноски? Трейси вся светилась от счастья и нетерпеливо притоптывала каблуками.

— Ну что, бить их будем прямо внутри забегаловки, или подождём, пока они выползут на воздух?

— Трейси, с чего ты взяла, что мы будем их бить? — недоумённо вскинул я брови. — Как у юной девушки могут созреть такие кровожадные мысли?

— Молча! Ты что, не хочешь поквитаться и отомстить за мою поруганную честь? — негодованию Стюарт не было предела.

— Что-то я не заметил, когда это они успели тебя обесчестить, — пробурчал я. — И вправду шустрые ребята!

— Не прикидывайся, будто ничего не понял. Или ты испугался? Фи-и-и...

Я невозмутимо поскрёб порядком заросшие жёсткой щетиной щёки.

— Я не испугался, родимая. Дешёвыми трюками меня не проймёшь. Мне просто интересно, с чего ты взяла, что я с ними справлюсь? Я ни знаю ни их численности, ни возможностей, ни вероятного вооружения. А вдруг здесь у них штаб-квартира, и начав драку, мы рискуем оказаться в окружении превосходящих сил противника?

— А я тебе для чего? Я не собираюсь отсиживаться в сторонке, — воинственно сжала кулачки Трейси. — Уж вдвоём мы им точно накостыляем!

— Упаси Господь! — ужаснулся я. — Только тебя мне и не хватало...

Не знаю, сколько бы мы ещё времени перепирались, но судьба опять всё решила за нас. Двери кафе с пушечным выстрелом (почему-то мне на ум приходят только такие аналогии) распахнулась и на парковочную площадку перед заведением высыпала толпа народу. До нас донеслись крики, визги, ругань, угрозы и смех. А это что ещё за представление? Чем дальше в лес, тем больше дров, скажу я вам.

— Похоже, там кого-то собираются отметелить, — удивлённо протянула Трейси. — И мне кажется, что я слышу знакомые голоса.

— Значит, у меня не галлюцинации, — хмыкнул я, вглядываясь в наседающих стенка на стенку людей. — Трейси, скажи мне, во-о-он тех парней ты раньше видела? И... Во-о-он тех двух девчонок?

— О, блин! Точно, — Трейси чуть не подпрыгнула на месте. — Да это же наши дражайшие друзья-приятели! Артур, Мартин и этот, как его там, длинный такой... Колин, вот! И с ними эти две сисястые дуры!

По поводу своего не шибко выдающегося размера бюста у Трейси был явный бзик. Я повёл плечами, хрустнул пальцами и покрутил шей, проверяя готовность мышц к нагрузкам. Трейси же как-то задумчиво теребила себя за колечко, продетое в ноздрю.

— Знаешь, пожалуй, ты и прав. Не будем мы вмешиваться и влезать в не своё дело. Скорее всего, эти придурки сами виноваты, что напросились на пару тумачков. Эй, ты чего?

Я крепко взял её за ушко и шепнул:

— Я пойду поговорю с ними, а ты стой здесь и не смей близко подходить, поняла? Наши товарищи попали в неприятности и долг каждого настоящего друга и мужчины помочь им. Теперь наши личные проблемы отходят на второй план. Я ещё готов простить зло, причинённое мне, но не потерплю, когда в моём присутствии собираются избить кого-то из моих знакомых...

— А может, не надо? — робко, в последней надежде округлила глазёнки Трейси.

— Милая моя, не испытывай моё терпение. Всё, я пошёл. Ты стоишь тут, не сходя с места, и сопишь в две дырочки. Шаг влево, шаг вправо приравнивается к предательству и саботажу и влечёт за собой телесное наказание в виде серии ударов ремнём по голой попе.

— Ты меня возбудил, знаешь!.. — крикнула мне вдогонку моя неисправимая подружка.

Сразу проясню кое-какие мотивации моего героического поведения. Ну, чтобы у вас при вероятной встрече со мной не возникали пустые, ничем ни подкрепленные иллюзии относительно моих рыцарских замашек. Я и впрямь не рыцарь, хоть в сияющих доспехах, хоть в тусклых... Старушек через дорогу не перевозжу, кошек с деревьев не снимаю, в благотворительности так же замечен не был. Но я не чураюсь старомодных, особенно на фоне современных реалий понятий о чести, долге, благородстве, верности слову и друзьям. Или тем, кого я считаю своими друзьями. Ты — дурак, не раз говорили мне, раз до сих пор веришь в эти древнеисторические ценности. Возможно. Не исключаю. Но пусть я буду честным идиотом, чем беспринципной сволочью.

Я подошёл к гудящей толпе и с ходу протиснулся сквозь сдвинутые плечи и спины. Так, так, хм, и что мы видим? Испуганно дрожащие Саша и Джесс прятались друг за дружку, шаря растерянными глазами по сторонам. Мартин, с отрешённым выражением на физиономии, блистая всеми конопушками, явно хотел последовать примеру девчонок. Вот только прятаться ему было не за кого. Разве что за Колина, загораживающего высокой статью юных дам. Вид у австралийца был самый постный и кислый, как будто он махнул, не глядя, стопарь уксуса. За всех отдувался Артур МакДжонс. Храбрый малый. С налившимс

под левым глазом фиолетовым синяком, он угрожающе выпячивал нижнюю челюсть, метал из глаз молнии, всем своим поведением доказывая, что скорее умрёт, чем сойдёт с места. Напротив моих несовершеннолетних птенчиков, ухмыляясь и глумясь, топтались трое молодчиков, изощряясь в сомнительном остроумии и лениво сплёвывая под ноги. Истинно джентльменское поведение, достойное аристократов. Из всей шайки особенно выделялся один. Среднего роста, крепкий, с наголо бритым черепом и подлыми такими, неприятными маленькими глазками. В правой руке он сжимал выкидной нож, коим залихватски угрожал Артуру, махая острым клинком в опасной близости от шотландского носа. Заводила, не иначе. Его дружки — здоровые лбы, играли роли статистов, весело ржущих над особо удачной с их точки зрения шуткой лысого.

Не торопясь вмешиваться, я наострил уши. Авось услышу что-нибудь новенькое? Толпящиеся вокруг люди производили впечатление вполне сознательных ребят, но пресекать начавшееся никто не горел желанием. Всё же тройка грубиянов были местными (может, даже какие авторитеты?), а приезжие... Приезжие пусть разбираются сами. Обычная логика обычного человека, их даже винить не в чем.

— Ну что, недоносок сопливый, ещё не обделался? — протяжно, через губу, цедил лысый, изо всех сил стараясь выглядеть крутым и особо опасным. — Отойди в сторонку и не рыпайся, может, тогда и целым останешься... А будешь и дальше прыгать, яйца отрежу, понял, молокосос?

— Да пошёл ты, ублюдок, — задыхаясь от злости, выдавил Артур. Юноша бессильно сжимал кулаки, но понимал, что сломя голову кидаться на нож более чем глупо. — Если такой смелый, то брось нож и скажи мне всё, что думаешь, один на один!

— Ай — ай — ай, как нехорошо грубить большим и сильным дядям, — промурлыкал бритоголовый. Нож, однако, он держал крепко. — Ты непослушный мальчик. А непослушных детей наказывают, понимаешь, о чём я? Понаприехали тут, задирают честный трудовой люд, грубят старшим... Нехорошо. Определённо нехорошо.

— Вы первые начали! — со слезами выкрикнула Джессика. — Нечего было лезть ко мне...

Вооружённый ножом недоносок обратил сальный плотоядный взгляд маленьких глазок на испанку, и та испуганно съёжилась.

— Сладкая, помолчи, пока мужчины ведут деловую беседу. Позже тебе предоставится слово, обещаю.

Побледнев, Джесс схватила Сашу за руку. Мартин беспомощно опустил глаза, что-то беззвучно шепча под нос. Колин открыл, было, рот, намереваясь разразиться, судя по всему миротворческой речью, но я уже наслушался. И слышал я такое уже не раз. Ситуация понятная как день и ясная как белый свет, не правда ли? Студенты заглянули в кафе пропустить по рюмке чаю, посидеть, пообщаться, но... Как водится, обязательно нашлись какие-то уроды, способные испортить настроение кому угодно. Наверняка кто-то из этой троицы по-хозяйски ущипнул одну из девчонок (голову даю на отсечение, что Джесс!) за мягкое место, их кавалеры само собой встали на защиту, получили по шее, дали сдачи... Ну а дальше с криками «наших бьют» всё феерическое действие переместилось на улицу, дабы было, где разгуляться и не поломать при этом мебель. Ну а местные brave молодцы, понятно, парни не глупые, соображают, что трое подростков им не соперники и пошло-поехало. Вот бы ещё узнать, кому принадлежит машина, что чуть не отправила нас с Трейси на больничные койки. Во мне теплилась надежда, что сейчас я это выясню. Я втянул носом

холодный туманный воздух. Пахло страхом, злобой, потом, виски и сырыми прелыми листьями.

Я нагло протиснулся в образованный сгрудившимися английскими господами круг и ласково похлопал наседающего на покрасневшего от ярости Артура детинушку по плечу.

— Слышь, ты, засранец кентервильский, ты вообще хоть когда-нибудь в жизни работал? А то у меня сложилось мнение, что произносятся столь пламенные слова про рабочих, ты по ошибке и себя занёс в их число!

Народ, недолго думая, грянул от хохота. А это самый настоящий подрыв авторитета, между прочим! И мириться с этим ну никак нельзя!

— Алекс, Алекс! — радостно запищали девчонки, просветлев личиками как майские розы. Пацаны, хоть виду и не подали, но вздохнули так, словно сбросили с плеч Эверест. Колин смахнул со лба капельки пота и молча мне кивнул.

Что ж, похоже, они искренне рады меня видеть, чего не скажешь об оскорблённом в лучших чувствах лысом придурке. Он подскочил как в зад ужаленный и, крутанувшись юлой, цепко ухватил меня одной рукой за грудки, поднося ножик к моему небритому подбородку. Его взбешённые зенки заморгали в нескольких сантиметрах от меня.

— А ты откуда взялся, кусок дерьма? ТЫ кто такой? — похоже, он и впрямь не мог понять этого! — Ты хоть подумал перед тем, как раскрыть свой вонючий рот? Чё молчишь, сразу потерялся, да?!

Кончик ножа больно кольнул мою щёку. Очень не люблю, когда мне угрожают разные дегенераты. Очень. А этот стоял так близко и так удобно... Я просто не удержался.

Чуть откинувшись назад, я со всего маху долбанул лысого лбом в переносицу. Раздался такой треск, словно раскололи дубовую колоду! Всплеснув руками, лысый стал заваливаться на спину. Я не стал дожидаться его падения и тут же добавил ногой в солнечное сплетение. Борец за права трудящихся пролетел пару метров и бесчувственной грудой рухнул на асфальт. Все предусмотрительно расступились, и полёт прошёл нормально! Выпавший из его лапы нож я носком ботинка отшвырнул подальше от места нашей эпической схватки. Дружки поверженного авторитета ещё толком не успели понять, что произошло, как я занялся и ими. Ближайшего ко мне я вырубил резким рассчитанным ударом в висок. Второй бык попробовал замахнуться на меня. Это выглядело так, как будто бы он собирался прихлопнуть муху. Убожество, одним словом! Я легко ушёл от его разящего кулака, ударил молодчика пяткой под сгиб колена и от души саданул со стоном подломившегося бойца в затылок. Этого было достаточно, чтобы он зарылся шнобелем в землю. Я покрутил запястьем и глянул на часы. М-да, битва заняла считанные секунды. Совсем не голливудски!

Умиrotворённо улыбнувшись, я повернулся к почтенной публике, почему-то застывшей в тревожном молчании и театрально раскланялся. Невольные зрители, причём все, количеством примерно человек пятнадцать, сразу поскущнели, изобразили на физиономиях самые озабоченные и занятые выражения и торопливо посунулись в кафе. Наверно, спешили обсудить с глазу на глаз увиденное. А то и обмыть. На тройку бесчувственных хмырей никто не обратил должного внимания. И тут я вспомнил...

— Эй, сэр, а вы часом не подскажите, кому принадлежит вон та дерьмовая колымага? — изо всех сил стараюсь быть вежливым, тактично окликнул я последнего из заходящих в кафе завсегдатаев, указывая на грязный чёрный «корвет».

Высокий худой тип с побитым оспой лицом обречённо понурил нос и, глядя себе под

ноги, нехотя промямлил:

— Владельцы сего автомобиля сейчас валяются в отключке, СЭР.

Всё верно, ребята, вежливость превыше всего! Я к нему по-человечески, и он не ударил в грязь лицом. Или же понял, сукин сын, что в противном случае получит сам в лицо. Причём кулаком. Угу, значит, я одним выстрелом убил двух зайцев. Прекрасно. Мне как-то сразу полегчало на душе... Ну а что мои юные студиозусы?

Саша и Джесс, пища от восторга, радостно обнимались, Колин потрясённо крутил головой. Мартин кинулся ко мне, захлёбываясь от избытка чувств:

— Круто, чувак, просто нереально круто! Прямо как в кино, на фиг! Ну ты даёшь!!!

— Да мне просто повезло, — скромно потупился я. — Ублюдки сами подставлялись под удары...

— Да расскажи! А то я слепой и ничего не видел! Ты разделал их под орех и даже не запыхался. Нет, ну ты даёшь!..

Я успокаивающе похлопал перевозбуждённого паренька по плечу, заговорщицки подмигнул девчонкам, кивнул Колину и в упор уставился на сияющего фонарём Артура.

— Ну, рассказывай, что тут у вас случилось?

— Артур очень храбрый, — тут же заявила Джессика, сверкая чёрными глазами и с обожанием глядя на смутившегося юношу. Похоже, жгучая испаночка вспыхнула к МакДжонсу амурными чувствами. — Он не испугался этих козлов и сразу вступился за меня...

— За что и пострадал, — резюмировала Саша.

Артур криво усмехнулся и пожал плечами.

— А что мне оставалось делать? Мы спокойно сидели и болтали, и всё было нормально, пока не подъехали эти дебилы и не обратили на нас внимание.

— Ага, — важно кивнул Мартин. — Они как-то догадались, что мы приезжие... Неужели это у нас на лбу написано? Ну... И...

— Начали подначивать мальчиков и заигрывать с нами, — протараторила Джесс. Саша тут же подхватила:

— Точно! Точнее, стали ОСКОРБЛЯТЬ ребят, а Джессику хватать за грудь (Джесс покраснела и опустила очи долу) и за задницу! Я им почему-то показалась не очень привлекательной...

— Вот придурки! — не выдержав, громко фыркнул до селе молчавший Колин и тут же заработал наши недоумевающие взгляды. Саша осторожноенько спросила:

— Ты это о ЧЁМ, Колин?

Рэнделл прикусил язык и что-то невнятно пробормотал. Саша обречённо прикрыла глаза. Сложив руки на груди, Артур меж тем подобрал упущенную нить разговора.

— Всё в принципе так и было. Вот и пришлось сказать им всё, что они заслуживают. Ну, и попросить их отвалить заодно... Конечно, они меня не поняли и дали по морде, чего уж там скрывать...

Я тщательно переварил обрушившийся на меня из разных источников поток информации, и, одобрительно кивнув, пожал Артуру руку.

— Молодцом, парень, тут уж добавить нечего! Настоящий горец. А что касается фингала, то при таком неравном соотношении сил, в этом нет ничего постыдного. Всё равно ты молодчина.

Артур, украдкой покосившись на Веласкес, радостно заулыбался. Колин и Мартин

несколько стыдливо стояли в сторонке, наверняка мечтая оказаться на месте своего приятеля. Ну и пусть, что в тыкву дали! Зато КАКИМИ глазами после этого на тебя смотрят девчонки... За это можно и второй глаз подставить.

— Что это за братание с врагом? — строго спросила Трейси. Трейси? Я чуть не подпрыгнул. До того тихо и незаметно эта маленькая бестия подкралась к нам из тумана... И, конечно же, увидела, как я жал ладонь Артура. — Я всё видела! Алекс, должна признать, что ты неплохо дерёшься... Хотя, думаю, что я справилась бы не хуже. И уж точно не заработала бы такое украшение на пол хари.

Трейси презрительно поморщилась и показала оторопевшему Артуру язык. Не знаю как ему, а мне остро захотелось схватить её за этот самый язычок. Я погрозил стриженной металлистке кулаком и подытожил:

— Ладно, ребятки, повеселились и хватит. Погуляли, отдохнули, набрались новых впечатлений и баста. Сейчас мы все вместе идём в Стиллхолл, и это не обсуждается.

Все согласно закивали, оспаривать моё мудрое решение никто и не собирался. Детвора изрядно продрогла, оголодала и уж точно набралась впечатлений по самую макушку. Артур исподлобья посматривал на невозмутимо скалящуюся Стюарт, но по-джентльменски молчал. Представляю, как бы ему хотелось оказаться с Трейси наедине в запертой комнате. Мы быстро пошли прочь от кафе, стремясь как можно скорее добраться до гостеприимных стен замка. Я ещё успел шепнуть Трейси, чтобы на счёт нашей встречи с Элис Блэр она молчала как рыба об лёд и не открывала своего чересчур разговорчивого ротика. Трейси важно кивнула, пообещав, что будет молчать как партизан.

— Слушай, Алекс, а ты не мог бы показать нам парочку своих фирменных приёмчиков? — этими словами Колин меня просто огорошил. Я мрачно зыркнул на него, но юноша был абсолютно серьёзен и настроен весьма решительно. — Я думаю, что это не заняло бы много времени. Всё равно заняться нам нечем и не похоже, что скоро мы выберемся из этой глуши, так что...

— Эй, коала, ты часом не перегрелся на солнышке? — у Трейси глаза полезли на лоб. — Какие тебе приёмы? Ты же от одного удара рассыплешься как карточный домик!

— Согласен с Колином, — набычился Мартин. — Лишним это точно не будет. Я вот, например, всю жизнь мечтал овладеть карате.

Я несколько ускорил шаг, но навязчивые юнцы не отставали. Вот влип! Тоже мне, сенсея наши...

— Странно, обычно в твоём возрасте мечтают овладеть какой-нибудь девушкой, а ты непонятно чем, — вслух размышляла Трейси, голосок при этом у неё был таким приторно сладеньким... — У тебя с потенцией всё в порядке?

Девчонки от таких слов чуть не задохнулись и дружно уставились на Скотта, ожидая его реакции. Наглость и беспардонность Трейси потрясала всех без исключения. Но на этот раз маленькую колючку ждал достойный ответ.

— Хочешь, как только придём в замок, тут же и проверим состояние моей потенции? Ты какую позу предпочитаешь?

Артур довольно хохотнул и стукнул дружка в бок.

— Молоток! Классно ты её!

Трейси пожевала ядовито красными губами и небрежно бросила.

— Ты не в моём вкусе, дитёнок. Я предпочитаю взрослых мужчин с более чем солидным достоинством между ног.

Я закатил глаза и попросил у Бога даровать мне ещё терпения. Впрок. Ну, чтоб хватило хотя бы на ближайшее время. Только бы они не набросились друг на дружку. Не хватало мне ещё разнимать свору метелящихся тинэйджеров. Нет уж, увольте! И в самом деле, сомнительное это удовольствие. Тем более что опасения мои были более чем оправданы. Колин, мерзавец, таки подлил масла в огонь.

— Неужели? А я почему-то думал, что тебе более по вкусу молоденькие девушки. Интересно, и почему это я так думаю?

Трейси запнулась на ровном месте и прожгла австралийца ненавидящим взглядом огромных изумрудных глаз.

— Слышь ты, чмырь долговязый, я тебе сейчас башку проломлю. Понял меня?!

На защиту взбесившейся девчонки, как ни странно, встала Саша Зверева.

— Колин, немедленно извинись перед ней! Ты и в самом деле думаешь, что несёшь? Это уже не смешно. Правда, Алекс?

Русоволосая девушка не на шутку распереживалась, с надеждой глядя на меня. Я страдальчески скривился. Дьявол, да лучше бы я остался в Стиллхолле! Я откашлялся.

— Приятель, ты и в самом деле того... Поаккуратней в выражениях, а? Только без обид.

Рэнделл вырвался вперёд нас, упрямо сжав губы и высоко вздёрнув подбородок. Руки он сунул в карманы брюк. Однако пареньком он был, как я уже говорил, неглупым. Некоторое время мы шли молча. Тишина нарушалась только посторонним уличным шумом и сопением перевозбуждённого ёжика, которое издавала оскорблённая в лучших чувствах Трейси. Но, чёрт меня побери, мне почему-то казалось, что Стюарт ломает очередную комедию, и вполтину так не обижена, как хочет показаться! Так вот, Колин, подтверждая моё определение, негромко буркнул:

— Прости, Трейси. Я не хотел... (врёт гад, ещё как хотел!) тебя оскорбить.

— Лады. Живи пока, — Трейси так же сделала вид, что поверила. Ну и ладненько, обошлись без членовредительства, причём в самом прямом смысле этого слова, и то хорошо.

— Так что там на счёт карате, — поспешил перевести разговор в другое русло МакДжонс. — Сам понимаешь, Алекс, жизнь нынче такая, что боевые навыки никогда не помешают!

— Да ты философ, — присвистнул я. — Ребята, я бы и рад научить вас кое-каким хваткам из этого единоборства, но тут есть одна охренительно серьёзная загвоздка. Да.

— Какая? — Мартин умоляюще сложил ладошки на груди. — Мы будем самыми послушными учениками в мире, а твоё слово будет законом для нас! Ну пожалуйста...

Я почесал в затылке и поправил сползающую на глаза шапочку.

— Проблема в том, ребята, что я НЕ ЗНАЮ карате!

На меня уставились шесть обалдевших физиономий. Трейси недоверчиво шурилась, корча из себя великого знатока боевых искусств. Саша ткнула в меня указательным пальцем.

— Боюсь и спрашивать, а что же ты тогда знаешь?

— А вот это — правильный вопрос, — улыбнулся я.

*Вчерашнее быдло — в крутой распальцовке,
Маньяк-извращенец — король на тусовке!..
Крюгер «Мечта Вавилона»*

Энтони Коннор настойчиво колотил в дверь костяшками пальцев. Спустя, казалось, вечность, послышалось шлёпанье босых ног, проскрежетал отодвигаемый засов, дверь приоткрылась, и Дон Рейнолдс высунул наружу всклокоченную голову с осоловевшими глазами.

— Сэр, я как чувствовал, что это вы! Вы же сами отпустили меня сегодня пораньше. Я весьма сомневаюсь, что вы тащились на третий этаж, лишь бы только пожелать мне спокойного вечера!

Коннор напрасно пытался заглянуть через плечо Дона. Рейнолдс голыми (не считая трусов) телесами закрывал весь обзор.

— Вы правы, мистер Рейнолдс. Я зашёл напомнить, что завтра у вас крайне ответственный день. Почему я сегодня и отпустил вас отдыхать пораньше, собственно говоря. У НАС много работы, молодой человек. И вы должны принимать в ней самое непосредственное участие.

— Фу-у... Это звучит так тошно, что меня прямо подмывает делать всё наоборот, — скривился Дон, но под тяжёлым взглядом дворецкого осёкся. — Не обращайтесь внимания, сэр. Я пошутил, не более.

Пронзительные глаза Коннора буквально сверлили покрывшегося пузырьками Рейнолдса.

— В ваших интересах, чтобы ваши слова шуткой и оставались, юноша. Имейте в виду — я не допущу глупых выходов с вашей стороны.

Переступающий с ноги на ногу Дон обиженно произнёс:

— Сэр, вам легко говорить. А у меня стресс! Мне остаётся только надеяться, что эти чёртовы детишки не насадят меня на пику. Дьявол, да я боюсь до дрожи в коленках!

— Обуйте тапочки, — невозмутимо посоветовал Коннор. Тон старого мажордома смягчился. — Я всё понимаю, не стоит так сильно переживать. Расслабьтесь, постарайтесь успокоиться и хорошо выспаться. С утра у вас должна быть свежая здравомыслящая голова. Так что никакого виски!

— Да я ни капли...

— Верю, не надо оправданий. Что ж... В таком случае спокойной ночи, мистер Рейнолдс.

— Спасибо, сэр. Вам того же.

Дон облегчённо захлопнул дверь и выдохнул. В его комнате, хоть и гораздо более скромной, чем гостевые номера, но всё же уютной и комфортной, мягким жёлтым светом горел ночник, поставленный на прикроватный столик. Дон подошёл к широкой кровати, увенчанной вулканоподобным ворохом одеял и подушек.

Из-под простыней вынырнула хорошенькая кудрявая головка.

— Он ушёл? — прошептала Кристи Нотенберг, прижимая к груди накрахмаленную простынь.

— Нет, стоит за дверью и подсматривает в глазок, — усмехнулся Дон и развязано

плюхнулся на кровать.

Кристи смотрела во все свои огромные голубые глаза.

— Ах, он старый извращенец!

— Детка, не бери в голову, — Дон похлопал девушку по округлому бедру. — Наши личные заботы и хлопоты не должны тебя волновать.

— Да, я вся такая впечатлительная, — легко согласилась Кристи, потягиваясь как кошка. Простынь соскользнула с её груди, обнажив тугие полушария, подмигивающие розовыми сосками.

Гид плотоядно облизнулся и протянул руку к вожделённым прелестям. Кристи не возражала.

У Артура, в очередной раз оказавшемся на дубовом полу, был вид человека, успевшего сильно пожалеть, что поспешил отдать себя в мои железные руки. А может, я просто чересчур добросовестно исполнял обещание научить юную студенческую братию основам рукопашного боя? Рядом с Артуром выброшенной на берег рыбой распластался Мартин, судя по всему мучимый той же мыслью. Созерцая усердные потуги закадычных дружков, Трейси надрывно хохотала до слёз, отпуская едкие реплики и колкости. Колин, следуя совету светлого разума, вовремя отказался от моего ненавязчивого предложения поучаствовать в спарринге, и теперь с ужасом следил за нами. Саша и Джесс восхищённо болели за юнцов, выкрикивая бодрые лозунги команды поддержки.

Я сдержал данное мальчишкам слово. Вернувшись в Стиллхолл, мы как раз вовремя успели к ужину. Сама трапеза и обслуживание вновь были на высоте. Повар, дворецкий и универсальный Дон Рейнолдс творили просто чудеса. Стокман по-прежнему расточал наисладчайшие улыбки, заверяя нас, что мы несколько его не стесняем, и что он будет чертовски тосковать по нашей компании, когда мы всё-таки покинем его обитель. За время нашего отсутствия практически ничего не изменилось. Мастерс пьянел ещё больше, но как-то умудрялся пока держаться на ногах. Здоровенный Блейк откровенно скучал без своих железок, уныло глядя перед собой задумчивыми глазами. Кристи ненавязчиво заигрывала с Доном, не замечая пронзающих её из-под насупленных кустистых бровей пронзительных глаз дворецкого. Грейс периодически посматривала в мою сторону, накручивая на палец тугую рыжую прядь волос. Но перейти к более решительным действиям отнюдь не спешила. А жаль. Я бы не был против. Наследный лорд Уэнрайт смелел на глазах, и скоро его наигранный фальцет надоедливый комаром жужжал у меня в ушах. Лорд, особо не стеснясь своего импозантного внешнего вида, встречал во все разговоры, высказывал личное мнение, даже если его никто не просил об этом, давал на редкость ценные и незаменимые советы. Ну а когда дошло до того, что Герби предложил Стокману устраивать в замке по определённым числам день открытых дверей для представителей сексменьшинств, даже самому недогадливому стало ясно, что ещё чуть-чуть, и даже у хозяина замка лопнет терпение. А вот мой немецкий приятель Ральф Шнитке, наоборот, был непонятно мрачен и сосредоточен. Охотник словно замкнулся в себе, что-то прикидывая в голове, и на мои недоумённые взгляды лишь досадливо морщился. Мол, всё в порядке, не обращай на мой приступ хандры внимания... Странно, однако. А с другой стороны, опять-таки все наши злоключения, начиная от аварии и заканчивая незапланированной встречей с Чокнутой Баньши казались мне всё более странными. А теперь ещё и Ральф чем-то, хоть и не хочет этого показывать, сильно озабочен. Ладно, посмотрим.

Итак, для наших занятий, с высочайшего разрешения наиглавнейшей инстанции в лице Бенджамена Стокмана, я облюбывал просторную, обшитую сосной и лиственницей комнату на третьем этаже. По деревянным панелям искривлено бежали прожилки и разводы, изредка натываясь на пятна сучков. Потолок привлекал внимание сложной мозаикой из лакированных дощечек. В довесок ко всему три окна, вольготно пропускающие днём солнечный свет, были забраны опять же деревянными решётками. Комната была совсем недавно отреставрирована и очень мне понравилась. Я даже дал ей имя — Древесная. А почему бы и нет?

Пышущие здоровым энтузиазмом тинэйджеры сдвинули к окнам массивный, покоящийся на витых ножках стол из кедра, устроив в центре своеобразную борцовскую арену. Благодарная аудитория живо заняла места на двух мягких, низко посаженных диванах. Для проверки сил Мартин с Артуром кидались на меня скопом, пытаюсь повалить наземь. Но только больше мешали друг другу. Проще было обрушить башни Стилхолла. Практически не двигаясь, я в мгновение ока нейтрализовывал любую атаку, скручивая нападающих в морские узлы их же руками и ногами. Не в состоянии даже задеть меня, студенты по очереди плюхались на пол. А ведь я их и пальцем не трогал! В то время как студенты со всей дури махали кулаками и свирепо лягались. Честно, я развлекался от души. Мне было весело и интересно с этими несовершеннолетними оболтусами. Я им нравился, они мне так же импонировали. Было в них что-то чистое, незамутнённое и не подавшееся разлагающему влиянию современной жизни. Чего стоило одно то, что из всех шестерых курила одна только Трейси, и то больше по выбранному ею стилю, чем по состоянию души. Находясь в их круге, я чувствовал, что живу. По-настоящему живу. Последние годы своего бытия назвать приличной, цельной и сознательной жизнью я затруднялся...

— Ой, мамочки, я больше не могу, чес-слово! Я сейчас умру со смеху! Какой там, на хрен цирк, когда под носом происходит ТАКОЕ? — Трейси не успевала вытирать бегущие от непрерывного хохота слёзы. — Великие и несравненные бойцы, настоящие мужчины! Вы, часом, не пробовали выступать в шоу Мистера Бина, а? Нет? По-моему, вам туда самая дорога, братишки. Нет, вы только гляньте на их рожи! Клоуны, ей Богу...

Поднявшийся на ноги Артур испепелил Трейси кровожадным взглядом, проскрипев:

— Заткнулась бы ты лучше, крыса. Тебе-то весело... Ну, ничего, ты у меня ещё посмеёшься, посмотрим.

— Может, начнём прямо сейчас? — куражась, спросила Стюарт. — Набить вам ряхи у меня сил хватит, поверь.

— Ты чё, такая крутая, что ли, да?! — МакДжонс весь побагровел от гнева. — Скажи спасибо, что не в моих принципах бить женщин, иначе я бы уже давно набил тебе размалёванную морду!

— Ой, как страшно!

Ну вот, опять они за своё! Хуже скорпионов, засунутых в одну банку, блин. На выручку пришёл Мартин:

— Как тебе это удаётся? Мы ровным счётом ничего не можем предпринять! Ты словно привидение, просачивающиеся между нами! Ты даже не вспотел.

Я присел на корточки и улыбнулся:

— Неужели вы так ничего и не поняли? Ну как же! Действительно, я свеж и бодр, как будто и не швырял вас в течение двадцати минут на пол. Как это у меня получается? Всё очень просто. Я не трачу свою силу на отражение нападения, а использую ВАШУ силу

против вас самих же. Вашей и только вашей энергией я гашу все атаки. Вникаете? Против вас работают ваши скорость, напор и ошибки. Зачем мне тратить свои резервы, когда я могу воспользоваться чужими?

— Ни фиги себе, — протянул Артур. — Уж больно мудрено звучит...

— М-да, восточная философия, — не к месту сумничал Мартин.

Я покачал головой и изрёк:

— Это одна из лучших систем самообороны под названием айкидо. Использование силы противника против него самого. Слабая женщина вполне способна завалить здорового мужчину, применяя приёмы айкидо. Так же существует несколько иная разновидность этого единоборства, гораздо более эффективная — боевое айкидо. Но... Им владеют только самые искушённые мастера. Этим парням лучше не грубить.

Внимательно вслушиваясь в мои слова, Трейси деловито кивала, неосознанно поглаживая вдетое в ноздрю колечко.

— Алекс, а ты не относишься к таким мастерам?

Пристально посмотрев на девочку, я пожал плечами:

— И хотел бы ответить положительно, но не решусь. Не смею вас обманывать. Из меня довольно-таки посредственный знаток айкидо. Я специализируюсь немножко в другой области... А айкидо... Так, знаю общую стратегию, тактику, кое-какие захваты и броски, но... Не более того.

— Да ладно тебе заливать, — буркнул Мартин. — Тут все свои, нечего скромничать. Ишь, не знаток он! Тебя послушать, так ты вообще ничего не знаешь, ни карате, ни айкидо. А где ж ты так наострился? Служил в «зелёных беретах»?

— В далёкой юности, в институте, — не моргнув и глазом, соврал я. Но по изрядному скепсису, написанному на лицах тинэйджеров, я понял, что мне всё равно никто не поверил. Колин и вовсе осуждающе покачал головой. Я поспешил перевести разговор в другую колею:

— Ну так что, Трейси, показать тебе пару приёмов?

Стюарт медленно покачала головой.

— Алекс, ты, спору нет, и сильный (о чём это она?), и красивый (вообще не понял!), и драться умеешь... Но я думаю, что в честном бою на кулаках ты против меня не выступишь.

Мартин выпучил зенки, Артур обречённо покрутил пальцем у виска.

— Совсем свихнулась. Должно быть, хэви-метал действительно разрушает. Мозги.

Трейси легко спрыгнула с дивана и плавно подкатила ко мне. Лукаво улыбнулась и... Её нога, совершив неуловимое для глаз движение, застыла перед моим носом. Я с уважением принялся к подошве остроносого «казака». Стюарт легко удерживала стойку, сжав кулаки. У всех прочих челюсти отвисли ниже некуда.

— Я же говорила, что у меня чёрный пояс по карате. И разве я похожа на человека, склонного к пустым шуткам? — сложила губки бантиком Трейси.

Я откашлялся:

— Это серьёзное заявление. Когда ты успела заработать пояс, да ещё и чёрный?

— Я тренируюсь с десяти лет. Мой папа — инструктор в школе восточных единоборств.

В высшей степени наслаждаясь произведённым ажиотажем, Трейси яростно зыркнула на моих оторопевших партнёров по недавней схватке. Те чуть не ударились в бегство, отскочив от девочки на несколько шагов.

— Ну что, мистер Болотин, сойдёмся в спарринге, или вы испугались сопливой девчонки?

Вместо ответа я поманил Трейси пальцем.

— Только не забивай меня до смерти, о воинственная дева!

В притворном гневе она заскрежетала зубами.

— Ну, держись, засранец!

Стюарт одним движением сбросила на пол «косуху», сняла с пальцев два массивных перстня, вытянула из ноздри колечко и засунула украшения в карман кожаных штанов. Без колебаний, упрямо поджав губы, она стянула чёрную майку и швырнула на куртку.

— А девчонка-то готовится на серьёзный бой, — промычал я под нос, невольно восхищаясь мужеством и храбростью маленькой металлистки. Не побоялась выйти против неслабого (это я о себе!) на вид мужика, старше её лет на десять и тяжелее килограмм на двадцать с лихвой.

Маленькую упругую грудь Трейси прикрывал вызывающе красного цвета лифчик, в очаровательном пупке (эге, куда это меня опять заносит?) блестело ещё одно колечко — золотое.

— Только, чур, без пощады, — предупредила Трейси и с места рванулась в стремительную атаку.

Она как бабочка взмыла вверх, нанося хлёткие удары ногами. Я мягко ушёл влево, потрясённо отмечая хорошую технику девушки. Приземлившись на носки, Трейси крутанулась вокруг оси, обрушивая тяжёлый сапог на мою голову. Я легко пригнулся... Стюарт тут же в плавном движении разъехалась в шпагате и ударила меня по коленной чашечке. Больно, мать перемать! Взвыв, я запрыгал на одной ноге. Трейси не зевала: следующий удар «казаком» в живот сшиб меня на пол.

Ощутимо приложившись спиной о дубовые доски, я ещё успел подумать о корректном поведении маленькой соперницы. Могла же и по причиндалам заехать, право слово! Немного понежившись на полу, я решил, что отдохнул достаточно, и в мгновение ока воздел себя в вертикальное положение.

В зелёных глазах Трейси промелькнули удивление и тень сомнения.

— Неплохо, совсем неплохо, — констатировал я. — Ты не зря получила свой пояс.

— Я вообще-то не ожидала, что ты поднимешься, — призналась Трейси. — Продолжим?

— Разумеется, дорогая моя.

Трейси в скользящем хищном движении закружила вокруг меня. Я же застыл как соляной столб. Гортанно выкрикнув, Стюарт выплеснула на меня целую серию ударов руками-ногами. Я невозмутимо блокировал их все, подставляя согнутые руки и чуть смещая корпус. А девчонка пока дышит ровно, молодец.

Поняв, что и я не лаптем щи хлебаю, Трейси сменила тактику и вlepила мне несколько «крюков» по почкам и диафрагме. Один раз даже пробила мою защиту, но наверняка у неё возникло впечатление, что ударила не по податливому человеческому телу, а по стене. В следующий миг мимо её носа просвистел мой ботинок. Трейси отпрянула, парировала следующий удар и поймала мою руку в «замок»... Уверенная, что на этот раз дело сделано, Стюарт попробовала заломить мою конечность. Но не тут-то было. Разогналась. Ага.

Заподозрив неладное, Трейси отшатнулась назад. А дальше она вряд ли поняла, что произошло и, взлетев пушинкой, очутилась на полу. Моё колено упиралось ей в грудь, а локоть жёстко давил на горло. Задыхаясь, девочка согнула ноги и со всей силы ударила мою навалившуюся на неё тушу коленками в спину. Я перелетел через неё и посунулся, как морж

на льду! Не мешкая, потирая горло, девочка поднялась. Грудь её тяжело вздымалась. Однако, я уже спокойно стоял рядом, ожидая продолжения. Оно не замедлило последовать. Издав нечто похожее на стон (Трейси густо покраснела — не иначе этот звук задумывался как боевой клич), девчонка вложила в атаку последние силы.

Отбивая напористые удары, я всё больше преисполнялся уважения к этому крашеному чуду. Даже прозевал довольно таки ощутимый «свинг» в солнечное сплетение. Хватит, пожалуй. Я упал наземь и резко подсёк ноги маленького противника. Та успела подпрыгнуть, но тут же попала в мой захват, согнувший её в три погибели. Трейси отчаянно брыкалась, но тщетно. Руки ей больше не служили.

— Сдавайся, лапочка, — прошептал я на ухо, с трудом удерживая извивающуюся девушку.

По искажённому личику Трейси ручейками сбегал пот, смешиваясь с потёкшим гримом. Но она не сдавалась! Острые зубки впились в моё правое предплечье, прокусывая кожу. Я с воплем отпустил эту чертовку... Трейси извернулась ужом и с размаху ударила меня лбом в переносицу. Я успел наклонить голову и лоб Трейси с глухим хрустом соприкоснулся с моей твёрдой как гранит башкой. Трейси вторично шлёпнулась на дубовый пол, больно ушибив мягкое место. Мне показалось, что я вижу, как перед глазами Стюарт плывут разноцветные круги и искрится радуга.

Первое, что увидела немного очухавшаяся девочка, было моим сжатым до побеления костяшек кулаком, застывшим пред её лицом... Трейси зажмурилась в нехорошем предчувствии.

Совсем рядом Артур, Мартин и Колин, радостно вопя, обнимались, празднуя мою победу, и, перебивая друг друга, обсуждали самые смачные моменты нашего жаркого поединка. Девчонки замерли на диване восковыми изваяниями. Такого они ещё не видели, думаю.

— Прости, маленькая, я не хотел тебя напугать, — опомнившись, растерянно прошептал я.

Трейси осторожно открыла глаза. Сейчас в ней не было и намёка на прежние агрессивность и браваду. Остался только обескураженный подросток шестнадцати лет... По моей руке стекала кровь, но я не обращал на рану никакого внимания. Я с тревогой присел рядом с Трейси и положил ладонь на лоб девочки, украшенный большущей вздувшейся шишкой.

— Ты как, голова не кружится, позывов к рвоте нет? — Я кудахтал, как курица-наседка, кляня себя на все лады. Чёрт, как же это я не сдержался... Лучше бы она мне набила фингал!

— Я ещё не беременная, — слабо пошутила Трейси. — Знаешь, мне ещё никто так не давал по шее. Ты классно дерёшься, но как-то странно... Я не знаю такого стиля, не могу понять. Что это? Где ты этому научился?

— Жизнь у меня была такая. Либо я, либо меня. Вот и пришлось... Учиться, — улыбнулся я. — Не волнуйся. Ты отлично сражалась. Гораздо лучше многих, с кем мне приходилось схлёстываться.

Трейси помолчала, затем тихо сказала:

— Знаю, звучит глупо, но я испугалась, что ты ударишь меня. И ударишь по-настоящему. Я не дура и понимаю, что если бы ты захотел, то превратил бы меня в отбивную...

— И думать не смей, — я приложил палец к её пухлым губам. — Я никогда, слышишь,

никогда тебя не ударю. ПО-НАСТОЯЩЕМУ.

Раздался довольный голос Артура:

— Ну что, задница, получила на орехи? А то заладила — «чёрный пояс, чёрный пояс»!

Нас поясами на испуг не возьмёшь.

Опираясь на мою руку, Трейси, морщась, поднялась и пригрозила:

— Сейчас, милок, я и до тебя доберусь. Береги яйца!

Поменявшись в лице, МакДжонс проворно спрятался за спину Колина.

— Ой, да у тебя кровь! — Трейси виновато потупила взор. — Я, кажется, тоже немного перестаралась. Давай, перевяжу!

— Ерунда, — успокоил я девушку. — Одним шрамом больше, одним меньше... Зато теперь буду всем рассказывать, что меня укусила невероятно потрясающая во всех отношениях девчонка.

Трейси гордо выпятила грудь. Мартин с отвращением фыркнул.

Приглушено загрохотали толстенные стальные цепи, и подъёмный мост надёжно запечатал вход в замок, ограждая его обитателей от ночной тьмы. Как обычно бывало в здешних местах, после захода солнца вязкий туман рассосался, задул прохладный ветерок, лаская могучие башни и высокие стены Стиллхолла.

По окончанию вечерней трапезы обитатели замка были предоставлены сами себе и вольны заниматься, кто, чем горазд. Стокман лично пожелал спокойной ночи всем гостям и отправился почивать в собственные роскошные апартаменты. Замок погрузился во мрак и сон. То тут, то там один за другим гасли ночные светильники в окнах... Но не все собирались предаться объятиям Морфея. Кое-кто и не думал заваливаться на боковую.

В одной из обставленных мягкой мебелью комнат, коим несть числа, на втором этаже замка собралась исключительно женская компания. Этаким девичник. Огромные, обшитые кожей диваны, кресла, добротный, весело полыхающий камин, задёрнутые на окнах шторы создавали уютную доверительную атмосферу. В комнате преобладали умиротворяющие пастельные тона, приглушенный свет люстры не резал глаз, добавляя истинно интимного шарма.

Саша и Джесс устроились на удобном диванчике, непринуждённо щебеча по мелочам, обсуждая какие-то, несомненно, важные девичьи проблемы. Вроде того, что надеть завтра утром или как та или другая относится к эпиляции на лобке. О как! Трейси сидела прямо напротив камина, с ногами забравшись в кресло и листая красочный журнал. В разговоре двух подружек Трейси не принимала никакого участия. Даже ухом не вела.

Джессика откинула назад чёрные смоляные волосы.

— Саша, ты как считаешь, могут простые шорты выглядеть слишком вызывающе в обществе пожилых людей и детишек, а?

— Шорты? — удивилась Зверева. — По-моему, сейчас не сезон носить шорты! А даже если и так, то что может быть вызывающего в простых шортах, и чем они могут шокировать окружающих?

— Как знать? — уклончиво ответила испанка. — Дело в том, что... м-м... шорты у меня не так уж и просты.

Почесав затёкшую ногу, Саша осторожно спросила:

— Они что, из прозрачного латекса?

— Вовсе нет, милая. Только в моих шортах имеются довольно таки широкие прорехи на

весьма интересном месте.

Саша не выдержала и рассмеялась:

— Да ты что? И где же?

Джесс обиженно надула полные губы.

— Не издевайся. Где, где... На заднице, где ещё!

— Подумаешь...

— Но я всегда ношу стринги...

Зверева невозмутимо полировала ногти о тонкий шерстяной свитер.

— Джессика, ты видела, как одевается этот английский гомик и та белобрысая шведка, не помню её имени?

— Эта потаскушка?

— Именно. И я не слышала, чтобы хоть кто-нибудь отрицательно выразился по сему поводу. Так что брось переживать и смело носи, что хочешь. В том числе и свои шорты. Правда, думаю, когда ты в них, нет отбоя от страстных взглядов!

— Да уж, на меня все пялятся! А я поначалу даже и понять не могла, в чём дело!

Девчонки прыснули со смеху. Даже стороннему наблюдателю было бы ясно, что красотки думают о чём угодно, но только не о завтрашнем дне и возможных проблемах. И тем более не об учёбе. На первом месте стояли развлечения и приятное времяпрепровождение. И кто бы посмел их осуждать?

— Знаешь, Артур смотрит на меня такими голодными глазами, — поделилась Джесс. — По-моему, он запал на меня с первого взгляда. Вечно таращится на мои сиськи.

Веласкес гордо покосилась на тугую, внушительный бюст, скрытый чёрной кофточкой.

— Да, Артур симпатичный мальчик. Правда, если бы не его взрывной характер, он заслуживал бы гораздо большего. Но для меня он чересчур горяч!

Согласно кивнув, Джесс вытянула стройные ноги.

— У него словно шило торчит... Но зато, какой он храбрый! И красивый, сукин сын.

— А что скажешь о Мартине?

— Он же ещё малолетка, — скривилась Джесс. — Сколько ему лет, шестнадцать? Конечно, он вполне ничего, но всё же... Был бы он постарше! Кстати, Саша, я заметила, что Колин к тебе явно неровно дышит. Постоянно на тебя пялится и заискивает, подлиза.

— И нечего он не заискивает! — возмутилась, вступаясь за юношу, Саша. — Колин — нормальный, спокойный парень. В меру серьёзный и ответственный. Кроме того, в голове у него кое-что есть в отличие от некоторых джентльменов.

— Вот — вот, а я о чём, — победно заулыбалась Джесс. — Да ты, смотрю, и сама к нему не равнодушна. Ишь, как нахваливаешь!

— Я не нахваливаю, — Девочка наматывала на палец кончик русой косы. — Я всего лишь сказала правду. По крайней мере, правду в моём понимании.

— Ладно, подруга, шучу я. Но я бы посоветовала при случае познакомиться с ним поближе. Он высокий, красивый, умный... Не забудь хотя бы взять его номер телефона, а то не ровен час, разъедемся на днях кто куда, в разные стороны, и поминай, как звали! И где ты его потом будешь искать? А вдруг этот душка твоя судьба?

Саша заломила бровь:

— И это я его расхваливаю?

— Так это же правда! — ловко выкрутилась Веласкес.

Камин неистово разгорелся, дрова судорожно корчились в жарком, жадном пламени.

Головешки, рассыпаясь на угли, с треском выстреливали оранжевые искры. Температура в комнате значительно повысилась.

Трейси незамедлительно стащила кожаную куртку и майку, внимательно просматривая журнал. Соседок она старательно игнорировала. Наконец, те не выдержали.

— Э — э, Трейси, можно у тебя кое-что спросить? — отважилась Джессика.

— Валяй, — буркнула Трейси.

— Как ты всё-таки согласилась драться с парнем?

Стюарт повернула к ним недоумённое лицо. Короткие волосы торчали дыбом, солидная шишка украшала лоб.

— А что тут странного? Согласилась и согласилась. Я и раньше дралась. Правда, всегда со счётом в свою пользу! Но сегодня Алекс обставил меня по всем статьям. Классный мужик. Вот он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** чего-то да стоит. Интересно, он один такой, или у вас России таких лопатой можно грести?

Задетая, Саша растерянно замялась. К своему стыду она буквально только несколько часов назад наконец-то поняла, что Алекс её соотечественник. И то потому, что Трейси назвала его фамилию. Английским он владел в совершенстве, гораздо лучше, чем она.

— Но он же бил тебя! — ахнула Джесс. — Я бы никогда в жизни не согласилась драться с мужчиной. Не женское это дело.

Ехидно улыбаясь, Трейси отложила журнал.

— Бил? Да он меня и пальцем не тронул. Скорее, это Я его била. А синяк я получила по собственной глупости и кроме себя мне обвинять некого. Удовлетворена?

Сконфуженная, Джессика умолкла. Саша небрежно поинтересовалась:

— Больно была прокалывать нос и пупок?

— Терпимо, — односложно ответила Трейси, потянувшись за журналом, едва слышно бормоча под нос: — Пристебались, пустоголовые клуши...

Заметив обложку журнала, Джесс ахнула.

— «Плейбой»? Ты читаешь «Плейбой»?

— Ну да. Что не так на этот раз?

Испанка покраснела.

— Но это же мужской журнал. В нём, кроме голых баб, ничего нет.

— А мне больше ничего и не надо!

— Но ты же сама девчонка!

— Надо же, заметила... А я думала, что меня все принимают за пацана.

Джесс переглянулась с Сашей.

— Тебе нравится рассматривать фото обнажённых женщин?

— И не только фото, — жизнерадостно ухмыльнулась Стюарт, раскрывая журнал.

Саша решила идти до конца.

— А ребята тебя, что, не интересуют?

— Ребята вроде наших придурков? Определённо нет. А то вы распищались тут: «ох, ах, красавчик! Нет, этот ещё красивей!» Тьфу.

Ткнув пальцем с чёрным ногтём в журнал, Трейси вынесла вердикт:

— Вот где настоящая красота. Да и вы тоже, малышки... ничего.

Трейси облизнула влажные губы. Джессика и Саша так и подпрыгнули, ошарашено уставившись на подмигнувшую им Трейси. На что она намекает?!

— Ну что, тишина?

— Абсолютная. Никого и ничего.

— Ты уверен?

— Слушай, кореш, я что, по-твоему, глухой и слепой старый козёл? Не трусь.

— Да я не трушу, — выпятил подбородок Мартин. — Просто не хотелось бы лишних осложнений. Если нас поймает этот эсэсовского типа дворецкий, нам несдобровать.

Артур, не колеблясь ни секунды, выскользнул за дверь. Возбуждение и азарт гнали его вперёд. Мартину ничего не оставалось, как последовать за ним. Плотнo притворив за собой дверь, юноши быстро огляделись. Но тускло освещённый коридор был пуст. Спонтанно решившись на ночную прогулку, приятели намеревались обшарить замок с верху до низу, справедливо рассудив, что ночь — самое подходящее время.

Стараясь не шуметь, и мягко ступая по каменному полу, «диверсанты» осторожно крались по коридору, прижимаясь к стене. Первой целью студентов была, разумеется, комната сексапильной Кристи Нотенберг. Свернув несколько раз, успешно, без приключений миновав огромный зал, увенчанный монументальным куполообразным потолком, друзья оказались в южном крыле замка. Замерев перед апартаментами Кристи, ребята довольно пожали друг другу ладони. То, что комнату вместе с золотоволосой шведкой делила и Грейс Брайен, несколько друзей не смущало. Они надеялись уговорить вожделенную Нотенберг пройтись к ним в спальню, обсудить на сон грядущий тематику средневекового искусства. Артур жадно приник к замочной скважине, остро жалея, что не может стать бесплотным духом и просочиться внутрь комнаты. Мартин рядом приплясывал от нетерпения, то и дело боязливо озираясь.

— Ну что, ты видишь их?

— Да что-то не пойму ни фиги...

— Чё ты не поймёшь? Дай лучше я гляну.

— Подожди.

Артур чуть не расплющил нос, пытаясь ввинтить глаз в узкую щель.

— Темно на хрен, как на душе у налогового инспектора. Так... Вижу кровать, кто-то на ней лежит... Ага! Один человек.

— Как один, то есть одна? А вторая куда делась? В сортир пошла отлить?

— Сомневаюсь. Половина кровати вовсе не разобрана. У меня такое чувство, что одной из них в номере вообще нет. И, по-моему, именно Кристи.

— Где черти носят эту шлюшку в двенадцать часов ночи? — изумился Мартин.

Конечно, друзья и предположить не могли, что в данный момент страстная шведка согревает постель ушлого Дона Рейнолдса. Разочарованию студентов не было предела. Что-то им подсказывало, что к оставшейся в комнате Грейс с интимными предложениями лучше не подкатывать. Артур обречённо махнул рукой:

— Пёрлись среди ночи хрен знает куда, и всё впустую. Не везёт нам, приятель.

— Надо было всё же идти в комнату Джессики и Саши, — согласился несколько подавленный Скотт. — Но и возвращаться, несолоно хлебавши, как-то не больно хочется... Что делать будем?

— А давай проберёмся на крепостные башни! — осенило Артура. — Заодно прошвырнёмся по третьему этажу. Может, что интересное и найдём?

— А что, классная идея. Возбуждает.

— Странно. А я обычно возбуждаюсь совсем от других идей.

— Да пошёл ты...

— Только бы не заблудиться.

Но не успели юноши пройти и десятка шагов по направлению к лестнице, как им наперерез двинулась подозрительная тёмная фигура. Незнакомый появился из-за угла и застыл напротив очумевших приятелей, видимо, в той же степени поражённый. В первый момент ребята даже не поняли, кто именно преградил им дорогу. Виновато было не ахти какое освещение. Масляные фонари значительно уступали электрическим лампам. Но присмотревшись... Артур чуть не застонал от жалости к самому себе.

— Боже мой... Только не это. Лучше бы мы и в самом деле встретили настоящее привидение!

Ибо пред ними стоял никто иной, как наследный в тридесятом колене лорд Герберт Уэнрайт, известный своими родственными связями с королевским двором и яркой приверженностью к гомосексуализму. Невысокого роста, стройный, по-женски изящный лорд вырядился в чёрное облегающее трико и неизменные женские сапожки на тонком каблуке-шпильке. Светлые кудряшки лорда прилипали к черепу, глаза были подведены чёрной же тушью, а губы ярко накрашены розовой помадой. Судя по всему, Герберт считал, что его вечерний туалет произведёт сногшибательное впечатление.

Так и вышло. Оторопевшие студенты чуть не упали, прячась друг за дружку. Уэнрайт аж засветился от радости.

— Ух ты, какая неожиданная полуночная встреча! Как романтично... Привет, котики мои, я вас не слишком сильно напугал?

— Э — э - э... Вроде, нет, сэр. Мы, пожалуй...

— Ой, как хорошо, что я вас встретил! — захлопал в ладоши лорд. — Представляете, мальчики, я вышел из номера подышать свежим воздухом и заблудился. Да, да, заблудился. Уж и не знаю, чтобы я делал, если бы не встретил вас. Мне жутко повезло, вы не считаете?

— ... пожалуй, пойдём, — закончил фразу Мартин, стараясь держать между собой и лордом Артура.

— Но куда же вы пойдёте без меня? — недоумённо нахмурил выщипанные брови Герберт. — Я же от страха чуть трусики не намочил... Вы не посмеете оставить меня одного! Я ужас как боюсь темноты и одиночества. Мне нужно надёжное мужское плечо...

Герберт жеманно захихикал, плотоядно глядя на замерших юношей. Артур пятился раком, с отвращением выслушивая откровения Уэнрайта. Мартин тяжело дышал ему в затылок, готовый в любой момент дать дёру.

— Я, конечно, сочувствую вашему горю, — выдавил МакДжонс. — Но должен заметить, нам с вами однозначно не по пути. Если вам захотелось свежего воздуха, то достаточно было открыть окно в комнате, и вы бы не попали в нынешнюю ситуацию.

— И вообще, мы предпочитаем девчонок, — пробубнил из-за плеча Артура Скотт.

Герберт определённо расстроился. Он скривил накрашенные губы.

— Девчонки... Фи! Что в них хорошего, мальчики? Вечно мокрые, хныкающие, заносчивые и жалкие создания. Терпеть их не могу. Другое дело мускулистые, красивые, вежливые парни... Вроде вас.

В маслянистых глазках Герберта загорелся огонёк вожделения. Заламывая холёные пальцы рук, лорд неотвратимо надвигался на студентов.

— Да он полный псих! — шепнул Мартин.

— Сам вижу, — огрызнулся Артур. — Светла же нелёгкая с этим педиком...

Дальше отступить было некуда. Вспотевшие спины ребят уткнулись в старинный гобелен. Герби вплотную приближались к онемевшим друзьям. Длинными, наманикюренными ногтями лорд провёл по щеке Артура.

— Ах, какая гладкая, молодая, нежная кожа... — задумчиво протянул Уэнрайт. — Когда-то и я был юн и свеж. Да, были времена... Ты очень красив, мой мальчик.

— Сожалею, но похождения вашей бурной молодости меня несколько не волнуют, — выдавил Артур, стараясь слиться со стеной воедино. — Да поймите же, вы не в нашем вкусе, чёрт возьми! Мы НЕ голубые!

— Вы меня возбуждаете, — поджав губы, признался Герберт. — Что вы скажете, если я приглашу вас к себе на чашку чая?

— Предпочитаю кофе, — прохрипел Мартин, отползая в сторону. — Прекратите сейчас же свои гнусные притязания и пошлые намёки, иначе мы будем вынуждены...

— Поцеловать меня? — ахнул, окрылённый надеждой лорд.

— Дать вам по морде! — зло рявкнул доведённый до точки кипения Артур, не заботясь, что разбудит весь замок, и отпихнул Уэнрайта.

Тот отшатнулся, чуть при этом не упав. Воспользовавшись спасительной заминкой, Артур с Мартином ломанули так, что пятки засверкали. Желание путешествовать по замку у них отпало напрочь. Да и как иначе, когда вокруг бродит хищный озабоченный лорд?!

Беспомощно глядя вслед улепётывающим юношам, Герберт обнюхал ноготь и с придыханием произнёс:

— Нет, право слово, эти мальчишки меня заводят. СИЛЬНО. Надо будет уделить им особое внимание...

Мне не спалось. Я долго ворочался с боку на бок, поглубже зарываясь в воздушные перины. Возможно, именно невероятная мягкость постели не давала мне заснуть. Я то привык к лежанкам пожёстче. А вот моему коллеге по койке было хоть бы хны. Колин мне на зависть выдавал знатного храпака и сладко похрюкивал. Сукин сын. Распахнув глаза, я уставился в балдахин, скрадывающийся в ночной темноте комнаты...

Резко откинув тонкое одеяло, я выпрыгнул из кровати и прошлёпал по ворсистому ковру к окну. Чуть отдёрнув штору, я глянул наружу. В невероятно чёрном небе мерцали серебряные гвоздики звёзд. Дневного сумрака и туч как не бывало. Близ неполной, словно надкушенной луны, расплывалось белесое марево. Уже через считанные часы тёмное полотно неба сменится ослепительно синим разливом. Ну, это я размечтался, конечно. Скорее всего, будет пасмурно и уныло. А то ещё и дождь опять ливанёт. Тут это запросто. Насколько хватало глаз, за окном простиралась холмистая равнина, скупо поросшая побуревшей травой. Окрестные земли не слишком отличались от тех мест, где я родился и вырос. Даже ностальгия какая-то накатывает, странно... Правда, раскинувшийся на противоположной восточной стороне, невидимый сейчас, лесной массив отнюдь не являлся привычной частью ландшафта родных мне земель. Самому себе я мог признаться, что лес меня... Сильно напрягал. Пугал он меня, вот. Откуда и почему зародилось это чувство, объяснить я не мог. Как и не мог ничего с собой поделаться по этому поводу.

Перед сном страшно смущающийся Рэнделл испросил у меня великодушного разрешения зачитать ещё один стих собственного сочинения. Что и говорить, во мне высокий юноша нашёл более чем благодарного слушателя. Как и всякому творческому человеку, ему периодически требовалось изливать душу. Да я, собственно, особо и не

возражал. Получалось у него толково и по существу. Я выставил лишь одно условие — ни слова про любовь. Колин клятвенно заверил меня, что упаси боже. Врал, конечно, мерзавец... А стишок и впрямь был неплох. Цеплял за живое.

Я настезь распахнул окно,
И ветер в комнату ворвался.
Вцепился с воем мне в лицо,
Но я лишь тихо рассмеялся.
Ни дождь, ни тьма, ни ураган
Мне не страшны теперь, поверьте.
Ведь жизнь не сказка, а обман,
Мираж в безумной круговерти.
В глазах туман, в запястьях боль,
И вены жжёт, конец уж близко.
На чистый пол стекает кровь,
А надо мною смерти призрак.
Уйду я тихо, без помех,
Оттуда мне не возвратиться.
Бог не простит мне тяжкий грех,
Ведь я изгой, самоубийца.
Я не оставлю за собой
Письма посмертного в крови.
Осталось только фото той,
Кого всем сердцем я любил.
Взобрался я на подоконник —
Внизу тринадцать этажей.
Шатаюсь, я почти покойник
От безнадежной любви к ней...
Прощайте все, прости меня,
Ты, кому душу я отдал.
Таков финал на злобу дня,
Закрыв глаза я — и упал.

Как я и предполагал, у Колина были весьма абстрактные понятия касаясь тематики и трактовки стихотворных произведений. И это НЕ про любовь?! Опустив шторы, я больше не раздумывал. Я зажёл керосиновую лампу на прикроватном столике и нашарил свои шмотки. Натянул штаны, майку и обулся. Прикрутив фитилёк, я вышел из комнаты, тихонько притворив за собой дверь, чтобы ненароком не разбудить горе-поэта. Пусть спит, сердешный. Умаялся, поди, за день. М-да, ещё немного и я заговорю, как его любимая бабуля!

Чем, ворча, жаловаться на бессонницу, лучше прогуляться по замку, рассуждал я. Естественно, я, шатающийся по тёмным коридорам, буду выглядеть несколько подозрительно, но кто об этом узнает? Вроде все должны преспокойно спать. Моя спальня

располагалась на первом этаже, вместе с другими комнатами, некоторые из которых ещё не были, как следует, обустроены и находились в стадии ремонта. Спальни были разбросаны по четырём крылам замка, а коридоры сходились в гигантском холле. Кроме того, первый этаж вмещал немислимых размеров приёмный зал, обеденный зал, оружейную комнату, библиотеку и вместительную кухню.

Хочу заметить, что кухня находилась на первом месте в моём списке приоритетов. Чегой-то мне восхотелось плотно перекусить. И я был намерен отыскать кухню, во что бы то ни стало. Было бы неплохо встретить по пути празднующегося Коннора, усмехнулся я. Жаль, что старик почти наверняка дрыхнет без задних ног. Коннор бы уж точно указал нужное направление. В конце концов, я очутился в холле и попробовал сориентироваться. Окинув хозяйским взором (пока никто не видит!) великолепное убранство холла, я решил снова положиться на своё звериное чутьё, не раз выручавшее меня из крутых передряг, и направился к импонирующему мне коридору.

Двигаясь в полутёмном каменном пространстве, я примечал по обеим сторонам закреплённые на стенах геральдические штандарты, боевые знамёна, навеки застывшие рыцарские доспехи... Металлические руки безмолвных воинов свободно покоились на гардах воткнутых в пол мечей. Безликие забрала провожали меня взглядом пустых, жутких глазниц. Я буквально ощущал, как на меня давит внушительный груз веков. И мне нравилось это ощущение. Нравилось чувствовать себя хоть небольшой, но частицей замка. Частицей древней истории...

Вскоре я убедился, что чутьё меня не подвело. Через несколько изгибов, упрямо двигаясь только вперёд, я остановился напротив неплотно прикрытой простой двери из шлифованных досок. Из щели пахнуло мощным жаром и сочным ароматом кухни. Корица, лавровый лист, запах жареного мяса, наваристых похлёбок и экзотических специй... Неужто наш чудо-повар и по ночам кашеварит? Когда он спит, бедолага? Молодца, ничего не скажешь. Я блаженно улыбнулся. Похоже, я прибыл по адресу. И, может быть, опрокинем с поваром рюмочку другую за знакомство? Поболтаем по душам, развеем скуку, так сказать. Но что это? К запаху яств и треску сгораемых в камине дров, примешивались чьи-то возбуждённые голоса.

Неужели и Коннор там, помогает жарить плюшки? Я прислушался. И понял, что к процессу приготовления пищи голоса не имеют никакого отношения. Я совершенно точно различил два голоса. Первый — низкий, испитой, хрипловатый — принадлежал, несомненно, мужчине лет сорока с хвостиком. Кому принадлежал второй голос, я затруднялся ответить. То ли женщине, то ли ребёнку... Однако в интонации этого, непонятного мне, голоса отчётливо проскальзывали пугливые, граничащие с истерикой, нотки. Стараясь лишний раз не шуметь, я застыл, наострив уши.

— ... ну что же ты убегаешь от меня, малютка? Ты же знаешь, я всегда желал тебе одного добра!

— Это смотря что вы считаете добром!

— Ого! Да ты, я смотрю, грамотная стала не по годам. Кто тебя научил грубить своему папочке?

Обладатель хриплого голоса чему-то развеселился.

— Вы мне не отец! — в голосе маленькой девочки (теперь я был уверен в своём определении) прорезался гнев. — Мой папа давно умер. И если бы он был жив, вы бы так себя не вели!

— Жив? Ты права, твой старик отбросил копыта, а твоя мамаша кинулась на шею первому встречному. То есть мне. Мне! Кто, мать твою, растил тебя все эти годы, заботился, кормил, одевал? Дух святой? Нет? Правильно. Я и только я. И неужели я не заслужил хоть малейшей благодарности, горбаться ради тебя до седьмого пота?..

Сейчас хриплый голос звучал зло и ощутимо сочился ядовитым сарказмом.

— Только я один думал о тебе и больше никто! Думал, как запихнуть кусок хлеба в твою неблагодарную глотку. А до чего же ты прожорлива!

— Вы меня всегда ненавидели! И всегда думали, как от меня избавиться!

— Не смей со мной так разговаривать, маленькая дрянь! Когда твоя мать смылась (плевать она на тебя хотела), ты осталась сидеть на моей трудовой шее. Да, да, трудовой шее! Думаешь, было легко сделать из тебя человека?

Надо же, какой добряк, поразился я, не ослабляя внимания.

— Я вас не просила ЗАБОТИТЬСЯ обо мне.

— Заткнись. Мне пришлось это делать. Ибо по натуре я человек мягкий и сострадательный. А в ответ ничего, кроме неблагодарности я не получаю. Сколько я мучился с тобой, недоедал, с хлеба на воду перебивался, лишь бы ты с голода не сдохла!

— Кроме выпивки вас ничто не интересовало, в том числе и я. Только папа меня любил!

— Да пусть он горит в аду! Он был ублюдком при жизни, остался им и после смерти. А твоя шлюха-мать...

— Не смейте ТАК говорить, вы!..

Голосок неизвестной девочки дрожал от обиды и едва сдерживаемых слёз.

— А то что, укусишь меня? Ладно, лапушка, этот разговор бесконечен. Хватит об одном и том же... Давай лучше поиграем! Твоему любимому папочке необходимо расслабиться после долгого тяжёлого дня. Ну, иди же ко мне!..

— Нет!

— Ты что, боишься меня? Я же не хочу тебе ничего плохого, прелесть моя. Просто поиграем, как в прошлый раз.

— Не надо, пожалуйста...

— Ну что же ты... Пстой, не вздумай убежать от меня, тебе же хуже будет. Ты что, забыла, как нам было хорошо ТОГДА?

— Ну, пожалуйста, сэр, не трогайте меня, пожалуйста, — девочка шептала с отчаянной мольбой, всхлипывая и запинаясь. В её дрожащем голосе сквозил такой ужас, что я покрылся мурашками. Что этот подонок собирается с ней делать?

— Лучше ударьте меня, избеите, только не касайтесь меня ТАМ...

— Хорошо. Хорошо, я сказал. Не буду. Это ты будешь касаться меня. Как я тебя учил. Ты способная девочка, должна была запомнить.

— Я не хочу!

— А кто интересуется твоими желаниями? — удивлённо хрюкнул мужик. — Главное, что я хочу и хочу сильно. Покажи ручки, милая, не прячь их, разомни пальчики. Ой, какие у нас хорошие пальчики...

— Прошу вас, не надо, по...

— А ну хватит! Хватит ныть, маленькая стерва! Будешь делать то, что я тебе говорю и точка. Иначе я сверну твою цыплячью шейку!..

— Я в-всё расскажу мистеру Стокману...

— Попробуй и увидишь, что произойдёт. Я из тебя ремней настригу, ДОЧЕНЬКА

Расскажет она, ишь...

Я почувствовал, как холодная ярость застилает мою обычно рассудительную и трезвую голову, низводя до уровня дикого животного. Кроме шуток. А я ещё собирался распить с НИМ чарку! Остро захотелось сломать хребет этому доброхоту. И тут послышался какой-то шорох и вжиканье «молнии»...

— Приступай, малышка, доставь папочке удовольствие. Поработай ручками...

Больше сдерживаться я не мог. Ну, вы меня понимаете. Я слегка отклонился назад и со всей силы ударил ногой в дверь. С грохотом выстрела мортиры дверь распахнулась, едва не слетев с петель. В помещении было жарко, как в бане. Кухня была просто огромна и ярко освещена свисающей с выбеленного потолка люстрой. Помимо полыхающего камина, нескольких жаровен и газовых плит, кухня вмещала целую вереницу столов, забитых соответствующей утварью. По стенам развешаны сковородки, кастрюли, всевозможные черпаки и прочая, прочая. Рядом с огромным кухонным шкафом была ещё одна дверь, не иначе ведущая в продуктовый подвал.

От жара и аромата булькающих на слабом огне котелков и кастрюль, точнее, их содержимого, у меня невольно закружилась голова. Да-а, кухонька впечатляла, что говорить. Но где же наш замечательный повар? А вот и он! Наш старый добрый повар. Между камином и плитой гипсовым изваянием замер жирный, как боров, толстый, небритый тип с тройным подбородком и совершенно дикими заплывшими глазками. На лысеющей светловолосой башке — белоснежный колпак, белая, заляпанная жиром куртка и спущенные до колен штаны довершали облик толстяка. Грязный фартук каким-то чудом держался на гиппопотамьей талии. И это урод для нас готовит?

— Ты, что ли, не доедаешь? — хмуро обратился я к этому жиртресту. За колоритной тушей повара едва угадывалась маленькая фигурка стоящей на коленях девочки.

— Ты кто такой, мать твою? — наконец, смог выдавить повар. Все его подбородки гневно затряслись. — А ну, пошёл вон с моей кухни, пока я тебе все рёбра не пересчитал!

— Штаны подбери сначала, — с отвращением процедил я. — Боров...

— Ах ты, сволота! — взвыл толстяк. — Да я же тебя сейчас расплющу...

— Я не маленький ребёнок, как ты мог заметить, извращенец поганый.

— Ну всё, хиляк, ты нарвался на ОЧЕНЬ крупные неприятности.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся я, недобро сощурясь. Занервничал наш повар, забеспокоился, вон как забегали его свинячьи глазки. Понимает, что его маленькая тайна может стать достоянием широкой общественности.

— Всё, мразь, сейчас ты у меня получишь! — заорал, сотрясая воздух, толстяк. Я испугался, как бы ни оборвалась от такого истошного вопля люстра.

На ходу подтягивая штаны, брызжа слюной, повар ополоумевшим мамонтом ринулся на меня. Я без труда уклонился от набычившегося толстяка и вдогонку от души отоварил детинушку ботинком под жирный зад. Размахивая руками, как лопастями вертолёта, путаясь в собственных штанах, повар с шумом горного обвала врезался в шкаф с посудой. Прочнейшая черепная коробка выдержала столкновение, хрупкие сосновые доски — нет. Взревев от боли и отчаяния, повар с трудом восстановил равновесие и, угрожая пудовыми кулаками, вновь набросился на меня.

— Эх, тебе неймётся, — крикнул я, встречая толстяка смачным ударом кулака в челюсть.

Воинствующий сотрудник ножа и вилки словно наткнулся на непрошибаемую стену. Во

все стороны брызнули рубиновые капли крови, звучно хрустнули зубы... Поскользнувшись на кафельной плитке, устилавшей весь пол кухни, повар грузным кулем свалился под стол, надрывно харкая. Я потряс отбитыми костяшками пальцев, мрачно наблюдая за стонущим негодяем.

— Поднимайся, ублюдок, наш разговор ещё не закончен.

— П-пошёл ты... — прохрипел толстяк, кое-как воздев себя на окорокоподобные ноги. — Ну, держись, падла!

— Ты чертовски однообразен, мой щетинистый друг.

Издав рёв кастрированного хряка, повар схватил со стола острозаточенный мясницкий нож.

— Ух, а это уже кое-что новенькое, — оценил действия неприятеля я, отходя на свободное пространство.

— Пришью, сучара!!!

Оскалив остатки зубов, размахивая здоровенным тесаком, повар храбро пошёл на меня. Зрелище не для слабонервных! Я услышал, как в углу испуганно вскрикнула девочка, видимо посчитавшая, что её неведомому спасителю придется туго. Пригнувшись от просвистевшего над головой клинка, я поймал себя на мысли, что просто мечтаю сломать что-нибудь этому жирному дегенерату. Поставив блок под следующий неуклюжий выпад, я заломил разящую десницу толстяка, выворачивая её под весьма болезненным углом. Из побелевших пальцев повара выпал нож. Натужно хрипя, боров пытался освободиться от моего стального захвата. Ха, не тут-то было. Я швырнул детинушку на стол, ударив мордой о металлическую поверхность, и протащил неподъёмную тушу по столешнице, сметая тарелки, чашки и кастрюли, переливающимися водопадом хлынувшие на пол.

Повар тихонько подвывал. За ним оставалась размазанная дорожка крови, щедро отторгаемой разбитым носом. Шлёпнувшись на усеянные битым стеклом и фарфором плиты, толстяк гортанно застонал. После всех перипетий он представлял из себя довольно таки жалкое зрелище. Окровавленный, подавленный, униженный, в разорванной форме, без слетевшего с башки колпака...

Я удовлетворённо улыбнулся. Кажется, толстяк просто в шоке. Но что это? Проявляя чудеса стойкости и ослиного упрямства, повар вновь поднялся, раскачиваясь на пятках и, похоже, мало, что соображая.

— Ах, т-ты, ты, паскуда-а...

И он ещё способен говорить? Я быстро шагнул вперёд, всадил носок ботинка между ног повара и, когда зажимая ушибленное место и голося тоненьким фальцетом, толстяк рухнул на колени, рубанул ребром ладони по широченной «трудо­вой» шее. Икнув, повар без чувств уткнулся лбом в кафель.

Я развернулся и с видом триумфатора прошествовал к гудящему от пышущего пламени камину. Примостившаяся подле девочка настороженно наблюдала за моим приближением. Остановившись, я опустился на колени и, стараясь изо всех сил выглядеть добрым дядькой, подмигнул ей:

— Привет, крошка, как тебя зовут?

Девочка затравленным волчонком смотрела на меня. Она была маленькая и очень худенькая. Я не дал бы ей больше двенадцати лет. Одета в дешёвое серое платье, она подтянула колени к подбородку, сцепив между собой исцарапанные пальцы. Судя по всему, калорийной пищей она не злоупотребляла.

— Не бойся, я тебя не трону, — продолжал я утешивать девочку. — Меня зовут Алекс, а тебя?

Девочка разомкнула обветренные губы и робко прошептала:

— Герти...

— Для такой малютки ты вела себя отважно и смело, — подивился я. — Ты молодец...

Я ласково погладил девочку по спутанным чёрным волосам. Она непроизвольно сжалась. Огромные карие глаза продолжали испуганно следить за мной с худощавого измученного личика. У меня защемило сердце, братцы! Я ж по натуре человек сентиментальный и ранимый. Как бы тут на месте ещё не разныться вместе с ней... Вот странная картина будет. До какого же состояния довёл несчастного ребёнка этот боров? Страшно даже подумать, ЧТО он вытворял с девочкой...

— Этот... недоносок, — я кивнул на пребывающего в прострации повара. — Он твой отчим?

Герти молча кивнула.

— Да, сэр... Родителей у меня нет и отчим... воспитывает меня.

— Воспитывает. Ублюдку бы работать в концлагере, а не на кухне. Он бьёт тебя?

Герти поёжилась — вопрос был риторический. Её лицо ещё носило следы давних побоев.

— Всякое бывало, сэр...

— Постой, постой, Герти. Я не «сэр», а Алекс. Договорились?

Я не решился спрашивать, что ещё, кроме битья, испытала бедная девочка. Мне было почему-то стыдно.

— Не бойся, теперь твой отчим и пальцем тебя не тронет. В противном случае я ему руки переломуаю. Не плачь... Хочешь, я провожу тебя в твою комнату?

В принципе, я достаточно смутно представлял себе месторасположение комнат прислуги и кухонного персонала, но не хотел, чтобы маленький ребёнок в одиночку плутал по каменным коридорам замка.

Всхлипнув, Герти внезапно вскочила и опрометью бросилась к двери. Я ошарашено смотрел ей вслед... Герти скрылась за дверью и, стуча каблучками, побежала по каменной кишке коридора. Прислушиваясь к затихающим шагам, я недоумённо пожал плечами. Чего это она учудила? Неужели я смахиваю на злодея-маньяка? Вроде, нет, но... Или же мое предложение проводить её Герти восприняла, как нечто большее? Как гнусный пошлый намёк? Я стиснул зубы. Да что же происходит с нашим миром, если существуют подонки вроде того, что сейчас валялся на полу? Бедный ребёнок... Надо будет найти её и поговорить. Но с другой стороны, зачем? Чтобы в очередной раз соврать? Как я могу дать обещание, что отчим больше не тронет её? Да не сегодня, так завтра я уеду отсюда, и ноги моей больше никогда не появится в этих местах... А она? Она останется здесь, на кухне, продолжая выполнять недетский труд и регулярно подвергаясь насилию со стороны своего родственничка. Бред! Мрак! И всё, все мои слова не будут стоить и выеденного яйца. Как же мне хотелось, чтобы всё было иначе... Но что я могу? Поселиться в Стиллхолле навеки? Устроиться лакеем? Я тоскливо потёр подбородок, отметив по ходу дела, что не мешало бы и побриться, а то зарос, как шимпанзе... Ну, так что, господа? На первый взгляд я страдал абсолютно ненужной фигнёй. Да мало ли на свете таких вот несчастных сироток? Всех не защитишь. Но я и не собирался прыгать выше головы, зарабатывая грыжу! Одному-то ребёнку я точно в состоянии помочь! Не спорю, я здорово очерствел сердцем за последние

времена, и на многие вещи смотрю сквозь пальцы, не терзаясь душевными переживаниями. Но эта ситуация таки выбила меня из колеи, добавив ещё одну головную боль. Что делать-то?

Я злобно глянул на повара. Ну не убивать же его, в конце то концов! Хотя... Жирный ублюдок ещё пожалеет, что решил работать в замке. Аппетит у меня пропал напрочь.

*Твой девиз — не верь, за храмом воет зверь,
 Это — високосный век!
 Страшно, ты один, твой доктор — героин,
 Это — високосный век!
 Взрыв и адский жар — оскалил пасть пожар,
 Это — високосный век!
 Мастер «Високосный век»*

Энтони Коннор сноровисто шуровал кочергой в разгорающемся камине, согревающим огромный холл. Поглощённый этим занятием, меня он не замечал. Распрямившись, Коннор, кряхтя, потёр поясницу, и, наконец, услышал шаги за спиной. Дворецкий неспеша отложил кочергу и одёрнул сюртук, в который раз стряхивая несуществующие пылинки.

— Доброе утро, мистер Болотин, — поздоровался Коннор. Он помнит моё имя?

— Утро доброе, старина. Как жизнь?

— Не жалуюсь, сэр.

— Я думал, что дворецкому не пристало копошиться в камине, — я приподнял бровь, не скрывая удивления.

Старый мажордом изогнул губы в улыбке.

— Знаете, у нас далеко неполный штат и многие вещи приходится выполнять самому. Мистер Рейнолдс при всём желании один не справится. Я и так загружаю его работой по полной программе... А мне, мне не впервой.

— Понятно... Слушайте, я вот что хотел у вас спросить...

— Всё, что в моих силах, мистер Болотин.

Я неловко помялся, не зная, с чего толком начать.

— Видите ли, у вас на кухне работает один человек... Повар. Не знаю, правда, как его зовут... Этот тип производит довольно таки неприятное впечатление. У него ещё, по-моему, есть маленькая дочь, хм. Так вот...

Слушая мои словесные потуги, Коннор согласно кивал.

— Да, сэр, вы правы. У нас и в самом деле имеется в штате человек, попадающий под ваше описание. Весьма сомнительный тип, как вы верно подметили. Его имя Джон Хэтфилд.

— Как же вы приняли на работу этого человека? — изумился я. — Лично мне он не внушает ни капли доверия!

Дворецкий коснулся выбритого до синевы подбородка.

— Я с вами полностью согласен, сэр. Хэтфилд не заслуживает доброго слова. Но... Он так жалостливо рассказывал, как ему тяжело растить падчерицу, как он остро нуждается в работе, что я не смог ему отказать. Помимо того, он всё же очень хороший кулинар и у него замечательные рекомендации... Хотя, это, конечно, не умаляет его прочих недостатков!

— А что вы скажете о его падчерице, Энтони?

— Может, я и ошибаюсь, но, по-моему, девочке не сладко живётся с отчимом... Бедное дитя помогает ему на кухне. Не подумайте, сэр, никто не принуждает ребёнка к работе. Она сама вызвалась помогать.

Я прислонился плечом к тёплым кирпичам камина.

— Ясно... А... Не считите меня за любопытную ворону, сующую нос не в свои дела,

но... Они живут в ОДНОЙ комнате?

— М-м, да, насколько я помню. На третьем этаже, в северном крыле.

Сжав кулаки, я похолодел. В одной комнате? Одному Богу известно, как издевается над несчастной девочкой этот извращенец!

— Спасибо, сэр, что нашли время ответить на мои вопросы.

— Ну что вы, мистер Болотин, — растрогался Коннор. — Какой я вам «сэр», я всего лишь дворецкий!

— Вы гораздо старше меня и заслужили хоть какую-нибудь толику уважения, — возразил я. — Кстати, вы сегодня ещё не видели этого Хэтфилда?

— Нет, я ещё не был на кухне, но собираюсь туда сходить. Надо обсудить сегодняшнее меню.

— Хочу вас предупредить, что, хм, вы несколько удивитесь, встретив вашего повара в несколько... э — э... потрёпанном виде.

Коннор пристально посмотрел в мои бесстыже-невинные серые глаза.

— Что вы хотите этим сказать, сэр?

Я сурово потемнел лицом.

— То, что если этот ваш кулинар ещё раз обидит Герти, я ему шею сломаю. Я бы настоятельно рекомендовал мистеру Стокману разобраться в создавшейся ситуации, иначе я за себя не ручаюсь.

Дворецкий молча кивнул и положил сухую руку на моё плечо.

— Сэр, у вас доброе и чуткое сердце, и я целиком и полностью на вашей стороне. Но я сомневаюсь, что хозяину есть какое-то дело до этого ребёнка. Он не поможет ей... Никто не обращает внимания на таких детей... Всем начихать на судьбу того, кто стоит ниже тебя по социальной лестнице или чем-то отличается. Это тяжело и больно сознавать, но, увы, это так.

— Тогда... Не буду от вас скрывать, я возьму судьбу Герти в свои руки, — отчеканил я, не отдавая себе отчёта в том, что я, собственно, несу! Что на меня нашло? Совесть проснулась, как медведь-шатун по весне, и никак не хочет обратно залегать в спячку?

— Да поможет вам Господь, сэр, — тут же благословил меня старый дворецкий. — Смотрите, не опаздывайте к завтраку.

Спал я не важно. Всю ночь снилась какая-то нелепая белиберда. Суший бред в виде разрозненных кусков старых забытых детских кошмаров, никак не желающих сложиться в единую мозаику. Стаи ворон, полчища крыс, жуткие зубастые тени, волки, удушающий туман... И поверх всего этого чокнутого богатства — полубезумное лицо зловеще хохочущей Элис Блэр, замогильным голосом предрекающей очередные ужасы! Охренеть можно. Кого винить в моих плохих снах даже и ума не приложу... Может, Колина, у которого помимо всего прочего была отвратительная привычка под утро задавать ТАКОГО храпака, что хоть вешайся? А тут ещё как будто кто за язык потянул встрять в этот глупый разговор с дворецким... Зачем? Чёрт, я словно оправдываюсь перед самим собой и вдобавок делаю вид, что о чём-то ещё думаю, хотя на самом деле всё уже давно решил. А сейчас просто впадаю в утешительный самообман! В общем, настроение у меня резко упало на ноль. И это ещё до завтрака.

Сколько мы уже здесь? Два дня? Я не спорю, Стиллхолл — прекрасное местечко и при других обстоятельствах... Но, по-моему, погостили и хватит. Когда, интересно, вновь

запустят все рейсы и за нами пришлют автобус? Выбраться из этой дикой глуши иным способом я не представлял возможным. Разве только уговорить Стокмана увезти меня отсюда! Эй, дружище, да что с тобой? Куда ты собрался? Ты хочешь убежать от данного слова, от ответственности, от того, ЧТО хочешь сделать? Но ты же знаешь, что от себя всё равно не уйдёшь. Я боялся. Но чего? Своих предчувствий? Идиотских пророчеств сумасшедшей нищенки? Будущего? Своих спонтанных побуждений? Своего прошлого? Наверно, всего вместе... И, не считите меня параноиком, но у меня не пропадало ощущение, что я УЖЕ влип в какую-то крайне паскудную историю. Как говорится, чувствую, что дурят, но не пойму, где!

В обеденной зале я поймал белозубо скалящегося Бенни за рукав и отвёл в сторонку потолковать на предмет нашего дальнейшего проживания в замке. Стокман делал огромные честные глаза и божился, что регулярно созванивается с мистером Спенсером и всё время находится в курсе событий. И рад бы нас осчастливить хорошими новостями, но, к вящему сожалению, таковых на данный момент не находится. О нас не забыли, нас помнят, слёзно просят прощения за причинённые неудобства, но умоляют обождать ещё немножко. Самую малость. Ураган прошёл просто титанического размаха (старожилы и не припоминают такого за многие годы), до сих пор парализованы многие транспортные ветви, не во всех районах восстановлена связь и электроснабжение, дороги не расчищены, так что... Да они там что, сговорились все, что ли?! Я возмущался, отчётливо при этом понимая, что мои обвинения несправедливы и необоснованы. Ладно, ждём дальше. А что нам ещё оставалось?

Завтрак прошёл спокойно и не отметился ничем примечательным. Стокман по-хозяйски потчевал нас дежурными шутками, справедливо полагая, что хоть кто-нибудь, но оценит его юмор по достоинству. Как ни странно, таковые нашлись... Кристи, уже привычно трущаяся о могучий торс погружённого в тяжкие раздумья Блейка, хихикала к месту, и нет, восторженно хлопая в ладошки. Роберт Мастерс, поздоровавшись со мной, как со старинным приятелем, занялся кропотливым исследованием бутылки марочного вина. Ральф Шнитке по непонятной мне причине отсутствовал. В последнее время он был мрачнее тучи и, честно говоря, здорово меня беспокоил. Что нашло на немца, чёрт возьми? И почему у него такой вид, будто его со всех сторон окружают одни враги? Нет, надо будет обязательно поговорить с ним по душам. Герберт Уэнрайт живенько поблёскивал маслянистыми глазками и потягивал свои бесконечные коктейли. Я, например, и не видел, чтобы он ел что-нибудь существенное. Так, грыз одни фрукты ипил совершенно жуткое на вид пойло. На диете, что ли, сидит? Фигуру блюдёт, извращенец хренов! Грейс Брайен, на мой взгляд, страдала от одиночества и тоски. Она вяло ковырялась в салатах серебряной вилочкой и, когда думала, что её никто не видит, тяжело вздыхала. Я невольно пожалел рыжеволосую девушку, пообещав себе, что вот-вот и подкачу к ней. М-да, Казанова из меня, как из Дона Рейнолдса наследный принц Чарльз! Да, ещё Коннор почему-то во время завтрака то и дело бросал на меня осуждающие взгляды. Любопытно, с чего бы это? Наверно увидел небольшие косметические изменения на «личике» Джона Хэтфилда, прописанные лично мною. Но, смею заметить, поскольку завтрак всё же состоялся, повар чувствует себя вполне удовлетворительно и нечего на меня ТАК смотреть... Молодёжь... Ну, о них отдельный разговор.

Оружейная комната, наверно, была одним из самых мрачных помещений огромного замка. Мрачность комнаты усугублялось полным отсутствием окон и её устрашающим содержимым. Массивные канделябры и подсвечники, воткнутые по углам оружейной, своим

неярким сиянием создавали зыбкий баланс между светом и тьмой.

Стены комнаты были увешаны всевозможным оружием и атрибутами защиты. Тут же находилось несколько полностью снаряжённых рыцарских доспехов; длинный стеллаж, тянувшийся вдоль одной из стен, скрывался под завалами кольчуг, шлемов и мечей, коим не хватило места на холодном шершавом камне. В зале густо пахло оружейной смазкой, маслом и воском.

Я не знал, к чему прикоснуться в первую очередь. Всё, что меня окружало, выглядело до того заманчиво и соблазнительно... Всё, вплоть до последнего звена самой распоследней кольчуги. В глазах моих зарябило. Мечи: тяжёлые двуручные и сравнительно лёгкие полуторные, топоры, клевцы, секиры, чеканы, булавы, пики и турнирные копья (те ещё оглобли!)... Всего не перечислить. Я заметил даже несколько «моргенштернов» и арбалетов, не говоря об огромных луках английских пехотинцев.

А что нам скажет оборона? Оборона отвечала чисто деревянными и окованными железом щитами, шлемами — глухими рыцарскими «шишаками» с забралами и без, открытыми «роконтонами», стальными панцирями, пластинчатыми кольчугами, латными перчатками...

— Жаль, пора средневековья безвозвратно ушла, — посетовал я. — А то бы я развернулся. Эх...

— Тебе так нравятся эти орудия убийства и средства лишения человеческой жизни? — с иронией любопытствовала Трейси, затянутая в неизменную проклёпанную чёрную куртку. Мелкая заноза не отставала от меня ни на шаг. Прицепилась ко мне как банный лист, и норовила повсюду следовать за мной. Я, опять повторяюсь, особо не возражал. С ней было интересно. Поэтому я не гнал Стюарт взащей и терпел все её выходки.

— Трейси, как мне кажется, всё это железо, — я обвёл зал рукой, — должно вызывать у тебя только положительные эмоции. Металл всё-таки. Что скажешь?

— Скажу, что ты не устаёшь меня поражать, — сделала «страшные» глаза Трейси. — Только правду — ты сам догадался, что я «металлистка» или кто подсказал?

Я скривился, словно хлебнувши уксуса.

— Хитрая же ты бестия, малая... Но, сдаётся мне, в своём прикиде ты не будешь слишком выделяться из когорты средневековых воинов. Даже завешанных паутиной и покрытых пылью.

— А я и есть воин!

— Не спорю, — я приложил ладонь к ноющим рёбрам.

— Дурак ты, если не понял. Я воин «хэви металла», ясно?

— Ха-ха, ну, прям «Мановар» какой-то!

— Пошёл ты... Я же серьёзно!

Хохотнув, я подошёл к стене и снял с крюка полутораметровый «эспадон» с крестообразной гардой и тяжёлым литым навершием.

— Классная штука, — я поднял меч обеими руками, занося клинок за спину остриём вниз. — Но долго такой махиной не помашешь. Зато могу с полной уверенностью сказать, что хороший удар этим малышом запросто раполовинит любой доспех.

Вдоволь покрасовавшись перед Трейси, я бережно повесил двуручник на место. Девчонка с озорной улыбкой наблюдала за мной.

— Ты прям, как большой ребёнок.

— А войны и ведут взрослые дети, — я тяжело вздохнул. — Я не верю, что зрелый

разумный человек может додуматься до такой шутки, как война. А вот капризный, не наигравшийся, жестокий ребёнок — вполне. В войне нет ничего благородного и романтического. Война — это постоянно страх, боль, грязь, нервы... И единственное желание.

Я замолчал. Из глубины моей души поднялись отголоски давно утихнувшей бури. Я знал, что мои чувства отражаются в моих же глазах. Трейси робко положила ладошку на моё плечо и тихо спросила:

— Какое желание, Алекс?

— Выжить, — коротко ответил я, смотря куда-то вдаль, сквозь стены и камни. В прошлое. Я резко встряхнул головой и откашлялся. Что это на меня находит в последнее время? Неужели придется обращаться за помощью к доброму дяде-психологу? Я хмыкнул про себя: не смешно, совсем.

— Извини, мне не следовало распускать нюни. Тебе совсем не обязательно выслушивать мои бредни.

Девочка пристально смотрела на меня.

— Мне кажется, это вовсе не бредни. И я уверена, что ты постоянно не договариваешь о чём-то. О том, что всеми силами скрываешь, но оно нет-нет, да и прорывается на поверхность. Неужели ты...

Я щёлкнул её по носу.

— Забудь. Да, а где же твой знак боевой доблести?

— Это ты про синяк? — Трейси прикоснулась ко лбу. — Под толстым слоем телесного грима. А как тебе мой макияж?

Макияж? Хм, в представлении Трейси ЭТО, конечно, макияж. Огромные зелёные глаза она обвела жирной тушью, а губы покрыла чёрной помадой, нарисовав рот до ушей.

— Жутко смотришься. Джокер умер бы от зависти, если бы увидел тебя. Точно. Откуда такая любовь к гриму?

— Помимо прочего, я слушаю и «глэм-рок», — Трейси высунула язык, подражая Джинну Симмонсу.

Я поднял со стеллажа шипастую булаву на длинной, окованной железными полосами, рукояти. Поднял и охнул. Булава весила килограмм двадцать пять, не меньше. Пришлось поднапрячь мышцы, о чём я пожалел спустя несколько секунд.

— Не могу себе представить человека, владевшего этой красавицей, — признался я, вскинув оружие на плечо. — Должно быть, здоровый был мужик!

— Ты и сам не слабенький, — сахарным голоском польстила Трейси. — Да и вообще, Алекс, из всех особей мужского пола ты едва ли не единственный, кто мне нравится. Ну, не считая моего старика, разумеется... А ты мне нравишься просто потому, что ты такой, какой есть. Сильно нравишься. Хоть я и знакома с тобой всего ничего, но...

Я чуть не уронил булаву на ноги.

— Э-э-э... Это заявление расценивать, как комплимент или... нечто ИНОЕ?

— Слуш — а -ай, ты что себе вообразил?! — с лёту накинулась на меня Трейси. — Что я клею тебя? Да?! Вот умора! Ты что, издеваешься надо мной?

— А что тут такого? — обиженно протянул я, возвращая булаву на стеллаж. — Между нами не такая уж и огромная разница в возрасте. Кроме того, у нас много общего, не замечаешь?

Трейси смягчилась.

— Дело не в том, Алекс. Между нами не может быть ничего личного совсем по другой причине.

— Пожалуйста, поподробней.

— Я лучше промолчу. Как-нибудь в другой раз обязательно расскажу, но не сейчас. Не расстраивайся, мы всегда сможем быть любящими братом и сестрой...

Я опешил и разинул рот.

— Постой, постой. Ты это чего городишь? Ты думаешь, что это Я тебя хочу соблазнить и затащить в постель?

— А что, не так? — сделала невинные ангельские глазки Трейси.

— Да как ты... Да ты вообще... — я потерял от изумления дар речи. — Это же ты только что расхваливала меня на все лады, на что-то недвусмысленно намекая!

— Кто — Я? — ахнула Стюарт. — Ты что о себе возомнил, совратитель несовершеннолетних?

— А то кто же ещё? Плюс ко всему... Тьфу, ты, чёрт! Фу, Трейси, ты меня совсем запутала! Я уже не понимаю, кто из нас что хотел.

Не выдержав моей чересчур серьёзной и озабоченной мины, Трейси оглушительно расхохоталась, сгибаясь пополам от мучивших её спазмов смеха. Угрюмо смерив хохочущую девчонку насупленным взглядом, я непроизвольно хмыкнул, ухмыльнулся и присоединился к звонкому смеху Трейси.

— Дать бы тебе леща хорошего, — я вытер выступившие слёзы. — Ну да ладно.

Наш дальнейший диалог был прерван самым неподобающим образом. В оружейную комнату буквально ворвался Ральф Шнитке и, увидев меня, с ходу бросил:

— Алекс, есть серьёзный разговор. Незамедлительный. Я и так долго молчал.

Я поначалу чуть было не ляпнул какую-нибудь глупость, желая в лишний раз подчеркнуть собственное остроумие, но наткнулся на тревожный взгляд немца и захлопнул пасть. Опять подтверждается старая поговорка: если гора не идёт к Магомету — Магомет идёт к горе. Ральф опередил меня. Я первым собирался побеседовать с ним на предмет его окислившейся в последнее время рожки.

— В чём дело, дружище?

— Алекс, это разговор наедине. Прошу прощения у прекрасной фройляйн, но, боюсь, всё это не для ваших ушек.

— Вот как? — вздёрнула носик Трейси.

— Алекс, я не для того столько времени потратил, разыскивая тебя, — настаивал Шнитке. — Давай отойдём.

Я кивнул. У Ральфа был такой голос, словно ему сообщили, что Германия начала Третью Мировую! Мы незамедлительно прошествовали в угол помещения, остановившись под бронзовым витиеватым канделябром.

— Что случилось? Где ты пропадал? И что за форма одежды? Выглядишь, как будто на охоту собрался!

— Я только что вернулся в замок. С охоты.

— Только что? Э — э... В смысле ты всю ночь торчал снаружи?! Да ещё где, в лесу?!

Пригладив кончики встопорщенных усов, Шнитке утвердительно хрюкнул. Немец был в полном походном снаряжении, увешанный патронташем и хитроумными сбруями. С ремня хищно скалился охотничий нож, за спину закинута мощнейшая винтовка. В довершение ко всему, с бычьей шеи немца свисал на ремешке ночной инфракрасный бинокль. Он что, к

тёще всегда ездит как на последний бой? Похоже, Шнитке разошёлся не на шутку, смекнул я. Как бы дров не наломал истинный ариец...

— Именно в лесу и именно всю ночь.

— Я и смотрю, ты весь какой-то помятый, мешки под глазами... Кого ты выслеживал? Или от скуки маялся? — я всё ещё надеялся, что у немца приступ обычной паранойи.

— А ты не догадываешься? — Ральф устало вздохнул. — Алекс, если ты во мне сомневаешься, то кто мне вообще поверит? Я и так уже заработал немало подозрительных взглядов. Я что, похож на идиота?

— Да что случилось то? — я пытливо смотрел на немца. — Неужели тебя сбила с панталыку обычная зверушка?

— Обычная? Куда уж там! Я настолько хитрой бестии ещё никогда и нигде не встречал. Если это обычная зверушка, то я канцлер Германии!

Последнюю фразу возбуждённый Ральф выкрикнул на весь зал. Изо всех сил оттопыривающая уши Трейси вздрогнула и изогнула бровь. Наверно решила, что мы о политике рассуждаем.

Шнитке понизил голос, шепча мне чуть ли не на ухо:

— Я могу довериться лишь тебе одному. Больше никто меня не поймёт или не захочет понять. А я не впал в маразм и покуда вполне способен отвечать за свои слова! Слушай. Я всю ночь лазил по лесу, надеясь обнаружить эту зверюгу, но всё, что я находил — это новые следы и клочья шерсти. Сам же зверь как сквозь землю провалился. Клянусь, ОБЫЧНАЯ зверушка от меня бы не ушла! И... Знаешь, что я ещё почувял?

— Что? — Я ловил каждое напряжённое слово немца.

— Лес словно опустел, вымер... Каждая мелкая тварь попряталась в норы, скрылась с глаз долой. Ни зайца, ни куропатки, ни мыши. НИКОГО. Птицы и те угомонились... Лес замер, в нём поселился страх. Вполне ощутимый страх, Алекс. Я его почувствовал на собственной шкуре. Лишь однажды я наблюдал нечто подобное. Несколько лет назад, в Индии. В одном из штатов, наводнённом непроходимыми джунглями, завёлся тигр-людоед... Я входил в группу, отряжённую выследить и убить хищника. Тогда, в джунглях, властвовала паника, сходная со стихийным бедствием. Всё зверьё умудрилось неизвестно куда исчезнуть. А индийские джунгли просто кишат всякими тварями!

Но... нам редко кто попадался на глаза. Звери чуяли беду, реагируя как на свирепый лесной пожар... В общем, тигра мы выследили и пристрелили. Он загрыз тринадцать человек. Я не хочу повторения этой истории. А этот... зверь кажется мне ещё более опасным, чем злобная, здоровенная полосатая кошка. Нутром чую.

Я нахмурился.

— Постой, не гони лошадей. Я кое-чего так и не понял... О ком речь то? Что за зверюга завелась в лесу?

— Волк.

Мне показалось, что я ослышался. Я недоумевающе потряс головой.

— М-м... Упс... Всё равно не понял. ТЫ хочешь сказать, что ТЕБЯ испугал заурядный волк?!

— Заурядный? — Ральф как-то странно улыбнулся. — А что ты ответишь на то, что практически все следы ведут в замок и от него? В обратную сторону? Волчара будто бы выжидает, вынюхивает...

Я вновь и опять захлопал глазами, как невинная девица на выданье.

— Дружище, я сегодня малость того... Соображаю туго. Я что-то упустил? Как это «следы ведут в замок и обратно»? Это как понять, а?

— Как хочешь, так и понимай. Я всего-навсего констатировал факт! Волчьи следы обрываются возле рва, как будто волк испарился. А новые следы, в обратную сторону, начинаются совсем в другом месте. Немножко странно, ты не находишь?

— Ты... уверен, что не ошибся? — взволнованно спросил я.

— А ты уверен, что не разучился попадать струёй в унитаз?! Дьявол! Алекс, я всю сознательную жизнь посвятил охоте и искусству выслеживания животных. Как я мог ошибиться? Для этого мне надо окосеть на оба глаза и подхватить пневмонию!

Шнитке бешено жестикулировал, едва не задевая меня кряжистыми ручищами.

— У меня самого в голове не укладывается, КАК это возможно! Но что я сделаю с истинной?

По моей спине холодной мерзкой скользкой ящеркой пробежал противный испуг. Всё, что непонятно, всегда пугает. Эта аксиома общеизвестна. А тут тем более...

— Что, сердечко ёкнуло? — торжествующе позлорадствовал Ральф. — А ты же не из трусливых, приятель. Представь, ЧТО я чувствовал ночью, один на один с этой тварью... А ведь я никогда не боялся ни одного зверя. Но этого боюсь. Он не такой, как все...

— Ещё бы! Если этот волчара умеет превращаться в невидимку, растворяться в воздухе и совершать акробатические прыжки, то само время записать его в команду мобильного спецназа! Какие у тебя соображения?

— Да никаких! — выпалил немец. Было видно, что выговорившись, поделившись со мной, ему здорово полегчало. — Ох, не зря я везде езжу вооруженным. Не зря. Знал же, что рано или поздно может пригодиться... Ты лучше предупреди свою железную подружку и остальных молокососов. К тебе они, вроде, прислушиваются. Не дай Бог, эти раздолбаи решат ночью свалить из замка!

Я стиснул челюсти.

— Верно. Кое у кого на подобную авантюру мозгов вполне хватит. Ты считаешь, что этот волк представляет опасность для людей? Он может укусить?

— Укусить? Кх-м. Да такой сожрёт и не подавится.

Обалдевший от слов охотника, я вытаращил глаза. Вот так номер. Волк-людоед! И где? В глухой, английской, тихой, как болото, глубинке! А с другой стороны, где ещё подобное возможно? Ну не в городе же. В городах свои звери... И тут меня что-то кольнуло. Что-то очень важное... Я не успел, как следует ухватить возникшую мысль за хвост, как Ральф окончательно меня добил.

— И... Самое главное, Алекс. Я ещё не всё сказал. Ты только держись и не думай, что я свихнулся. Я вполне серьёзно. Этот... Волк, так сказать... Ну... Он... Короче, этот волк ходит на двух задних лапах!

Моя челюсть со свистом устремилась навстречу ботинкам.

Энтони Коннор по праву гордился своими выдержкой и терпимостью. Однако он никогда ни думал, что наступит момент, когда его железное хладнокровие и безграничное терпение дадут столь ощутимую трещину... Трещину, грозящую обернуться самым настоящим крахом всех личных принципов и моральных устоев.

Сей момент стремительно наступал и приближался.

— Вы такой милый, обходительный старичок, просто душка! Вы являетесь собой образец

подлинного национального духа и патриотизма. А я просто без ума от людей, наделённых чувством собственного достоинства и любовью к отчизне!

Беззвучно простонав сквозь зубы, Коннор с апломбом воззрился на невысокого лорда Герберта Уэнрайта. Нахальный аристократишка уже битый час неотрывно таскался за старым дворецким по всем залам и коридорам замка, делая завуалированные намёки. Коннор стоически терпел... Ну не посылать же столь важную дворянскую персону в открытую куда подальше? Впрочем, Энтони не сомневался, что при удобном случае лорд всенепременно ТУДА отправится. Будет только рад, бесстыжий извращенец.

Теперь Коннор на собственной шкуре испытал, каково было Дону чувствовать на себе вожделённый взгляд Уэнрайта. Энтони искренне жалел, что тогда жёстко выговорил молодого человека. Как он глубоко заблуждался...

Лорд всю кокетничал, строя возмущенному до нельзя дворецкому подкрашенные глазки, жеманно хихикал и не уставал семенить за быстрой поступью Коннора, кутаясь в шёлковый шарфик.

— Мистер Уэнрайт, сдаётся мне, что человеку вашего положения негоже проводить свободное время в компании обыкновенного мажордома. Это недостойно лорда!

— Ой, ну что вы такое говорите, дорогой мой! Я человек крайне простых нравов и не нахожу ничего зазорного в общении со слугами. Я лишён всяческих устаревших предрассудков!

Несуразная парочка разминулась с уставившимся на них ОЧЕНЬ подозрительным взглядом остекленевших глаз пребывающего навеселе Мастера и остановилась напротив большого, прямоугольной формы зеркала. Оправленное в серебряную раму, зеркало выглядело очень старым. Вдоль рамы бежала витиеватая вязь непонятных символов. Коннор провёл пальцем по поверхности стекла, оставляя отчётливый развод в тонком слое серой пыли.

Герберт поражённо уставился на Коннора.

— Пыль? Поверить не могу, дорогуша! Зеркало стоит на самом видном месте и тут на тебе — пыль. Нехорошо получается!

— Вы правильно всё подметили, сэр, — дворецкий скорбно поджал губы. — И впрямь... Пыль! Приношу свои извинения, мистер Уэнрайт. Как видите, пока мы не справляемся со своими обязанностями в полной мере, как то должно быть. Увы.

Чихнув и приложив к напудренному носу щедро политый духами кружевной платочек, Герберт сдавленно произнёс:

— Кошмар, я просто задыхаюсь от этой пыли, старина. Пройдёмте дальше, я совсем не могу дышать...

Лорд картинно закашлялся. Сохраняя на физиономии (с огромным трудом!) невозмутимую мину, Коннор осведомился:

— Позвольте узнать, сэр, как вам понравился обед?

— О, он был просто чудесным! Великолепные кушанья, великолепная компания, столько красивых мужчин... Я уже не жалею, что мы застряли здесь, вдали от благ цивилизации. Мне у вас страшно нравится! Вы же так добры к нам... И мистер Стокман такой симпатичный, деловой человек! Вы не находите?

— Доставлять вам радость, сэр, наша наипервейшая задача, — уклончиво ответил Энтони. — Я надеюсь, что в дальнейшем, когда мы откроемся, вы не раз остановитесь в Стиллхолле!

Никогда ещё дворецкий ТАК не кривил душой!

— А где располагается ваша комната, милый мой старичок? — неожиданно, прямо в лоб спросил Герберт, пожирая Коннора голодными глазами.

Энтони оторопел. Да, он и предположить не мог, что на старости благородных седых лет будет подвергаться грязным домогательствам со стороны гея-аристократа.

— С какой целью интересуетесь? — Коннору показалось или его голос и в самом деле предательски дрогнул?

— Я подумал... — Герберт провёл языком по напомаженным губам. — Я решил, что вы не будете возражать, если я вечером зайду к вам поболтать о том, о сём... Вы бы могли рассказать мне какую-нибудь занимательную историю. И... Зовите меня, пожалуйста, Герби...

Лорд скромно потупился, шаркая ножкой по ворсистому ковру. У Коннора нестерпимо запылали уши, и перехватило горло.

— Нам, холостякам, найдётся, о чём потолковать, милый.

Дворецкий схватился за последнюю спасительную соломинку.

— Вынужден вас огорчить, мистер Уэнрайт, но я женат! Всего наилучшего!

Развернувшись, гордой и независимой поступью Коннор зашагал прочь от готового разрыдаться в бессилии Герберта...

— Эдди, ты же обещал!

— Разумеется, принцесса, разумеется, — Блейк ласково похлопал Кристи по бедру. — Я непременно возьму тебя с собой, не переживай.

Встав с дивана, огромный культурист хрустнул суставами пальцев. Он только закончил упражнения с гантелями и, потакая капризам белокурой шведки, согласился прогуляться в Гринсвуд. Людей посмотреть, себя показать. Благо показывать и мускулисту гиганту, и фигуристой блондинке было что. Кристи, за отдельными случаями проводящая всё время в комнате, а, точнее, в кровати Блейка, сосредоточенно разглядывала себя в зеркальце, тщетно пытаясь найти хоть один изъян на кукольном личике.

— Надеюсь, у них там есть хороший бар или ресторан. Я так давно не танцевала, Эдди!

— Сомневаюсь, — Эдвард одернул куртку. — Малышка, не забывай, что мы находимся не в крупном городе, а в самой глухой провинции. Рыцарский замок не для изнеженных красоток.

Кристи надулась.

— Но мне так скучно... Я хочу развеяться, Эдди! Я хочу развлекаться, а не сидеть в четырёх стенах. Я скоро завоюю от тоски!

Шведка печально тряхнула золотыми волосами.

— Не унывай. Когда ещё ты сможешь спокойно, в такой вот непринуждённой обстановке, отдохнуть? Забыв о суете и сутолоке больших городов? Мне здесь нравится... Природа, свежий воздух, тишь да гладь. Класс!

— Фу — у, — скривилась Кристи. — Не спорю, Стиллхолл роскошное местечко, но... Я хочу потанцевать, Эдди!

Культурист устало вздохнул и мысленно сосчитал до десяти.

— Умоляю, не надо слёз. Сейчас мы с тобой смотаемся в Гринсвуд, разомнёмся... Посетим все злачные точки, — Эдвард едва сдержал смешок.

— Ой, правда? — Кристи восторженно захлопала в ладоши. — Как здорово!

Блейк закусил губу. Лично ему совсем не улыбалось тащиться искать приключений на свою задницу за несколько миль по сырой и холодной погоде... Покидать тёплый и уютный номер до чёртиков не хотелось. Он бы с большим удовольствием вновь затащил Кристи в постель, но... Кристи хочется чего-то новенького. Обрадовать её не сложнее, чем ребёнка, угостив последнего леденцом. Глупая, наивная девочка, что и говорить. Но в кровати отменно хороша. Это перевешивает прочие недостатки шведки.

— Ну что, пошли?

— Ура! Ты прелесть!

Я никак не мог собраться с мыслями. Господи, да я себе не в состоянии объяснить суть дела, не то, что кому-либо ещё! Ну, Ральф, ну немчура, удружил, нечего сказать... Подкинул пицци для размышления, так подкинул. Поймите меня правильно, я человек вполне современный, рационально мыслящий и не подверженный суеверным припадкам. И в детские сказочки со страшилками давно не верил. Но я вполне верил Ральфу Шнитке, мать бы его за ногу! Я верил его возбуждённым словам, его лихорадочно блестящим глазам, его пропитанному страхом изумлению, сквозящему в срывающемся голосе. Охотник не врал. Он верил в то, что говорил. И весьма сомнительно, что он заблуждался в своей правоте. Ничто не позволяло мне оспорить или легкомысленно высмеять его заявления.

Как ни крути, а я остался наедине с, вероятнее всего, неопровержимым фактом, и от него надо было отталкиваться в дальнейшем. Значит, большой волк, любящий разгуливать на двух задних лапах? Ну что ж, пусть будет так. Принимается. И... Что? Что дальше то делать? Забиться в панике под кровать? С безумными воплями носиться по замку, требуя защиты и неприкосновенности? Попытаться разобраться в ситуации? Кто знает, может, это чья-то не слишком удачная шутка, разыгранная для привлечения туристов... Хотя, по-моему, такими шуточками, наоборот, распугаешь всех на хрен!

Ладно, хорошо, себя я как-нибудь успокою. Ну а как преподнести эту фантастически нелепую новость моим подопечным? А сказать надо! Мне бы не хотелось, чтобы та же Трейси или Колин по незнанию попали в крутой переплёт. Понятно, что про упорное нежелание этой неведомой зверюги бегать на четырёх лапах, я смолчу. Поскольку мне вряд ли поверят — это раз, и запросто сочтут недалёким доверчивым придурком — это два. Скажу, мол, волчара затесался в окрестных лесах. Здоровый, свирепый, голодный... Из чего следует, что ночью из замка — ни на шаг. Точно, так и скажу! Но вот как начать, чтобы они сразу не начали смеяться...

— Хм, надеюсь, вы все слышали детскую прибаутку о том, что нельзя ложиться на краю, иначе придёт серенький волчок и укусит за бочок?

Вот так вот, с ходу, без лишних словоблудий, рубанул я. Судя по оторопевшим, вытянувшимся лицам моих юных приятелей, я добился нужного мне результата. Но, с точностью, да наоборот. М-да, не слишком удачное начало... Для экстренного внеочередного собрания я выбрал так полюбившуюся мне Древесную комнату. Здесь нам никто не мешал, и мы могли спокойно побеседовать и обсудить выдвинутую мной тему и так и эдак. Одна голова — хорошо, две — лучше, ну а семь... Горы свернуть можно! Или головы...

— Э — э - э... Это ты к чему сказал? — почесался за ухом Артур.

— К тому, чтобы после наступления ночи все находились в своих комнатах. С этой минуты в замке вводится комендантский час. И все нарушители будут сурово и

беспрекословно наказываться, невзирая на пол, возраст и сословия. Я понятно объясняю?

Мартин, вольготно развалившийся на диване, недоумённо, с нотками недовольства, пробормотал:

— Чё то я один хрен не понял... Мы уже не маленькие дети, чтобы нам запрещать делать то или иное!

Расположившись в удобном кожаном кресле, сцепив руки на колене, я ухмыльнулся и неспеша обвёл преувеличенно серьёзным взглядом сгрудившихся напротив меня студентов.

— Насколько мне известно, в штатах совершеннолетними становятся по достижению двадцати одного года. А сколько тебе, Мартин? Наверняка не больше семнадцати, а то и меньше.

Скотт оскорблено пропыхтел:

— Ну и что? Ну и что? Зато, я соображаю будь здоров!

— Да уж здоровьем ты наглядно обижен! Умственным, — заржала Трейси.

— Ты же неспроста затеял весь этот разговор? — поспешил спросить Колин, в очередной раз препятствуя возможному кровопролитию.

— Непроста. Скажу прямо, без заумностей, в простой доступной форме. В лесу завёлся огромный свирепый волк, скорее всего, бешенный.

Шестеро тинэйджеров как один вылупились на меня. Артур, упрямый как все шотландцы, выразил крайнюю степень сомнения.

— Волк? Да откуда же ему взяться? Скорее всего, в Гринсвуде нет зоопарка, чтобы он мог оттуда сбежать.

— Причём здесь зоопарк, молодой человек? — не въехал я.

— Да при том, что волков у нас, в Англии (МакДжонс кисло скривился. Ха — ха!), практически не сыщешь, — вынужден был чуть ли не оправдываться Артур. — Вам, иностранцам, может, и невдомёк, но серые у нас обитают исключительно в зоопарках. Трейси, ну подтверди же ты!

Девочка, в кои-то веки соглашаясь с шотландцем, кивнула.

— Алекс, у вас там, в России, я слышала, и медведи по улицам шастают! Но у нас подобных диковинок нет и в помине. Кто тебе наплёл об этом волке? Спорю на что угодно, что без обвешанного «шмайсерами» усатого фашиста тут не обошлось!

Саша горячо запротестовала, грудью вставая на защиту отчизны. Умница ты моя...

— И ничего у нас медведи по улицам не бродят! Ты хоть подумала, что сказала, глупая дурёха? Вы что, до сих пор считаете, что мы в космос в шапках-ушанках летаем, в метро ездим в валенках зимой и летом, и на каждом углу торгуем водкой и матрёшками?!

— А разве нет? — рискнул спросить любопытный Колин. Саша просто очаровательно запылала праведным гневом!

— Да ты вообще рехнулся, Колин? Я была о тебе лучшего мнения.

Вспыхнув как маков цвет, Рэнделл поспешил загладить вину.

— Извини. Я не хотел никого обидеть...

Однако Зверева не унималась, как разогнавшийся гоночный болид.

— Посмотрите, какие цивилизованные нашлись! Да куда бы вы без нас делись лет шестьдесят назад, хотела бы я знать? Да если бы мы захотели, от вашей бы хвалённой Британской империи и воспоминаний не оста...

Сморщившись от пронзительных воплей обычно такой невозмутимой девочки, я громко

сказал по-русски:

— Саша, да успокойся ты! Потом будешь пиццать, сколько тебе влезет. Я действительно говорю на полном серьёзе. Я тоже патриот, но сейчас не до этого. Прости.

Продолжая бурчать, Саша притихла. Джессика миролюбиво положила ладонь на колено подруги.

— Не унывай, милая, такова жизнь.

Артур поделился с Мартином догадкой:

— Должно быть матом её обложил...

Я хлопнул в ладоши, привлекая внимание студентов.

— Я не шучу, ребята. И вы не считайте Ральфа помешанным на охоте чудачком. Он своё дело знает крепко, я ему гарантированно доверяю. И ни капли не сомневаюсь в его словах. Раз он говорит, что по лесу и вокруг замка... Да, да, чего это у вас мордашки побледнели? Вокруг замка ночами кружит волк, то так оно и есть. Помимо прочего, Ральф не исключает, что эта зверюга не брезгует человеческим мясом.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— Дева Мария, то есть как это — мясом? — Джессика вздрогнула.

— Иным словом, возможно, повторяю, ВОЗМОЖНО, волк — людоед.

Джессика враз посерела, аки тот самый волчок, и втянула длинные стройные ножки на диван.

— Во всяком случае, волк очень опасен...

— Чего же немец его не пришил? — недоумевал Мартин.

Я, помедлив, ответил:

— Волк, со слов Ральфа, очень хитёр. Невероятно умная зверюга.

Показав замороженной моими словами Саше язык, Трейси изрекла:

— Круто-то как, у меня мурашки по коже побежали. Вот, глянь.

Трейси сунула Колину под нос сжатый кулак. Бедный юноша чуть не запрыгнул Мартину на руки, судорожно отпрянув от Стюарт.

— Так что я был бы оч-чень признателен, если бы вы вняли моим речам, — подытожил я. — Конечно, для всех нас было бы наилучшим вариантом поскорее убраться из этих мест. Но пока мы здесь и имеем то, что имеем. И хорошо бы, что б нас никто за это время не поимел. Такое вот статус-кво! Понимаете, мальчики и девочки? Предоставим Ральфу возможность разобраться с волком, не путаясь под ногами. Не хватало, чтобы волчара кого-нибудь из вас попробовал на зубок. А Шнитке — профессионал высокого класса, он справится. Для паники причин нет. Днём хищник из леса не выйдет, а в замок ему никак не проникнуть.

Отчего-то я сильно сомневался в своих заверениях. Но детворе об этом знать не обязательно. А вы бы как поступили на моём месте? Напугали подростков до мокрого исподнего?

Во внезапно наступившей тишине негромкий, робкий стук в дверь прозвучал громогласным набатом. Трейси, во время нашего разговора гордо и независимо стоящая в сторонке, заложив большие пальцы за проклёпанный ремень, одним прыжком очутилась возле меня, взлетев на подлокотник кресла! Встретившись с моим выразительным взглядом, она натянуто рассмеялась. Вопреки моим ожиданиям, язвить никто не стал...

— На наши крики сбежалось пол Стиллхолла, — предположила Саша. — Может, кто-нибудь соблаговолит ответить?

— Да, войдите! — повысил я голос. Я бы не удивился, увидев за дверью самого настоящего волка!

Дверь отворилась и на пороге к всеобщему облегчению и изумлению показалась маленькая, худенькая девчушка лет десяти — двенадцати. Она быстренько зашла внутрь и замерла в центре комнаты, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Это ещё кто? — Артур во все глаза рассматривал нежданную, странную гостью.

Девочка продолжала молчать, косясь на меня из-под неровно обрезанных чёрных волос.

— Какая она худенькая, бедняжка, — подалась вперёд Саша. — Как тебя зовут, дорогая?

Ты здесь живёшь?

— А вдруг она глухонемая? — предположил Мартин. — А что, я встречал таких людей...

— Эка невидаль. Флаг тебе в руки, — Трейси с необычной добротой в глазах смотрела на девчушку. — Эй, а что у неё на лице?

— Да она просто грязная неумытая чухонка! Скорее всего, кто-то из прислуги.

— Артур, заткнись, не смей пугать её.

Трейси напрасно пыталась поймать напряжённый взгляд ребёнка.

— Это не грязь, а не сошедшие синяки. Я права, девочка?

Маленькая гостья едва заметно дёрнула острым подбородком. Она нервно теребила подол простецкого серого платья. Спутанные пряди иссиня-чёрных волос падали ей на лоб.

— Какой негодяй посмел сделать это? — вознегодовала Джесс. — Кто тебя обидел, милая?

Маленькая мисс Хэтфилд сфокусировала взор на мне, и я поспешил расставить все точки над і.

— Я... Я знаком с этой девочкой. Её зовут Герти.

Студенты поражённо уставились на меня. Артур погрозил мне кулаком.

— Чего ж ты молчал, воду мутил? А?..

Я встал с кресла.

— Герти, ты ведь меня искала, да?

— Да, — впервые с момента появления в комнате, заговорила девочка. — Я просто хотела... Хотела попросить у вас прощения...

— Прощения? За что же? Герти, ты ни в чём передо мной не виновата.

Мартин вякнул с дивана:

— Она у тебя чего-то спёрла?

И тут же заработал весьма болезненную оплеуху от разъярённой кошкой подскочившей к нему Трейси.

— Вы... спасли меня, а я так подло и плохо поступила. Убежала, не сказав вам ни слова, и не поблагодарив. Просто... я сильно растерялась. Я не привыкла к людской доброте. От отчима я ничего хорошего не видела и, кроме побоев, ничего не получала. Но не это самое страшное...

Герти по-прежнему робко стреляла глазёнками в мою сторону.

— Вот её прорвало! — Колин покачал головой. — А для такой малютки у неё неплохой словарный запас, между прочим.

— Спасибо вам, сэр, я никогда не забуду, как вы ко мне отнеслись, — Герти шаркнула ножкой. — Вы меня простите?

Я с болью в глазах улыбнулся.

— Ну что ты такое говоришь, Герти? Мне не за что тебя прощать, и ты не должна благодарить меня. Любой мужчина на моём месте должен был поступить так же. Единственное, что ты можешь для меня сделать, это перестать мне «выкаты» и говорить «сэр»! Называй меня по имени. Сможешь?

Герти неуверенно улыбнулась.

— Отчим? Это отчим ТАК тебя изукрасил? — наконец-то поняла Саша и от ярости пошла багровыми пятнами. — Вот же скотина! Да я ему глаза выцарапаю! Он в замке работает?

Я громко кашлянул.

— Вообще-то, я уже успел потолковать с этим хмырём. Провел воспитательную беседу, так сказать. Он получил сполна, не сомневайтесь.

— Ты набил ему морду? — обрадовался Артур. — Слушай, давай ещё раз тромбанём этого козла? Все вместе, а?

— Не исключаю подобной возможности. Герти, он больше не трогал тебя?

Девочка отрицательно махнула головой.

— Нет. Со вчерашнего дня он ни сказал мне ни слова. А я не ночевала в нашей с ним комнате...

— Если он опять хоть как-то, хоть чем-то тронет тебя, сразу скажи. Я ему поотрываю все выступающие и явно ненужные части тела. Пока я в замке, тебе нечего бояться.

— Да, мы это смогём, без проблем, — напыжился Мартин. — Кстати, мелкая, ты говорила, что побои не самое страшное... А что самое?

Я возвёл очи горе. Твою мать, ну кто тебя, олуха царя небесного, за язык тянул спросить про ЭТО?! Я был готов выбросить чересчур любознательного американца в окно. Джессика сжалась в нехорошем предчувствии. У смуглой испаночки был крайне испуганный вид. Как будто она боялась, что её предположения, те, о которых и думать противно, окажутся правдой.

— Он... Отчим... требовал от меня, чтобы я доставляла ему удовольствие, — едва слышно произнесла Герти, стыдливо покраснев и опустив глаза. Исцарапанные пальчики продолжали суетливо тереть подол.

— К-какое? — начал заикаться Мартин. — Я уже жалею, что спросил... Если не хочешь, то не...

— Чтобы... Чтобы я делала ему... — Герти словно собиралась с силами, не слыша никого, и внезапно выпалила одним духом. — Чтобы я делала этому ублюдку приятное!

Мартин чуть не упал с дивана, хватая ртом воздух. Я сжал зубы, Артур за моей спиной смачно и грязно выругался.

— П-приятное? — и последнему дураку было видно, что Колин потрясён до мозга костей, догадавшись, что именно подразумевала Герти под этим словом.

— Да.

Из глаз девочки жемчужными ручейками потекли слёзы.

Саша не могла вымолвить ни слова, беззвучно шевеля губами. Джессика, хлюпая носом, от жалости чуть не ревела сама.

— Я убью этого пидора. — во всеуслышание заявила Трейси. На её скулах заиграли желваки. Металлистка была настроена ОЧЕНЬ решительно. — Ей Богу, я его убью.

Ночь хищной чёрной птицей упала на Стиллхолл, накрыв башни и стены крыльями

тьмы. Эта ночь стала первой, когда постояльцы замка с тревогой и ужасом поняли, что лишь тонкая грань отделяет их от бытия, где властвует страх и... смерть. Хрустальный шар спокойствия и безмятежности гостей замка дал значительную трещину. И не последнюю. Страх начал прятаться во тьме, а тьма проникать в души...

Воинственно взъерошив короткие волосы, Трейси целенаправленным шагом двигалась по бесконечным коридорам замка. По счастью, идти пришлось не слишком далеко. Место, куда она направлялась, находилось на третьем этаже. Со слов Герти Трейси, в принципе, довольно сносно представляла себе дорогу. Правда, эти сведения из маленькой девочки пришлось вытаскивать чуть ли не клещами. О том, что затеяла Стюарт, знал один Болотин, махнувший рукой и благословивший Трейси на ратные подвиги, раз уж не сумел о них отговорить.

Отбрасывая на каменные стены и угрюмый потолок чёрные тени, Трейси звонко цокала подбитыми каблуками по гранитным плитам пола. Уткнувшись, в конце концов, в тупик, девушка повернула налево и остановилась перед прочной на вид дверью. Трейси несколько раз ударила по двери носком «казака» и стала ждать. Ждать пришлось не долго. Послышались приглушенные шаги, грубое ворчание и дверь распахнулась во всю ширь.

— Наконец-то ты заявила, несносная мелкая дрянь! Ну, сейчас я тебе всыплю, так всыплю... Будешь знать, как пропадать незнамо где целые сутки! Не думай, что этот урод меня сильно испугал! Да я таких, как он... — над Трейси навис внезапно замолчавший мужик в одних трусах и майке. Наступившее молчание объяснялось, видимо, тем, что хозяин комнаты разглядел, КТО стоит на пороге его жилища. — Э — э... Да ты не моя непутёвая доченька... Ты кто такая, мать твою?

Трейси вызывающе буровила мужика взглядом зелёных, опасно горящих глаз. Вот ты, значит, каков весь из себя... Толстый, с нависающим над латаными семейными трусами брюхом, с трудом прячущимся под до треска натянутой майкой, двойным подбородком и колючими свиными глазками. Физиономия повара была в скверном состоянии: расквашенные, чуть поджившие мясистые губы, сине-зеленые синяки под бараньими очами, распухший нос... Алекс хорошо поработал над внешним видом этого борова, одобрила Трейси.

— Ты чё, не понимаешь? Спрашиваю ещё раз, дамочка, ты кто такая? — Хэтфилд рыгнул, обдав Трейси винным перегаром.

— Я пришла к вам в гости, — старательно улыбаясь, процедила Трейси. — Вы не против?

Толстяк озадаченно поскрёб лысеющий череп. Трейси почти слышала, как в голове этого дегенерата со скрипом вращаются ржавые шестерни и гайки, заменяющие мозги.

— Эге, да ты ещё совсем молоденькая! — обрадовался Хэтфилд, как следует рассмотрев незнакомую девчонку. — Какая у нас хорошенькая мордочка (Трейси предусмотрительно начисто смыла грим)! В гости, говоришь, пришла? Ну, ну, заходи, будь как дома, хе-хе.

От идиотской улыбки у Трейси свело челюсти. Она едва сдерживалась, чтобы не впиться в жирную глотку этого извращенца. Подумать только, ужаснулась Стюарт, Герти почти всю жизнь вынуждена терпеть рядом с собой эту... эту отвратительную, жирную, небритую, вонючую образину! Представив пахабные, волосатые лапы повара на тоненькой девочке, Трейси затряслась от злости и гнева. Терпеть постоянные побои, унижения и пошлые притязания? Жить с ЭТИМ? Делать этому выродку минет?!

Трейси чуть не сорвалась, чудовищным усилием воли погасив пламя ярости.

— Ну что же ты, лапочка, заходи. Папуля тебя не обидит, — Хэтфилд от возбуждения тяжело дышал, восприняв нежданно-негаданное появление этой девочки как нечто само собой разумеющееся.

— А, может, займёмся этим прямо здесь и сейчас?

— Чем же это? — вылупился толстяк, уперев руки в дверной косяк.

— Вот этим, — с мраморным лицом Трейси рванула вниз «молнию» кожаной куртки. Распахнув «косуху», Стюарт продемонстрировала офигевшему повару маленькие упругие полушария груди. Глазки Хэтфилда тот час съехались в кучку. ТАКОГО продолжения знакомства он никак не ожидал!

А вот такого — уж точно. Размахнувшись, Трейси со всей накопленной злости саданула повара кулаком в нос. Из опухших ноздрей тут же брызнули две алые струйки, оросив грязную майку толстяка. Взыв, Хэтфилд схватился за нос, в надежде остановить кровь. Трейси тем временем не дремала. Её нога мелькнула как молния, всаживая носок сапога в пах «жирного борова»... Раз, другой, третий! Ревя от боли и бессильной злобы, повар грузно брякнулся на колени.

— К-куда же т-ты бьёшь, мразота-а-а?.. — провыл толстяк, держась за причинное место. В затуманенную болью и паникой буйную головушку закралась мыслишка о всеобщем заговоре против его бедной персоны. Каждый встречный-поперечный норовит врезать ему по морде и отбить все причиндалы!

Ухватившись руками за верх двери, Трейси легко подтянулась и ударила обеими ногами по окровавленной харе. Сила удара была такова, что повар влетел обратно в свою берлогу и бесчувственно сомлел на полу, раскинув в разные стороны волосатые руки. Нос его был неестественно свёрнут на бок.

Безжалостно хлопнув напоследок дверью так, что стены содрогнулись, Трейси с глубоким чувством выполненного долга поспешила прочь...

Стюарт очень удивилась, застав под дверью своего номера Джессику Веласкес. Испанка старательно заглядывала в замочную скважину. Она настолько увлеклась подсматриванием, что даже прозевала появление Трейси.

— Кх-м... Это как понять, как посягательство на личную жизнь? — Стюарт мило улыбнулась.

— Ой! — испуганно отпрыгнула Джесс. Вид у неё был несколько растерянный и виноватый. Однако Трейси не собиралась давать ей спуску.

— Кто дал тебе право подсматривать? Это моя комната. МОЯ. Что ты надеялась увидеть?

— Ничего, ничего особенного, — лепетала Джесс, густо краснея в блеклом свете масляных фонарей. — Я... Я решила проверить, всё ли у тебя в порядке. Ты сегодня вся какая-то перевозбуждённая. Вся на нервах! Мы с Сашей беспокоились за тебя... Вдруг тебе взбредёт в голову натворить что-нибудь э-э-э...

— Беспокоились за меня? И кинули жребий, кому выпадет честь посмотреть, чем это я таким противозаконным могу заниматься в своей комнате? — ядовито подсказала Трейси. — А вдруг я мастерю атомную бомбу, чтобы разнести чёртов замок по кирпичику? Или затачиваю нож, чтобы прирезать втихую парочку другую недоумков?

— А вдруг?

— К твоему сведению, милашка, я умею держать себя в руках. Но... Сдаётся мне, ты больше надеялась застукать, как я занимаюсь скорее чем-нибудь таким... Неприличным. А

то и хотела увидеть меня голенькой... Я права?

Джессика, зардевшись, как кумач, отчаянно защищалась.

— Да ты что о себе возомнила? И как ты смеешь обвинять меня в подобном? Я не страдаю сатириазом... А ты уже напридумывала чёрт знает что! У тебя вообще есть мозги? Нет, вы только послушайте её...

— Ну-ну, что дальше?

— Слушай, ты какая-то странная, — собравшись с духом, словно вынесла обвинительный вердикт Джессика. — Нет, нет, ты не обижайся, но что есть, то есть. Я знаешь ли, привыкла говорить правду в глаза.

— Интересно... И какой же тебе кажется эта твоя правда? — по непроницаемому лицу Трейси было не понять, способна ли она вообще обижаться или проявлять какие-то эмоции.

Джессика мрачно взглянула на неё и неловко мазнула носком сапожка по каменному полу, тут же упрямо вздёрнув подбородок.

— А правда в том, что ты мне не очень нравишься.

Прислонившись плечом к двери, Трейси изумлённо выгнула чёрную бровь.

— Вот те раз! И чем же я не угодила вашей светлости? По-моему, я не в чьи дела не вмешиваюсь, не сую нос, куда не просят, и не перемываю косточки ни тебе, ни кому бы то ещё! Так в чём же проблема?

— В том! — выпалила Джесс, сверкая тёмными глазами. — В том всё и дело, что тебе на всех наплевать! Тебя ничего не волнует, ничего не радует, тебе ничем не пронять. Ты словно неживая статуя! Из тебя слова лишнего не вытянешь, нелюдимая дикарка!

Разразившись сей бурной тирадой, Веласкес опасно отодвинулась от усеянной заклёпками оппонентки. Кто её знает...

Трейси звонко рассмеялась. Это её забавляло.

— А чему радоваться-то, милая моя? До Рождества далеко, а здесь особых причин для радости я не вижу. Или нам полагается по миллиону фунтов за наши красивые глазки?

— Ты жалкая приземлённая материалистка! — порывисто выкрикнула Джесс. — Разве так можно? Ты... Ты даже на парней не смотришь!

— Ах, это... На мой взгляд, они не стоят того, чтобы обращать на них внимание.

— Да как ты можешь!

— Между нами огромная разница, милая. Я не хочу выглядеть слабой, беспомощно кудахтающей, глупой курицей, пляшущей вокруг раздутых от важности тупоголовых петухов, в надежде, что те уделят мне кусочек своего драгоценного внимания.

Джесс безнадёжно всплеснула руками. Что она, собственно, пытается доказать этой, судя по всему фригидной, недотроге?

— Ты говоришь, что я тебе не нравлюсь, — внезапно сменила тему Трейси и чему-то улыбнулась. — А вот ты мне, наоборот, очень даже нравишься, честно. Ты такая сладенькая и хорошенькая... И ты постоянно чертовки сексуально выглядишь. Для меня стараешься?

— А? — ошарашено откликнулась Джесс, вытаращив глаза. — Ты это о ЧЁМ?

Тени на стене сместились. Трейси придвинулась к испанке и провела языком по губам.

— О том, что ТЫ мне нравишься. Разве непонятно? Ты меня возбуждаешь...

Трейси резко ухватила изумлённую девушку за талию и прижала к себе. Словно загипнотизированная огромными зелёными глазами Стюарт, Джесс даже не пыталась сопротивляться, руки её безвольно болтались.

— Я хочу тебя... — прошептала Трейси и потянулась к полным губам испанки.

Грудь Джесс часто вздымалась. В горле пересохло.

— Что ты делаешь?..

— Успокойся, тебе понравится.

— Но — о - о...

— Расслабься, милая.

Джессика, вырываясь, отпрянула назад, испугавшись самой себя.

— Да пошла ты!

— Ну так что, неужели не хочется? — похотливо улыбаясь, спросила маленькая металлистка.

— Ты с ума сошла! — выдохнула Джесс. — Ты ненормальная... лесбиянка!

— Ой — ой — ой, какое страшное слово! — с издёвкой воскликнула Трейси.

— Я тебя ненавижу!

Закусив губу и роняя из глаз слёзы, Джесс круто развернулась и умчалась по коридору. Вслед ей нёсся чуть хриловатый смех Трейси.

— Ну и вали. Дура... — Трейси сложила руки на груди. Неожиданно её глаза потемнели и подозрительно заблестели. — Ничего вы не понимаете... И не способны понять.

*...Разговоры, разговоры,
Разговоры, разговоры.
Чёрный Обелиск «Разговоры»
Дорога в ночь вьётся змейй, мир тает перед глазами,
Ты должен быть нашим — кричит вороньё.
Я, танцуя со смертью, себя забываю...
Ольви «Дорога в ночь»*

Саша испытующе посмотрела на смурную Джессику. С момента, как испанка вернулась в их общую уютную, согреваемую озорно потрескивающим камином, комнату, прошло уже добрых полчаса. А Зверева так и не смогла вытянуть из осунувшейся подруги ни слова!

— Джесс, не пугай меня, скажи хоть что-нибудь! Что случилось? Ты встретила по дороге привидение? — Саша мягко взяла руку девушки. — Эй, да что с тобой... Ну, Джесс...

Веласкес вымученно улыбнулась.

— Ну, так что произошло, а?

— Я похожа на лесбиянку? — небрежно так спросила Джесс, пожирая Сашу чёрными глазами.

Зверева чуть не упала с кровати, переварив услышанное. Невольно порозовев, девушка осторожно спросила:

— Ты... как себя чувствуешь, голова не болит? Нет? Или это у меня заболела? А то мне послышалось, будто бы...

— Трейси хотела меня изнасиловать, — брякнула Джессика, смущённо отводя взгляд. — Вот я и хочу знать, похожа ли я на лесби, если она на меня клюнула?

Потрясённая Саша едва выдавила из пересохшего горла:

— Трейси?! Хотела тебя изнасиловать? Когда, КАК?!

— Откуда я знаю, как? Главное, что хотела... А всё ты, Саша, добрая душа! «Ой, ой, что-то Трейси странно выглядит, как бы ни вышло чего! Надо бы проверить, как она там, бедняжка! Она так близко приняла к сердцу историю этой бедной девочки...»

Джессика колоритно размахивала руками, паясничая и одновременно шморгая носом.

— Скажи, ты сама хоть на секунду поверила, что с НЕЙ может что-нибудь случиться? Она, что, себя защитит не в состоянии? А ты подумала, кто МЕНЯ защитит? От твоей ранимой Стюарт?!

— Она на самом деле лесбиянка?.. — не могла до конца поверить опупевшая Зверева, напрочь игнорируя последние гневные слова испанки. — Вот это прикол...

— А что бы ты сказала о девчонке, которая норовит тебя поцеловать, попутно сообщая, как ты её возбуждаешь? — вспыхнула Джесс. — Она специально подстерегла меня, как... как волк какой-нибудь! И стала помогать!

Саша, раскрыв рот на зависть Стиву Тайлеру, молча хлопала пушистыми ресницами. Некоторое время спустя Зверева сказала:

— Хм, надеюсь, это не заразно... Всё же мы с тобой живём в одной комнате.

Джессика от внезапно вспыхнувшей грандиозной обиды еда не заревела в голос.

— Вот! И ты туда же! Ты на редкость бессердечная засранка, Зверева!..

Мудро приобняв покрасневшую испанку за плечико, Саша сказала:

— Прости, Джесс. Шучу я. Всего лишь шучу. Чтобы поднять тебе настроение. Ну какая ты лесбиянка в конце то концов... Тебе же по-прежнему нравятся мальчики?

— Угу.

— Ну вот. Значит беспокоиться не о чем. Да и я буду спать спокойней. Ну не смотри ты на меня так! Пошутила я, пошутила. Ха-ха!

— А как тебе это? — Колин театрально откашлялся и принял возвышенную творческую позу. — Эй, Алекс, я к тебе обращаюсь. Ты меня слушаешь?

— Что? Ах, да, — спохватился я, виновато улыбаясь. — Ну, конечно, приятель, я весь внимание.

— Чего-то не похоже, — подозрительно покосился на меня юноша.

В ответ я передёрнул плечами и подбросил в жадную пасть камина сосновый чурбачок, из заготовленной на несколько дней вперёд небольшой поленицы. Я подтянул кресло поближе к огню и развалился как тюлень, блаженно вытянув ноги. У меня из головы не шла Трейси. Бесспорно, девица она бедовая и палец ей в рот не клади, и с поваром она, несомненно, справится... Боец из жирного ублюдка никакой. Но... Один хрен переживал я за неё! От беспокойства пузо сводило. Что-то я в последнее время чересчур много стал думать. О других. И ещё этот ну очень странный волк. Странный до умопомрачения. Эге, я так скоро совсем свихнусь, если буду все происшествия настолько близко принимать к сердцу... Надо отвлечься. Я провёл рукой по всё ещё мокрым после ванной взъерошенным волосам. Побриться бы тоже не помешало, а то в зеркале уже отражается просто Бен Ладен какой-то! Не помешало бы, но лень.

— Интересно, как они всё успевают делать... — пробормотал я, сыто шурясь на мятежные, неугомонные язычки пламени, жадно заглотившие очередную наживку.

— О ком это ты? — насторожился Колин, падишахом восседая на подушках.

— О нашем дворцеком и его молодом помощничке, — пояснил я. — Сам посуди, старик уже в возрасте, а Дона ещё попробуй нагнуть! Ан, нет. В ванной всегда горячая вода, камин заблаговременно разожжён, лампы заправлены маслом... Шустрые ребята, ничего не скажешь. Сервис в Стиллхолле на высоте, даже в таких тяжёлых условиях. Стокман умеет выбирать нужных людей. Иногда я удивляюсь, как они до сих пор не разорвались на несколько частей!

— У каждого своя работа, — философски ответил Рэнделл. — Ну, так ты будешь слушать или нет?

Поняли? Малолетний хитрец нашёл во мне и критика и благодарного слушателя в одной ипостаси. При каждой выпадающей возможности он норовил засыпать меня собственно сочинёнными опусами с ног до головы. Почему-то моему непредвзятому мнению он слепо доверял. Не потому ли, что мне по-любому нравились его стишки, и я сверх всякой меры их не обругивал? Вот и сейчас началось...

— Ну ладно, чего уж там, давай, поэт — невольник чести.

Колин вторично откашлялся и неплохо поставленным голосом завёл:

Горит пожар в моей душе
И не залить его дождём.
Наперекор всем и себе
Иду вперёд, горя живьём!

Боль, злость, отчаянье и гнев
Кипят внутри и вздёрнут стяг
Беды, бегу я, страх презрев,
От жизни к смерти один шаг.
Я рвусь вперёд, взрывая ночь,
Лечу судьбе наперерез.
Никто не в силах мне помочь,
Я сам несу свой тяжкий крест!..
Огонь и гром, и шквал в лицо
И эта пляска на углях.
Взведён курок уже давно —
Я жду момента сделать шаг.
Я начал финишный разбег,
Не повернуть мне время вспять.
И ночь замедлила свой бег —
Теперь меня вам не догнать!!!
Я прыгнул в пропасть со скалы,
И громкий крик мой мир потряс.
Я погубил свои мечты,
И жизни свет в глазах погас...

Я прислушался, как огонь с хрустом разгрыз подкинутае мной полено, и поднял глаза на Колина, в нетерпении ожидающего оценки. Я пожевал губами и вкрадчиво спросил:

— Приятель, а ты часом не страдаешь суицидальными наклонностями?

— Чего?! — Колин недоверчиво уставился на меня. — Ты к чему клонишь? Намекаешь, что я псих, что ли?

— Нет, но... Неужели ты не замечаешь, что все твои стихи о боли, терзаниях, нежелании жить? Что я, по-твоему, должен думать? Написано классно, не спорю, но уж как-то всё сумрачно и упадочно. Даже те, что вроде как про любовь, и то замешаны на крови и смерти! Или я ошибаюсь?

Юноша опустил глаза и принялся изучать узор на застилающем кровать покрывале. Я неумолимо давил дальше.

— У тебя есть в репертуаре что-нибудь посветлее, пожизнерадостней? Серьёзно говорю, после некоторых строчек из твоих шедевров страшно засыпать!

— Есть... — неохотно отозвался Колин. — Но я... не очень люблю их. Они написаны в определённый момент моей жизни и посвящены определённому человеку, о котором я бы не хотел говорить. И стихи те я не хочу читать! Понимаешь?

— Понимаю, — я подпёр небритый подбородок кулаком. — Я тебя прекрасно понимаю... Там, где замешаны женщины, всегда хватает проблем и головной боли. Ну хорошо. Сочини что-нибудь новенькое, поймай вдохновение. Благо впечатлений за последние дни предостаточно! Ты же мне уже читал один свежий стих, так попробуй ещё. Не обижайся, Колин, мне понравилось, без дураков, но... На душе становится тошно. Я ещё тот слюнтяй, так и разрыдаться могу... Хочу позитива!

— Угу, — Колин, вполне довольный моими вескими доводами, призадумался. —

Позитива, говоришь... Есть у меня одно. Не самое свежее, как ты просил, но из последних. Про силу духа и умение держать удар судьбы!

— О! — оживился я. — Вот это по-нашему. Давай!

Колин сцепил руки на коленях, устремив взор загоревшихся глаз в шепчущийся полумрак комнаты, и на одном дыхании продекламировал:

Не вешай нос, не плачь и не скули,
Вставай с колен и сделай первый шаг.
Оставь все беды и невзгоды позади —
Ведь впереди надежды поднят флаг!
В душе сумбур, на сердце боль,
Не поднимался, кто не падал.
Но не погас в тебе огонь,
Живи, борись, пойми — так НАДО.
Пусть брошен ты, пусть одинок,
Сожми кулак, не смей сдаваться.
Пусть вместо сердца уголёк,
Держать удар судьбы старайся.
Смелей иди навстречу ветру,
Что жжёт лицо, смеясь в глаза.
Рассыпь страданья прахом, пеплом,
И озарит твой путь звезда.
Ты диск Фортуны повернёшь,
Замедлив бег неутомонных лет.
Значит, есть цель, до которой дойдёшь —
А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?!!

Заключительные слова Колин буквально выкрикнул, выбросил, вырвал из себя... Его подбородок был гордо вздёрнут, глаза сияли яростным блеском, весь его облик дышал желанием жить, побеждать. Желанием свободы. Такое мог сочинить только тот, кто лично испытал все невзгоды и тяготы пресловутой судьбы. Тот, кто действительно падал, страдал, умирал... Тот, кто стремился найти во всём этом хаосе свою суть. Я с лёгкостью мог поставить себя на его место. Этот стих был и про меня...

Негромкий, прерывистый стук в дверь я едва расслышал. Разве мы кого-нибудь ждём? Что это Трейси, я сильно сомневался. Я посмотрел на Колина. Тот правильно истолковал мой взгляд.

— Чё ты на меня так смотришь? Я не заказывал пиццу в номер!

— Я тоже, дружище...

Выбравшись из кресла и сетуя на поздних посетителей, я прошаркал к двери. Провернув в замке ключ (да, да, я стал замыкаться, а то, знаете ли, когда тебе пророчат смерть на каждом шагу, а поблизости околачивается двуногий волк... звучит просто бредево, верно? начинаешь поневоле беспокоиться за своё здоровье), я приоткрыл дверь. Мои глаза уставились в ночную пустоту. Спohватившись, я изменил угол зрения на несколько градусов ниже.

— Герти?! Герти, что случилось? — я несколько смутился, увидев маленькую девочку.

Герти была всё в том же невзрачном сером платье и так же не по-детски сосредоточена. Потупив карие глазёнки, девочка прошептала:

— Мне страшно. Я боюсь засыпать одна... К отчиму я ни за что не вернусь, а больше мне идти некуда. А... Алекс, можно я эту ночь посплю у тебя? Только одну ночь и всё... Пожалуйста! Я могу лечь на полу, я тебя не стесню. Мне много места не надо — я же маленькая.

Захлопав носом (я уже говорил, что я ещё та размазня?), я молча опустился на колени и крепко прижал худенькое тельце к себе. Герти уткнулась в моё плечо, пряча бледное личико.

— Мне так страшно, — бормотала она. — Сама не знаю, почему... Но мне кажется, что должно случиться что-то плохое... В замок проникло зло.

Господи, и это дитя туда же! Да они что, все сговорились, что ли? Или здесь, в Гринсвуде внеочередной съезд доморощенных предсказателей? Ребята, ну у меня же нервы... Вслух я сказал совсем другое, не менее искреннее, чем всё моё негодование:

— Успокойся, малышка, у меня тебе ничего не грозит. Я никому не позволю причинить тебе боль. Ни отчиму, ни... неведомому злу.

К тревожным словам девочки я отнёсся необычно серьёзно, без скепсиса. Глупо отметить в сторону все предостережения. Слишком много совпадений во всей этой истории вырисовывается...

— Но ты же не всегда будешь рядом, — резонно возразила Герти, трогательно ко мне прильнув. — Скоро, через несколько дней, ты уедешь... Уедут все, кто воспринял меня как живого человека, а не как досадное недоразумение. А я останусь. Вместе с отчимом и... ЭТИМ ЗЛОМ.

— Блин, да что же это мы стоим на пороге, — с досадой спохватился я. — Пошли скорее внутрь.

Подхватив лёгкую (по причине расчудесной жизни) девчушку одной рукой, я пяткой захлопнул дверь и понёс её на кровать. У Колина, который, кстати, прохлаждался в одних трусах и уже примеривался в очередной раз поразить меня дивными переливами своего храпа, отвисла челюсть.

— Т-ты... это чего её сюда тянешь? Совсем сдурел?

— Колин, заткнись. Садись, Герти, не обращай на него внимания... Да подвинь ты свои ходули! С ним ты уже знакома. Звать этого бледного тощего джентльмена Колин, он мой друг и неплохой рифмоплёт по совместительству.

Герти робко хихикнула, сидя на самом краешке с прямой спинкой, словно проглотив свечу. Рэнделлу было не до шуток. Он испугано накинул на чресла одеяло, и обалдело вылупился на меня.

— Она что, будет спать с нами?

— Хрен ты угадал, извращенец, — с трудом сдерживая смех, погрозил я ему пальцем. — Ты будешь спать отдельно на кресле, а я подле камина. Усёк?

— Да пошёл ты... — поняв, что его разыгрывают, буркнул Колин. Герти кусала расплывающиеся в улыбке обветренные губы. Я потрепал девочку за ушком.

— Так, Герти, есть не хочешь? Хотя ты и работаешь на кухне, лишние калории тебе совсем не мешают, как считаешь?

Отрицательно покачав черноволосой головкой, Герти сказала:

— Нет, спасибо, кушать мне не хочется... Спасибо, что не выгнал меня.

— Да ну ты брось, я не мог поступить по-другому! — возмутился я, исподтишка показывая было раскрывшему пасть Колину кулак. У моего австралийского друга было, видимо, несколько иной взгляд на происходящие события. Но лучше бы он держал его при себе.

— Понимаешь, Алекс, немногие бы приняли меня... Безвозмездно.

— Герти, не думай о плохом, не надо. Прошу тебя, — я вытер тыльной стороной ладони с какого-то перепугу увлажнившиеся глаза. Чёрт. — Спокойно спи и ничего не бойся.

Девочка робко коснулась пальчиками моей небритой щеки.

— Странно... Ты такой сильный и мужественный, и вместе с тем добрый, мягкий и... ранимый. Ты что, плачешь?

— Ничего не могу с собой поделать, — вынужден был признаться я. — Вот такой вот я слюнтяй, каюсь. Надеюсь, никто из вас меня не заложит?

Набросив на худые плечи одеяло как мантию, Колин обречённо махнул рукой и поплёлся обустройства гнёздышко на кресле. Мои действия он, как видно, не одобрял.

— Ты безнадёжен.

Роберт Мастерс, находясь в чрезвычайно редком для себя трезвом состоянии, мучимый сильнейшей головной болью и похмельем, упрямо переставлял шаткие ноги. В вертикальном положении Мастерса держала ободряющая мысль о скором излечении. Лекарство находилось на первом этаже, в холле, прячась в разнокалиберных нарядных бутылках. Случилось непостижимое! Безотказная фляжка Роберта опустела!

Должно быть, днём я здорово надрался, размышлял старик, держась за холодные стены. Иначе как объяснить, что очнувшись далеко за полночь, он оказался в номере без капли спиртного? Непорядок. Вопиющее недоразумение. Немедленно исправить положение!

Спустившись по лестнице, Мастерс воздал хвалу доброй душе, озаботившейся зажечь в огромном холле пару канделябров, дававших более-менее приемлемый свет. А то так недолго и ноги переломать в крошечной тьме... Грузно ступая по мраморной плитке пола, Роберт недовольно ворчал:

— Дожили, мать их... Обещают условия, достойные отеля «Хилтон», а о главном-то и не подумали. О старом добром виски в каждую комнату без исключения! Неслыханно... Ничего, вот завтра, тьфу, дьявол, уже сегодня утром я всё выскажу Стокману. Да что же это так голова болит, а? Как будто расплавленного свинца под черепушку залили! Хм, любопытно, что я вчера хоть натворил, если ничего не помню?..

Чертыхаясь, Мастерс налетел на вычурное кресло и пожелал «мерзавцу», так коварно поставившего мебель на его пути, всего наилучшего в загробной жизни.

— О. Это что за безобразие? Какая скотина разлила столько красного вина? Непростительная расточительность... Святотатство!

Пред Мастерсом растеклась огромная красная лужа, при тусклом освещении казавшаяся чёрной...

Роберт внезапно услышал стук собственного сердца и понял, что это вовсе НЕ вино...

— Эге... Кажись, это не винцо. А что же тогда?

Присмотревшись, Мастерс увидел, что подозрительная лужа набежала из-за массивного дивана, установленного напротив погасшего камина. Тут же рядом валялась груда рассыпанных в беспорядке аккуратно наколотых дров. Покрывшись мурашками пугливой изморози, Роберт обошёл диван, терзаемый самым нехорошим предчувствием.

— Святой Боже... — вытаращился старик, затрясшись всем телом. — Г-господи Иисусе... Да что же это... К-как же это...

Между диваном и камином лежал мёртвый человек. Захрипев от ужаса, Роберт бухнулся на колени, ослабив ворот рубашки. Мутные глаза Роберта с расширенными зрачками словно приковало к тошнотворному зрелищу. Это был труп мужчины в расплосованной, заляпанной кровью пижамной куртке. В растерзанном животе зияла страшная, уродливая рана. Мастерс тупо подумал, что ТУДА легко протолкнуть волейбольный мяч. Лицо у жертвы практически отсутствовало. Удар чудовищной силы чем-то острым сорвал с лица всю кожу, вдребезги раздробив нижнюю челюсть. Гортань жутко скалилась улыбающейся щелью... Кто-то просто одним махом разорвал покойному горло.

Застывшая кровь, скопившаяся под трупом, казалась невероятным посмертным одром...

Мастерс истерично хихикнул, вдыхая тяжёлый, сладковато-пряный запах смерти:

— Вот Стокман завтра, тьфу ты, сегодня охренеет! Смеху то будет... Не успел и дела открыть, как следует, а тут на тебе — свежий покойничек на блюдечке! Уф... Боже, что за ЧУШЬ я несущу?!

Вы когда-нибудь были в дурдоме? Вам выпадало сомнительное счастье присутствовать при разборках десятка сумасшедших, орущих друг на дружку, людей? Нет? Вы даже не представляете, как вам неслыханно повезло. А мне вот пришлось. Присутствовать. И тем паче принимать участие! Иная аналогия на ум просто не приходила. Судите сами, ребята.

Время позднее, немногим за полночь. Место действия — средневековый замок, плотно укутанный покрывалом зловеще-сумрачной ночи. Погода за каменными стенами крайне уныла и отвратительна, туман, сырость и слякоть. Холод собачий, одним словом. Мы, вынужденные гости этого самого замка, сонные, растерянные и изрядно перепуганные, столпились стадом бестолковых овец в холле. Над обезображенным трупом замкового повара, смею добавить! И до хрипоты орём как последние психи, отстаивая каждый свою правоту! Ну, чем не дурдом?

Атмосфера полутёмного, в одночасье ставшего таким жутким и неудобным холла наэлектризовалась до напряжения замершего в нетерпеливом ожидании урагана. Готового при первой же возможности выплеснуть из себя громы и молнии, целый шквал ничем не сдерживаемой первобытной энергии. Стылый воздух пропитался запахами пота, страха, паники, злобы и горечи... Убитого обнаружил Роберт Мастерс, чьё нахождение в столь поздний час в холле объяснялось банальным желанием заложить за воротник. От его диких воплей и безумных завываний проснулась половина Стиллхолла и сбежалась на эти крики, как мартовские коты на завлекающее мяуканье истомившейся кошки. Остальная половина подтянулась к месту происшествия чуть позже, движимая исключительно любопытством. Я оказался во второй половине.

Когда я вбежал в холл, веселье было уже в полном разгаре. В импровизированной пьесе участвовали: бледный как покойник хозяин замка, кутающийся в тёплый халат, впопыхах наброшенный на пижаму шиворот навыворот, Дон Рейнолдс с заспанными глазами и дыбом торчащими от ужаса волосами, стойкий Энтони Коннор, тщетно пытающийся унять дрожь сухих пальцев и мой любезный друг Ральф Шнитке. Собственно, Ральф первым и начал весёлый балаган. Потрясая кулаками, воинственно топорща усы, отпуская немецкие матерные словечки, Шнитке что-то громогласно доказывал, выкатывая глаза и срывая голос. Стокман на повышенных истерических нотках пытался доказать обратное... Так, я никого не забыл?

Ага! Последний из виновников торжества, мистер Роберт Мастерс скромненько примостился в сторонке от суеты в одном из кресел и пускал счастливые пузыри. Одна пустая бутылка уже валялась подле его ног, из второй он с шумом пылесоса пытался вылакать последние капли. Таким образом, старый пропойца боролся с последствиями стресса. Как он ещё не отрубился, хотел бы я знать, после такой дозы то?

Занятые выяснением отношений, все почему-то забыли о самой главной причине, по которой «все мы здесь сегодня собрались». Я осторожно обошёл надрывающихся спорщиков, большущий, загораживающий весь обзор диван, и опустился на колени возле тела, стараясь не вляпаться в кровь. Остающийся, не смотря ни на что, истинным мажордомом Коннор предусмотрительно зажёл несколько свечных канделябров, хоть как-то рассеявших сгустившуюся неприветливую мглу. Так что благодаря дворецкому, не пришлось излишне напрягать зрение. И что же я увидел? Признаюсь вам, за свою не такую уж и долгую, но весьма насыщенную событиями жизнь, я насмотрелся на мертвецов. Видел разные трупы. Посечённые осколками, изрешечённые пулями, изрезанные ножами. Крови я никогда не боялся, к смерти и мертвецам... нет, не привык, к ТАКОМУ нельзя привыкнуть приспособился. Научился жить с этим, скажем так. И очередным покойником меня было сложно испугать. Во всяком случае, я так думал. Но этот мертвец меня напугал... Честно. Было в его смерти что-то загробно жуткое, неестественное, потустороннее.

Я покрылся мурашками. Лицо у покойного было вырвано с мясом, горло вскрыто как консервная банка, живот щерился огромной рваной раной. Чтобы опознать труп мне не понадобилось много времени. Такими выдающимися габаритами и объёмистым брюхом в замке обладал только один человек — повар Джон Хэтфилд. М-да, я, конечно, хотел в пылу ярости перегрызть ему глотку, но это уж слишком! Видимо, бедняга был отряжен на ночь дежурным, следить за каминами, подбрасывать дровишки, чтоб не загухли до утра... Вон и поленья рассыпанные... Но в холле его кто-то ждал. Некто. Или нечто? Не поймите меня превратно, я не эксперт-патологоанатом, но в ранах разбираюсь, и... Чёрт возьми, да характер увечий сводится к тому, что Хэтфилда безжалостно загрызла какая-то здоровенная зверюга! Зверюга. Здоровенная. Я так и окосел... «В лесу завёлся волк, приятель...», «проглотит и не подавится», «волк ходит на двух ногах»... У меня зашумело в голове. Я присел на краешек дивана и, вытащив из кармана джинсов (кроме них, на мне ничего не было) носовой платочек, промокнул вспотевшее лицо. «Берегись тьмы», «не послушал меня...». Господи, да во что же это я ввязался?..

— ...А я говорю, что надо, не мешкая, вооружить людей и прочесать весь замок и окрестности! Поднять всех, способных держать в руках оружие. Сформировать ополчение и прошерстить лес, не откладывая в долгий ящик! Я знаю, что говорю! Это только начало...

— Помилуй вас Бог, мистер Шнитке, о каком ополчении вы говорите?! Да, происшествие кошмарное, ужасающее... Убийство есть убийство! И сегодня же с утра я незамедлительно позвоню в полицию и сообщу инспектору обо всём в мельчайших деталях. Предоставим разбираться в этом деле службам правопорядка. Но зачем же поднимать всех на уши, раздувать панику и баламутить народ нелепыми выдумками?! Не пойму я вас, милейший... Чего вы добиваетесь?

— Чтобы твоя тощая задница осталась в целостности и сохранности! — в бешенстве прорычал Шнитке, одетый, кстати, вполне по-боевому, с верной винтовкой за плечами, едва не хватая Стокмана за грудки.

— Позвольте, что вы себе позволяете? — возмущённо скаламбурил Бенджамен,

наливаясь кровью и вставая на носки. — Прекратите немедленно сеять смуту и... И... И вообще кто дал вам право размахивать оружием в моём замке? Я буду вынужден попросить...

— А вот этого не хочешь попросить? — доведённый до белого каления Шнитке продемонстрировал Стокману кукиш. Дон сдавлено хрюкнул в кулак, за что тут же получил подзатыльник от недремлющего Коннора. — Ты что, никак не можешь понять, ЧЕМ всё это может обернуться? Ты вообще понимаешь, что произошло и чем это чревато?!

Немец выдохся, достал из нагрудного кармана сигару и всунул меж до хруста сжатых зубов. Он как несокрушимая скала стоял напротив в бессилии сжимающего кулаки явно нервничающего Стокмана. Бенни трясущимися руками обхватил себя за локти.

— Мистер Шнитке, я и вправду не понимаю, что вы имеете в виду?

— А вы что, ослепли, сэр? — раскуривший ароматную сигару Ральф заметно успокоился и сложил толстые руки на груди, с кривой усмешкой глядя на хозяина замка.

— Но... Вы же сами сказали, что моего повара загрыз какой-то зверь! Это даже не убийство, в конце концов! А... А несчастный случай, да! Полиция быстро во всём разберётся. И стоит ли так раздувать шумиху вокруг обычной бродячей бешеной собаки? Я ума не приложу, что вы...

Я запустил в коротко стриженные волосы пальцы. Мастерс уже был в отключке, обмякнув в кресле и выводя носом знатные рулады. Рейнолдс и Коннор, затихшие как мыши, топтались в сторонке, ожидая от Стокмана дальнейших указаний. Но я видел, что Бенни потрясён гораздо больше, чем хочет показать, и хорохорится только для виду. О каких взвешенных указаниях может вообще идти речь?

Меж тем подоспели остальные участники нашего импровизированного спектакля. По лестнице пролопотало несколько ног и в холл ворвался набыченный как тур во время гона Эдвард Блейк в компании кутающегося в банный халат наследного лорда Герберта Уэнрайта и перепуганной Грейс Брайен. Появился и делегированный представитель студенческой братии Колин. Я помахал Рэнделлу рукой, и юноша мигом подкатил ко мне. Споткнулся, конечно, о тело, глянул себе под ноги, побледнел, позеленел, покраснел... Ну и так далее. Его хамелионистые метаморфозы закончились тем, что беднягу элементарно стошнило. Хм, зря он покинул нашу комнату. Но Колин ещё неплохо держался! Грейс, та просто ахнула и мягко осела в глубоком обмороке. Растерявшийся Блейк едва успел подхватить девушку могучей ручищей. Пользуясь случаем, наследный лорд, щеголяющий бархатными наглазниками, надвинутыми на лоб, тонко, по-бабьи взвизгнул, закатил волоокие глазоньки и шмякнулся на вконец обалдевшего Эдварда с другой стороны. Это была та ещё картина, скажу я вам!

Откашлявшись и отплевавшись, Колин уселся у меня под боком, стараясь не смотреть на труп. Мой юный друг так и не смог вернуть себе цвет, дарованный природой, и оставался зелёным, как огурец. Он несколько раз открывал и закрывал рот, собираясь что-то сказать, но...

— Как это произошло?.. — прилагая титанические усилия, выдавил из себя Рэнделл. — Кто это?

— Наш общий знакомец, — я решительно встал, сорвал со стены один из старинных гобеленов и, особо не церемонясь, накрыл тело покойного. Хотя что-то... Стокман с остекленевшими глазами наблюдал за моими святотатственными действиями, но у него хватило ума промолчать.

— Это был Хэтфилд, — пояснил я ничего не понимающему студенту. — Ральф считает,

что его загрыз некий страшный и голодный дикий зверь. Я, кстати, склонен разделять его мнение. Верно, приятель?

Шнитке, жадно пыхтя сигарой, молча кивнул. Колин вздрогнул, как будто ужаленный скорпионом. Блейк, успешно складировавший Грейс и притворяющегося (насквозь вижу гада!) Уэнрайта на втором диване, в ступоре уставился на задрапированного мертвеца. И так немногословный, сейчас Блейк просто превратился в античную статую олимпийского атлета.

— И... Что будем делать? — дребезжащим голосом задал вполне резонный вопрос Колин.

— Господа, господа... Ну прошу вас, — Бенни делал умоляющие пасы руками. — Оставим это дело более компетентным органам. Не будем изображать из себя детективов, мы и так достаточно наследили. Я попрошу всех разойтись по своим комнатам, запереться и спокойно дожидаться утра. Я... Я гарантирую, что больше никто не пострадает, и приношу свои извинения за этот казус...

— Я тоже вас не пойму, — Шнитке упрямо наморщил брови. — У меня складывается впечатление, что на самом деле вам абсолютно наплевать на покойного вашего же повара... Вы так ненавязчиво пытаетесь всех успокоить и загладить это происшествие, что мне кажется, что вас волнует только сохранение чистой, незапятнанной репутации. И не более того!

Ну, Ральф, молоток! Загнул в тему, что называется. Стокман невольно отступил на шаг и возмущённо зафыркал, вытирая рукавом халата вспотевший лоб.

— Что вы себе... Да как вы... За кого вы меня держите!? — на повышенных тонах заголосил Стокман. — Посмотрите, в каком я состоянии! Разве я похож на человека, способного в данный момент строить какие-то холодные и трезвые, выгодные только для себя расчёты?!

— Так что делать то будем?! — уже во весь голос заорал Колин, испепеляя спорщиков негодующим взглядом. — Сидеть тут и горланить, как потерпевшие? Или...

Шнитке хмуро сплюнул на пол, заработав грозный взгляд на этот раз от дворецкого. Немец сдёрнул с плеч винтовку и положил оружие на сгиб левой руки.

— Я предлагаю не ждать до утра, а начать охоту на эту тварь.

— Ты хочешь сказать, что это животное до сих пор в замке? — впервые подал голос Блейк и невольно поёжился. Дьявол, мне до того захотелось повторить его жест, когда я осознал всю глубину сказанных им слов...

— Вы все неверно задаёте вопросы. В замке этот волк (будем называть его пока так) или нет, не суть важно. Важно другое, — я подошёл к Стокману и вкрадчиво спросил: — Мистер Стокман, а КАК это животное вообще проникло в замок? Ведь ворота на ночь всегда закрываются, а мост поднимается... И других лазеек нет. Верно?

Прикрыв округляющийся рот ладонью, бизнесмен в ужасе уставился на меня и отрицательно замотал головой.

— Так как же ОН тогда проник внутрь, а? — я уже спрашивал у всех. — На крыльях, что ли перенёсся или через двенадцатиметровую стену перелез?

По коллективно заторможенным и озадаченным сим, как-то ускользнувшем от общего внимания, фактом лицам я понял, что никто не сможет дать мне вразумительного ответа. Да я и сам не мог, чего уж греха таить!

— А... У вас нет какого-нибудь тайного хода? — оживился Колин. — Я читал, что в

каждом приличном замке такой имеется на случай длительной осады, да и просто из стратегических соображений.

Мы дружно повернулись к Стокману. Переминающийся с ноги на ногу, как будто ему приспичило, Бенни виновато развёл руками:

— Если даже таковой и имеется, мне о нём неведомо. Мистер Коннор?

Старый дворецкий прочистил горло и проскрипел:

— Я солидарен с мистером Стокманом. У нас нет на руках полных чертежей Стиллхолла, и мы не можем подтвердить факт наличия тайного хода. Ровно, как и опровергнуть его!

— Да и волк ли это? — буркнул Эдвард. — С чего вы решили, что это животное убило повара? Дураку понятно, что в запертый замок ему вовек не попасть... Может, лучше искать среди людей?

Что ж, в его словах было рациональное зерно истины. Он размышлял, как обычный среднестатистический человек, не подверженный тёмным предрассудком. В другое время и я бы размышлял так. Но не сейчас.

Стокмана чуть кондрашка не хватил!

— Я не понял, мистер Блейк, а вы на ЧТО намекаете? На то, что у меня в замке прячется убийца?!

— А может этот кто-то держит неподалёку дрессированного пса, натасканного на убийства, и ночью потихоньку запустил его в замок? — выдал очередную идею Колин. Плодотворный, однако, юноша! Шерлок Холмс хренов. — Ну... Чтобы свести счёты с Хэтфилдом по только ему известной причине? А?

На него уставились как на пророка. Что ни говори, а версия мальчика выглядела самой правдоподобной из всего звучащего в холле бреда. Рейнолдс нервно хохотнул:

— Ага! А я даже знаю, кто это! Это сторож, который не поделил с поваром очередную бутылку виски!

— Заткнитесь, мистер Рейнолдс, — сквозь зубы прошипел Коннор. Дон сконфуженно умолк, окончательно сникнув.

— Что скажешь, Ральф? — обратился я к немцу. — Ты у нас единственный специалист подобного плана. Имеет ли версия Колина под собой основание?

— Волки не поддаются дрессировке! — сказал, как отрезал, задетый за живое Шнитке. — А я видел в лесу следы именно волка. И находил именно волчью шерсть. Не собаки, не енота и не скунса, а матёрого старого волка! Да вы что, свихнулись тут все, что ли? Какой дрессированный пёс? Какой убийца...

— Вот именно! — поддакнул Стокман.

— ... на хрен! Это волк и точка.

Я почесал макушку.

— Дружище, а как же он тогда всё-таки оказался в Стиллхолле?

— Не знаю, — вынужден был признаться охотник.

— А следы?

Ральф выпустил облачко дыма и переместил сигару в уголок рта. Он упрямо молчал некоторое время, все мы так же замерли в ожидании...

— Да нет тут никаких следов. Я сам ничего не пойму... Он действовал, словно... Словно понимал, что следов оставлять нельзя. Один лишь запах. Запах зверя.

Воцарилось напряжённое, обострённое молчание.

Я не знаю, что роилось в голове моих товарищей, но лично мне происходящее нравилось всё меньше и меньше. Слава Богу, Ральф не умудрился ляпнуть, что выслеживаемая им зверюга чикиляет на двух лапках! Иначе его все без исключения сочли бы полным дураком и кретином. А кто будет прислушиваться к заклеяемому придурку?

— Ладно, — хлопнул я в ладоши. — Ральф, не обижайся, но, исходя из обстоятельств этого дела, я соглашусь с мистером Стокманом (Бенни просиял как медный тазик). Пусть разбираются полисмены. Мы с нашим напором, горячностью и поспешными выводами такого можем нагородить, что самим страшно станет. Этак до утра сами друг друга поубиваем, обвиняя во всех смертных грехах. Посему предлагаю разойтись по комнатам, дождаться утра, а потом... Ну, не знаю, как вы, а я линияю отсюда.

Радость на лице Стокмана сменилась выражением жесточайшей зубной боли. И я, кажется, знал, почему. Но об этом попозже. Ральф опустил ствол винтовки и, помявшись, обречённо прогудел.

— Хорошо, Алекс, ты прав. Дождёмся утра. Но я никуда отсюда не уеду, пока не разберусь во всём этом дерьме.

— Я не могу тебя отговаривать... Ты уже мальчик большой, и волен сам решать, как быть. Но я больше тут не останусь.

Я был твёрдо уверен в том, что говорю. Откуда-то во мне поселилась надежда, что, если вовремя покинуть злополучный замок, то всё образуется. Правда, я не мог сказать, что мною движет, но ощущение неотвратимо накатывающей беды гнало меня прочь, как лесной пожар гонит зверей. Но некий маленький гложущий червячок сомнения услужливо мне подсказывал, что на самую капельку, но я уже опоздал... Крайне неприятное ощущение.

Тем временем рыжеволосая Грейс пришла в себя и смущённо поправляла очки на милом носу. Блейк мужественно приобнял её за плечико, помогая встать. Да, вот так ведут себя настоящие Казановы. Всегда готовы и всегда рядом.

— И, ради Бога, растолкайте кто-нибудь Роберта и Уэнрайта! — устало попросил я.

Коннор ободряюще улыбнулся и заверил, что сию же минуту позаботится об этих господах. Дон со скоростью метеорита кинулся приводить в чувство Мастерса, предоставив дворецкому сомнительное удовольствие возродить к жизни наследного лорда. Хитёр, стервец!

Мы с Колином двинулись к нашей комнате. Юноша задумчиво молчал, а потом окончательно испортил мне настроение, напугав до дрожи в пятках. Он долго кряхтел, мычал, я уже начал подумывать, что ему плохо, когда, наконец, он разродился.

— Слушай, Алекс... Ральф сказал, что не обнаружил никаких следов... И это понятно. Пол каменный, холл освещается неважно, без команды экспертов-криминалистов и впрямь тяжело найти какую-нибудь не заметную обычным глазом мелочь, не спорю. Но...

— Но что? Не тяни резину, — мы прошли ещё несколько метров.

— На улице туман и повышенная влажность... Сам воздух сочится водой. Я, например, долго оттирал свои ботинки от грязи! А ночью ещё более сыро. Если этот зверь пришёл в замок с улицы, то почему у него чистые лапы?

После этих таких простых и логически обоснованных слов мне стало плохо. А Колин продолжал:

— Днём дикий зверь не мог войти в замок. Кто-то да увидел бы его. Или обратил внимание на следы. Понимаешь? Похоже на то, что ОН вообще не покидал пределов замка и всё время находился здесь, в Стиллхолле! И почему он не стал пожирать труп, если голоден?

Получается, что зверем двигало исключительно желание убить! Поведение, характерное для человека, но не для животного, согласись.

Я внимательно взгляделся в честные глаза юноши, который искренне недоумевал над этими вопиющими, кричащими фактами.

— Колин. Ты задал правильный вопрос.

Сложившаяся ситуация отчётливо отдавала некой хитроумной, грамотно спланированной мистификацией. А что прикажете думать? Ни на один вопрос, заданный мне Колином, я не мог дать ни одного вразумительного ответа... Меня так и подмывало извлечь содержимое спрятанной под кроватью дорожной сумки. Мне то и дело приходилось напоминать себе, что поспешные действия ещё ни к чему хорошему ни приводили.

Скрупулёзно цедя из граненого стакана сильно разбавленный виски, я, полностью одетый, развалился в кресле. На моих наручных часах натикало два часа ночи, но спать мне совершенно не хотелось. Я периодически подкидывал в приглушено урчащий зев камина дровишки, потягивал знаменитое английское пойло и размышлял о смысле жизни. Герти мило посапывала в кровати, заложив ладонь под щёчку и никак не реагируя на внешние раздражители. Измученного ребёнка не разбудили даже истошные вопли, носящиеся под высоким потолком холла чуть более часа назад. Колин до сих пор не вернулся. У студентов среди ночи нарисовалась внеплановая стачка. Рэнделл взял на себя обязанность оповестить тинэйджеров о произошедшем убийстве. Да, я буду называть смерть Хэтфилда именно убийством, и никак иначе, пока никто не докажет обратное. Во что выльется коллективное голосование моих юных друзей, оставалось только гадать...

Под рукой у меня лежала снятая со стены обнаженная дага. На всякий случай. Случаи-то разные бывают. Кто знает, чем теперь грозят бесконечные сумрачные коридоры Стиллхолла? Или, точнее, кем... Я хорошо помнил слова Шнитке, уверяющего, что волчьи следы обрывались возле рва, а потом начинались совсем в другом месте. Что же получается? Что волчара не нырял в ров, а каким-то невероятным образом ПЕРЕПРЫГИВАЛ добрых десять метров? А в свете последних событий плюс ещё и лихо штурмовал стены? На двух-то ногах?! Почему я так спокойно говорю о нелепице вроде вертикального передвижения серого хищника? Да наверно потому, что мой зрелый разум современного человека отказывался верить в подобную чушь! Да, я верил Ральфу, но и... Нет, не могу сказать. Но против фактов тоже, как известно, не попрёшь. Так что я должен был думать, в конце-то концов?

Я опустил стакан на пол, прикрывая глаза. И тут меня буквально ошпарил горячий пот. Погодите-ка, если мы не в состоянии понять, как волк очутился в замке, то кто может поручиться, что ОН его покинул? Я судорожно распахнул глаза. Мать моя женщина... Вот это уже действительно страшно. Замок чересчур велик, а зверь выходит ну прямо-таки по-человечески умён. Такому Эйнштейну животного мира спрятаться в громадном Стиллхолле раз плюнуть! А вдруг он уже подкрадывается к чьей-нибудь двери, как в сказке о Сером волке и трёх поросятах? Хищник у нас имеется, а поросята — это мы все. От таких мыслей мне совсем поплохело...

И, будто прочитав мои невесёлые мысли, кто-то сильно постучал в дверь. Мои пальцы автоматически сомкнулись на обмотанной шершавой кожей рукояти даги. Я чертыхнулся. Нервишки пошаливают, да? Так вроде не на войне уже... Я прикусил язык. Даже наедине с собой я редко позволял себе вспоминать о прошлом. Прошлое осталось где-то ТАМ.

Я неспеша подошёл к двери и провернул оставленный в замочной скважине ключ. Спрашивать дрожащим голосом вполне закономерное «кто там?» я не захотел. Вряд ли дикие звери научились культурно стучать в дверь, да и не ответят они ни хрена всё равно. Спустя секунды на ошеломлённого меня уставилось двенадцать пар глаз, ожидающе блестящих на шести юношеских лицах. Я потерял дар речи и строго посмотрел на Колина. Австралиец виновато пожал плечами. Мол, я-то причём?

— Э — э... чувак, здорово, — помявшись больше для вида, брякнул Артур. Обведя рукой замерших товарищей, он выдал неожиданные для меня слова: — Мы тут посоветовались маленько и пришли к выводу, что в твоей компании нам будет... э — э - э... несколько безопасней, чем поодиночке.

Хрюкнув под нос, я сложил руки на груди. Что-то моя комната, так или иначе, становится детским садом, приютом для обездоленных. На меня молитвенно-просяще таранились Саша, Джесс, Артур, Мартин, Колин (правда, по иной, чем другие, причине) и в некоторой степени Трейси. Маленькая металлистка старательно делала вид, что она здесь мимоходом и с этими ханыгами не имеет ничего общего.

— Ладно, оглоеды, заходите. Только тихо, без криков и шума. Герти спит.

Ломанувшая толпа малолетних чадушек едва не сбила меня с ног. Закрыв дверь, я вернулся в кресло и, примерив важное, сосредоточенное выражение на физиономию, произнёс:

— Рассаживайтесь, чего стоите, как столбы... И рассказывайте, что вы там конкретно порешили на своём школьном собрании.

Трейси вальяжно развалилась во втором кресле на правах моей лучшей подруги и выкатила зелёные глазищи.

— У — у - у!.. Все детишки намочили штанишки. Голодный волк — это тебе не шутка!

Занявший место на прикаминном коврикe Артур перекосялся от негодования. Колин, Мартин, Саша и Джесс кое-как, тихонечко, стараясь по-честному не шуметь и не разбудить посапывающую Герти, разместились на кровати. Интимный полумрак, негромкий, приятный на слух треск жаркого камина, глубокая ночь, группа молодых людей обоих полов в одной комнате... Романтика, одним словом!

— А тебе, небось, и мочить-то нечего, Стальная Крыса, — Артур всё же не выдержал. — Трусы всё равно не носишь... Или хочешь сказать, что ничуть не боишься, героиня ты наша?

— С чего ты взял, что я не ношу нижнего белья? — без дураков удивилась Трейси.

— С того, с чего ещё! Сколько раз я не смотрел на твою задницу, что-то не замечал наличия хоть каких-нибудь трусиков. Ха.

— М-да, ты сегодня на редкость красноречив, дружок. Нервы сдают? Смотреть надо лучше. Просто я ношу настолько узкие стринги, что их практически незаметно.

— Хотел бы я на это посмотреть, крошка!

— Сначала член отрасти, малыш.

— Чего — о - о...

У меня сами собой закатились глаза, и лопнуло и так далеко не ангельское терпение.

— Вы, огрызки, а ну заткнитесь. Все! Трейси, тебя это касается в первую очередь, иначе ты вылетишь отсюда вместе со всеми, как пробка. Слово даю!

Стюарт обиженно надулась. Студенты вытянулись в струнку, осознав, что я не предрасположен к шуткам.

— М-мы молчим, молчим, — пролепетал Артур, стараясь быть ниже травы, тише воды.

Залпом осушив стакан с виски, я застонал:

— Ну и наказание на мою голову... Что вам всем от меня надо?

Саша робко подняла руку.

— Ты не на уроке, говори.

— Нам страшно, — девушка кусала красиво очерченные губы. — То... что произошло, настолько чудовищно и ужасно... Мы думали, что ты нас защитишь в случае чего...

Коротко хохотнув, я осведомился:

— С чего вы взяли, что я смогу вас защитить? Откуда эта ничем не подкреплённая уверенность?

— Ну ты же крутой тип, — кивнул на дагу Мартин. — Да и к нам ты неплохо относишься. Вроде бы.

Я схватился за голову.

— Да у вас просто железная логика, ребята!

Герти со стоном заворочалась во сне, и я сбавил тон, прошептав:

— И вы прикинули, что у меня под крылышком будет надёжней. Верно?

— Ну, в общем, да, — Артур избегал смотреть мне в глаза. — Нет, я не то, что боюсь, но... Ты же не прогонишь нас прочь?

— А почему бы и нет? В ваших комнатах, за крепкими дверями вам ничего не угрожает. Не высовывайте носа, и всё будет в порядке. А с первыми лучами солнца (если туман позволит) быстренько сваливайте из замка. Вот мой совет. Не хрен тут больше делать.

Саша недоверчиво засопела.

— Земляк называется, соотечественник... Ну всего на эту ночь! С тебя что, убудет?

Я чуть не взвыл.

— Да поймите вы, я не против! Но где, чёрт возьми, я вас всех размещу? И... И что на это скажет общественность? Мне как-то ещё не охота в тюрюгу за обвинения в сексуальных преступлениях против несовершеннолетних...

Мартин вылупился на меня:

— Э — э... чувак, в каких преступлениях? Мы, пожалуй, тогда пойдём, пока не поздно...

Все сдавленно, в кулак, захихикали. Смех несколько разрядил напряжённую обстановку.

— Это всё отмазки, сеньор маньяк, — откинула с глаз прядь иссиня-чёрных волос Джессика. А мне почему-то запали в память её слова на счёт маньяков. Хм, а в чём же соль?.. Отшлифовать зародившуюся было идею я не успел...

— Мы не займём много места, — торопливо затарахтел Мартин. — Мы можем завалиться прямо на полу, не посягая на кровать. Кстати, я так и не понял, а с какого это перепугу ты приютил у себя эту замарашку? Чего-то я не въеду...

— А она мне гораздо ближе, чем вы, — позлорадствовал я.

Зверева приоткрыла ротик.

— Это в КАКОМ смысле?

Ответить мне помешала сама Герти. Девочка, не выдержав наших препирательств, всё же проснулась. Откинув тонкое одеяло, она села на кровати. На ней был мой шерстяной свитер достигающий худеньких бёдер... Герти протёрла глазёнки и, заметив непривычную обширную аудиторию, застыла.

— Похоже, я проспала что-то важное, да?..

Артур так и упал на своём коврике, задрал ноги! Трейси как-то уж очень подозрительно покосилась на меня. Право слово, я даже зарделся, как красна девица. Я закричал:

— Ну, понимаете... Вот... Герти тоже изъявила желание перебраться ко мне в номер. Не одни вы боитесь... К тому же она совсем одна! Теперь уж точно.

Я понял, что сбивчиво оправдываюсь. Но почему? Что я такого сделал? И почему...

— Эй, негодяи, чего вы на меня ТАК смотрите?

Откашлявшись, Мартин понимающе заухмылялся.

— Ну ты даёшь, кореш! Расписываешь тут из себя самого настоящего сексуального маньяка, а мы и уши развесили. Думали, что ты прикальываешься... А оно, глянь, и вправду! Я понимаю, если бы ты не устоял перед этой прелестью... — юноша развязано хлопнул Джессику по аппетитному бедру. — Но чтобы накинуться на несмышленного ребёнка?

Джессика, не давая спуска, залепила ойкнувшему Скотту знатную затрещину.

— Не распускай лапы, козёл!

Я же позеленел от гнева, выпрямившись в кресле и сжимая кулаки!

— Мартин, или ты захлопнешь пасть, или я сломаю тебе хребет! Ко всем обращаюсь, учтите. И хватит эдак подленько улыбаться, вы! За кого вы меня принимаете, за извращенца, за растлителя малолетних, что ли? Вы что, окончательно умом тронулись?!

Герти, выбралась из-под одеяла, спрыгнула с кровати, и, ступая босыми ногами по густому ворсу ковра, подбежала ко мне. Обвила мою шею руками, прислонив голову к вздрагивающему от возмущения плечу, и сурово посмотрела на тинэйджеров, сердито кусая губы.

— Да как вы смеете так говорить о нём? Алекс очень хороший, он пообещал заботиться обо мне... Здесь нет места тому, о чём вы подумали. А ты, носатый, ещё поплатишься за свои слова!

Обескураженный Мартин невольно прикоснулся к длинному любознательному носу. Девчонки прыснули со смеху. Артур, скрестив ноги по-турецки, закусил изнутри щёку.

— Да ладно... Я же прикальываюсь! Нормальный у меня, кстати, нос...

— Молодец, наш человек! — восхитилась Трейси. — Устами младенца глаголет истина!

— Надеюсь, вы понимаете, что вам всем будет жутко неудобно в одной комнате, — я сопротивлялся изо всех сил. — Учтите, спать придётся «валетиком».

Саша безжалостно оборвала мои аргументы.

— Не беда, это всего на одну ночь.

— Значит, договорились, — не давая мне опомниться, подытожил горячий шотландский юноша. — Лично я, в тебе, чувак, не сомневался! Я знал, что ты не бросишь нас на произвол судьбы. Правда, я несколько не согласен с распределением вакантных спальных мест. Хотелось бы это обсудить поподробнее...

Я наигранно недоумевающе повёл плечами.

— А что тут обсуждать? Герти продолжает спать на кровати, девчонки — там же, благо места им всем хватит с головой. Ну а мы расположимся кто, где горазд. Я смотрю, ты уже не в силах оторваться от этого замечательного коврика! Или ты предпочитаешь дрыхнуть в ванной комнате? Милости прошу.

— А тебе не кажется, что твоей протее... будет... э — э... лучше спать одной? Ну чего её, бедняжку стеснять? На кресле ей будет очень даже неплохо, она маленькая, поместится легко...

Герти с неприязнью показала МакДжонсу язык. Артур сделал «морду кирпичом».

— Сэр Коннор МакЛауд, о чём это вы? — холодно осведомился я.

— Эх, ни фиги ты не понимаешь, — с укоризной взглянув на меня, протянул Артур. — Я же предлагал разместить на кровати вместо девочки меня! А ты...

В комнате раздалась негодующие фырканы. Видимо, не один я был против настойчивых желаний движимого бунтующими гормонами подростка.

— Я всё как раз-таки и понял. Не нравится моё решение — можешь выметаться за дверь, — я растянул губы в добрейшей улыбке. — Девчонки, кто хочет спать на кровати с Герти?

— Я! — едва не выпрыгнула из чёрной проклёпанной кожи Трейси. — Уж со мной она будет в полной безопасности. Я смогу за нас постоять, ты знаешь. Девочки тоже согласны!

— Быть посему, — одобрил я, не обратив внимания на вытянутые лица Джесс и Саши. — Ну что, Герти, принимай новых подружек.

Довольная девочка, не рассусоливая, резво запрыгнула на кровать. Я пронзил каждого из студентов зловещим взглядом. Колин под шумок ретировался в сортир, в этой комнате он и так был своим и законно владел пятьюдесятью процентами акций на занимаемую со мной жилплощадь. Ребята затихли, тарашась на меня, как кролики на огромного голодного удава.

— Так, бойцы, я вас не звал и насильно удерживать не собираюсь. Дверь всегда открыта. Образно говоря, не бледней, Джесс. Хм, постарайтесь хоть на эту ночь забыть о грызне и глупых ссорах. Никакого разгильдяйства, выпендрёжа и анархии. Запомнили? Нужно держаться друг друга, прикрывать не только свои тылы, но и чужие.

Артур поднялся с пола, почёсывая живот.

— Думаю, что выражу общие мысли, Алекс. Мы всё понимаем, не безнадежно же мы тупые... Условия твои вполне справедливы и приемлемы, верно, друзья?

«Друзья» торопливо закивали. Не дай Бог, я ещё передумаю...

Я почувствовал, что кто-то на меня неотрывно смотрит и тут же наткнулся на пристальные серые глаза Саши. Девочка всеми фибрами зримо выражала желание о чём-то потолковать.

— Саша, — вздохнув, попросил я. — Прекрати корчить рожицы и говори прямо, тут все свои.

Саша подошла ко мне и прошептала на ухо по-русски:

— Есть одно дело, не терпящее отлагательств, — она мельком покосилась на насвистывающую под нос Трейси. — Давай говорить по-нашему.

— К чему такая секретность? — я всё же перешёл на родной язык.

Артур, судя по испарине, что было мочи тужился понять, о чём мы беседуем. Зря ты, дружок, изучал в школе никому не нужный французский!

— Напрасно ты позволил Трейси ночевать в одной постели с Герти. Мы-то ладно, а вот ребёнок...

— Что ребёнок? — приглушенное дыхание Саши обжигало мне ухо.

— Понимаешь, у нас с Джессикой есть подозрение, что Трейси... ну — у... что она — «розовая».

— Неужто приболела? — встревожился я.

— Ты что, вчера родился? Когда я говорю «розовая», я подразумеваю, что она лесбиянка.

У меня уже в который раз отвисла челюсть. Твою мать, если так и дальше пойдёт, придётся повязывать через подбородок верёвочку! Настал мой черёд ошеломлённо глазеть на

Сашу.

— Не понял. Это что — шутка?

— Какая, на фиг, шутка! — сморщила носик Зверева. — Я серьёзна, как депутат на заседании Госдумы. Буквально накануне вечером Трейси приставала к Джесс, лапала её, пыталась поцеловать! Лесбиянка она, точно тебе говорю.

— Ну... как-то всё это неожиданно. Откуда такая уверенность?

Девушка постучала костяшками пальцев по моей голове.

— А ты не замечаешь её, мягко сказать, сомнительного поведения? Трейси терпеть не может мужчин и засматривается на девчонок. Не переносит ухаживаний и совершенно не интересуется типично женскими темами! Разве тебе мало доказательств? Ты посмотри, как она себя ведёт, как одевается.

— Положим, нормально она одевается, — пробормотал я. — И ко мне Трейси относится весьма положительно...

— Исключение из правил, — Саша была непреклонна. — Тебе не кажется, что Трейси способна э — э... научить Гerti всяким гадостям?

— За такой короткий срок?

— Плохому учишься быстро!

— Или того хуже — изнасилует бедного ребёнка, — сурово присовокупил я.

— Именно!

Не единожды услышав своё имя в нашей приватной беседе, Трейси вся извелась, напряжённо гадая, о чём же это мы так задушевно болтаем. И ещё ей явно не нравилось, какими сомнительными взглядами я её закидывал.

— Эй, милая, может, и мне не мешает знать, о чём это ты с такой пылкой страстью шепчешь Алексу на ушко? — низкий голос Трейси буквально сочился ядом.

— Это касается тебя, Трейси! — мои глаза заискрились шкодливым весельем. — У Саши появилось одно стоящее предложение.

Зверева озадаченно нахмурила густые брови.

— Предложение?

— Ага. Саша хочет спать с тобой под одним одеялом, но боится попросить тебя об этом.

— Классная идея! — плотоядно облизнулась Стюарт. — Я не возражаю!

За исключением в доску обалдевшей Саши все надрывно захохотали. Зверева же не могла поверить, что я подложил ей ТАКУЮ свинью!

— Милая, готовься к сладкой ночи, — сладеньким голоском пропела Трейси, пожирая Звереву пламенным взором.

Саша чуть не грохнулась в обморок. Она скорбно поджала губки:

— Засранец ты, Болотин.

*Я здесь, я пришёл к тебе,
Пришёл вопреки судьбе.
С небес льётся лунный свет,
Я зверь — мне покоя нет...
Ария «Зверь»*

Уснуть я так и не смог. Спальню заливал призрачный свет неполной, выглядывающей из-за туч луны, минующий неплотно задёрнутые оконные шторы. На широченной кровати, на разные лады посапывали наши дамы. Я невольно, сам того не желая, залюбовался ими. Красота всё же страшная сила, господа. В хорошем понимании этой фразы.

Густые русые волосы Саши распущенной волной разметались по подушке, пушистые ресницы немного подрагивали. Не иначе как Зверевой снилось что-то тревожное. Саша до подбородка завернулась в простыню, сквозь которую прорисовывались линии красиво сформированного тела. Джессика зарылась лицом в подушку, разбросав руки и ноги, аки выброшенная на берег морская звезда... Поскольку девушка не удосужилась сменить повседневный туалет, то я, признаюсь, с трудом отвёл взгляд от круглой попки, вызывающе обтянутой тугими джинсами. Есть за мной такой грешок, чего уж скрывать... До безумия обожаю женские попы. Ну вот, режьте меня, пытайте за это! Я весь как на ладони.

Я торопливо перевёл взгляд на вторую половину кровати, оккупированную Трейси на пару с Герти. Лицемерная сцена едва не вышибала внеочередную слезу... А я то, дурья башка, почти поверил Саше, напредставлял себе такое, в чём стыдно теперь признаться. Умильно подложив ладошки под головёнку, Герти еле слышно похрапывала. На свежем детском личике не было и следа тревог и серьёзности, столь не свойственных для ребёнка её лет. А Трейси... Трейси заботливо прижала девочку к себе, бережно приобняв одной рукой. Пухлые губы Стюарт приоткрылись, дыхание заставляло чёрные волосы на макушке Герти слегка трепетать. Во сне суровая неприступная Трейси производила впечатление беззащитного ранимого дитя, под стать Герти.

Я поправил наброшенное на девочек покрывало. Какая, собственно, разница, лесбиянка Трейси или нет? Одно я знал совершенно точно: под шипасто-металлической оболочкой Стюарт скрывается удивительно чуткая, добрая и просто хорошая юная девушка. Которая грудью встанет за Герти и за тех, кого считает своими друзьями. Любит других девчонок? Да ради бога! Через годик-другой повзрослевшая Трейси выкинет из головы свои нестандартные увлечения и обратит внимание на противоположный пол. Ну а если предполагать худшее, что она и впрямь закоренелая лесбиянка, то и это не мешает Трейси быть хорошим человеком...

Артур свернулся калачиком на коврикe спиной к пылающему умеренным огнём камину. В комнате было тепло, и я давно перестал подбрасывать поленья в ненасытную утробу. Мартин и Колин скрючились в креслах. Я благородно уступил своё, всё равно спать не хотелось. Скотт видел десятые сны, а Рэнделл, по-моему, лишь притворился спящим, украдкой наблюдая за моими хаотичными перемещениями по комнате...

— Эй, тебе чего не спится? — вполголоса прошептал Колин. — Ходишь как маятник взад-вперёд...

Я остановился и хмыкнул.

— Могу задать схожий вопрос. А тебе-то чего не спится?

— Заснёшь тут, как же, — Колин со скрипом онемевших суставов выпрямился в кресле. — Мне одна мыслишка никак не даёт покоя. Я постоянно об этом думаю... И, знаешь, как не крути, а всё сходится к одному.

Я ночной тенью навис над ним. Мне почему-то сразу не понравился тон произносимых высоким юношей слов. Как будто Колин заранее оправдывается и просит извинения за то, что созрело в его чрезмерно догадливой голове.

— Колин, не пугай меня, — умоляюще зашептал я. — Скажи, что просто ничего не понимаешь. Будь как все, а, приятель?

Колин не отвёл взгляда, упрямо сжав губы. Пальцы австралийца впились в мягкие валики-подлокотники кресла.

— Алекс, если я стану мыслить, как все, мы можем не пережить эту ночь.

— Ты... Ты чего городишь? — я не сводил с него глаз. — На тебя снизошло очередное озарение?

— Нет, — взгляд Колина приобрёл оттенок металла. — И я решительно не пойму, почему ты — умный, здравый и рассудительный человек, не желаешь замечать вполне очевидных вещей.

— Спасибо на добром слове, конечно, но будь так любезен, поясни всё вышесказанное.

— Алекс, я думаю, что ты и сам уже всё понял, но... Но не хочешь или боишься признаться себе в том, что истина у тебя под носом.

— Ага, агент Малдер, истина где-то рядом, — я первым отвёл взор.

— Не паясничай, тебе не идёт, — отрезал Колин. — Я не беру в расчёт Шнитке. У немца врождённый инстинкт охотника и неглупая голова, но он реалист. Он человек, измеряющий ситуацию известными, привычными для него и общества критериями. Ты же не такой!

— Не кричи, побудишь всех, — у меня засосало под ложечкой.

— Прости. С нами за прошедшие несколько дней произошло достаточно на первый взгляд не взаимосвязанных, но очень странных вещей. Роковых случайностей, я бы сказал.

— Ты это о чём?

Колин поудобней устроился в кресле.

— Да всё о том же. Я назову тебе несколько моментов, очень, как мне кажется, подозрительных. А ты уж сам думай, где собака зарыта.

Я опустил на одно колено и заинтересованно уставился на Колина. Чем же меня сможет удивить мой юный друг?

— Первое, — Колин начал резво загигать пальцы. С такой прытью ему скоро руки не хватит! — Внезапная авария нашего автобуса. Помнишь, Спенсер сам сказал, что такая поломка на его памяти впервые, и мы только чудом не разбились. Второе: предсказания той юродивой провидицы, чтобы ты остерегался тьмы. Третье: странное поведение Стокмана после убийства повара. Как будто он хочет скрыть происшествие и ни в какую полицию звонить вообще не собирается... Четвёртое: заявление Ральфа об обнаруженном им волке. Если бы волчара был с местной пропиской, о нём давным-давно бы знали. Получается, что хищник завёлся в лесу аккурат с нашим прибытием в замок!

Колин перевел дыхание. Я напряжённо смотрел на него, застыв каменным изваянием. Колин набрал воздуха в грудь и продолжил:

— Пятое: с этим замком не всё так чисто, как кажется, зуб даю. Шестое: убийство

повара! Не отрицай, что оно ненормально по своей природе. Сам посуди, волк, предположительно тот, что скоротечно завёлся в здешних местах, непонятным образом проник в замок, загрыз человека и благополучно исчез! Крутовато даже для Дэвида Копперфилда. Это в-седьмых. И это я ещё не озвучил своей главной мысли. Ну, что скажешь?

Я не стал его разочаровывать.

— Честно говоря, я могу лишь объяснить подозрительное с твоей точки зрения поведение Стокмана. Смотри, Колин. Стокман деловой человек, ему дорога каждая минута. Он вложил в своё наследство немалые деньги, предвидя в будущем довольно ощутимую прибыль. Как ты думаешь, что им двигало, когда он пригласил нас в Стиллхолл? Человеколюбие, сострадание? Нет, и ещё раз нет. Трезвый расчёт и нацеленный на выгоду взгляд. Ему нужна реклама. Так что наше проживание в замке — тонко спланированная пиар-акция. Не более. И как гром среди ясного неба! Убийство. Ты представляешь, что он сейчас испытывает? Если о случившемся узнает общественность, у Стиллхолла появится крайне дурная слава. Одно дело, когда средневековый замок окутывает ореол таинственности и древние легенды о привидениях (для привлечения туристов самое оно) и совсем другое, когда в этом самом замке на данный момент зверски убивают гостей. Так что я Стокмана вполне понимаю... Выбора-то у него всё равно нет, сообщить об этом придется.

— И всё? — Колин пытливо заглядывал мне в глаза, как будто знал, что я не договариваю. Проницательный паренёк.

— Остальное я объяснить не в силах. Но, думаю, у тебя уже заготовлены ответы на все вопросы, — я доверительно улыбнулся. — Не томи. У нас мало времени. Какой единственно верный вывод напрашивается из всей этой бредовой мешанины?

— Вывод один, — Колин сцепил пальцы в кулак. — Изначально за нами ведётся охота. Нас загнали в этот медвежий угол. Некто, опытный пастух, собрал нас всех в одном месте. Для вполне определённой цели. Мы овцы, а он-волк. И я не образно выражаюсь. Алекс предупреждаю, я не пересмотрелся фильмов ужасов и не зачитался Кингом и МакКамонном... И я не верю в сказки. Но я верю в то, что древние тёмные легенды способны оживать. И, когда подобное происходит у меня на глазах, у меня нет основания не верить себе... В чём-то некоторые из наших попугачиков правы. Джона Хэтфилда убил не волк. Его убил... оборотень. Только наделённый нечеловеческими способностями монстр мог повернуть всё это.

Если вы думаете, что я расхохотался, покрутил пальцем у виска или сразу же послал Колина с его шутками туда, где темно и газету не считаешь, вы ошиблись... Но и хлопаться в обморок от ужаса, забиваться со страху под кровать и дрожащим голосом начинать молебен я тоже не стал. Я проглотил вставший в горле комок и нарочито ровным голосом прошептал:

— Я никому не говорил... Не хотел прослыть идиотом и подставлять Ральфа. Но... Шнитке сказал, что этот волк ходит на двух задних ногах.

Никакие другие произнесённые мной слова не произвели бы большего эффекта на Колина. Юноша стал похож на бесплотную тень. От его лица отхлынула вся кровь. Он обессилено откинулся на спинку кресла.

— И... Ты молчал об этом? Алекс, какие тебе ещё нужны доказательства? Это первый прокол оборотня! Он не ожидал, что с нами окажется следопыт-охотник. И он начал действовать. Он спешит, пока мы не разъехались. Прошедший ураган ему только на лапу!

— А я думаю, что это тот фактор, что спасал нас до сих пор. ОН не торопился, зная, что нам деваться некуда. Но и затягивать он не стал... Почему?

Колин пожал плечами, недоумевая не меньше моего. Потом его взгляд упал на окно, просвечиваемое серебристым светом. Рэнделл ахнул и схватил меня за руку.

— Я понял... Скоро полнолуние, а оборотни во время полной луны не могут противостоять её чарам.

— ОН очень умён... У нас проблемы, Колин. Большие проблемы.

— Да, — серьёзно кивнул юноша. — Очень большие.

Не правда ли, напоминает разговор двух пациентов психбольницы? Оборотни, коварные замыслы, загадочное убийство, какая-то ломаная детективная линия... Полный набор, чтоб надеть нарядную рубашку, с рукавами, завязывающимися на спине бантиком, и загреметь в милый жёлтый дом! Я так легко об этом пишу, а тогда, между прочим, сердечко поёживало и норовило соскользнуть поближе к пяткам... Как я поверил в эту, откровенно говоря, пошлую чушь? Да элементарно! На тот момент всё, что мы наговорили, казалось мне непогрешимой правдой. Человека пугает всё необъяснимое. То, что не поддаётся стандартной логике. То, что невозможно представить. Думаю, человек подсознательно боится, что его самые фантастические и нелепые предположения окажутся правдой. И поэтому он ещё больше, с удвоенной силой отказывается верить в сверхъестественное. Даже если предоставить ему неоспоримые факты. Среднестатистический человек боится разрушения привычного мироздания, краха незыблемых устоев.

Но я имел преимущество. Преимущество, заключающееся в том, что меня буквально ткнули носом в это самое... В нечто. В непонятную, непознанную субстанцию, скопище первобытных страхов и суеверий. А я не был безмозглым болваном, отказывающимся верить своим глазам и разуму, в пользу устоявшихся предубеждений и нерушимых догматов. Что мы вообще знаем о тёмной половине нашей жизни, сущности нашего мира? Я думаю, что ничего. И если обычный человек мёртвой хваткой вцепился бы в якорь самообмана и ложного спокойствия, ввергая себя в состояние иллюзорной безопасности, то я предпочёл оторваться от этой цепи. Пусть она и крепко держала разум, не позволяя заходить ему за ум.

Я верил в сверхъестественное, я верил себе, я верил в Бога... И я решил погрузиться в пучину того, на что порой никогда не пойдёшь при иных обстоятельствах. Я погрузился во тьму, в водоворот ужаса и безумия. В тот момент я смирился с Хаосом. Чтобы выжить. Древние легенды оживают? Хорошо. Уличные пророки на поверку оказываются всамделишными баньши? Отлично. Оборотни не сказка? Прекрасно. Один из них устроил охоту на нас? Хотелось бы и дальше браво воскликнуть «замечательно!», да врать не буду. Ничего замечательного именно в этом и не было. Было страшно...

Пронзительный крик, звенящий от несусветной боли и ужаса, тупой ржавой иглой впился в мой мозг, заставив покрыться ледяным потом. Кричали где-то на втором этаже, сверху. Голос был женским и чертовски знакомым.

Колин чуть не выпрыгнул из кресла, волосы на его голове на моих глазах встали дыбом, кроме шуток... Я затравленно обернулся. Глаза Трейси резко распахнулись, Герти, недовольно сопя, заворочалась. Новый крик, ещё более страшный, вывел меня из обездвижившего ступора. Не мешкая, я нырнул под кровать и вытащил помятую дорожную сумку. Одним движением рванув замок «молнии» и выкинув кое-какую личную мелочёвку, я запустил руки на самое дно.

— Что случилось, что происходит? — заспанная Саша села на кровати и, кутаясь в

простыню, усталилась на меня. Серые глаза девушки округлились...

В правой руке я сжимал пистолет-пулемёт «Беретта М — 93». Чётким и отработанным движением, плодом долголетних тренировок, я вогнал в рукоять обойму и передёрнул затвор.

Ещё один крик кнутом стеганул по ушам...

— Боже, кто это ТАК кричит? — Трейси, стараясь не разбудить Герти, спрыгнула с кровати. — Откуда у тебя взялся пистолет? Что происходит?

— Сидите здесь и никому, кроме меня, не открывайте!

— Кто это так орёт? Кто-нибудь может мне объяснить? — Мартин был блее мела.

— Это ОН, — с обречённой покорностью в голосе сказал Колин. Юноша боязливо поёжился.

— Да кто он то?! — не выдержав, как оглашенный заорал Артур, глядя на потолок, а заодно разбудив непробиваемых Герти с Джесс своим боевым голосом взбешённого горца. — Там что, кого-то на куски режут?!

Я подбежал к входной двери и уже с порога торопливо бросил:

— Берегите девчонок, закройте дверь и, повторюсь, кроме меня, никому не открывать. Это приказ! Я постучу четыре раза. И... Колин, расскажи им ВСЁ.

Выскочив в коридор, я с силой захлопнул за собой дверь.

Я мчался гигантскими скачками, крики боли гнали меня вперёд. Пробежав по холлу, я в два приема одолел ведущую на второй этаж лестницу, почти не касаясь ногами ступенек. Проклиная чрезмерно огромные размеры замка, я ломанулся сквозь вереницу комнат и залов, стремясь как можно быстрее добраться до отдалённой комнаты Грейс Брайен. Я был почти уверен, что кричала именно скромная рыжеволосая девушка в очках...

На бегу я молился, надеясь, что всё-таки ошибся и это не она. А кто тогда? Я что, кем-то сознательно готов пожертвовать? Типа, кто угодно, но не Грейс? Эгоистично звучит, но я ничего не мог с собой поделаться.

В ушах часто стучало, мерзкий холодок прокрался в душу. Нет, я не столько боялся опасности, сколько боялся, что безнадёжно опаздываю. Держа наготове «Беретту», я галопом пролетел коридор, развешанные по стенам штандарты и картины сливались в смазанные полосы. Я кусал губы... Криков я больше не слышал. Наступила тишина, которую обычно любят называть зловещей. И, помимо того, я понимал, что ночная, слабо разбавленная редкими свечами и масляными лампами тьма, окутавшая встревожено просыпающийся замок, играет не на моей стороне. В отличие от обладающего чутким нюхом и острым зрением противника (всё никак не начну называть вещи своими именами...), я буду в невыгодной позиции.

Затормозив, я прижался вспотевшей спиной к холодному камню стены. Спальня Грейс была справа от меня. От, как ни странно, плотно закрытой двери меня отделяло не более пяти метров. Может, я всё же ослышался, и кричала не она? Только бы всё обошлось...

Стараясь не дышать, я осторожно начал приближаться к двери, крепко сжимая в вытянутой руке (слава богу, не трясущейся!) переведённый на одиночную стрельбу пистолет. По счастью, напротив комнаты Грейс мерно горел зажжённый сознательным старым дворецким светильник. Не промажу, ОН должен быть крупным, наверное...

Изнутри на дверь обрушился удар воистину чудовищной силы... И крепкая древесина не выдержала. С умопомрачительным скрежетом и треском дверь разлетелась в щепы! Я еле

успел пригнуться, как над моей головой просвистел зазубренный обломок. Силён, зараза, дверь-то открывалась внутрь!

Из спальни в ауре осколков дерева могильно-чёрной тенью выпрыгнуло рычащее НЕЧТО, мягко приземлившись на четыре лапы. У меня перехватило дыхание, пистолет на мгновение дрогнул в моментально вспотевшей ладони. Крупный? Не то слово! Бесноватая тварь была неслыханных размеров! На ум приходило сравнение с годовалым телёнком, молодым бычком...

Угрожающе рыча, ОНО припало к каменным плитам пола, скаля окрашенные чем-то бордовым бритвенно-острые (ну я не думаю, что они были тупыми!) клыки, коим позавидовал бы и саблезубый тигр. Я не оговариваюсь. Я так и хотел сказать — ОНО. Поскольку передо мной был не волк... Сомневаюсь, что сия тварь вообще имеет отношение к передаче «В мире животных».

На мощных задних лапах блестели хищно загнутые когти, способные разрезать кольчугу как бумагу... Оно, осанкой напоминая гориллу, опиралось на сильные мускулистые передние лапы (руки?!) с так похожими на человеческие кистями, сжатыми в громадные кулаки. У твари была лобастая голова волка и поджарая гибкая стать. Чёрная, спутанная шерсть густой кошмой покрывала всё тело, острые уши его прижимались к затылку, хвоста я не заметил... Но больше всего мне не понравились глаза этого «волка». У зверя просто не может быть таких глаз. Хитрых, словно насмехающихся над человеком, невероятно разумных и полыхающих алым огнём глаз!

Не-е-ет... Это не волк, с какой-то тоской окончательно убедился я. Это то, что в древних преданиях и старинных легендах называется волколак. Волк-оборотень. А по англо-германски вервольф. И это не сон. А если сон, то самый чудовищный кошмар из всех возможных! Понял я и ещё одну малоприятную вещь... Даже с помощью такого внушительного пистолета, как «Беретта М — 93» калибра 9 мм с магазином на 20 патронов мне не остановить это исчадие ада. Не тот случай, ёкарный бабай...

Зверь, как будто издеваясь, презрительно ощерился... С внушающих трепет клыков вперемежку со слюной капала тяжёлыми рубинами кровь. Человеческая кровь.

Не горя желанием разыгрывать из себя самоотверженного героя и бросаться на адское существо с голыми руками, я нажал на спусковой крючок. Шквал девятимиллиметровых пуль ударил оборотня в плечи и грудь, подкинув тварь в воздух. Каменный коридор наполнился гулким эхом от пистолетной канонады. Издав жуткий вой, в котором звучало не столько боли, сколько ярости и злобы, монстр всей тушей, извернувшись, шлёпнулся на пол и затих, судорожно суча лапами.

Я утёр тыльной стороной ладони лоб. Неужто завалил? Как-то верилось с трудом, слишком легко. И, не оспаривая мою правоту, вервольф отозвался низким горловым звуком, и резво вскочил на все четыре, согнувшись в готовности к прыжку, обжигая меня понимающим взглядом багровых глаз.

Я весь покрылся мурашками. Я, по правде, никогда не жаловался на слабость зрения. Но сейчас отчётливо видел, как проникающие раны на мощном мускулистом теле этого существа, ни проронив ни капли крови, быстро и споро затягиваются, зарастая густой чёрной шерстью... Я глупо хихикнул. Расскажи кому — не поверят! И тут...

Оттолкнувшись задними ногами (кроме размеров и впрямь не отличающихся от обычных волчьих), с торжествующим воем оборотень могучей когтисто-клыкастой торпедой метнулся ко мне. Взмывшего ввысь косматого монстра, жадно тянувшего в мою сторону

здоровенные лапы, встретил очередной град пуль. Но этот огневой занавес не задержал бы потустороннего хищника. Он гарантировано приземлился бы на меня, привставшего на одно колено, и тогда было бы совсем туго. Однако над моей головой громоподобным раскатом в замкнутом пространстве прозвучал выстрел из винтовки «Экспресс 500». Я чуть не оглох!

Пуля, способная раздробить череп слону, сшибла волчару прямо в пикирующем полёте. Взревев от неподдельной боли, вервольф тяжело, словно мешок с цементом, грохнулся оземь. Следующий выстрел разворотил широченную грудную клетку, отбрасывая скулящего зверя на несколько метров назад.

Я облегчённо выдохнул углекислоту через сведённые в судороге зубы и обернулся. Ральф Шнитке, полностью одетый, с перекинутым через торс патронташем, сжимал в руках вороненую, с дымящимися стволами винтовку. Переломив «Экспресс» пополам, немец выбросил пустые гильзы и быстро загнал в стволы ещё два патрона, доселе зажатые в крупных зубах. Но спешные приготовления были напрасны. Каким-то чудом оставшийся в живых монстр, видимо уяснив, что эти люди, мы, то есть, ему не по плечу, оклемавшись от страшных ранений, шустро рванул прочь по коридору, припадая то и дело на передние неестественно длинные руки-лапы. Как ни крути, а досталось ему на орехи не слабо...

Дёрнувшегося было следом за скрывшемся во тьме зверем Шнитке я остановил, положив руку на винтовку. Засунув наполовину разряженную «Беретту» за пояс, я сказал:

— Стой, Ральф! С этой тварью нам не справиться. ЭТИМ оружием не справиться.. Нужно что-то посущественней.

— Посущественней? — эхом отозвался немец, неверяще глядя на винтовку. — Да из этой малышки можно мамонта уложить!

— Но не оборотня.

— Обор... — Шнитке осёкся и встопорщил усы. — Ты что такое говоришь...

— Да очнись ты, наконец! — рявкнул я в побелевшее лицо охотника не хуже волка. — Да, я сказал оборотня, вервольфа, называй, как хочешь! А ты что думал, что ходящий на двух задних лапах волк — это новая разновидность семейства собачьих? Или какое-то древнее, не успевшее вовремя вымереть животное?! Ты видел, КАК выглядела эта тварь, насколько она похожа на человека? Ты что, не видел, что наши пули не причинили ему ни малейшего вреда, что его раны на глазах затянулись? Он даже не истёк кровью... Ни одно животное не способно на такие фокусы. Ральф, это был самый настоящий чёртов оборотень! Вервольф! Сказка обрела плоть.

Немец поражённо опустил винтовку.

— Господи Иисусе...

Оставив обалдевшего охотника в коридоре, я вбежал в комнату Грейс, переступая через древесные обломки двери. Сердце моё оборвалось, в голову бросился жар. Я опоздал. В центре спальни, в луже собственной крови, выгодно подчёркнутая горящей люстрой, лежала Грейс.

На ватных ногах я подошёл поближе. Заострившийся подбородок мёртвой девушки был вздёрнут кверху, в поддёрнутых пеленой смерти глазах отражались язычки свечей, огненно-рыжие волосы стали рубиновыми, намкнув от крови. Стараясь не смотреть на разодранное, ещё недавно дышащее прекрасное тело, я сконцентрировался на застывшем, и после смерти красивом лице Грейс. Вторая смерть за последние несколько часов. Такая же кошмарная, бессмысленная и неправильная. Неправильная до тошноты. От этих смертей несло смрадом могилы и фатальной безнадёгой. Ибо причиной их послужило нечто не от мира сего. С этим

нельзя смириться или научиться сосуществовать. Люди не должны умирать вот так, в пасти отвратительной потусторонней твари...

Опустившись на колени, я лёгким прикосновением закрыл ей глаза. Я почти не знал эту девушку, успел перекинуться с ней не более чем сотней слов... Я... Я даже не могу сказать, что на что-нибудь рассчитывал. Замкнутость Грейс и моя, помноженная на лень, нерешительность вряд ли принесли бы какие-нибудь плоды в наших отношениях. Но... Но смерть девушки почему-то сильной болью отдалась в моей душе. Сам не знаю почему. Может быть потому, что до селе я ни разу не видел мёртвых красивых девушек?

Сзади послышалось натужное сопение.

— Что... — немец запнулся, бессильно понутив голову.

Я приложил указательный палец к губам и прошептал:

— Она просто заснула, Ральф. Она спит.

Я постучал ровно четыре раза. Как уславливались. У меня стреляло в висках, затылок полыхал от жара. Я вдруг ощутил какую-то вселенскую усталость. Недосыпание всё же сказывалось. Моя бравада и пренебрежение сном давали о себе знать. Стрелки наручных часов услужливо показывали четыре утра. А мне в те минуты казалось, что ночь никогда не закончится.

— Кто там? — пропищал за дверью Артур. Окрашенный налётом затаённого страха, голос юноши едва не сорвался.

— Это я — Алекс. Открывайте.

— Почём мы знаем, что это ты? — храбро вякнул Мартин.

— Вот сейчас уши как надеру, тогда сомневаться не будешь, ковбой недоделанный, — мрачно пообещал я.

— Алекс! — обрадовались студенты. Узнали...

Послышалась возня, в замочной скважине провернулся ключ и дверь приоткрылась. Я быстро вошёл в комнату. Напряжённо молчаливый Ральф неотступно следовал за мной.

Ребята накинулись на нас с кучей вопросов.

— Ну, что, кто это кричал?

— Это вы стреляли?

— Вы видели этого чёртового волка?

— Что случилось то...

Я пропустил Ральфа вперёд себя, и устало привалился спиной к закрытой двери. Студенты притихли. На меня, должно быть, было страшно смотреть. Знаю. Мои глаза тлели горячечными углями, сведённые скулы скрипели, лоб бороздили морщины... Мне казалось, что я за один жалкий час постарел на несколько лет.

Вооружённый до зубов, обвешанный патронташами и подсумками, с нахлобученной на голову шляпой, Ральф, вскинув на плечо винтовку, прошагал к потухшему камину.

— Что произошло, Алекс? — подскочившая с кровати Саша стиснула кулачки.

— Грейс Брайен мертва.

Саша шмякнулась обратно на кровать.

— К-как мертва? — начал заикаться Артур.

— Её загрыз ЗВЕРЬ, — я окинул одобрителем взглядом подобранных ребят. — Молодцы, смотрю, что ждали не с пустыми руками.

Артур сжимал в кулаке отломанную от кресла деревянную ножку, Мартин смущённо

теревил кочергу. Колин вооружён не был, но настрой у юного австралийца был самый решительный. Трейси угрюмо подбрасывала на ладони оставленную мной дагу, рискуя отрубить себе пальцы. Стюарт расположилась в кресле возле камина, Герти примостилась у неё на коленях. Саша и Джесс чинно восседали на кровати. Парни бестолково мялись посреди комнаты.

— Зверь? — Трейси прижала побелевшую, как полотно, Герти к груди. — Грейс убил этот волк, и вы ничего не... не смогли сделать? Но мы же слышали выстрелы! Как это...

Тинэйджеры загалдели, словно взбудораженная стая молодых ершистых воробьёв. Я упал во второе, ставшее колченогим, кресло и положил пистолет на колено. Ральф молча стоял у камина. Полыхающий судорожным маревом свечной канделябр на каминной полке бросал на хмурое лицо немца трепещущие тени.

— Сожалею, но мы и в самом деле ничего не смогли... Мы опоздали. Когда мы добежали до комнаты Грейс, она... Она уже была мертва. И там был ОН. Мы пытались пристрелить эту тварь, но у нас ничего не получилось. ОНО буквально растерзало Грейс. У несчастной девушки не было не единого шанса. Дьявол! Да это напоминало бойню!..

Меня слушали с раскрытыми ртами. На чёрных глазах Джессики вспыхнули слёзы, Саша то и дело задирала носик... Трейси мягко уткнулась подбородком во взлохмаченную макушку Герти.

— Это зло. То зло, что поселилось в замке, — прошептала девочка, глядя в одну точку. — Это ужас в обличии зверя...

Сникшие юноши не поднимали глаз. Артур выронил импровизированную дубинку.

— Сейчас, ночью, высовываться опасно, — в болезненной тишине хрипло прозвучал голос Ральфа. — Нужно дождаться утра и тогда вы сможете по-быстрому уйти. Дальнейшее промедление смерти подобно!

— Ральф, я думаю, тебе так же следует убраться вместе со всеми, — я мигом уловил, куда клонит охотник. — Дело принимает слишком крутой оборот, тебе не к чему ТАК рисковать.

— Я... Я не знаю, Алекс. Я... Мне кажется, что я обязан остаться и уничтожить эту тварь. Этого монстра, который не имеет никакого права на существование. Это же просто какая-то злая насмешка... Коварная шутка Сатаны! Я должен остаться.

Мартин робко перебил нас:

— Это вы всё о волке судачите, да?

Внимательно присмотревшись к насупленному Колину, я отрицательно покачал головой.

— Нет. Речь не о волке! Я не понял, Колин должен был вас вести в курс происходящего... Что вы так скусились? Колин, ты сделал то, о чём я тебя просил?

— Ну конечно, — Рэнделл грустно улыбнулся. — Я всё рассказал. Загвоздка в том, что...

— Тебе никто не поверил, — обвинительно закончил я за него.

— Э — э... — Артур не знал, куда деть руки. — Понимаешь, трудноато поверить в ТАКОЕ, без весомых доводов...

— Ясно. Думаю, теперь уже двух изувеченных трупов и наших с Ральфом личных свидетельских показаний должно хватить, чтобы заставить вас ПОВЕРИТЬ в очевидное. Я сам ВИДЕЛ его. Стрелял в него. Это не волк, ребята... Это и вправду оборотень. Хреной вервольф.

Разразилась настоящая буря эмоций и шторм выкриков. Один только Колин, да ещё Герти восприняли мои слова как нечто само собой разумеющееся. Остальным пришлось всё разжевывать. Сухо и лаконично я рассказал, как мы изрешетили громадную тварь, как та наплевательски отнеслась к огнестрельным ранениям, насколько НЕОБЫЧНО выглядит зверь...

Не верить мне у детворы не было ни малейшего основания, и комната почти ощутимо наполнилась эманациями страха, граничащего с паникой.

— Поэтому с утра вы и другие, проживающие в Стиллхолле, личности будете все как один стоять в прихожей замка. И, как только опустится мост, живо дуть отсюда к гаражу, к микроавтобусу Стокмана, — я привычно раздавал указания. — Я буду прикрывать. Ральф будет дожидаться полицию. А вы, повторяю, как угодно, на чём угодно убирайтесь от Стиллхолла подальше!

— Если бы Стокман не был непроходимым идиотом, он бы уже позвонил куда следует, и с первыми лучами солнца полиция стояла бы под стенами замка, — пробурчал Ральф. — Хотя я и сомневаюсь, что местные стражи правопорядка будут мне достойными помощниками... Надо поднимать всю округу и облаживать замок по полной программе!

— Ты только не ляпни, что выслеживаешь оборотня, — на всякий случай напомнил я. — Иначе, вместе с полицией прибудет и карета скорой помощи, чтобы загрести тебя в психушку. Хотя скорую в любом случае нужно вызывать... Держись версии, что во всём виноват бешеный волк-людоед!

Нашу вдохновлённую трепотню (да, рассуждать впустую всегда проще, чем что-нибудь делать, а, когда доходит до дела, у немногих остается пороку, чтобы воплотить планы в жизнь...) немилосердно прервал тяжкий, как наковальня, вздох Колина.

— У вас ничего не выйдет. Вы упустили одну важную деталь.

— Какую? — пробасил Шнитке, грозным стражем застыв возле входной двери, куда он передислоцировался во время нашего разговора.

— Вы что, решили, что оборотень будет преспокойно ждать, пока все разбегутся, а вы, дождавшись полиции и народного ополчения, возьмёте его за хвост? Вы что, не понимаете?

Я усилием воли подавил готовые вырваться ругательства и тихонько спросил:

— ЧЕГО не понимаем? И, кстати, не было у него никакого хвоста...

— Да он же просто утром уйдёт из замка вместе с другими людьми. Вместе с нами! — Рэнделл недоумевал над нашей непроходимой тупостью. — Это же оборотень! Человек, принимающий личину зверя! Как вы вычислите среди всех остальных жителей замка вервольфа? У него что, на лбу будет написано, мол, вот он, я, монстр, хватайте меня?! Оборотнем может оказаться, кто угодно и его никогда не заподозришь в обычном человеке. И я не думаю, что эта тварь со стороны. Это кто-то из проживающих в Стиллхолле людей! Это кто-то из гостей замка.

— Чёрт, а ведь мальчишка прав, дружище! Мы с тобой здорово лажанулись, — хмыкнул Шнитке. — КАК мы узнаем его?

— Узнай меня, найди в толпе среди тупых голодных зомби, — негромко пропел я, дивясь внеочередной пронизательности Рэнделла. Трейси живо наострила ушки, её явно заинтересовали профальшивленные мною строчки. Она зябко передёрнула плечиками:

— А это точно, что ОН именно из гостей замка? Это не может быть местный оборотень?

— Убийства начались с нашим приездом, — призадумавшись, сказал я. — До этого

момента никто из жителей Гринсвуда и окрестностей не жаловался на лютующего вервольфа!

А что же всё-таки имела Чокнутая Баньши под словами о Тьме и грозящей мне опасности, внезапно всплыло в мозгу... Или она о чём-то знала? Но откуда? Или я неправильно её понял... Или она имела в виду нечто совсем другое? Но что тогда?! Я был близок к паническим настроениям, честно.

— ... вопрос снят, умолкаю.

— А? — я с пришибленным видом заозирался по сторонам. — Ах да, Трейси, всё так и есть.

Стюарт наградила меня жалостливым взглядом огромных зелёных глаз. Артур, долго молчавший, полновесно припечатал.

— Чтобы убить оборотня, надо сначала выяснить, кто он. В противном случае, как заметил Колин, вся ваша затея выеденного яйца не стоит.

— Чьего яйца, не твоего ли часом? — не удержалась от ехидной реплики Трейси.

Продемонстрировав Стюарт оттопыренный средний палец, Артур невозмутимо заявил:

— А я бы чего-нибудь выпил согревающего. Для поднятия тонуса!

— Что, уже не стоит? — посочувствовала Трейси. — Бедненький малыш...

— Хм, уважаемые, я бы попросил в присутствии маленького ребёнка следить за оборотами речи и не накалять ситуацию, — я многозначительно задвигал бровями. — У нас есть более существенные и жизненно важные вопросы, чем выяснения бытовых отношений личного плана!

Ральф похлопал по прикладу винтовки, напоминая о своём присутствии.

— Согласен. У нас и так мало времени, а решения главной проблемы и близко не видно! Мы один хрен не знаем, кто из постояльцев замка прячется за маской оборотня... Хотя правильной будет, наверно, сказать, что нам неизвестно, под чьим обликом прячется сам оборотень. До утра осталось всего ничего, и если мы и дальше будем сидеть, сложа руки и пустопорожне кусаться, то многого не добьёмся.

— Вам-то придётся в любом случае уходить согласно моему плану, — сказал я, обращаясь к тинэйджерам. — А вот нам предстоит... Шут его знает, что нам предстоит! Колин угодил в яблочко, без идентификации личности вервольфа наши потуги пойдут насмарку. Чудовище преспокойно улизнёт вместе со всеми, а если всем остаться, то волчье пиршество продолжится! И единственное, в чём я гарантированно уверен, это в том, что среди присутствующих в этой комнате лохмато-клыкастого парня нет. Надеюсь, нам всё же удастся предпринять, что-нибудь путное...

— Дева Мария, но как же нам вычислить, кто ОН?

Я выщелкнул из пистолета обойму и пересчитал оставшиеся патроны. Пять штук, надо перезарядить.

— Джессика, симпапуська моя, — Трейси обречённо закатила глаза и покрутила пальцем у виска, шепнув под нос «испанская шляпка», но я невозмутимо продолжил: — Не знаю я, кто он, нет у меня ни одной достойной идеи. Я до последнего времени и предположить не мог, что мне в реальной жизни пригодятся научные данные из области сверхъестественного! М-м... Кстати, никто не знает, что означает буква «М»?

— Ты в школе плохо учился, был отстающим? — тот час предположил Мартин. — Вообще-то буква «м» это и есть собственно буква «м», символ, означающий определённый звук. Так принято во многих странах мира, в самых разных алфавитах. Ха — ха! А в чём

подвох, кореш?

Мой голос прозвучал глухо и вдумчиво.

— Перед смертью Грейс написала эту букву собственной кровью на полу рядом с собой. Она, скорее всего, оставила нам подсказку, способную определить личность убийцы. Вдруг это инициал?

Мартин по понятным причинам (его-то имя так же начиналось с «м») лязгнул зубами.

— Э-э-э... Может, Мастерс?

— Не-а, это МакДжонс! — в восторге заявила Трейси.

Бедный Артур аж подпрыгнул, загрохотав глазами по сторонам. А вдруг этой дуре поверят на слово?

— Ты чё несёшь, тупая твоя морда?! Быстро возьми свои слова обратно, иначе я буду вынужден требовать сатисфакции, и мы выйдем один на один и там посмотрим...

— Ты собрался драться с девочкой, как можно? — презрительно скривилась Герти. — Фу-у-у...

— Ни фиги себе девочка! — не унимался Артур. — Да она мужик в юбке, а не девочка!

— Я юбки не ношу, козёл ты недоделанный!

— Нам ещё не хватало друг другу глотки перегрызть! — рассвирепел я и грохнул кулаком по раскрытой ладони. — Держите языки на привязи, понятно вам? Я не допущу взаимных поклёпов и наветов. Лучше покумекайте, кто может скрываться под этим таинственным «М»... Ну не верю я, что это старый пропойца Мастерс! Не верю. Он же первый нашёл тело Хэтфилда (я покосился на Герти — девочка достаточно спокойно перенесла новость о преждевременной кончине любимого отчима, впрочем, чему тут удивляться?!).

— Да он от пьянства уже и сам не помнит, кто он, — засомневался Мартин. — Вдруг старый козел таким образом отводит от себя подозрения, замечая следы?

— Когда загрызли повара, Роберта ещё никто ни в чём не обвинял, — отмёл я доводы юноши. — Смысла не было!

Артур, истинным волком глядя на невозмутимую Трейси, с издёвкой сказал:

— Ну, тогда, скорее всего, это я! И я вот-вот загрызу одну железную задницу.

— Смотри, не обломай зубы, щеночек. Они у тебя молочные пока, — не осталась в долгу Стюарт.

*Нет, нелегко эту муку превозмочь,
 Не убежать, не уйти, не скрыться прочь,
 Везде настигнет ночь!
 Август «Ночь»
 Как же ты мог обмануться, ну как?
 Кто есть кто, при луне не понять.
 Поздно, но ты обнаружил обман,
 И теперь уходил выживать.
 Крюгер «Оборотни»*

Ранним утром Бенджамен Стокман, уподобившись томящемуся в неволе гордому тигру, закусив губу, в ярости метался по холлу. Коннор и Дон Рейнолдс, наблюдающие за беснующимся хозяином, даже и не пытались его образумить. А что толку пытаться? Тут сам хоть волком вой... Получался зловещий мрачный каламбур. Поскольку волчий, пронзительный и наполняющий ужасом вой ночью слышали все до последнего. Вой. А ещё целую серию выстрелов. И криков. Леденящих душу криков... Разгромленная спальня на втором этаже и укрытое пропитавшейся кровью простынёй тело Грейс Брайен достаточно красноречиво демонстрировали итоги ночной трагедии.

Обнаруживший мёртвую Грейс Дон трясся мелкой дрожью, кадык его суматошно дёргался, словно норвя выпрыгнуть из горла. Стокман нечленораздельно матерился совсем уж неподобающе для уважаемого бизнесмена, воздевая руки к небу (то бишь к украшенному лепниной потолку) желая узнать у Господа, за что ему такие мучения. В распалённом мозгу Бенни навязчиво пульсировала наливающаяся жизнью мысль: всё, ему крышка! Столько затрат и всё впустую! Сколько денег выброшено на ветер... Вот так вот. А репутация? Репутация и престиж гораздо важнее потерянных денег. Это серьёзнейший удар по его репутации и бизнесу в целом.

Перепуганные гости злосчастного замка с минуты на минуту покинут Стиллхолл, в дальнейшем на каждом углу красочно расписывая о творящихся здесь ужасах, а он не мог их задержать. Да и как, позвольте спросить, у него язык повернётся попросить подождать, успокоиться и не болтать попусту? Да он же сам фактически насильно втащил этих бедолаг в своё новоприобретенное имение! Вот и получается, что он, Стокман, под каким углом не смотри, косвенный виновник всех бедствий!

Полубезумная пелена застилала глаза Стокмана. Да ещё кто-то ночью наведаясь в его кабинет и разбил вдребезги телефонный аппарат! Не успокоившись на содеянном, неизвестный вандал в ключья порвал кабель, вырвав приличный кусок из стены. Это ЧТО? Диверсия? Психоз? Шутка? Как назвать эту идиотскую выходку?

В холле незаметно появились некоторые из вынужденных постояльцев замка. Эдвард Блейк, Кристи Нотенберг, лорд Уэнрайт и отчасти протрезвевший Роберт Мастерс Приподнятым настроением ни от кого и не пахло. Подавленные гости, обременённые нехитрым ручным скарбом, очевидно, не собирались задерживаться в Стиллхолле больше, чем необходимо для прощания с незадачливым хозяином.

— Стокман, по возвращении в Лондон, я немедленно свяжусь со своими адвокатами, — в жеманно-писклявом голосе Уэнрайта прорезались аристократические надменно-властные

нотки. — Я подаю на вас в суд, слышите меня? Я затаскаю вас по всем инстанциям, но заставлю заплатить за причинённый мне моральный ущерб. Я же мог погибнуть, чёрт побери! Вы клялись обеспечить нам полную безопасность, а на деле что вышло? Какие-то жуткие тайны, убийства, бешеные волки, стрельба!.. О-о-о... Вы мне за всё заплатите, противный! Дайте только добраться домой...

Смерив обряженного в псевдоженские тряпки шипящего, как кошка, лорда уничижительным взором, Бенни процедил:

— Зачем же ждать, сэр? Что вам мешает позвонить?

— Телефон! — истерично выкрикнул Герби. — В вашей глуши даже телефоны не хотят нормально работать! А со своего, из кабинета, вы не позволите звонить, как же! Ну ничего, вы обо мне ещё услышите, обещаю...

Насторожившийся Стокман пробормотал:

— Верно, сотовой связи тут нет... И единственный рабочий стационарный телефон кто-то вывел из строя. Странно всё это... Понимаете? Я хотел вызвать полицию, но... В общем, придется самому ехать в Гринсвуд...

— Езжайте, куда хотите! — патетично заявила не отходящая от гиганта-культуриста Кристи. — А мы хотим как можно быстрее убраться отсюда. Прикажите немедленно открыть ворота!..

Нотенберг едва не визжала, готовая кинуться на Бенджамена с кулаками. Эдвард успокаивающе приобнял девушку за плечи, механически двигая тяжёлой нижней челюстью.

Побагровевший от злости Бенни хотел раз и навсегда отшить наглую потаскушку, но сдержался... Тем паче, что в холл вошли Болотин, Шнитке и целый взвод разномастных детишек. Стокману сразу не понравился их чересчур самоуверенный и наглый, по его мнению, вид. Мало того — Шнитке держал наперевес громадную винтовку. Начинённые смертоносными зарядами патронташи опоясывали торс охотника, с широкого ремня свисал внушительный нож, мясистые губы крепко сжимали пыхтящую сигару. Немец словно собрался на Третью Мировую войну, одобрительно закричал Бенни. Что ж, он не завидовал этому пресловутому волку. В том, чем именно намеревался заняться Шнитке, у Стокмана сомнений не возникало. Ещё больше Стокмана поразил Болотин. Этот русский, облачённый в потёртые джинсы, ботинки, майку с короткими рукавами, выставяющую на показ жилистые, перевитые узлами мышц руки и двойную заплечную кобуру, отягощённую воронеными пистолетами и запасными магазинами к ним. Вылитый бандит, чуть не задохнулся Бенни!

— Это что за фокусы? — Стокману очень хотелось на ком-нибудь оторваться. — Это вы ночью палили на втором этаже? Вы что удумали? У меня здесь не салун в стиле дикого запада, а современная ДОРОГОСТОЯЩАЯ гостиница! Ну, по крайней мере, в будущем.. Что вы на себя нацепили?

— «Беретта М 93» и «Глок 18», — холодно и крайне нелюбезно прорычал я. — Мы, между прочим, ночью рисковали своими шкурами, пытаюсь решить ВАШИ проблемы, мистер Стокман. И что-то никто не изъявил желания прийти к нам на помощь. Все вы побоялись и носа высунуть, а в это время безжалостная тварь рвала несчастную девушку на части!

Я схватил Бенни за лацканы синего пиджака и встряхнул, как терьер крысу. Стокман покрылся пупырышками, избегая смотреть мне в глаза.

— Я так думаю, что вы здорово наподдали этому косматому выродку, —

полуутвердительно сказал хозяин замка, не идя на конфликт и ловко избегая скользкой для себя темы. — Вы так палили, что трудно поверить, что волк ушёл целым и невредимым!

Ральф при этих заискивающих словах Стокмана неопределённо хмыкнул, баюкая «экспресс» на сгибе локтя.

— Вы что, хотите остаться в ЭТОМ месте, молодые люди? — Мастерс, опираясь о резные перила парадной лестницы, изучающе смотрел на меня. — И откуда у такого приятного, спокойного и мирного человека как вы, обнаружился целый арсенал?

Старый хитрый алкоголик, невольно улыбнулся я. Знал бы ты, что за тучи сгущаются над твоей седой головой. Впрочем, я надеялся, что посмертное послание Грейс указывает не на Мастерса. Старик мне нравился... Но если всё же возникнет необходимость, то мой палец не дрогнет на крючке пистолета. А вы заметили, что я, сам того не замечая, полностью втянулся в эту безумную авантюру, затеянную Ральфом? Всё время говорю «мы», «нас», прикидываю дальнейшие варианты развития событий. Словно это не я собирался во все лопатки улепётывать из замка и чем раньше, тем лучше! А вот и нет... Остаюсь я. Хм, до последней минуты я боялся в этом признаться самому себе. Почему я передумал? А хрен его знает! Я не мог ответить на этот вопрос... Нездоровой героике я не подвержен, мститель из меня никакой. Да и не моё это дело, если уж на то пошло. Но... Я не мог оставить в беде друга. Громко звучит, затасканно даже как-то. Но в этом стремлении, подсознательном желании я не мог перебороть себя. Увы, наш век таков — «честь мертва, забыта совесть...». А что я? Нет, я вовсе не позёр, и не пытаюсь преодолеть какие-то давние комплексы. Да и страшно было, признаюсь, до икоты... Но я не мог поступить иначе. Для меня самым дотошным, предвзятым критиком был я сам. И я бы не простил себе, оставь Ральфа с этой тварью один на один. Во мне честь ещё не умерла! И не умрёт, пока жив я! Ясно вам?! Всё, закрыли тему. Я остаюсь.

— Да, мы остаёмся. Я и Ральф, — кивнул я. — Дети, включая Герти, незамедлительно уезжают. Им вовсе не обязательно дожидаться полиции.

— Полиции не будет, — вставил слово Бенни. Я подозрительно уставился на него. — Я не успел позвонить... Кто-то этой же ночью разбил телефон в моём кабинете. Я сам поеду в полицию к инспектору МакКаферти.

— Как разбил? — я прищурил глаза. — А другого телефона у вас нет разве?

— А зачем мне два телефона в одном кабинете? Здесь не офис! — Стокман с вызовом задрал нос. — Или вы опять на что-то намекаете?

— Да так, — я сложил руки на груди. — Началось... ОН последовательно отрезает нам все пути к выходу. Твою мать! Хорошо... Ральф!

Шнитке лязгнул затвором винтовки.

— Вы никуда не поедите, — жёстко сказал я, обводя притихших людей скупым на добрые светлые чувства взглядом. — Уйдут только, повторяю для особо недалёких, дети. Все остальные остаются.

— Ты что несёшь, умник?! — бизоном взревел Блейк. — Ты что о себе возомнил? Не ты хозяин Стиллхолла!

— Но я хозяин положения, — я невзначай прикоснулся к рукояти «беретты». — Ребята едут в Гринсвуд, находят полицейский участок, инспектора... как его там — МакКаферти?.. А мы пока обождём здесь, в замке. И не надо так на меня смотреть, мой обросший мускулами дружок. На то есть свои причины. Поверь мне.

Стокман страдальчески скорчил траурную мину. Что ж, я его понимал. Я вообще-то с

недавних пор крайне понятливый малый... Бизнесмен оказался меж двух огней. Что ему предпринять? Подчиниться вооружённым молодчикам, нам, то бишь, или поддержать здоровое большинство? М-да, вопросец!

— Позвольте спросить, зачем мы должны дожидаться прибытия полиции, или кого вы там ещё собираетесь вызывать? — отважился тонко пропищать Герби, утращённый моими суровыми действиями. — Причём здесь мы? Или вы нас в чём-то обвиняете? Мы под подозрением?

— Именно, сэр!

— Батюшки, но чем МЫ провинились, противный вы мальчишка?

— Вы виноваты лишь в том, что кому-то сильно хочется кушать, — надменно перефразировал я.

Саша понимающе усмехнулась. Остальных же постояльцев мои слова поставили в тупик. А что вы думали, господа, не Вальтером единым...

— Мистер Стокман, будьте так любезны, отдайте распоряжение открыть двери и опустить мост. Пусть дети спокойно уйдут, — Ральф недвусмысленно указал стволом винтовки на выход из замка.

— Конечно... Конечно, распоряжусь, — Бенни кивнул дворецкому и Коннор степенно проследовал в прихожую, откуда посредством рычага можно было управлять подъёмным механизмом моста.

— А-а-а... на чём ваши птенцы собираются ехать? Или они предпочтут пешую прогулку? — блеснул чёрными глазками Бенни. — До участка путь неблизкий и мы успеем поседеть преждевременно, пока дождёмся инспектора! И это если без проволочек...

— На вашей машине, — безжалостно оборвал я Стокмана. — Вы же не хотите, чтобы эти милые создания топали многие километры пешком? У вас, насколько мне помнится, должно быть две машины? Микроавтобус вполне подойдёт, вы как считаете?

— Д-да... Но это же произвол, чёрт возьми! Это МОЯ машина, мать вашу! — взбесился доведённый моей несусветной наглостью до ручки Бенни. — Никто не имеет права брать то, что принадлежит мне, никто! Тем более машину. Да они же её угробят через пару миль!..

— Ни хрена подобного! — отозвался Артур. — Я умею водить, у моего папаши такая же колымага.

— Не позволю, не допущу, — змеёй шипел Стокман. — Это ни в какие ворота не лезет! Сначала запрещаете нам покидать замок, сажаете буквально под арест, грозитесь оружием... А теперь хотите отнять мой личный автомобиль? А почему вы сразу не потребовали, например, ключи от «ягуара»?! Зачем мелочиться? Вы просто бандит и грабитель, вот вы кто! И мне плевать на...

— Вы правы, сэр, я вооружён, а вы — нет, — я устало приставил ствол «глока» к носу вытаращившего зенки Стокмана. — Но я не собираюсь красть ваш «ягуар». И автобус вам обязательно вернут... Боже, сэр, не будьте ребёнком. Ключи, ПРОШУ.

Поняв, что жизнь дороже и восприняв меня самым серьёзным образом (ну наконец-то! я кого-то напугал...), Бенни еле засунул дрожащую руку в карман пиджака и протянул мне извлечённые ключи, нанизанные на золотое колечко.

— Берите, и ну вас к дьяволу... Дон, скотина, что ж ты стоишь, сложив руки?! Твоего хозяина обчищают до нитки, а ты и бровью не ведёшь, сволочь!

— Да я... я... А чё я-то, сэр? Что я могу сделать? Он вон, какой здоровый, да и пушка у него... — заныл Рейнолдс, глядя в пол.

Я бросил ключи Артуру. Юноша ловко поймал сверкнувшую в свете люстры связку. И тут... И тут вернулся Энтони Коннор. Почему я красной строкой представляю это, в общем-то, рядовое событие, спросите вы? Сейчас объясню.

Высокий, сухопарый дворецкий, в ливрее, полный апломба и здорового английского пафоса выглядел как маленький нашкодивший ребёнок. Коннор соляным столбом вытянулся пред нашей честной компанией, виновато потупив взор. Стокман нахмурился и раздражённо, резко спросил:

— В чём дело, Коннор? Только умоляю, не говорите мне, что замок окружён террористами или в прихожей заложена бомба!

Дворецкий немного испуганно втянул голову в плечи и прошептал:

— Вы почти угадали, сэр. Теракт действительно имел место быть.

— Я не предрасположен к глупым шуткам, Коннор! — срываясь, закричал Бенни, выпучив глаза. — Немедленно опускайте этот чёртов мост и не испытывайте терпение этих бандитов! И моё, кстати, тоже!

— Я бы и рад, сэр, — мажордом позволил себе тень улыбки. — Но не могу.

— Что вы мелете, Коннор?

— Кто-то сломал механизм подъёма моста, — высоко подняв голову, с достоинством отрапортовал старый дворецкий. — Видимо, у кое-кого прошедшая ночь выдалась очень насыщенной. Я могу открыть ворота, но что толку? Поднятый мост надёжно запирает нас в замке.

Стокмана чуть удар не хватил. Поднялся глухой недовольный ропот. Чувствовать себя подобно зверю, угодившему в ловушку, не нравилось никому. У меня в голове со щелчками складывались фрагменты кошмарной мозаики. Хладнокровные расчётливые убийства, продиктованные угрозой грядущего полнолуния, способного пролить свет истины на личину оборотня, разбитый телефон в кабинете Стокмана, теперь вот сломанный механизм и... Ловушка захлопнулась. Дьявольски хитрая партия выходит на финишную прямую. Я потёр щетинистый подбородок. Всё понятно. Как будто бы. Непонятным мне было только одно. Я поднял руку, требуя тишины и, когда возбуждённо-испуганный гул немного улёгся, обратился к Стокману:

— Сэр, ваш кабинет запирается?

— Разумеется, — негодуяще фыркнул Бенни. — У меня там помимо всего прочего хранятся весьма ценные бумаги. А с какой стати вам это надо?

— Тот, кто... вывел из строя телефон, — я осторожно подбираю слова. — Как он проник в кабинет? Дверь была выбита или замок сломан, а?

— Да нет, — пробормотал Бенни, глядя в пол. — Ничего не было сломано... И дверь целая и замок. Всё, кроме телефона. Я опять-таки вас не понимаю, вы снова к чему-то клоните?! Что за очередной гнусный намёк?

Я усмехнулся. Стокман — ушлый тип, хитрый и пронырливый деляга, и всё понимает с полуслова.

— А как же тогда этот некто оказался в вашем кабинете? Просочился бесплотным туманом сквозь замочную скважину? Или ваше упорное нежелание распрощаться с нами продиктовано чем-то иным, кроме как боязнью получить негативную огласку? Что молчите, Стокман?

Шнитке понимал не так быстро, но пальца со спускового крючка винтовки не снимал и не замедлил перевести стволы на хозяина Стиллхолла. Студенты быстренько спрятались за

мою широкую мужественную спину. Остальные невольные участники нашей общей драмы предпочитали оставаться безмолвными свидетелями.

— Да... Да вы... Да я вас... — Бенни задышался от злости и возмущения, покраснев как перезрелый помидор. — Вы... Ты... Выметайся из моего замка к чертям собачьим, неблагодарный ублюдок!!! Чтобы через пять минут и ноги твоей здесь не было, понял?!

— Не надо так орать, Стокман. Нервы, они ведь не восстанавливаются. Пройдёмте лучше посмотрим вместе на этот механизм, так его разэтак, — я миролюбиво улыбнулся в лучших голливудских традициях и повернулся к выпавшему от частоты смены моего настроения Бенни в осадок спиной. — Ну что, идём?

Стокман ругался, на чём свет стоит, грозя засадить меня в самую глубокую и грязную дыру за клевету. И чего так заводиться? Дураку ясно, что кому-кому, но Бенджамену заварившаяся каша как серпом по одному месту. Ну пусть понервничает, спеси, может, поубавится...

Мы всей нестройной гурьбой ввалились в просторную прихожую, и вдруг стало как-то тесно и неуютно, скажу я. Вот сейчас бери мухобойку побольше и прихлопни нас, пока мы все собраны в одном месте! Ральф же бдительности не терял. Стволы «экспресса» бездушно глазели в окованные железом мощные входные ворота из мореного дуба. С правой стороны, насколько я помнил, из стены должен был выступать внушительный стальной рычаг. Должен был! Но его и след простыл. Вместо рычага в каменной кладке зияла глубокая развороченная дыра. Впечатляло. Впечатляло до дрожи в коленках и вспотевших подмышек. Вырвать «с мясом» из стены ТАКОЙ рычаг — это не Чупа-чупс слопать, точно вам говорю. Рычаг соединялся с зубчатыми шестернями посредством какого-то мудреного кардана, и приводил в действие весь гидравлический механизм подъёма и опускания тяжеленого моста. О том, чтобы вручную сдвинуть эту махину с места, не могло быть и речи. Мы стали жертвами современных технологических достижений. Раньше-то мост опускался простым воротом, который крутило несколько здоровых лбов, и системой противовесов. Но с течением времени, когда надобность в столь устаревших и дремучих приспособлениях отпала, механизм управления мостом решили заменить, чтобы облегчить себе жизнь и в одиночку управляться со всей внушительной громоздкой конструкцией, а не держать полдюжины лишних ртов. Все эти исторические подробности, пользуясь случаем, поведал нам Дон, словно вспомнив об одной из своих непосредственных обязанностей гида. Став хозяином замка, и конкретно перестроив холл и выделив часть площади под прихожую, Стокман ничего не стал менять в самом гидравлическом механизме, оставив всё, как оно и было до него.

Постояв, поглазев, почесав затылки, ошеломлённые, мы отхлынули назад, в холл.

— И как же мы теперь выберемся из замка? Будем через стены с шестом прыгать? — пришла в голову Герберта Уэнрайта резонная мысль.

— Да уж, сомневаюсь, что мы сможем починить всю эту беду, — хоть и не хотелось, а согласился я с аристократом. — Стокман, у вас же полным ходом идёт ремонт! Строители, мастера, они же должны оставлять свой инструмент где-то в замке... Не таскать же постоянно за собой весь инвентарь!

— И как же нам помогут молотки и пилы, мистер Болотин? — в голосе Бенни было столько яда, что и гадюка сдохла бы от зависти. — Или вы джинн из арабских сказок и мигом соорудите нам подвесной мост на ту сторону?

Игнорируя подначивающий тон бизнесмена, я поскрёб мизинцем в ухе.

— А когда ваши работники продолжат реконструкцию? Или парни ушли в запой?

— У них отгулы до среды, — сокрушённо вздохнул Стокман. — Так что без особых на то причин, к замку ещё более суток никто не подойдёт. Если не случится чудо и за вами уже не прислали автобус. Тогда, конечно, вас быстро хватятся, и спасение не заставит себя долго ждать.

— Я уже давно понял, что чудес в жизни не бывает, — присовокупил я. — Но неужели вам никто не будет звонить и, встревоженный молчанием, не забудёт тревогу?

— Да все уже давно привыкли, что в этой всеми святыми забытой норе со связью ну очень большие проблемы. А ещё эта буря чёртовая! Телефон могло отрубить и вполне по естественным природным причинам, если уж на то пошло.

Бенни сложил руки за спиной, нервозно раскачиваясь на каблуках дорогих туфель. Артур с животным ужасом смотрел куда-то вдаль. Да, парень, свобода — вон она, в каких та считанных метрах. Так близко и так далеко. Там, снаружи, раннее утреннее солнце отчаянно пыталось бороться с упорно не желающим сдавать позиции холодным влажным туманом. Там был лес, Гринсвуд, люди... Там была жизнь. В замке поджидала смерть, уже дважды осенившая Стиллхолл знамением костлявого перста.

— Да что же это такое, мать вашу? — Мартин перекосялся от ярости. Так, пошло-поехало... — Какая скотина сломала рычаг?! Кто посмел ЭТО сделать, я всех спрашиваю? Чё застыли, как истуканы?.. Боже ж ты мой... Да как же так... Нас только что отымели во все щели, если кто не понял! А вы всё стоите и пялитесь друг на друга как стадо тупоголовых баранов!

— Мартин, не ори! — Джессика наступала на распахивавшегося юношу. — Чего ты добьёшься криком? Чего ты орёшь? Возьми себя в руки, слышишь? Мартин, среди нас совсем маленькая девочка, которая, в отличие от тебя ведёт себя более сдержанно и достойно!

— В рот твою девочку! — надрываясь, завопил Скотт, размахивая сжатыми кулаками. — Ты что, дура испанская, не понимаешь, в каком дерьме мы оказались? Да это же самая настоящая диверсия! ОН теперь запросто нас всех покрошит в капусту! Мы же никуда не денемся... Приходи и жри, сколько хочешь. А тебе бы только вертеть своей жопой!..

Не встречая в кипящий спор, люди неловко молчали. Я, признаться, тоже, потому что заметил, как наливаются слепящим огнём праведного гнева зелёные глазищи Трейси... Джессика от обиды едва не разревелась, с ненавистью глядя на распоясавшегося юнца. Трейси, не выдержав долго, шагнула к Мартину и хлёстким ударом кулака свалила исходящего пеной студента на пол. Скотт ошутимо стукнулся головой о мраморные плиты и затих.

— ТАКИМ он мне нравится гораздо больше, — с удовлетворением произнесла Трейси.

— Эй, ты его, часом, не убила? — обеспокоенно сказал Артур.

— Куда там! У него башка крепкая, как бульжник.

Кристи неуверенно пропищала:

— Но-о-о... Он же, в принципе, прав! Кто ответит за всё это?

Десятки глаз произвольно обратились к Стокману. Бенни сдавленно процедил очередное проклятье.

— Ну, ИЗВИНИТЕ. Бога ради, простите за то, что я в трудный час протянул вам рук помощи и не отказал в крове над головой! Да я откуда знаю, кто вытворяет все эти мерзости?! Я вам не Шерлок Холмс! Понятно? Наверно, это и вправду волк!

Бенни откровенно издевался, даже не подозревая, насколько он близко стоит к истине.

— Ага! — с энтузиазмом поддержал хозяина Дон. — Кто бы это ни был, силой он явно не обделён.

Рейнолдс нагло уставился на Эдварда Блейка. Культурист быстренько сообразил, куда клонит гид.

— Да я отлично разглядел этот рычаг! Он был как оглобля. Чтобы его выломать, надо запрячь слона.

— А... Если поднатужиться?

— Слушай, ты, маленькая гнида, ты на что...

Я вклинился между готовыми сойтись в рукопашной невротиками и толкнул Блейка в грудь.

— Остынь, Эд, тебя никто ни в чём ни обвиняет. Дон, захлопни пасть, если не хочешь, чтобы я заштопал её проволокой. Пожалуйста.

Понимающе переглянувшись с взявшим «Экспресс» наизготовку Ральфом, я подвигал плечами, проверяя, удобно ли закреплены кобуры и смогу ли я выхватить пистолеты так быстро, как потребовала бы того ситуация.

— Думаю, уже все поняли, что это был кто-то ОЧЕНЬ сильный и здоровый. Ну и не Блейк, это ясно как день. Надо обладать воистину НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ силой, чтобы учинить подобную штуку... Что ж, у меня на примете есть одна подходящая кандидатура.

Роберт неспеша отхлебнул из кажущейся бездонной фляжки и безразличным голосом поинтересовался:

— Неужели? И кто же этот негодяй? Только умоляю, не надо и на этот раз все шишки валить на волка. Увольте, молодой человек! Загрызть человека — это одно, а сломать сложный, прочный механизм — совсем другое.

— Вы не устаёте меня поражать, сэр. Вы стопроцентно правы! Я и в самом деле думаю о... волке!

Бенни всплеснул руками, горестно возопя:

— Да он совсем свихнулся, помоги нам Господи!

Тем временем сердобольная Саша при поддержке Артура приводила Скотта в сознание, хлопая по обескровленным щекам. Герти демонстративно стояла поодаль, хмуро разглядывая лежащего в беспамятстве юношу. В уголках губ девочки образовались жёсткие складки.

Роберт оторвался от фляжки и запахнул полы пиджака:

— Я не оспариваю ваших логических выводов, Алекс... Всё это и впрямь крайне подозрительно: проникновение в кабинет Стокмана, разбитый телефон, поломка рычага подъёма моста. Я уже не говорю о двух чудовищных убийствах, обставленных таким образом, что все улики указывают на дикого зверя! Кто-то действительно планомерно отрезает нам все пути к отступлению. Но... Я одного не пойму — зачем? Какую цель преследует этот неизвестный? Всё дело настолько шито белыми нитками, что оторопь берёт от общей бессмысленности происходящего!

— Тонко подмечено, — я щёлкнул пальцами. — Никакого смысла! Никакой человеческой цели.

Мастерс укоризненно посмотрел на меня, не в силах понять, разыгрываю ли я его или вполне серьёзен. И тут старика, что называется, осенило.

— Подождите... А если нам удастся позвать сторожа со стоянки? Уж он-то наверняка

нас услышит! Странно, почему он ещё не прибежал... Грохот-то стоял какой. И... Телефон! Мистер Стокман, там же должен быть телефон, в сторожке?

Стокман поднял понуренную головушку и, оживая, воскликнул:

— Точно! В домике есть телефон. Надо забраться на башню и докричаться до... Как там его звать, Коннор?..

— Митч Филиппс, сэр.

— Ага! Мы позовём Филиппса, не глухой же он, право слово, он позвонит кому надо, и мы спасены.

Я снова переглянулся с немцем. Шнитке, сжав губы, сожалеюще покачал головой. Охотник подумал о том же, о чём и я. Если сторожа до сих пор нет, значит, он...

— Мёртв. Ваш сторож мёртв, Стокман, — как обухом припечатал я. На меня все уставились как на Кассандру в штанах. Бенни чуть не проглотил собственный галстук. Я, не сбавляя оборотов, продолжил. — Дамы и господа, прошу тишины и внимания. Некоторые из вас досконально не знают реального положения вещей. И мне побоку, даже если кто из вас НЕ ХОЧЕТ этого знать. Так или иначе, вы меня выслушаете. ВСЕ. Ночью мы с Ральфом видели кое-что донельзя странное и ужасное. И вы должны об этом знать. Просто обязаны. И, пожалуйста, верьте мне на слово. Шутить у меня нет ни времени, ни желания.

Мой рассказ о ночном столкновении с волкоподобным (или человекообразным?) монстром подвергли вполне обоснованным сомнениям и критике. Люди просто поверить не могли в существование такой дьявольской твари как оборотень. А что? Я бы тоже не поверил, не увидь своими глазами! Я уже говорил, что человек всегда боится того, что не понимает, что внушает дикий, первобытный, доставшийся от тёмных предков, страх. Факт, не требующий лишних доказательств. Моё лаконичное повествование своевременно дополнял животрепещущими комментариями Шнитке.

Наиболее бурно противился Дон. Бедолага-гид через каждые три минуты менялся в лице. Рейнолдс возмущённо кричал, что, дескать, мы то и стрелять как следует не умеем и списываем свои промахи на якобы паранормальные способности зверя. Целились бы получше... Ральф без малого не пристукнул Дона, не сходя с места. Это ОН стрелять не умеет, а КТО же тогда умеет?

Я рассказал всё, что мне было известно, побив сомневающихся главным козырем. Кто, кроме вервольфа, мог прошмыгнуть в неприступный замок, прятаться в нём, вламываться в комнаты, садистски убивать и вдобавок вывести из строя подъёмный мост, загнав, таким образом, всю дичь в одну огромную ловушку, из которой нет выхода?! Чертовски трудновыполнимая задача для обычного животного! Колин несколько раз пытался меня перебить, пытаюсь вставить что-то своё, несомненно, очень умное и творческое, но я успешно от него отмахивался, делая зверское лицо. Зачитать очередной свежесочинённый опус пацан всегда успеет... Плюс ко всему мы с немцем не страдали слепотой и маразмом, и раз мы говорим, что гигантскому мутантоподобному волчаре выпущенные в упор пули повредили не больше, чем слону дробина, значит, так оно и есть.

— Но... Но что же нам теперь делать? Дождаться ночи, когда эта тварь повторно выйдет на охоту? — Бенни вождельённо поглядывал на застеклённый бар, не иначе как раздумывая, а не последовать ли примеру Мастера и надраться до потери пульса? — Как нам выбраться из замка, как преодолеть стены? Не по воздуху же, в конце-то концов! Если за всеми последними событиями стоит вервольф, а причины, способной опровергнуть слова

Шнитке и Болотина я не вижу, то нам придётся туго, господа. ОН не будет ждать с моря погоды! Полнолуние когда? Послезавтра? ОН начнёт резню раньше, убивая нас по одному, как только мы разбредёмся по комнатам. Верно! Никакой человеческой цели! Одно лишь хищное желание убивать...

Стокман спрятал лицо в трясущихся ладонях и опустился на диван. Бизнесмен был как выжатый лимон, мне даже стало немного жаль его... Люди зябко поёжились, понимая, что незавидная участь уже не за горами.

— Я не хочу умирать... Я не хочу оставаться в этом замке!.. — Кристи была на грани истерики. — Я хочу убраться отсюда немедленно, сию минуту! Ну сделайте же вы хоть что-нибудь!!! Стокман, это вы во всём виноваты, это всё из-за вас! Я вас ненавижу!..

Девушка разрыдалась, прильнув к растерянному Блейку. Эдвард не мог найти нужных слов, чтобы выразить всю гамму бушующих и норовящих выплеснуться из души наружу чувств.

— Мы все равнозначны ходячим покойникам, — подлил масла в огонь Рейнолдс. Гид, плюнув на этикет, в присутствии хозяина бухнулся в кресло, тоскливо глядя перед собой. — Вы сами сказали, что зверюгу обычное оружие не берёт, следовательно, нам его не убить. А вот нас он влёгкую почикает в салат! Вот уж не думал, что Я буду представлять для кого-то гастрономический интерес! Вот же дерьмо, мать вашу... И слинять из этой выгребной ямы никак не получается. Нам писец!

— Выше нос, всё не так уж и плохо, — пробубнил Мастерс, внимательно изучая содержимое бара. — Мы пока ещё живы, здоровы, находимся вместе... А в куче нам и надо держаться, порознь не выстоим.

Я придвинул тяжёлое кресло к камину и, усевшись, сказал:

— Золотые слова, сэр. Я вот что подумал... Перебраться через стены и ров хоть и будет трудновато, но вполне выполнимо. Есть у меня пара мыслишек на данный счёт, но об этом попозже... Сейчас главная проблема — это сам вервольф. Он постарается не дать нам свободно уйти из замка. Нет. Не для того он загнал нас в силоч. Он не замедлит начать СВОЮ охоту... Поэтому мы должны найти его первыми.

— И где же мы его найдём? — испуганно проблеял лорд Уэнрайт. — Лично я не собираюсь никого искать! Это безумие! Мы должны незамедлительно бежать, если вы на самом деле придумали приемлемый способ.

— Чтобы ОН нежданно-негаданно напал на нас со спины? — изогнул я бровь. — Когда мы будем перелезать через стены? Бросьте, Ваша Светлость! А далеко искать нам, как ни странно, и не надо. Оборотень ближе, чем вы думаете.

Герберт подскочил, как ошпаренный, завертев по сторонам головой, будто бы кровожадный монстр уже подкрадывался к нему с тыла.

— Насколько ближе? — в лоб спросил Эдвард, не выпуская из могучих объятий всхлипывающую Кристи.

— Среди нас.

Я ожидал очередную волну протеста и недоверчивых возгласов, но... Все молчали. Ральф, студенты и Герти ненавязчиво расположились рядом со мной, образовав некий обособленный лагерь. Стокман с крайне озабоченным видом замер на диване, Рейнолдс, сидя в кресле, старался вообще не шевелиться, чем не преминул воспользоваться Уэнрайт. Изображая из себя запуганную девочку, лорд бочком продвигался к gidу, хитренько посматривая из-под затушёванных ресниц. Огромный культурист что-то обнадёживающе

шептал на ушко раскисшей золотоволосой шведке. Коннор держался с прежним апломбом, внимательно скользя по окружающим настороженным взглядом. Старая гвардия, чего уж там говорить! Старик, небось, уже прикидывает, кто из них может оказаться вервольфом...

Особенно меня заинтриговало то, что цепкий взор старого дворецкого с завидным постоянством останавливался на Мастерсе, дегустирующим у бара спиртные напитки. Неужели Коннору что-то известно? Вдруг он что-то знает о невзрачном алкоголике? Или это всего лишь мои подозрения? А если нет?..

— Звучит, конечно, страшно, но зато отражает истину без успокоительно-смягчающих приукрашений... Надо смотреть правде в глаза, друзья, — Ральф прислонился к камину, изучая носки своих ботинок на толстой подошве. — Любой из нас может оказаться обратным. За некоторым, пожалуй, исключением.

Стокман сварливо поинтересовался:

— Да что вы говорите? И кто же оказался в этом списке счастливчиков? Кроме вас с мистером Болотиным, естественно!

— Наши славные детишки. Во время заварухи они чинно и смиренно сидели в моей комнате, — пояснил я. — Мистер Коннор, я за вами уже несколько минут внимательно наблюдаю. И у меня сложилось впечатление, что вы хотите чем-то с нами поделиться, но никак ни решитесь. Смелее, старина!

Резкая смена разговора не застала Коннора врасплох. Дворецкий виновато улыбнулся.

— От вас ничего нельзя скрыть, сэр. Вы видите людей насквозь. Да, я... кое о чём размышлял. Возможно, это всего-навсего совпадение, но сейчас нам надо учитывать любую подозрительную мелочь.

— Совершенно верно, продолжайте.

— Я бы хотел рассказать об одной посетившей меня мысли. Раньше я как-то этому особого значения не придавал, но теперь вижу, что вероятно, повторюсь, вероятно, ошибался, — дворецкий вновь метнул колючий взгляд в спину накачивающегося алкоголем Мастерса. — Это касается одного из наших гостей...

Подобравшись, я сделал знак Ральфу быть наготове, вдруг события примут непредсказуемый оборот. Из моей головы не шла буква «М», посмертное послание Грейс... А ну как это действительно вечно полупьяный старикан? А что, вполне возможно, уж больно сообразителен и умён порой этот спивающийся незаметный, заурядный, в общем-то человек. Я плотно сжал зубы и весь напрягся.

— Несколько дней назад кое-кто проявлял нездоровый интерес к устройству подъёмного моста, гидравлическому механизму, цепям. Мистер Рейнолдс может подтвердить мои слова... Этот человек в самый первый день появления в Стиллхолле сразу обратил внимание на мост.

— О ком вы говорите? — я подался вперёд. — Кто этот человек?

— Роберт Мастерс, — твёрдо произнёс дворецкий.

Единый изумлённый выдох пронёсся по холлу древнего замка. Кажется, я был не одинок в своих сомнениях. Мало кто мог поверить, что такая старая, пропитавшаяся винными парами развалина как Роберт, не тот, за кого себя выдаёт. Что он и есть клыкастый монстр! А я... я чуть не рассмеялся над собственной дырявой памятью. Ну как я мог забыть? Помнится, когда мы первый раз шли в замок по мосту, Мастерса здорово привлекли цепи. Он ещё интересовался, достаточно ли мост крепок... Снова совпадение или?..

Не мешкая, Ральф вскинул винтовку, целясь в потягивающего из стакана виски старика.

Несомненно, удивляла реакция Мастерса, а, точнее, отсутствие таковой.

Роберт спокойно допил виски, отставил стакан и прошёл в центр холла. Старика слегка шатало, но голову он держал высоко. На пути продвижения Мастерса моментально образовывался свободный проход, люди как от чумного шарахались от него в разные стороны. Рейнолдс испуганно подобрал ноги, а Герберт проворно шмыгнул за несгибаемую спину Коннора.

— Что ж, мои поздравления, вы, похоже, нашли козла отпущения, — откровенно презрительно сказал Мастерс, сузив мутные блеклые глаза. — А почему бы и нет, верно? Чем взвесить все имеющиеся факты и хотя бы немножко пошевелить мозгами, лучше сразу, не утруждаясь, ткнуть наказующим пальцем в первого попавшего под горячую руку... То есть, в меня... А хоть кто-нибудь из вас обратил внимание, что рассказ Алекса при должном рассмотрении не выдерживает никакой критики?..

— Сейчас именно ВЫ являетесь пристальным объектом нашего внимания, а не Алекс, — напомнил Колин. Мой мальчик, умничка! — Извольте объясниться. Поведайте своей необоснованной страсти к подъёмным мостам.

— Любопытство не порок, — Роберт осуждающе посмотрел на высокого юношу. — Неужели вы обвините меня в убийствах, тем паче в... в оборотничестве! только потому, что я, не скрою, интересовался надёжностью моста и... механизмом, управляющим им? Ради Бога, это же просто наивно и глупо! Это равносильно тому, чтобы назвать вашу маленькую подружку извращённой садомазохистской лишь потому, что она носит кожу и клёпки!

Трейси очаровательно побагровела от негодования.

— Я с вами полностью согласен, сэр, — я перехватил инициативу в свои руки. — Конечно, одного странного совпадения не достаточно для столь безапелляционных выводов. Но у меня есть и другая улика, указывающая на вас. А два совпадения — это уже чересчур, вы не находите?

Мастерс заметно побледнел и отступил к лестнице.

— Какая улика, молодой человек? Что вы несёте?..

— Нет уж, лучше вы поясните мне, что подразумевали, когда говорили, что мой рассказ насквозь лжив и отдаёт вымыслом, — безжалостно напирал я.

— Положим, я выразился не совсем так, как вы интерпретировали... Поймите, я с такой же долей уверенности могу утверждать, что оборотень если и не вы, то хотя бы ваш друг-охотник!

У немца от удивления приподнялись усы, однако «экспресс» продолжал неотрывно смотреть в грудь Мастерса.

— Что-о-о?.. Да я же два раза стрелял в эту тварь! Весь замок слышал пальбу!

— А кто может дать гарантию, что вы говорите правду? — возразил Роберт. — Никто! Свидетелей то не было! Вдруг это вы убили бедняжку, а потом для отвода глаз устроили стрельбу?

— Но... Но... Да что за хренотень ты городишь, старый недоумок? — от праведного гнева немецкий акцент Шнитке прорезался особенно сильно. — Ты, выживший из ума алкоголик! Я подоспел на схватку с монстром последним, первым был Алекс. И оборотень там уже был! Как я мог одновременно находиться в двух разных местах, сразу в двух шкафах?

— Подумаешь — Алекс... Кто вас знает, может, вы оба в сговоре? Убили несчастную девушку, вволю постреляли в потолок и стены, навешали недотёпам-студентам лапши на уши, и теперь все из себя такие чистенькие и не запятнанные!

Бенни злорадно заулыбался, потирая холёные руки.

— Мистер Мастерс дело говорит! Я ничуть не удивлён, вы, Болотин, ещё тот подарочек...

Я быстро отреагировал, отрывисто бросив:

— Заткнитесь, Стокман.

— Роберт, вы вполне здраво (прошу прощения за каламбур!) рассуждаете. Вы мне нравитесь, чёрт возьми! И слова ваши закономерны и обоснованы. Но есть одна загвоздка. Если мы с Ральфом стреляли в стены и потолок, то где следы от пуль? Любой, кто побывал на месте трагедии, подтвердит, что никаких огнестрельных отметин нет. И, насколько мне не изменяет память, на втором этаже замка из всех комнат, к спальне Грейс наиболее приближена именно ваша. Вы же были совсем рядом! Но почему-то и пальцем не пошевелили, чтобы помочь ей! А почему? Не потому ли, что в тот момент ваши зубы рвали на части слабую беззащитную девушку? И почему, будь я проклят, Грейс написала кровью букву «М»?! И дураку понятно, что это намёк на того, кто её убил. Вервольф просчитался, Грейс прожила достаточно долго, чтобы оставить знак, сотворённый из своей же крови. Среди нас, за исключением детей, только вы носите фамилию, начинающуюся с этой буквы. Вы, и больше никто иной!

— Нет... Не... невозможно! Господи, Боже мой, этого просто НЕ может быть. Я не оборотень, поверьте мне!

— А вот это мы сейчас и проверим, — отстранив в шоке хлопающую глазами Кристи, Блейк, наливаясь дурной кровью, со скрипом корабельных канатов сжал огромные кулаки.

Я медленно потянулся к запячной кобуре, командным голосом отдав приказ:

— Быстро все отойдите от него!

Народ не пришлось упрашивать дважды. Не прошло и секунды, как вокруг Мастерса образовалось довольно обширное пустое пространство.

— Мы не хотим больше смертей, Роберт, — убеждающе сказал Ральф. — Но вы должны... Эй, ты куда собрался, старый хрыч?!

Воспользовавшись некоторой заминкой наших сплочённых рядов, Мастерс, откуда только силы взялись? аки горный козёл рванул вверх по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Все словно окаменели. На лицах я прочёл вынесение обвинительного вердикта удирающему старику. Если ты чист перед богом и людьми, зачем бежать? Но всё становится ясным, если тебе ЕСТЬ что скрывать...

— Остановите ублюдка, уйдёт же! — в азарте заорал Стокман. — Чего же вы стоите?..

Выругавшись, Ральф прижал приклад к плечу и навёл винтовку на фигуру практически достигшего конца парадной лестницы Мастерса. Мне пришлось здорово изловчиться, чтобы прямо из кресла совершить прыжок гепарда и пригнуть стволы «Экспресса» к земле. Несмотря на моё вмешательство, палец немца успел сократиться и громыхнул звучный выстрел. Крупнокалиберная пуля с весёлым визгом раскрошила одну из покрывающих пол холла плит в щебёнку, обдав Стокмана ворохом мелкой крошки. Бизнесмен в ужасе съёжился, зажмурил глаза.

— Ты что делаешь, мы же его упустили! — накинулся на меня Шнитке. — Он ушёл!

— А что, если вервольф НЕ Мастерс? — проникновенно сказал я, но так, чтобы не услышало постороннее ухо. — Слишком всё просто, не думаешь? Я пойду вслед за ним, а ты оставайся здесь, договорились?

— А...ты уверен, что справишься? Вдруг это очередная ловушка, засада? Нет, пойдём

вместе, так надёжней.

— Ральф, ты только представь, что вервольф НЕ Роберт, и, воспользовавшись нашим отсутствием, начнёт крошить всех подряд? Мы не имеем прав так рисковать, дружище.

С подобными аргументами немец был вынужден согласиться. Я выхватил пистолеты и снял оружие с предохранителей. Посмотрел на напуганных и притихших товарищей по несчастью.

— Оставайтесь на месте и ни в коем случае не разбегайтесь по комнатам. В холле вы в большей безопасности, Ральф прикроет, если что... Трейси, присматривай за Герти, хорошо? А вы, засранцы малолетние, не смейте без меня геройствовать.

— Да ты и сам... того... Не слишком увлекайся, — полностью пришедший в себя Мартин стыдливо прятал глаза. — Я вёл себя, как... Как последний урод! Как нытик... Хочешь, я с тобой пойду?

— Что, стыдно стало, сын шакала? — Джессика потрянула гривой чёрных волос. — Алекс, возвращайся поскорей, а этого хмырёныша оставь на съедение волчаре...

— Никуда это хмырёныш не пойдёт, — с усмешкой отрезал я. — Ладно, держитесь.

Я легко побежал по лестнице, напряжённо сжимая в руках готовые изрыгнуть огонь пистолеты. Боялся ли я? Да. Я же не идиот!

*Арена, бык, трибуна, крик!
Стучит висок, летит песок,
Наискосок летит цветок...
И топот ног — взметнулся рог,
И стали блеск — наперевес!..
И в круговерти смерти — смерть...
Эпитафия «Коррида»*

К моему немалому удивлению я уверенно и быстро настигал Мастерса. Складывалось впечатление, что стремглав рванувший на старте Роберт, пробежав несколько десятков метров, самым банальным образом выдохся. Давали о себе знать годы и злоупотребление спиртным... Пстойте-ка, на бегу подумал я, какие на хрен годы? Оборотень не должен знать усталости. По идее эти твари живут две жизни: человеческую и звериную, да и силушкой не обделены. С чего бы это Роберт так быстро запыхался и начал сдавать?

Ориентируясь по слабым отзвукам замирающих в веренице залов и коридоров спотыкающихся шагов Мастерса, я догонял беглеца. Внезапно меня ошпарила шальная мысль. А ну, как и вправду в ловушку заманивает? Прикидывается, скотина, немощным стариком, а сам заводит меня в какой-нибудь закуток, откуда только один выход... Через желудок вервольфа.

Оборвав себя на чёрном юморе, крайне неудачном, надо признать, я стремительно поднажал и сократил последние метры. Я уже видел Мастерса, держащегося, по всей видимости, исключительно на одной силе воли. Роберта бурно штормило, хриплое дыхание с всхлипами вырывалось из лёгких, как воздух из пробитых кузнечных мехов.

— Роберт, стойте же вы... Вам от меня не уйти! — крикнул я в спину старику. — Вы у меня на мушке! Давайте поговорим, я не хочу в вас стрелять! Я НЕ буду в вас стрелять...

Подволакивая ноги, старик завернул в следующую комнату, я, наступая ему на пятки, повторил манёвр и... Это был тупик. Из комнаты вёл единственный выход, перекрытый на данный момент мною. Мастерс затравленно заозирался по углам. Главной достопримечательностью убранной в готическом стиле комнаты было большущее матовое зеркало, вставленное в резную серебряную раму.

— Да угомонитесь же вы, наконец!

С абсолютно дикими глазами Мастерс дёрнулся к зарешечённому окну, но, волею судьбы нога старика подвернулась, и он потерял равновесие. Роберта повело в сторону и, чтобы не упасть, он был вынужден вцепиться руками в раму вплавленного в стену зеркала... Всё же старик не смог полностью погасить силу движения, и его голова по инерции вошла в соприкосновение с блестящей поверхностью.

Под мелодичный звон осколки стекла посыпались на пол. Я опустил пистолеты. Если я не убью Мастерса, то это святое деяние наверняка совершит Бенни. Зеркало, наверно, старинное и раритетное. И, как реликвия, стоит немало. Стоило. Я посмотрел на подмигивающие мне забавным калейдоскопом куски стекла. В зеркальных осколках отражался я... Перевёрнутый. Перевёрнутый?!

Вложив пистолеты в кобуры, я без опаски приблизился к опустившемуся на колени Мастерсу. По рассаженной голове старого пропойцы обильно струилась кровь, стекая по

виску и шее. Серебряная рама оскалилась зазубренной стеклянной пастью и серым камнем. Роберт опустил голову, тело старика сотрясала дрожь. Кровь, струящаяся по лицу, смешивалась с бегущими слезами...

— Я был пьян... Господи, прости меня! Я нажрался, как свинья и ничем не мог помочь ей... Я был в стельку пьян!

— О чём вы, сэр? — тихо спросил я, протягивая Мастерсу кусок ткани, оторванный от оконных занавесей.

Судорожно сглатывая, Роберт принялся остервенело оттирать лицо.

— Прошлой ночью, когда погибла Грейс, я валялся мертвецки пьяным... После того, как я обнаружил тело повара, я добавил ещё по чуть-чуть и... Я просто старый, никому не нужный ублюдок, и, пристрелив меня, вы никого не огорчите...

Скривившись, Мастерс приложил тряпку к повреждённому темечку.

— Вы, как я погляжу, не собираетесь расправляться со мной... Что изменило ваше решение?

Я присел на корточки.

— Сэр, вы разбили себе голову, и у вас течёт кровь. У вервольфа кровь не бежала, а раны его моментально затягивались. Хорошо, допустим ОН по своему желанию может управлять процессом регенерации, но как оборотень осмелился бы дотронуться до серебра? Вы что, забыли легенды? Серебро смертельно для этих тварей, а на ваших ладонях не осталось ни малейшего отпечатка от контакта с рамой зеркала...

— И то верно. Что ж, скрывать не буду, я рад возвращению в человеческое общество. Что с вами, молодой человек? У вас такое выражение на...

Дальше я его не слышал, потому что застыл, как распоследний болван с открытым ртом. Твою мать, да я и есть болван! Забывчивый тупица! Серебро!!! На фига строить грандиозные гипотезы и проводить детективные расследования, когда можно элементарно испытать каждого из нас прикосновением серебра?! Вервольф обязательно выдаст себя. Если легенды не врут. Нет, не врут. Одна сказка то уже вполне успешно ожила. Какой резон сомневаться в других поверьях, после такого-то? Я с сомнением покосился на зеркальную раму. Ещё один нюансик. Если окантовка рамы выполнена не из благородного металла, которого так боится нечисть, то я крепко влип. Но что-то мне подсказывало, что я на верном пути.

Мартин занял кресло Алекса, потирая ноющую челюсть. Трейси здорово приложила его, на совесть. Впрочем, так ему и надо, сам виноват, распустил сопли, в истерику вдарился... Брр... вспоминать противно. Кулак Стюарт даже стоит в известной мере поблагодарить — рукоприкладство одним махом вправило мозги на место.

Скотт неосознанно прислушался, ожидая сверху грохот выстрелов и дьявольские выкрики. Хотя, пожалуй, того же ожидали и все остальные. Артур притёрся рядом с товарищем, уместившись на широком овальном подлокотнике кресла. Ральф, приставив перезаряженную винтовку к камину, степенно раскуривал новую сигару. Немец был готов к любым неожиданностям, требующим незамедлительного ответного действия. Колин подтащил к камину (добросовестно раскочегаренному Коннором) ещё одно кресло, но никто не спешил к нему присоединяться. Девчонки вполне неплохо устроились на диванчике. Герти испуганно прижималась к угрожающей на вид, большеглазой, затянутой в проклёпанную кожу Трейси. Саша и Джессика крепко задумались о чём-то своём, о девичьем, непривычные морщинки избороздили их чистые, гладкие лбы...

— Мне так хочется, чтобы Алекс поскорее вернулся... Я надеюсь, что с ним ничего плохого не произойдёт, — Герти застенчиво посмотрела на Трейси. — Вы, наверно, думаете, что я веду себя как натуральная плакса... Но я действительно очень сильно за него переживаю!.. Алекс такой... замечательный.

— Дурочка ты, — проникновенно сказала Стюарт и легонько, на миг, прижала девочку к себе. — Мы все хотим, чтобы он побыстрее вернулся и не нарвался на крупные неприятности. И ты не ведёшь себя, как плакса, ты держишься молодчиной. После всего этого ужаса то! Ты просто умничка... гордись своей выдержкой: в отличие от некоторых, так называемых джентльменов, она у тебя имеется.

Громко закашлявшись, Мартин обиженно проворчал:

— Ну, может, хватит уже, а? Будешь теперь мне до конца жизни припоминать...

— Я не собираюсь жить с тобой до конца жизни. Тьфу! Я вообще не собираюсь с тобой жить!

— Да какая разница?.. Я повёл себя, как слизняк, ты дала мне по морде, я всё просёк и осознал, каюсь... Так не проедем ли эту тему? Что было, то прошло... Надо думать о том, что будет!

— Ладно, — смягчилась Трейси. — Думаю, нелёгкое у нас вырисовывается будущее.

Саша пригладила убранные в «конский хвост» волосы и убеждающе произнесла:

— Алекс справится, я в нём не сомневаюсь.

— Он парень здоровый, в случае чего — отмахается, — присовокупил окутавшийся облачком ароматного дыма Шнитке. — Не пугайтесь раньше времени, ребятки, мы ещё повоюем, вот увидите.

— Вот если бы ты дал нам свою пушку... — Артур просяще уставился на охотника. — Ну хоть разочек пальнуть!

— Перебьёшься. Ты всех нас положишь, а в оборотня всё равно не попадёшь.

— Да он и в стену с трёх шагов не попадёт! — об авторстве этой реплики несложно было догадаться.

В пол уха прислушиваясь к несколько нервному разговору, Колин внимательно следил за остальными невольными участниками драмы.

Стокман, Коннор, Блейк и Уэнрайт о чём-то оживлённо судачили, сгрудившись возле лестницы в плотный кружок. До Колина долетали лишь разрозненные, ничего не значащие обрывки приглушенного разговора. Дон Рейнолдс потерянно мялся в сторонке, не допущенный к совещанию более значимых и высших по рангу лиц, чем он.

Кристи, лишившись неотъемлемого мужского внимания, скромненько сидела в одном из последних незанятых кресел, заигрываяще улыбаясь покрасневшему Рэнделлу. Шведка вволю выплакалась, ей было скучно, страшно и одиноко. Вот она не выдержала и решительно подошла к студентам. Её улыбка из соблазняющей превратилась в застенчивую.

— М-м-м... Не возражаете, если я присоединюсь к вашей молодой компании? Мне ужасно надоело это постылое одиночество!

— Ты вроде и сама не старушка, — осклабился Артур, всем своим видом демонстрируя, какой он крутой парень. — Присаживайся, в ногах правды нет, даже в таких классных, как у тебя.

Мартин, не отставая от дружка, обаятельно заухмылялся. Трейси скорчила презрительную гримаску. Раздулись, как петухи, разве что не кукарекают, подумалось девушке. Кристи поторопилась воспользоваться приглашением и втиснула туго обтянутые

легкомысленными легинсами бёдра в кресло Колина. Высокий юноша был несказанно удивлён сим довольно приятным на ощупь фактом, почувствовав внезапный жар в области живота.

— А ты ничего... симпатяжка, — Кристи, извернувшись в кресле, взъерошила светлые, аккуратно подстриженные волосы Колина.

МакДжонс от зависти чуть не удавился! Мартин расстроено засопел, не одобряя поведение Кристи.

— Ребята, мне ТАК страшно... Все эти убийства... — непривычно робко сказала Кристи, желая как-то поддержать прерванный её появлением разговор. — Мне так жаль этих бедных людей!

— Да, бесспорно, — вздохнула Джессика. — Разве они могли подумать о ТАКОМ?! А мы даже ничего не можем сделать... Ни сообщить родственникам, ни похоронить почеловечески... Мы здесь застряли, как тараканы в одной банке. Это ужасно. И страшно...

— А я до сих пор не могу поверить, что среди нас этот... хм... оборотень, — призналась Кристи. — Это же так похоже на сказку для перепуганных детишек, на... вымысел большого воображения!..

Саша Зверева пожала плечиками:

— Мы и есть стайка перепуганных, слабых и незащищенных детишек. Признайтесь, что каждый из нас испытывает всепоглощающий, берущий за нутро страх... Мерзкое чувство! А теперь представьте, каково Алексу, рискующему в данный момент жизнью?

Поёрзав, устраиваясь поудобней, и вгоняя Колина в краску, шведка надула розовые губки.

— Всё-таки странно, что все подозрения падают на Роберта... Я не думаю, что он чудовище. Мастерс такой милый и симпатичный старичок! Как он может быть вервольфом? Ну как? Не верю...

— Мне тоже кажется, что дело тут не чисто, — вымолвил Рэнделл. — Я пытался сказать Алексу, вставить хоть слово, но меня опять никто не захотел слушать. Вы же сами видели!

— И что ты там надумал? — скептически протянула Трейси. — Выкладывай, лейтенант Коломбо ты наш.

— У меня всё не выходило из головы: как вервольф проник в кабинет Стокмана и разбил телефон? Дверь заперта, ключ у хозяина и никаких следов взлома! Что, вервольф в человеческой ипостаси очень опытный медвежатник? Пусть даже так. Но на кой чёрт ЕМУ все эти лишние заморочки? Выбил на фиг дверь и всего делов! По-моему, этот монстр не страдает врождённым чувством такта и уважения к чужой собственности... Вникаете? Я думаю, что связь вывел из строя кто-то другой. НЕ оборотень.

Трейси, дёрнув уголком рта, прижала к себе Гerti, и хрипло заявила:

— Признаюсь, тебе удалось меня напугать ещё больше, умник хренов... Что ты хочешь этим сказать?

Колин виновато развёл руками.

— Извиняюсь, дамы и господа, но я... Это не голословное утверждение, нет, ни в коем разе! Но я думаю, что помимо оборотня некто, тот, о ком мы даже и помыслить не можем, не горит желанием выпускать нас за пределы стен замка.

Шнитке поперхнулся табачным дымом и надрывно закашлялся. Успокаивающе махнув рукой повернувшему голову Коннору, немец с открытым изумлением и большущим знаком вопроса в квадратных глазах уставился на юного австралийца. Выражения лиц остальных

слушателей не слишком отличались от мимикрии охотника...

— Ой, да ты не только красавчик, у тебя ещё и голова варит! — восхитилась Кристи, всё более заинтересовано поглядывая на Рэнделла. — Сразу видно, что ты умный мальчик. Мне всегда нравились соображающие парни. Вот только они почему-то редко встречались на моём пути...

Чёртов сукин сын, мысленно взвыл Артур, как никогда завидуя Колину. Да ещё немного, и она повиснет у него на шее, а там и до постели недалеко! Как он мог в такую минуту думать о таких вещах, МакДжонс и сам ответить не мог. Обстановка вроде не располагала для амурных перипетий! Судя по постной роже Мартина, тот подумал о том же.

Напыжившийся Колин набрался храбрости и приобнял обольстительную шведку за округлое плечо. Кося одним глазом в вырез кофточки Нотенберг, он продолжил развитие темы:

— А эта таинственная буква «М», что написала перед смертью Грейс? А кто может поручиться, что это именно её послание, а не коварная проделка оборотня, дабы сбить нас со следа? А если всё же букву оставила Грейс, то где гарантия, что мы правильно всё поняли?

— Ты, конечно, вовсе не красавец... Образина та ещё, — как нечто само собой разумеющееся сказала Стюарт, вызвав зубовой скрежет Колина и недоумение Кристи. — Но башка не дерьмом набита, признаю. Мне вот что непонятно... Как Грейс запустила неведомо кого в свою комнату среди ночи? Значит ли это, что она не боялась ночного гостя? Была уверена в том, что он не причинит ей вреда? И почему именно она пала второй жертвой чудовища?.. Что двигало монстром? Чем его привлекла одинокая, робкая девушка?

Герти завозилась под боком Трейси.

— Может, они знали друг друга, были хорошо знакомы?

— Подождите... — Колин с азартом в глазах выпрямился в кресле. — Точно! Ты права, Трейси...

— Я всегда права, малыш.

Рэнделл пропустил очередную колкость мимо ушей и торопливо застрочил, словно боясь упустить из рук пойманную за кончик хвоста идею.

— Почему Грейс? Да потому, что она проживала в замке ОДНА! Ясно вам? Оборотени не стал нападать на тех, кто расположился в комнатах парами. Он выбрал того, кто был совершенно один и, кроме как на себя, больше ни на кого не мог рассчитывать. Скажу больше, оборотнем так же должен быть кто-то из тех, кто жил в номере один! Иначе его ночные вылазки непременно бы заметили соседом. Понимаете? Круг подозреваемых сузился до определённого количества людей! Из которых при логическом подходе можно попытаться вычислить монстра!

Кристи положила ручку на колено вдохновлённого озарением Рэнделла и страдальчески вздохнула.

— Зайчик мой, ты кое о чём забыл.

— О чём же? — насторожился Колин.

— Меня поселили в одной комнате с несчастной Грейс, — шведка стыдливо опустила глаза.

Артур хлопнул себя по лбу.

— Верняк, приятель, что ты на это скажешь?

— А где же ты была всё это время? И ни тебе ли доверчиво открыла дверь мисс

Брайен? — Колин в упор посмотрел на Кристи, проявляя недюжинную силу воли и не спеша выпрыгивать из кресла. Приятное соседство грозило обернуться **ОЧЕНЬ** крупными проблемами.

Ральф от такого поворота вторично поперхнулся. Но рука охотника в ту же секунду клещом вцепилась в винтовку.

— Простите, что сразу не прояснила всё, — Кристи виновато улыбнулась, не замечая сгустившихся над златоволосой головой мрачных туч. — Я ни одной ночи не провела в выделенном нам с Грейс номере. Да, это правда. Она и впрямь жила одна. А я прыгала из одной постели в другую! От Блейка к Рейнолдсу и обратно...

Шведка окончательно сникла, Колин сделал жест Ральфу поставить винтовку на место. Тинэйджеры с облегчением выдохнули. Шальная мысль, что жуткий оборотень находится буквально бок о бок с ними не понравилась никому!

Колин недоумённо нахмурился.

— Это... Что же у нас получается?.. Предполагаемый список тает с каждой секундой?! Остаются...

Юноша не успел «огласить весь список», поскольку на парадной лестнице появились Алекс и... абсолютно целый, хоть и не совсем невредимый Роберт Мастерс. Разговоры в холле стихли сами собой. Вновь натянулась, ослабшая было, струна тишины.

Вороненные пистолеты Болотина мирно покоились в кобурах. Но одну руку, правую, молодой человек почему-то держал за спиной. За ним маячил Роберт. На лице старика виднелись непонятные кровавые разводы, а голова была обвязана рваной куском чистой синей тряпки. Что ж, круг подозреваемых сократился ещё на одного человека, уныло подумал про себя Колин.

— Таки рубанул старого козла, — с удовлетворением отметила Трейси. — Но, поскольку Мастерс всё ещё жив, значит, он не оборотень. Наверняка Алекс разобрался, что к чему и пришёл к выводу, что старик невиновен... Но кто тогда?

— Как изволите это понимать? — Стокман перебежал взглядом с загадочно улыбающегося Алекса на непроницаемого Роберта. — Не подумайте, что я не рад вновь вас видеть, но, судя по всему, инсинуации в адрес мистера Мастерса оказались необоснованными...

— Вы сами прозрели или снизошла благодать господня? — негодуяще фыркнул Роберт. — Я же говорил, что я не оборотень, но хоть одна живая душа прислушалась ко мне? Поверила? Некоторые из вас, в том числе и вы, сэр, были бы вполне удовлетворены доказательством вины никчёмного спившегося старика, и уж точно не оплакивали бы мою безвременную кончину! Нет старого пьяницы — нет проблемы под названием «вервольф». Но поскольку старый пьяница оказался чист, то проблема возрастает в геометрической прогрессии! Кто же за всё ответит? Кто монстр? И не окажется ли этот перевёртыш гораздо опаснее слабого старикашки? Вон оно как всё неудачно вышло!

Кое-кто, проникнувшись горькой речью Мастерса, совестливо опускал глаза. Чего уж греха таить, было подобное в мыслях, было...

— Ну и как же мы разоблачим оборотня? — Блейк повернулся к Алексу. — Друг, ты видимо каким-то хитрым способом сумел разрешить эту задачку. Так не поделишься ли секретом? В наших общих интересах не затягивать...

— О, нет ничего проще, мистер Блейк, — лучезарно улыбаясь (скулы свело до судороги!), я пятился спиной к камину. — Есть одно средство, верное и безотказное. Сам

себе диву даюсь, как я раньше об этом не подумал. Всё гениальное — просто!

Окромя Герти, Кристи, Ральфа и студентов никто не мог видеть, что именно я прячу за спиной. Я оглянулся и заговорщицки подмигнул. Брови Шнитке непроизвольно поползли на лоб. В правой руке я сжимал увесистую металлическую полосу шириной сантиметров пять и длиной все пятьдесят. Металл имел тускло-серебристый оттенок. И тут до них дошло, ЧТО это за металл! Немец вполголоса чертыхнулся. Колин что есть мочи хлопнул по подлокотнику кресла. Да ребята, всё не просто, а очень просто, элементарно до неприличия.

Все легенды твердят в один голос, что самое действенное и надёжное оружие против оборотней — это серебро. Не сильны в народном фольклоре, вспомните Кинга, Грина, Полотту... Не любите читать? Что ж, бывает... Но вы же наверняка смотрели такие фильмы, как «Серебряная пуля», «Вой», «Оборотни», и иже с ними! Правда, исходя из тех же легенд, и осиновый кол не придется волколаку по вкусу. С другой стороны, осина как-то более применима к вампирам... М-да, легенды, одним словом. Вот мы сейчас и проверим право на жизнь одной из них.

— Ральф, пожалуйста, будь паинькой и подними ружьё, — попросил я. — Целиться будешь в того, на кого я укажу...

— Постойте, что значит «целиться»? В кого это вы собрались целиться? — гневно насупился Бенни. — Учтите, я не позволю...

— Не волнуйтесь, сэр, никакого самосуда, — я поспешил успокоить бизнесмена. — Суть в том, что я проведу над каждым из вас небольшой опыт, эксперимент, который позволит нам со стопроцентной гарантией выявить монстра. А мистер Шнитке будет меня страховать. Не бойтесь, мистер Стокман, ежели вы не вервольф, то беспокоиться вам абсолютно не о чем. Ничто не будет вам угрожать.

Немец, закусив сигару, приготовил «экспресс» к стрельбе, держа тяжёлую винтовку с расслабленной небрежностью истинного профессионала.

— Что ещё за опыты? — проблеял Герби. — Это больно?

— Кому как, — я невольно усмехнулся. — Трейси, вытяни из моей заплечной кобуры «Беретту»... Да, да, вот этот самый пистолет. Осторожней, он снят с предохранителя и переведён на стрельбу одиночными патронами. Держи пистолет обеими руками. Без привычки, при стрельбе, от отдачи ствол будет задираться вверх...

Трейси, вскочив с дивана, в точности с моими словами, выполнила все указания. Артур что-то пробурчал невразумительное, похожее на выражение несогласия с распределением запасов оружия стратегического назначения.

— Готова, Алекс, что дальше? — Трейси с неподдельным обожанием смотрела на меня. Надеюсь, потому, что я единственно ей доверил пушку, а ни по каким-либо ещё скрытым соображениям... Ох, не о том я думаю, совсем не о том!

— Делай то же, что и Ральф — следи и целься. Извини, что взваливаю на тебя такую ответственность, но у нас нынче каждые умелые руки на счету. А ты девчонка бойкая, так что не обессудь, ладно?

— Да хватит тебе! Я что, маленькая, что ли? — чуть не обиделась Трейси. — Я тебя не подведу, не трусь.

— Это я и хотел услышать, — Не скрою от вас — я маленько лукавил. Просто хотелось, чтобы у девочки в случае чего для защиты было нечто посерьёзней, чем каминная кочерга. Произойти-то могло всё, что угодно.

Стокман с дрожью в голосе запротестовал:

— А не слишком ли опрометчиво давать в руки несовершеннолетней девчонке с неуравновешенной психикой столь опасную игрушку? Вы тут бойню устроить собираетесь?

— Чего?! Сам ты псих, понял, коз...

— Если понадобится, то устроим, — пообещал я, закрывая свободной рукой ротик осерчавшей и горящей жаждой мести Трейси. — Игры и шутки давно закончились. Пощады не будет, предупреждаю. Это я говорю одному из вас. Потому что, нравится вам или нет, но кто-то в любом случае окажется обратным. И это буду не я и не мои друзья. И не Роберт. Выбор у нас не так уж и велик, так что сами смекайте. Повторюсь, что невиновным бояться нечего.

— И... Всё же, почему вы так уверены, что сможете обнаружить чудовище? — запальчиво выкрикнул Бенни. — Чем подкреплена ваша фанатичная уверенность?

— Вот этим, — я медленно убрал руку из-за спины, демонстрируя почтенной публике зажатую в кулаке серебряную полосу.

— Где вы это взяли? — прищурился Стокман. — Что-то очень знакомое, где-то я эту железяку уже видел...

В отличие от хозяина, Коннор практически мгновенно опознал в «железяке» оторванный от зеркальной рамы кусок окантовки. Старого дворецкого чуть не хапнул Кондратий!

— Вы... вы... да это же... Да как вы посмели... — кипящие от возмущения слова давались Коннору с превеликим трудом. — Да вы же покусились на реликвию, на редчайшую ценность... На святое! Мистер Стокман, да они же...

— Я всё оплачу, — широким жестом соврал я. — Но это потом, у нас на повестке дня совсем другая задача. Так давайте не затягивать. Правильно я говорю, Эд?

— В яблочко.

Роберт несколько виновато выглядывал из-за плеча коренастого немца. Коннору оставалось беззвучно открывать и закрывать рот, словно рыбине, пойманной в сачок.

— Господа, прошу вас, станьте в один ряд. Я буду по очереди касаться каждого из вас этим замечательным отрезком серебра... Обратни довольно болезненно переносят сей благородный металл, чем мы и не преминем воспользоваться.

Я с трудом подавил зевок. А то. Бессонная ночь давала о себе знать. Да и подустал я... Но надо собраться, нельзя открыто продемонстрировать монстру свои слабости. У него и так неоспоримое преимущество в силе, скорости и живучести. А это ой как не мало!

— А вы уверены, что этот способ подействует? — пропищал Уэнрайт.

— Нет, особой уверенности у меня нет, — не стал темнить я. — Но на примете есть ещё пара фокусов, которые позволят нам докопаться до истины. Итак, приступим.

Я приблизился к льнущей к смущённому Колину Кристи.

— Милашка, ты уж извини, но правила одинаковы для всех.

Не успела шведка вымолвить и слова, как я легонько шлёпнул её по обнажённой лодыжке серебряной полосой.

— Ух, холодная!

— Поздравляю, — хмыкнул я. — Ты определённо человек. Впрочем, так я и думал.

С самым зловещим выражением на физиономии я подошёл к замершим подобно мышам, учуявшим кота, обитателям замка Стиллхолл. Я поднял импровизированный снаряд, раздумывая, с кого начать. Коннор, Бенни, Эдвард Блейк, лорд Уэнрайт, замыкал шеренгу явно нервничающий Дон Рейнолдс.

— Ну что же... — я дотронулся концом полосы до щеки Коннора. Дворецкий сам схватился за обломок старинной рамы, намереваясь отнять частицу реликвии из осквернивших её рук, моих, если кто не понял. Я погрозил Энтони пальцем:

— Э-э-э, нет, приятель, так не пойдёт! Эта штука мне ещё пригодится. Мистер Стокман, вы готовы?

Я приложил полоску серебра к шее Бенджамена. Тот с вызовом смотрел в сторону, никак не реагируя.

— Радуйтесь, сэр, вы чисты.

Пред огромным культуристом я замешкался. Блейк огромной монолитной глыбой возвышался надо мной. Ральф и Трейси не сводили с Эдварда нацеленного оружия, готовые по моему сигналу открыть огонь. Блейк это понимал, и потому не рыпался, позволив холодному серебру войти в контакт с упрямо выдвинутым подбородком.

И для Эдварда испытание прошло успешно. Культурист даже слегка иронично улыбнулся.

— Ваша светлость, позвольте?

— Ну конечно, милый.

Краем глаза я заметил, как выдержавшие эксперимент люди стали быстренько оттягиваться в сторонку. Ещё бы! Теоретически, один из двух оставшихся без проверки может оказаться оборотнем. Теоретически. Если моя затея в целом верна.

А в том, что она верна, я на самом деле не сомневался ни на йоту. Перехватив серебряную полосу обеими руками, я неуловимо быстро для посторонних глаз размахнулся и со всей дури огрел лорда Герберта Уэнрайта по голове!

Из десятка плотов вырвался удивлённо-возмущённый вопль, а затем... Резко раздалось противное шипение, и тошнотворный запах горелого мяса ударил в ноздри. В первые секунды никто ни — че — го не понял. Но стоило мне отнять обломок зеркальной рамы от головы даже не пошатнувшегося Уэнрайта, как все увидели вздувшийся на лбу Герби багровый шрам, в точности повторяющий форму серебряной полосы.

— А, дьявол! — в ужасе взвыл Дон, проворно отскакивая подальше от лорда...

— Головку не ушиб, Герби? — участливо осведомился я. Мой рот превратился в тонко сжатую строчку, пальцы до побеления костяшек сжимали серебряную дубинку. — Вот ты и попался, ублюдок.

К всеобщему ужасу Герберт белозубо улыбнулся... Жуткой такой улыбочкой, и мне показалось, что зубы у лорда довольно таки внушительные и острые...

Маслянистые глазки Уэнрайта окаменели, запылав жестоким непримиримым алым огнём. Заглянув в эти страшные глаза, я почувствовал, как противная, липкая струйка пота побежала по взмокшей спине.

— А ты не дурак, — неожиданно низким голосом пророкотал Герберт Уэнрайт. — Bravo, bravo... Я аплодирую тебе, МИЛЫЙ, правда... Задумка твоя, безусловно, увенчалась успехом. Ты всё правильно просчитал.

Под напряжёнными до критической массы взглядами дюжины людей и смертельными глазами оружейных стволов Уэнрайт вёл себя весьма невозмутимо, словно это он был хозяином положения и в любой момент мог обратить ситуацию себе на пользу. Возможно, его уверенность подкреплялась не пустыми словами.

— Ах... — трагично вздохнул лорд. — Главный бич нашего племени — это, как не прискорбно звучит, повышенная чувствительность к проклятому серебру... Сколько хлопот

и проблем создаёт этот презренный белый металл!

— СМЕРТЕЛЬНЫЙ для вашего брата металл, — процедил я, заноса кусок рамы н уровне плеч.

— Не спорю, ха-ха! Единственное, что может остановить нас. Ранить. Убить. Причинить невыносимую боль. О-о-о... Вы даже не представляете, насколько мучительна и проникновенна эта боль! Но... так уж заведено и ничего с этим не поделаешь. Плюс ко всему эти крайне неудобные фазы луны!.. Если бы не мои неуёмные аппетиты, ваша скоропалительная спешка в стремлении покинуть замок, и сегодняшнее разоблачение, то послезавтра, в полнолуние, я в любом случае проявил бы своё внутреннее Я. Своё настоящее, подлинное Я. Свою суть. Суть зверя...

— Ты что, решил поплакаться нам в жилетку? — набравшись храбрости, воинственно пискнул Мартин.

Одиноким айсбергом возвышаясь в центре холла, лорд бросил на юношу плотоядный взгляд. Глаза Герберта на мгновение вспыхнули ярче звёзд.

— Несносный, противный мальчишка... Шалун. Тобой я займусь в последнюю очередь, когда разберусь с остальными. Нам будет очень хорошо вдвоём... Обещаю.

Мартин, пошатнувшись, вцепился в рубашку Артура, ему стало плохо. Всё изменилось, чудаковатый Герб стал представлять реальную опасность. И лорд не бросал слов на ветер.

Сложив тоненькие руки на впалой груди, Уэнрайт задумчиво изрёк:

— Интересно, что вы будете теперь делать, когда все карты открыты и нет дороги назад, к отступлению? Ну, что же вы все притихли? Не стесняйтесь, дамы и господа... Вот он я, перед вами! И я не собираюсь бежать!

Лорд глумливо захихикал. Он и впрямь был хозяином положения... Ведь он не жалкий беспомощный человек, он нечто большее. Он оборотень. Существо из страшных легенд и кошмарных снов, таящееся за внешней хилой человеческой оболочкой.

Я дёрнул щекой, искоса оглядев окружающих. Н-да, войско, прямо скажем, так себе... Стокман уже успел спрятаться за диваном, и только торчащая голова выдавала его местонахождение. Рейнолдс, трясаясь мелкой дрожью, судя по всему, был готов последовать за непосредственным начальником. Кристи, каким-то чудом не упавшая в обморок, повисла на шее Колина, Мартин норовил запрыгнуть Артуру на руки, а Саша и Джессика, прижав к себе Герти, отступали к камину. У Блейка на лице застыло неподдельное детское изумление. Здоровенный двухметровый амбал напоминал растерянного ребёнка. И этот выпадает из игры...

Оставались несокрушимый Ральф, наплевательски относящаяся к опасности сорвиголова Трейси и, как ни странно, Коннор. Дворецкий не на шутку разошёлся, злодейски уставившись на лорда. Герберт достаточно напортил и повредил замок, чтобы записать Коннора в самые лютые враги. Да и Мастера я не спешил списывать со счетов. Старик не проявлял малодушия и трусости, вызываясь сдвинув брови, хотя и видно было, что он ещё полностью не оправился от лобового столкновения с зеркалом.

Ну что ж, придётся обходиться теми, кто есть.

— Наверно, тяжело жить, подчиняясь нечеловеческим, звериным инстинктам и постоянно скрывать от окружающих, что ты монстр, — предположил Шнитке, держа Герберта на мушке. — Сомнения, противоречия, борьба с самим собой, годы вынужденного, затаённого где-то внутри страха... Страх, что кто-то узнает твою тайну!

Охотник тянет время? Молодец, конечно, но что в итоге это нам даст? На помощь извне

и нечего надеяться!

— О, нет, что вы! — беззаботно отмахнулся Уэнрайт. — Я нашёл самый действенный способ победить все сомнения и терзания — надо просто покориться... Смириться с тем, кем ты стал, и постараться извлечь из новоприобретенных способностей наибольшую выгоду. Не надо бояться, пытаться что-то изменить, нужно сосредоточиться на новых, невероятных возможностях. Вы... Вы даже не представляете себе, каково это — ощущать себя всемогущим, непобедимым, стоящим выше любой морали и любого общества. Выше людей!

К дьяволу сомнения! Когда обретаешь подобное могущество, начинаешь по-другому воспринимать остальной мир. Вот уже целый год, как я стал почитать и проклинать луну. Год я ЖИВУ. И я наслаждаюсь вкусом вашего мяса и моей новой силы... Чуть менее года миновало с той поры, как я обратился!

— Кто тебя укусил, Герберт? — тихо спросил Ральф.

Лорд Уэнрайт вновь рассмеялся, сверкая белоснежными зубами.

— Это абсолютно не важно, мой грозный друг. Вам это знать не обязательно.

— Сломанный механизм моста, разбитый телефон, авария нашего автобуса, хм, твоих лап дело? — я и сам не мог сказать, что меня подвигло задать сей вполне риторический вопрос.

Лорд с хитрецей зыркнул на меня, расплываясь в добрейшей улыбке.

— Нет, ты определённо мне нравишься, красавчик! У тебя светлая голова и правильные мысли, мне будет даже жаль убивать тебя. Поскольку вы всё равно уже практически покойники, то поделюсь с вами кое-чем напоследок... Изолью душу, ха-ха! Когда мы ехали в Стилхолл, ты читал в газете статью о Безумном Потрошителе, маньяке, наводящим ужас на дальние провинции Англии, вспомнил? Полиция недоумеует, как можно связать эти зверские убийства в единую логическую схему! Что движет маньяком? А нет никакой схемы! Есть только луна. И полнолуние. Когда я уже не могу себя контролировать, и моя жажда становится неуправляемой...

Я чуть не выронил из мокрых ладоней серебряную полоску. Мать вашу... Да этот неуловимый маньяк и оборотень Герберт одно и то же лицо! Охренеть можно!

— Да, да, милые мои, позвольте представиться, — продолжая разыгрывать представление и, нескрываяемо получая от одного огромный кайф, лорд пафосно раскинул руки в стороны и отвесил глубокий поклон. Тонкие, напомаженные губы Уэнрайта извивались как змеи. Этому ублюдку было офигенно смешно! — Потрошитель — это я! Во время полнолуния я превращаюсь в охотника, а выбранная мною добыча в жертву. Я исколесил всю страну и ни разу не попался. Ни разу тень подозрений не упала на любящего путешествовать лорда Герберта Уэнрайта, известного своим закидонами и более чем странным поведением в обществе! Очень удобно, скажу я вам, когда все вокруг воспринимают тебя, как безобидного, слабого, изнеженного аристократа с «голубыми» замашками. Но в последнее время мне стало скучно... Всё приедается, а страсть к убийству только возрастает! Она сводит с ума, грызёт, точит изнутри, как червь... Это цепляет прочнее любого наркотика. И я решил устроить массовую охоту. Загнать добычу в одну ловушку и там уже вволю порезвиться. Вы совершенно случайно попали в списки моих жертв, на вашем месте мог быть кто угодно! Вам не повезло в том, что вы сели в автобус, которому было суждено разбиться, и в котором ехал я. Я повредил ось, я тщательно спланировал аварию... Я знал, что курс этого рейса будет пролегать по малонаселённым

пунктам. В принципе, я мог начать резню ещё тогда, на дороге!

— И что тебя остановило? — спросил Шнитке ровным, бесцветным голосом.

— Азарт! Мне стало интересно, что вы будете делать дальше! Я решил растянуть удовольствие. И эта буря, как вы понимаете, мне была только на руку. Ну а когда мы пришли в Гринсвуд... Здесь чудесный лес, вы не находите? Я понял, что лучшей охоты в моей жизни ещё не было! Ну а наше размещение в этом благословенном замке — это как милость божья. Здесь столько всего интересного и странного, что вы очень удивились бы... Хм, в общем, я держался несколько дней, но прошедшей ночью я не вытерпел! Да и дальше тянуть было опасно, в любую минуту мои птички могли разлететься из клетки в разные стороны!

— Герберт, — я не мог отделаться от мысли, что этот вопрос жизненно важен! — Герберт, это ты сломал рычаг и телефон?

Оборотень обвёл нас каким-то странным, с промелькнувшими искорками непонятого сомнения и недосказанности взглядом.

— Мост — моя работа, скрывать не буду. Я не мог допустить, чтобы вы смылись раньше времени. Уж не знаю, на что или на кого списали бы столь массовое убийство, но думаю, что и полиция, и пресса поверила бы чудом спасшемуся лорду Уэнрайту, что в замок проник (неплохая всё же идея) бешеный волк-людоед и устроил бойню. Но телефон... Если честно, я забыл о нём. Успокоившись, что сотовая связь в здешней глухомани не берёт, я совершенно забыл о сетевом телефоне! И сегодня поутру, нагрянь сюда полиция и прочие службы, меня бы ждало горькое разочарование. А вам бы выпал шанс начать вторую жизнь! Я не собираюсь крошить всех направо налево. Я был бы вынужден обойтись уже убитыми мною людьми. Мне не к чему поднимать на уши всю округу, чтобы на меня устроили массивную облаву! Но кое-кто исправил мою оплошность за меня...

— Кто это был? Кто проник в кабинет Стокмана? — ухватился я за откровения Уэнрайта. — Если не ты, то КТО, чёрт тебя возьми?!

— Ладно, что-то заболтался я с вами, — внезапно оборвал поток словесных излиятий Герберт. — Мальчики и девочки, сахарные мои, ничего личного, клянусь! Просто такова моя натура и я ей полностью подчиняюсь. Мне уже не совладать с собой. С голодом. Да я и не хочу.

Герберт плотно сжал зубы, на его скулах вздулись желваки, а по напудренному лицу побежала судорожная рябь...

Да он же начинает трансформироваться, превращаться в волка, с захлёстывающим с головы до ног страхом понял я. Трейси за моей спиной громко сопела, невероятным усилием удерживая в вытянутых руках «Беретту», с губ белой как молоко девушки срывались приглушенные ругательства. У стоящего рядом Коннора со скрипом несмазанных ржавых петель отпала нижняя челюсть. Метаморфозы Герберта вселяли в сердца подлинный, леденящий кровь и остужающий душу страх.

Уэнрайт застонал сквозь стиснутые зубы, тщедушное тело вздрогнуло, как от удара электрическим током высокого напряжения. Лорд оскалился, глаза его закатились, взмокшие кудряшки прилипли к черепу. А затем...

Затем Герберт стал непропорционально увеличиваться в размерах. Обегающее трико лопнуло по швам, сползая лоскутами с обозначившихся чудовищных мышц раздавленного ввысь и вширь лорда... Со стоном, корчась, Уэнрайт упал на пол. Остолбневшие, мы молча смотрели на его мучения.

...Кости Герберта начали с противнейшим треском ломаться, перестраивая скелет и

изгибаясь под невысказанными углами. Колени прогнулись в обратную сторону, сместились плечевые суставы, деформировались кисти и стопы, несуразно удлиннились руки. Из глотки извивающегося на полу Уэнрайта вырвалось захлёбывающееся рычание. Невиданное зрелище захватывало, притягивало магнитом и не отпускало от себя... И мы смотрели, не в силах шевельнуться или отвести взор.

Лицо Герби резко вытянулось, челюсти с хрустом распахнулись во всю (немалую!) ширь, зубы уподобились загнутым кинжальным клыкам, уши перекочевали на затылок, голова приплюснулась...

В нашей застывшей от шока среде раздался глухой тупой удар. Не выдержав, Кристи грохнулась в обморок.

Лицо... нет, уже морда Герберта и деформированное тело стали быстро зарастать густой чёрной шерстью. На скорчившегося в центре холла существо, лишь отдалённо напоминавшее человека, будто бы набежала тёмная туча... Один миг и на мощные задние лапы вскочил чудовищный матёрый зверюга! По заливку человекоподобного волка лунной дорожкой пробежала полоска серебристой шерсти, а доводящие до нервного срыва жуткие умные глаза налились кровью. Превращение завершилось.

Оборотень издал торжествующий вой, влёт сдувший половину горящих в холле свечей, и припал к земле...

— Стреляйте. Стреляйте же... вашу мать, — сглотнув, умудрился сипло прохрипеть я, не узнавая собственный голос.

Вервольф взвился в воздух, прогремели первые выстрелы и вокруг меня начался форменный ад.

Я едва успел пригнуться, и огромная волчья туша перемахнула через меня. Ещё в полёте оборотня встретил веер девятимиллиметровых пуль. Трейси не подкачала, и залп её был весьма прицелен, но не причинил твари ни малейшего вреда. Исторгнув свинцовые наконечники, раны монстра затянулись быстрее, чем я разогнул спину!

Рыча, вервольф накинулся на Стюарт. Только природная ловкость и годы занятий боевыми искусствами спасли девочку. Она с грацией лани увернулась от клацающих челюстей, и монстр приземлился на пустое место. Тут же рывкнули оба ствола винтовки «Экспресс 500». Шнитке, не ударив в грязь лицом репутацией непревзойденного охотника, не промахнулся и на сей раз. Крупнокалиберные пули угодили чудовищу в левый бок, насквозь пробив поджарое мускулистое тело.

Дико заревев от боли, оборотень опрокинулся на пол, суча лапами, и испепеляя немца ненавистью алых глаз. Подскочившая вплотную Трейси практически в упор выпустила в волколака остаток магазина.

— Назад, дура, куда ты прёшь?! — не своим голосом заорал я и рванулся к девочке. Я немножко опоздал. Опять.

Оклемавшийся монстр ударом когтистой лапы отбросил Стюарт прочь и встретил меня оскалом хищных клыков. Я не стал хвататься за «Глок», понимая, что это бесполезно, и с ходу долбанул оборотня обломком серебряной рамы. Удар пришёлся в плечо, с такой силой, что металлическая полоса согнулась как бумеранг! Стиллхолл огласился новым воем, исполненным несусветной, неестественной боли.

— Что, не нравится, мразь? — Ральф переломил винтовку, загоняя в стволы патроны.

Взревев, оборотень с места, как подброшенный сжатой пружиной, взмыл вверх и перепрыгнул охотника, врезаясь в гущу немых свидетелей кровавой схватки.

Выйдя из ступора, детвора с воплями бросилась в рассыпную. Дон задал знатного стрекача. Кристи и Трейси, валявшиеся на полу, не подавали признаков жизни. Ну, не дай Бог, с моей девочкой хоть что-то случиться, я ему всю шерсть по волоску повывдёргиваю!.. Моей девочкой? Да о ЧЁМ это я?!

Взмах чудовищной лапы — и острые, как бритва, и крепкие, как сталь когти одним движением оторвали съёжившемуся Блейку голову, обдав подвывающего от ужаса Стокмана водопадом дымящейся крови. Тело несчастного культуриста упало на отчаянно завизжавшего бизнесмена, а голова жутким шаром для боулинга подкатилась к ногам Мастерса. Старик попятился и шлёпнулся оземь, его затрясло и шумно вырвало...

Дуплетом бахнула винтовка Шнитке. Тяжёлые пули вторично отбросили монстра, отвлекая от беспомощных людей. Оборотень, яростно взрычав, метнулся к немцу, но на его пути возникло препятствие в лице вашего покорного слуги. Я с огромным трудом поднял над головой тяжеленое кресло, чувствуя, как тянутся и трещат все мои жилы, и обрушил на хребет адской твари. Кресло развалилось на куски, отчётливо хрустнул позвоночник вервольфа. Это его задержало, но не на долго...

Встряхнувшись (а скорость регенерации у него просто поразительная!), волчара буквально смёл меня с дороги. Было больно! Очень! Обливаясь кровью, я отлетел к лестнице и вдрабадан разнёс нижнюю секцию резных перил. Но долго разнеживаться и, стеная, зализывать раны я не мог себе позволить. Настоящая боль придёт потом, после горячки боя, а эту можно вытерпеть и превозмочь. Я знаю. Проверено не раз. Я поднялся на ноги и потряс головой, выгоняя из черепушки колокольный набат, а из глаз наплывающую черноту.

Ральф схватился за охотничий нож, перезаряжать винтовку времени совсем не было. Я подобрал согнутую полоску серебра и взвёл-таки курок «глока». Какое никакое, а оружие.

Как это не патетично и помпезно звучит, но мы готовились встретить свой последний бой. Мягко стелясь по земле, припадая на передние лапы, вервольф метнул все свои поросшие густой войлочной шерстью десятки килограммов стальных мускулов в атаку. Ральф упал на колено, вскидывая руку с ножом и вспарывая острейшим лезвием волчье брюхо. Впустую! Как будто воткнул клинок в мешок, набитый соломой. Ни капли крови не пролилось из секундой позже затянувшейся раны.

С подвыванием хохоча, оборотень чертовски быстро развернулся и попытался ударить немца когтистой лапой, сжатой в чудовищный кулак. Ральф отшатнулся, полоснув блеснувшим в свете люстры ножом оборотня по руке. Разочарованно взыв, монстр лязгнул пастью, под завязку заполненной белоснежными зубьями клыков.

И тут с залихватским воплем (сам не знаю, что на меня нашло) я запрыгнул вервольфу на загривок, по-казацки оседлав окончательно взбесившуюся тварь. Царапая когтями задних лап мраморные плиты пола, монстр завертелся волчком, пытаюсь сбросить такого нахального наездника, как я. Уподобившись ковбою, усмиряющего быка, я пошёл на крайние меры. С трудом сохраняя равновесие, чудом избегая лязгающих клыков, колотя коленками в волчьи бока, намертво вцепившись в широкую лохматую спину, я просунул согнутую серебряную полоску под мощное горло и, взявшись за концы металлической удавки обеими руками, что было сил откинулся назад, напрягая каждую клеточку своего измученного избитого организма...

Прогнувшись в спине, оборотень вонзил было в меня когти и... зашёлся в надрывном полувое-полукашле, беспомощно уронив руки. С его клыков хлопьями падала пена, челюсти бессильно клацали в опасной близости от моих пальцев, глаза вервольфа плавилась

оранжевой лавой. Серебро не пришлось ему по вкусу.

Уяснив всю бесплодность попыток скинуть меня со спины, задыхающийся, шатающийся оборотень неуклюже подпрыгнул и всей тушей завалился навзничь. Вот гад! Не ожидающий такой подлой выходки, я здорово ушибся, наполовину оглушенный силой удара и тяжёлой статью монстра, но продолжал инстинктивно сжимать спасительный кусок зеркальной рамы...

Трудно сказать, как дальше бы развивались события, если бы на поле битвы с кавалерийской пики наперевес не примчался Дон Рейнолдс, истошно ругаясь на чём свет стоит и вопя во всю глотку! Не снижая набранной скорости, гид вонзил пику в незащищённый живот оборотня и навалился всем весом на древко. Представляете, каково было мне ощутить возросший более чем наполовину придавивший меня суммарный вес! А если бы вошедший в раж Рейнолдс проширнул монстра насквозь и приколол меня заодно, как бабочку, к полу? Рехнуться можно!

Оборотень пронзительно завыл на одной высокой ноте. Затем... Тварь свечой взмыла в воздух, скуля от боли и сокрушая ударом лапы древко пики! Я облегчённо выдохнул... Не выпустив из рук обломок копья, Дон прочертил над головой подбегающего Ральфа кривую и заскользил по мрамору, остановившись у ведущих в прихожую дверей.

Я на четвереньках поспешно отползал от грызущего торчащий в животе остаток пики вервольфа. Монстр довольно быстро вырвал из плоти увенчанный стальным наконечником обломок древка, но... Но вытянуть застрявший в ране серебряный столовый нож был уже не в состоянии.

— Ай да сукин сын! — восхищённо прошептал Ральф, прижимая к плечу приклад перезаряженной винтовки. Гид привязал нож к лезвию пики обычным шнурком! Шнурок порвался, и серебряный клинок остался торчать в волчьем брюхе.

Оборотень уже не был похож на сильного, яростного, грозного зверя. Чёрный монстр, слегка вздрагивая, бездвижно лежал на полу. Шерсть вервольфа слиплась от выбегающей бурным потоком крови, бока тяжело вздымались. Кровь никак не хотела останавливаться: спасительному процессу регенерации мешал засевший в теле обыкновенный столовый нож... Но стоит вытянуть ножик — и тогда косматая тварь вернётся к жизни во всей своей ужасающей мощи.

Алые глаза оборотня постепенно гасли, из распахнувшейся в безмолвном крике пасти выпал багровый язык, от внутреннего кровотечения клыки окрасились кровью. Всё заканчивалось. Вервольф умирал. Умирал тихо и спокойно. Вместе с кровью из него уходила жизнь.

Подволакивая ногу, я приблизился к замершему с опущенной винтовкой немцу.

— Приятель, мы с тобой недооценили этого прохиндея. Ишь, чего удумал, прикрутить столовый нож к копыю... Пацан молодец, не растерялся. А я-то подумал было, что он решил сачкануть!..

— Да... Если бы не Дон, то еще неизвестно, чем бы всё закончилось, — пробормотал Ральф. — По-моему, зверюга уже доходит... Точно! Смотри...

Подрагивающее тело оборотня вновь пронзила судорога и он начал меняться. Метаморфоза превращения теперь носила обратный характер. Чёрная шерсть словно всасывалась под кожу, трещали от деформаций кости, ломались суставы и рёбра, укорачивались клыки... Через пару минут на полу, в луже крови лежал полностью голый, тощий лорд Герберт Уэнрайт. Из впалого живота торчала рукоятка ножа, кровь сочилась, не

переставая, но у неподвижного Герберта уже не осталось мочи вырвать убивающее его оружие. Уэнрайт трубно, с всхрипами дышал, в уголках тонкогубого рта пузырилась кровь. Из-под полуприкрытых глаз бежали слёзы. Клянусь вам, на один, краткий миг мне стало жаль это порождение тёмных сил... Виноват ли он в том, что ему не повезло стать ТАКИМ?..

— К-как же это... больно... Как БОЛЬНО... — прошептал Герберт, свернувшись калачиком. — Я н-никогда не думал-л, что умир-рать так больно и... мерзко.

Я криво усмехнулся, не испытывая никакой радости от вроде бы победы и свершившейся мести, и присел около истекающего кровью Уэнрайта на корточки.

— Тебе не кажется, что ты нисколько не лучше и не выше жалких слабых людишек, которые закололи тебя, такого могучего и сильного, как простую свинью?

— Т-ты не понимаешь... Вы н-не понимаете... — лорд надрывно закашлялся, выплёвывая сгустки крови. — Вы меня п-победили, но вам в-всё равно... не сдобровать... вы проживёте не м-многим больше моего-о...

— У тебя, что, начался предсмертный бред? — насупился неумолимый немец.

— Дурак! — Герберт не выдержал и захихикал, хоть смех и причинял ему сильнейшую боль. — Вы, люди, п-плохо слушаете... Я же говорил, ч-что не трогал телефон в кабинете С-сток-кмана... Вы до сих пор н-не поняли?.. Не п-поняли, что д-для вас игра только н-начинается?

Я положил ладонь на плечо лорда. Тот насмешливо следил за мной. Лицо Уэнрайта покрыл грязный пот, глаза лихорадочно блестели.

— Что ты имеешь в виду, Герберт? Кто разбил телефон? Кто-то из нас, верно?

— В т — точку, милый... Я не единствен-ное с-существо в з-замке с ТОЙ стороны... Тебя ж-же п — пред-дупреждали... Берегись ТЬМЫ! Но... т — ты уже увяз в ней п-по уши.. Но, п-прежде, чем я уйду, я назову тебе имя т-того, кто г-гораздо с-страшней меня... Он НЕ ХОЧЕТ в... вас выпускать из з-замка!..

— И кто это? — рявкнул Шнитке. Мой друг был само нетерпение. — Назови имя!

— Барон Кролл... — слабеющим голосом прохрипел лорд. — Он н-не умер. Он с-слишком хитёр, чтобы ум-мереть... Он способен обмануть самую см-мерть. И... он убьёт вас всех!..

Уэнрайт конвульсивно дёрнулся, изо рта его хлынула река крови и... Лорд умер. Мы, потрясённые, обменялись полными недоверчивого изумления взглядами.

— Ты понял, дружище? — немец медленно вернул курки на винтовке в исходное положение. — Что же это получается? Если Уэнрайт не соврал, а лгать ему совершенно было не к чему, то что выходит?.. Кто такой этот Кролл и с чем его едят? И почему он не хочет нас выпускать? Зачем мы ему? Откуда Уэнрайту о нём известно? Алекс, смерть оборотня отнюдь не избавила нас от многих вопросов, а, наоборот, создала сонмище новых... И я не знаю, что с ними делать! У меня голова идёт кругом.

— Аналогично.

— И, м-м... И, если этот таинственный барон хотя бы наполовину так крут, как расписал Герберт, то...

— То мы по уши в дерьме, — резюмировал я. — К тому же я более чем уверен, что Герби не солгал. Он мог что-либо утаить, недоговорить, умолчать... Мог! И, меня не покидает уверенность, что он сказал далеко не всё, что знает. Но в остальном он не соврал. Я верю его последним словам... После всего, что мы пережили, я и не очень-то удивлён! И

кстати, ты не заметил один подозрительный нюансик?

— Угу, этот недомерок вроде как намекнул, что человек, сломавший телефон, находится среди нас. Как тайный резидент.

— Засланный казачок, мать бы его так. Что ж, если нам удастся как можно быстрее выбраться из замка, то все устрашающие слова Герберта так и останутся словами. Пустыми и не имеющими под собой почвы. Поэтому молчок, никому ни говори о посмертных предостережениях оборотня. Положеньице весьма шаткое. Не хотелось бы ещё больше будоражить людей...

— Да и провоцировать этого шпика на поспешные превентивные действия, — усмехнулся в усы Шнитке. — Ты же в первую очередь об этом подумал?

Я виновато пожал плечами и поморщился от боли. Начался отходняк: все кости ломили так, словно меня в течение суток лупцевали дубинами.

— Ну да ладно! Что с трупом-то?.. Сбросим со стены в ров? Ибо я несколько сомневаюсь в том, что ОН достаточно мёртв, хм.

Ральф молча отстегнул от пояса охотничий нож и, встав на одно колено, три или четыре раза рубанул по шее Уэнрайта. С чавкающим звуком тесак отделил голову лорда от туловища. Как и следовало ожидать, покойник не издал ни звука, хотя, признаюсь, я ожидал чего угодно...

Руки немца были заляпаны кровью, с остановкой дыхания исчезла и чудесная способность оборотня к регенерации. Шнитке поднял за волосы отчекрыженную голову Уэнрайта и сурово посмотрел на меня.

— Так будет надёжней.

Я так же молча, с одобрением кивнул. В свою бытность я видывал картины и похлеще... Но, похоже, что подкрадывающаяся ко мне со спины Трейси ничего подобного отродясь не видела, и враз позеленевшую девочку шумно стошнило прямо на... мою спину, затянутую в насквозь пропитавшуюся кровью и потом майку!

— Ой, — Трейси поспешно зажала рот обеими ладошками.

Я, побагровев, резко обернулся, намериваясь садануть осмелившегося заблевать меня «подонка» по наглой роже и... На меня уставились огромные зелёные глаза взъерошенной, непроизвольно подрагивающей Трейси.

— Извини, что я перенесла ужин из желудка на тебя... Я немедленно всё отстираю, клянусь!

Я облегчённо, не скрывая, выдохнул.

— Ты не сердись на меня, а?

Вместо ответа я притянул девочку к себе и крепко обнял. Затем чмокнул в черноволосую макушку и сказал:

— Надрать тебе задницу, конечно, не помешало бы... Но оставим экзекуцию до лучших времён, договорились?

— Заметано, — широко, подозрительно блестя влажными глазами, ухмыльнулась Трейси.

— Ты цела, он тебя не цапнул? Укус оборотня, насколько мне не изменяет память, чреват неприятными последствиями...

Стюарт с кислой миной продемонстрировала разодранный в лоскуты правый рукав «косухи» от кисти до плеча, и кровоточащие, глубокие царапины через всю руку.

— Не беспокойся... Но жжётся, как будто кислотой полили! Да и куртку жалко... Но

каждое полнолуние мне брить ноги не придётся. Он не успел меня укусить.

— Ну, слава Богу... Ранами займёмся чуть позже, мне тоже есть, что заштопать и перевязать, — я болезненно сморщился. Она права — жжёт, словно под кожу залили жидкий огонь. Оборотень чурался элементарной гигиены или просто по натуре настолько заразен? — Как там все остальные? Где Герти?

«Все остальные» тем временем начали потихонечку стягиваться к полю брани. Один Коннор, ничем себя во время неравного побоища так и не проявивший, бросился приводить в чувство сомлевшую Кристи.

Кряхтя и причитая, Дон кое-как отклеился от входной двери. Гид периодически кривился, скрывая боль, но лицо его ежесекундно озарялось гордой счастливой улыбкой. Улыбкой победителя. Герти, радостно повизгивая, уткнулась мне в живот, обхватывая тонюсенькими ручками за талию. С трудом сдержав болезненный стон, я нежно взлохматил чёрную (прямо как у Трейси...) головку девочки.

— Круто, чувак, круто! — Артур ухмылялся во всю ивановскую, как будто это он самолично уложил страшного монстра. — Я, кажется, с перепугу обмочился, но всё равно дьявольски рад, что ты остался жив и здоров! Ну, положим, на счёт последнего я погорячился...

— А то! Я такого даже в кино не видел, — затараторил Мартин. — Страшно было — жуть! Честно говоря, я думал, что нам будут кранты... Но то, как вы расправились с этой тварью — просто высший класс!

Вернувшая мне «Беретту» Трейси, не утерпев, съязвила:

— Да, высший класс, парень. Но вот что-то вас я рядом и не заметила. Странно... Или вы мысленно были с нами и именно ваша моральная и духовная поддержка помогли НАМ одолеть оборотня?

Артур неловко потупился и виновато пробурчал:

— Да ладно тебе... Нам же никто не выдал по «маузеру» на брата! Что ж нам, с голыми руками было кидаться на это порождение хаоса? Ты ЕГО хорошо разглядела?

— Другие кидались... Бабы вы в штанах, вот кто.

Вспыхнувшие юноши, однако, не нашлись, что возразить. Подошли остальные студенты и Роберт Мастерс, непонятно когда успевший существенно опустошить спиртные запасы вожделенного бара.

— Что дальше? — Колин был блее мела. — Оборотень мёртв, но... Нам надо срочно со всех ног бежать из замка. Нельзя нам здесь задерживаться, ох, нельзя. Можете смеяться, но предчувствие у меня какое-то нехорошее... Как будто ещё не всё закончилось.

Так, Колина одолевают те же демоны, что и меня. Не всё закончилось, да. «Ты увяз во тьме по уши...» Чтобы это всё значило, хотел бы я знать?! Что за тьма? Или ТЬМА? Одно время я думал, что Чокнутая Баньши предупреждала на счёт оборотня, Герберта, но всё вышло совсем иначе. Уэнрайт дал понять, что я ошибался. Элис имела в виду нечто другое... Тьма. А что, если ОНА кроится в самом замке, в Стилхолле? Что, если древний, полный «странного» (опять-таки слова умирающего оборотня!) замок и есть Тьма? Уф, ещё немножко, и я окончательно свихнусь. Сил моих уже нет!

Джессика с трудом отвела взгляд от продолжавшего держать за волосы отрезанную голову лорда Ральфа Шнитке. Немец морщил лоб и явно не знал, куда пристроить сей жуткий предмет. Веласкес с огромным трудом проглотила что-то в горле, смуглые щёки испанки приобрели мягкий салатный оттенок.

— Мне кажется, что нам всем надо послушать Колина. Он уже не раз доказал, что часто бывает прав по всем статьям, — с нажимом сказала Саша. — Помнится, Алекс говорил, что у него есть некий курьёзный план, как выбраться из замка, и мы должны незамедлительно им воспользоваться.

— Совершенно правильно, родимая, — поддержал я девушку. — У нас есть ВСЕ основания как можно быстрее оказаться подальше отсюда. Потом я всё объясню и растолкую.

Распихивая юных студентов, ко мне пробился Бенджамен Стокман. Бизнесмен, видимо решив, что опасность миновала, сиял, как начищенный медный пятак. Забрызганный пинтой свежей подсохшей крови...

— Спасители! Благодетели вы мои!.. — заливался соловьём Бенни. — Даже и не знаю, как мне вас отблагодарить. Вы совершили героический подвиг! Мало того, вы спасли мою репутацию, мою карьеру... Вы очистили мой дом от дьявольского отродья, от скверны! Мистер Болотин, мистер Шнитке, огромное вам человеческое спасибо...

Гибкий хорёк, подумал я. Стокман в корне поменял политику, расхваливая нас на все лады. Бизнесмену до зарезу важно, чтобы о Стиллхолле не пошли гулять сплетни и пугающие слухи. Он будет всеми силами стараться замять ситуацию. Более того, я уверен, что он станет предлагать нам деньги за молчание. Никто не должен узнать, что именно произошло в замке. Стокману не с руки отпускать нас... Хм, Бенни — агент таинственного барона? Нет, вряд ли. У Стокмана свои причины заткнуть нам рты и зашорить глаза.

— Дон, мальчик мой, вот уж от кого не ожидал проявления такой отчаянной храбрости, так это от тебя! Ты вырос в моих глазах...

Бенни чуть не со слезами (крокодильими!) кинулся обнимать несколько смущённого гида.

— Всё закончилось не так уж и гладко... — я, покачав головой, указал на тело Эдварда Блейка. — Бедный парень... Оборотень собрал перед смертью обильную жатву. Он убил трёх человек. Трёх! А, включая сторожа со стоянки, и всех четырёх. Это более чем достаточно для одних неполных суток.

— Мы не всесильные боги, и не способны вернуть их к жизни, — рассудительно сказал Ральф и наконец-то, к всеобщему облегчению пристроил голову Герберта рядом с его же трупом. — Как только смоемся из замка, сразу, не откладывая, вызовем полицию и службу спасения... Работы им хватит.

Стокман сделал круглые глаза, прикидывая, какой резонанс в обществе вызовет участие в этом деле стольких служб сразу. Чёрт, я начинал бояться его! Как бы бизнесмен не решил разыграть свою карту. Всё, срочно валить из замка и точка.

Мастерс засунул руки в карманы и, дыша на нас перегаром, резонно спросил, почти не ломая язык:

— А что мы сообщим инспектору? Сомнительно, что он поверит, что тут немного пошалил оборотень, даже если мы все будем свидетельствовать под присягой!

— Вот-вот, а я о чём? — торжествующе завопил Стокман, покровительственно похлопывая старика по плечу. Роберт пошатнулся, но равновесие удержал. — В сказки о потусторонних монстрах не поверит НИКТО! Я бы вообще посоветовал...

Я плюнул и в сердцах рывкнул на засуетившегося бизнесмена:

— Бенджамен, прекращайте страдать фигнёй, вам не удастся, как бы вы не пытались, скрыть факт смертоубийства без малого четырёх человек!

Стокман стусевался и отвалил в сторону, что-то нервно бормоча под нос. Ох, не к добру это всё...

— Скажем, что лорд оказался извращённым, спятившим маньяком-убийцей! В принципе, мы не покривим против правды. Ведь Уэнрайт и есть неуловимый Потрошитель! — предложила Джессика. — Мы только умолчим о его сверхъестественной способности превращаться в чудовище. По-моему, очень подходящая и дельная версия.

— И даже ничего не надо притягивать за уши, — кивая, высказался Колин. — А если мы будем настаивать на истине, то нам припишут массовый психоз на почве нервного срыва и отправят в дурдом.

— Кстати, Алекс, — Трейси сморщила носик. — У меня сложилось такое впечатление, что ты догадался, что Уэнрайт — вервольф ещё до того, как шандарахнул его по кумполу, верно? Иначе с чего бы ты стал ТАК бить человека, чья вина не доказана!

Я поддел ногой согнутую достопримечательную серебряную полосу и задал неожиданный для всех вопрос:

— Девчонки, у кого-нибудь имеется с собой тушь или там помада?

Джесс и Трейси отрицательно покачали головами, Гerti зевнула, мол, рано ей ещё краситься, а Саша, порывшись в задних карманах джинсов, протянула мне маркер.

— На, ума не приложу, как он там оказался...

— ГДЕ именно он оказался? — с ядовито-пошлой улыбочкой поинтересовался Мартин.

— В заднице, придурок, — отрезала Зверева.

Трейси весело хохотнула, а Скотт сконфуженно надулся. Я приклонил колени и размашисто начертил на мраморной плите букву «М».

— Вот, смотрите, что вы видите?

— Так это... — помялся Дон, изображая глубокий мыслительный процесс. — «М» это и есть... А что, мы должны ещё что-то увидеть?

Усмехнувшись, я переступил на другую плиту.

— А теперь посмотрите с этого ракурса.

Ральф и Артур немедля встали рядом со мной и опустили глаза.

— Эй! — невольно выкрикнул МакДжонс. — Да это же... Это же «W». Точно, «W»!

— Фамилия Герберта! — поняла Трейси. — Грейс всё правильно написала, это мы неверно истолковали её послание, её подсказку. Ну конечно! Уэнрайт начинается с буквы «W», всё очень просто!

— Угу, просекли бы мы это раньше, глядишь, и Блейк остался бы в живых, — я приложил ладонь к ноющему боку. — Я догадался, что «М» это на самом деле «W», когда увидел своё перевёрнутое отражение в разбитом зеркале... И сразу вспомнил, что во время наших трапез лорд в основном налегал на фрукты и напитки. Он избегал касаться серебряных столовых приборов... Да и с самого начала мне не давала покоя мысль, ну ЧТО может заставить аристократа путешествовать общественным транспортом? Любовь к простым человеческим отношениям?.. Ну ладно я — я аж когда допёр, что фамилия лорда пишется с «W», я, признаться, по-английски и пишу то с трудом... С произношением у меня отлично, а вот правописание всегда хромало. Но вы, грамотеи учёные, не могли до всего этого сами прийти?

— Точно, — Саша вздёрнула подбородок. — Это мы иностранцы и у нас нет таких дурацких фамилий! Но оборотень всё же говорил на вашем родном языке.

Артур мгновенно встал на дыбы.

— Да я что, вундеркинд, по-твоему? Или Эркюль Пуаро грёбаный? Откуда я мог знать, что... Да и не АНГЛИЧАНИН я! Я шот...

— Хватит, проехали, — оборвала юношу Трейси. — Все мы хороши... Слава Богу, что всё закончилось, и теперь мы можем благополучно свалить отсюда.

Вновь подкатил Стокман и со значением присовокупил:

— И вправду, господа, время не ждёт. Надо выбираться из замка, мне предстоит ещё уладить чёртову уйму дел. Так поспешим же.

Я недоверчиво покосился на него. Темнит, сволочь.

*Разум не в силах понять, сотни осколков ранят сердце,
 Но смысла нет бежать, всё уже решено.
 Себя не сумеешь простить, если забудешь это имя,
 Образ стремишься разбить, но создан он слишком давно...
 Catharsis «Взорви мои сны»
 Кто ты — наказание или милость?
 Кто ты — отречься не спеши...
 Может, за душой моей явилась?
 Только нет души.
 Артерия «Кто ты?»*

С очевидным энтузиазмом, весело подкреплённым желанием как можно быстрее покинуть замок, постояльцы плотно занялись осуществлением моего плана под кодовым названием «Побег из Стиллхолла». Я имел слабость к фильмам Карпентера и особо не церемонился с выбором ярлыка для предстоящей операции.

Мой нехитрый план состоял в следующем: выбраться на стены замка, сбросить вниз надёжные верёвки и, страхуя друг друга, опуститься вниз, в засыпанный мусором и всяческим хламом ров. Что может быть проще?! Ров неглубокий, за столетия его основательно занесло разной хренью, и засыпало обвалившейся землёй, и преодолеть его было плёвым делом. Грязным, конечно, но решаемым без особых проблем.

К слову сказать, никто не выразил чрезмерной радости, сочтя мой план несколько м-м-м... экстремальным. Дескать, альпинисты из них никудышные. Да и рискованно всё выглядит... Я не лез за словом в карман, а посоветовал всем сомневающимся остаться в замке и следовать стопами Да Винчи, изобретая крылья или катапульту. Я другого выхода не видел и в прямом и в переносном смыслах, так что дело хозяйское. Аргументы подействовали.

Но, прежде чем претворять план в жизнь, следовало кое о чём позаботиться. Так, не теряя времени, мы принялись помаленьку хлопотать. Коннор, мобилизовав Рейнолдса, отправился на поиски достаточно прочной и длинной верёвки. Мы с Ральфом аккуратно завернули тело Эдварда в простыню, и, обливаясь потом, отнесли в холодный кухонный подвал. Там же покоились тела Грейс и Хэтфилда... Набожный Бенни, сопровождающий нас, безостановочно шептал молитвы. Мастерс, скрепя сердце, подзавязал с бухлом и на пару с оправившейся от последствий обморока Кристи и примкнувшей к ним Герти занялся рекогносцировкой крепостных стен, выбирая наиболее удобный для спуска участок. Студенты со всей отдачей занимались тем же, рассыпавшись по замковым башням. Надеюсь, никто из этой братии не шмякнется вниз...

Телу Герберта Уэнрайта никаких особых почестей воздано не было. Я взял труп лорда за ноги, выволок в прихожую, бросил вслед голову и захлопнул двери, заложив створки мощным железным засовом. У полиции, несомненно, возникнут вопросы по поводу отрезанной башки Герберта, ну да хрен с ним. Отбредемся.

Про себя, болезного, я тоже не забыл. Выкупавшись до блеска изрядно попорченной кожи, я сам обработал свои раны, две из них заштопал, вколол прививки от столбняка и бешенства и перетянул торс бинтом. Оборотень здорово подрал мне спину, левый бок и

ноги. Ничего серьёзного, но крайне болезненно и неприятно. В искусстве врачевания и оказания первой помощи у меня имелись кое-какие навыки, и руки мои не дрожали. Ну и не последнюю роль сыграла запасливость и предусмотрительность Стокмана. В замковых аптечках имелись практически все необходимые препараты и медикаменты.

Увечьями до поры стоически терпевшей Стюарт я уделил особое внимание. Трейси выбирать не приходилось, и она безропотно позволила отвести себя в мой номер. Приготовив аптечку, я начал сеанс исцеления.

Украшившие правую руку глубокие царапины я промыл, продезинфицировал йодом и бережно перевязал бинтом. Трейси шипела индийской коброй, подпрыгивая, как будто стояла босиком на горящих углях.

— Куртку-то как жалко, — сокрушалась девочка. — Рукав придётся полностью отрезать... Вот дерьмо-то, а, Алекс?

— Ага, м-м... — неопределённо промычал я, доставая из аптечки два шприца. — Задирай майку, будем тебе пузо прокалывать.

— Без этой процедуры нельзя обойтись? — жалобно проскулила Трейси.

— Не бойся. Мне приходилось делать уколы, и никто от этого не умер... А прививка тебе нужна обязательно. Чёрт его знает, что за грязь и бактерии скопились у покойного вервольфа под когтями!

— Ну, если этого не избежать...

Трейси покорно взялась за нижний край чёрной майки и потянула вверх, обнажая плоский, эластичный живот с золотым колечком в пупке. Я лёгким движением протёр смоченной в спирте ватой кожу и осторожно ввёл иглу в живот девушки. Стюарт вонзила покрытые чёрным лаком обломанные ногти в ладони: операция была вовсе не приятной, но не издала ни звука.

— А... Ты не забыл выдавить из шприца воздух? Мне бы не хотелось, чтобы у меня забурлила кровь. Я, конечно, девочка горячая, но не до такой же степени!

— Не переживай, — я похлопал Трейси по животу. — Твоему прекрасному пузику ничего не грозит. Опускай майку. Только учти, что как только доберёмся до цивилизации, уколы придётся повторить. Одним не отделаешься. Скажи спасибо, что современные препараты далеко шагнули, раньше тебе бы уколов сорок пришлось всмалить...

Оправившись, Трейси неожиданно кокетливо поинтересовалась:

— Ты и вправду считаешь, что у меня красивый живот?

— Что? А, да. Да, конечно.

Недоумённо скорчив рожу, я взялся за второй шприц и... начал запинаться:

— Э-э... Трейси. Ум-м... Тут такое дело, что... Ну, в общем, тебе надо вкатить ещё одну инъекцию.

— Ладно, истязай меня по полной программе, — смилостивилась юная металлистка. — Уколом больше, уколом меньше...

— Так-то оно так, но... на сей раз должно пострадать твоё мягкое место. Вот.

Трейси подозрительно сощурилась.

— КАКОЕ место? Это куда ещё, в задницу что ли?..

Я, покраснев как застуканный за просмотром порнофильмов подросток, сбивчиво залепетал:

— Пойми, это необходимо... Ты же не хочешь подхватить столбняк или чего похлеще?

— Не хочу.

— Значит, снимай штаны, крошка.

— Хорошо... Но не вздумай распускать руки, развратник. Я тебя знаю, тебе только дай волю полапать голых девчонок...

Я хотел было оскорбиться, но невольно расплылся в щенячьей улыбке. Что поделаешь, в этом вся Трейси.

В гробовом молчании Стюарт расстегнула ремень, пуговицы, молнию... И чёрные кожаные брюки соскользнули к девичьим коленкам.

— Мне снимать трусики? — игриво прощбетала Трейси, повизгивая от распирающих её смешинок. Вот зараза, а!

— Не надо!!!

Шприц в моих стальных пальцах нервно завибрировал. И было от чего! Разумеется, на девочке были надеты трусики, но... Наверняка на конкурсе самого миниатюрного нижнего белья они бы с существенным отрывом заняли первое место! Настолько микроскопических и узеньких «стрингов» вызывающе красного цвета я ещё не видел. Я с трудом проглотил комок в горле.

— Эй, ты там не заснул? — подтрунивала Трейси. В её зелёных глазницах заплясали озорные бесенята. Мне стало нехорошо... — Может, мне нагнуться, чтобы тебе удобнее было?

Хвала небесам, что нас никто не слышит! Я покрылся испариной и постарался взять себя в руки. Нежно протерев ватой розовую ягодицу девушки, я брызнул из шприца струёй и, стараясь не дышать, вонзил иглу в покрывшуюся мурашками попку.

— Ой!

— Всё — всё — всё! — затарахтел я и, поднявшись на ноги, торопливо отвернулся, упёршись вспотевшими ладонями в спинку кресла. — Одевайся, пожалуйста,

— Ты хочешь меня трахнуть?

У меня едва не подкосились ноги! Мне показалось, что я ослышался. С выражением крайнего изумления на небритой морде я осмелился оглянуться. Трейси и не думала одеваться. Наоборот, мягко поведя бёдрами, она выскользнула из упавших на ковёр штанов, разулась и пристально посмотрела на меня.

— Это... Видимо на старости лет у меня со слухом совсем плохо стало, — насилу выдавил я. — Будь добра, повтори, что ты сказала?

— Ну, ты хочешь меня? Со слухом у тебя всё в порядке, тебе не слышалось. Не увиливай.

Я, не выдержав, упал в кресло, и с некоторым ужасом вытаращился на Трейси, умопомрачительно смотревшую в одних майке и трусиках. Ножки, ровные и стройные, приковывали к себе взгляд.

— Постой, постой, милая, не спеши. Ты чего такое вообще несёшь-то, а? С чего бы это Я собирался тебя насиловать?!

— А кто говорит о насилии? — удивилась Стюарт. — Я просто предлагаю тебе заняться со мной сексом. Ни о каком насилии речи и не идёт.

— О.

— Вижу, ты никак не можешь поверить подвалившему тебе счастью!

— И не говори. Но... Но я же мужик, чёрт возьми! — мне, наивному, показалось, что я нашёл выход из положения.

— Да уж не баба, конечно, — хихикнула Трейси. — А-а-а... Понятно. Намекаешь на

мою нетрадиционную сексуальную ориентацию, окрашенную в розовый цвет. И сейчас спрашиваешь себя, как это ты разрешил мне спать с Герти в одной постели. Я угадала?

— Ну-у... — я вжался в кресло. — Слушай, Трейси, мне абсолютно наплевать, какой ты там ориентации: нормальной, би, лесбийской, мазохистской... Понимаешь, мне всё равно! Ты по любому останешься моим другом, поскольку в духовном плане я вижу тебя насквозь. И то, что я вижу, мне очень нравится. Ты чистая, честная, отважная, умная, чуткая и добрая девушка. Так какая мне разница, кого ты предпочитаешь любить — девочек или мальчиков?

Трейси слегка запунцовела и лукаво улыбнулась.

— Представляю, что обо мне говорят другие. Мол, такая-сякая, нелюдимая, грубая, девчонок шупает, на парней не смотрит, слушает какой-то бред... Лесбиянка там... Что ж, Алекс, от тебя я ничего не хочу скрывать, и не буду. Саша с Джессикой говорили тебе правду. Я не перевариваю мальчиков, и, за редким исключением, отношусь к мужчинам пренебрежительно и презрительно. Такая я вот стерва.

— Тогда зачем ты предлагаешь мне... хм... того?

— Я же уже говорила, что ты попадаешь в категорию счастливых мужского рода, к которым я не питаю негативных эмоций, — улыбнулась Трейси. — Ты мне сильно нравишься, Алекс... Честно. Ещё в автобусе я поняла, что ты отличаешься от других, что ты не такой, как все. Не ТАКОЙ! И ради тебя я согласна на всё...

Я зачихнул в рот кулак, затравленным зверем глядя на неё.

— Или я всё же настолько противна, что внушаю тебе отвращение?

— Нет, что ты! Ты мне вовсе не противна, но...

— Вот видишь?! — обрадовалась Стюарт. — Мы друг другу вполне нравимся, так почему бы нам не заняться КОЕ-ЧЕМ?

— Да я гораздо старше тебя! — я искал все выходы к достойному отступлению. Мне до боли в сердце не хотелось её обижать...

— Не ври, — пожурила меня Трейси. — Ты старше меня всего лет на десять. Мне уже исполнилось шестнадцать. Ты то и сам, в принципе, сопляк ещё. Да и тело у меня отнюдь не детское, согласись. Грудь... маловата, не спорю. Но зато всё остальное на месте.

— И я не спорю.

Голос Трейси упал до грудного проникновенного шёпота. Она стала медленно приближаться ко мне.

— Через несколько часов мы покинем замок и разъедемся в разные стороны. И больше никогда не увидим друг друга, больше никогда не встретимся... А я... я так ХОЧУ получить от ЭТОГО удовольствие и наслаждение... Я хочу узнать, каково это — заниматься сексом с женщиной без боли и страданий, без страха и отвращения. Я хочу заняться с тобой ЛЮБОВЬЮ. Я хочу, чтобы ты показал мне, как это может быть приятно. Пока мы ещё вместе... Я прошу тебя, Алекс, возьми меня. Ну пожалуйста.

В изумрудных глазах юной студентки заблестели озерца слёз. Поражённый, я подавленно молчал. Сердце моё разрывалось от тоски и боли, пронизывающих каждое сказанное девочкой слово. А душа моя стонала от захлестнувших меня воспоминаний... Прошлое возвращалось.

— Возможно, в своей жизни я не встречу более никого, подобного тебе, и я желаю, чтобы ты запомнил меня не только, как друга, но и как женщину. А я более чем уверена, что не забуду тебя, как мужчину...

Трейси положила руки на мои обнажённые плечи и села на меня верхом. Я со скрипом

стиснул подлокотники кресла. Пухлые губы горячо зашептали мне на ухо:

— Не бойся, милый. Я уже давно не девственница и ты не причинишь мне большую боль, чем ту, что я испытала два года назад... Ш-ш... Не спрашивай ни о чем, пожалуйста. Просто возьми меня, прошу.

Она жадно приникла влажными губами к моему рту, обвив руками за окаменевшую шею. Язык девочки настырно проник в мой рот, не встречая сопротивления и... Я взял её за запястья и мягко, но твёрдо оторвал от себя. Трейси с искренним недоумением смотрела на меня, её набухшие соски острыми кончиками проступали сквозь тонкую майку. Огромные глаза заполнялись обидой и гневом.

— Прости, лапочка, но я не могу, — чуть слышно прошептал я, выдержав горящий взгляд Трейси. — Прости.

И тут началось. В смысле, я хотел сказать НАЧАЛОСЬ!

— Ты что — «голубой»?

— Нет.

— Импотент?

Как же меня распирало ответить утвердительно!

— Нет. Если бы я снял штаны, ты бы воочию в этом убедилась.

Трейси прыгнула с моих колен и, закусив губу, убежала на середину комнаты. Я встал и на неверных ногах доковылял до окна. Шторы были раздвинуты, пропуская внутрь тусклый, робкий дневной свет. Я уткнулся мокрым лбом в холодное стекло. Снаружи был... туман. Я вздрогнул. Мне показалось, что туман внимательно разглядывает меня. В его клубящихся внутренностях, застилающих весь обзор, как будто просыпалась некая противоестественная жизнь... У меня моментом свело живот от нарастающего панического, мерзкого на вкус, страха.

— Так... в чём дело, Алекс?

Я повернулся к Трейси. В узеньких красных трусиках, чёрной майчонке, стройная, аккуратная девушка вызывала у меня смешанные противоречивые чувства. Короткие чёрные волосы стояли торчком, кулаки воинственно сжаты, в потрясающих по глубине глазах (совсем как, у НЕЁ, только цвет другой...) бурлили бьющиеся в экстазе эмоции. Стюарт не собиралась сдаваться.

— Как её зовут?

Признаюсь, Трейси удалось прижать меня к стене! Я попытался угрюмо сдвинуть брови:

— О ком это ты?

— О той стерве, которую ты, дурак, до сих пор любишь! — с неожиданной ненавистью выкрикнула Трейси. — Я тебя спрашиваю, как звать эту суку?!

— Не смей ТАК о ней говорить!!! — сам не знаю как, но я взорвался... — Ты не имеешь никакого права судить её! Ясно тебе?!

Трейси, не сробев, повысила тон, добивая меня.

— Я не имею права? Это я не имею права?! А эта дрянь, эта сука имела право довести тебя до твоего нынешнего состояния? Что отводишь глаза? Не нравится! Так я тебе ещё больше скажу... Об этой мерзкой шлюхе!..

— Заткнись! Не говори так о ней! — срывая голос, заорал я, дёрнувшись в сторону Трейси. Безумная ярость застлала мой мозг, я с трудом видел вокруг себя. — Она лучше всех! Была и есть, и останется такой навсегда! Она лучшее, что было в моей никчёмной

жизни! И не вздумай больше поливать её грязью, маленькая сучка, иначе я...

— Иначе что — ударишь меня? — ласково прошептала Трейси, запрокидывая мордашку, чтобы затопившие глаза слёзы не хлынули по щекам. Но я не замечал её слёз. В моих глазах плескались собственные...

И этот шёпот, лишённый жалости и страха, полный ласки и чего-то ещё, во что я отказывался более верить, вернул мне способность здраво рассуждать. Господи, да что же это... Ведь я действительно едва не сорвался и был готов ударить Трейси. Я медленно сполз по стене на пол и спрятал лицо в ладонях.

— Я отлично помню, что сказала Элис Блэр во время нашей с ней встречи в Гринсвуде, — словно издалека донёсся до меня грудной голосок Трейси. — Она предостерегла тебя... Сказала, что ты можешь престать быть собой. Что с тобой может случиться что-то плохое. И ещё она сказала, что я могу помочь тебе не потерять себя. Можешь смеяться, но эти слова намертво запали мне в душу. А теперь я железно в них уверена! И я не позволю тебе загубить свою жизнь, не позволю, Алекс... Ты слышишь меня? Я стану твоим персональным ангелом-хранителем.

Я не решался поднять голову. Ангел... Был уже один такой. Я, шморгая носом, пробубнил:

— Я сомневаюсь, что ты способна помочь мне... Если уж время оказалось бессильно.

По комнате прошелестели лёгкие девичьи шаги, и Трейси опустилась на пол рядом со мной. Девочка прикоснулась рукой к моим волосам и тихо спросила:

— Ты сильно любил её?

— Да, — я плотно сжал веки. — Я... безумно любил её. Я до сих пор её люблю. И боюсь, что буду любить вечно. Время не всегда лечит, Трейси. Это как проклятие... Как... как же мне п-плохо...

— Не стесняйся, дурачок, поплачь... Любое проклятие можно развеять.

Не буду от вас скрывать, что я тогда сделал... Я взял и самым банальным образом разрыдался. Я уронил голову на колени Трейси, обхватив её за талию, и плакал... Плакал так, как никогда в жизни. Горькие жгучие слёзы неудержимым каскадом изливались из меня, грудную клетку распирала надрывные всхлипы. Мужской плач зрелище не для слабонервных. Трейси прижала меня к себе, прильнув щекой к моей обнажённой спине...

Зачем я всё это рассказываю? Не знаю, ребята... Раз уж я изначально решил ничего от вас не утаивать, то и дальше буду придерживаться этой линии. Рассказываю потому, что это очень важно для меня. Так всё и было. Я ревел, а Трейси успокаивающе шептала какую-то белиберду, то и дело роняя на мою спину чистые хрустальные слёзы.

— Расскажи мне, пожалуйста, о себе, — горячее дыхание Трейси обжигало мне кожу. — Поделись своей болью со мной. Не держи всё внутри.

— Хорошо, — прогудел я, сглатывая слёзы. Как ни странно, но мне уже полегчало. — Слушай, Трейси... Она... Она была всем для меня. Жизнью, светом, тьмой, смыслом и безумием, печалью и радостью. Она была первой и последней, кого я ЛЮБИЛ по-настоящему. Любил, не путая это чувство с увлечённостью, пошлой похотью, привыканием, дружбой... Хотя с дружбы-то всё и началось! Я знал её давно, с детства, хорошо знал её родителей. Я был очень дружен с ними. К ней я относился как к младшей сестрёнке, которую стремился оберегать и защищать. Я был своим в их доме... Пока... Пока она не подросла.

— Превратилась из гадкого утёнка в прекрасного лебедя и ты, конечно, не устоял перед

её чарами, — прошептала Стюарт, едва ли не касаясь губами моей покрывшейся мурашками спины.

— Примерно так всё и произошло. Сначала я и сам не понимал, что со мной. Меня невидимым магнитом тянуло к ней. Я не мог и дня прожить, чтобы не увидеть её. Я постоянно думал о ней. Она отравленной иглой засела в моём сердце. А я, идиот, не сообразил сразу, пока рана не зажила, вытащить эту иглу... А потом было поздно! Я втрескался в неё по уши! Моя любовь сжигала меня, терзала, иссушала. Я стал жить не своей жизнью. Я пожертвовал многим: и всё ради неё. Я оказывал ей всяческие знаки внимания всегда разговаривал с ней на равных. Окружил её заботой, пониманием, никогда и не в чём ей не отказывая... Я любил её.

— Ты признался ей?

— Понимаешь, она была умной девочкой и, разумеется, догадывалась, что я для неё больше, чем просто друг и намекала, что так же испытывает ко мне не просто родственные чувства... Да, бывало, мы ссорились, не без этого. Но всегда, даже когда не права была она, я брал всю вину на себя. Я и в мыслях не мог допустить плохих слов в её адрес. Она была для меня всем. Надеждой и... талисманом. Однажды так получилось, что я был вынужден сказать ей, как я её люблю... И это был счастливейший день в моей жизни! Она ответила взаимностью. Она сказала, что тоже любит меня...

Я умолк, вновь смежив веки. Трейси мудро молчала, не подгоняя меня. Я набрался сил и продолжил:

— Тогда я ещё не знал, что это было началом конца. Но какое-то время я был счастлив. Счастлив, что я люблю, и меня любят... Она говорила, что я её Ромео, а она — Джульетта. Она не лгала мне, она действительно так думала. Она верила в свои чувства. А я верил в НЕЁ... Но боялся.

— Чего?

— Знаешь, что было самым трудным и тяжёлым?

— Не — а...

— Постоянно, ото всех, скрывать свою любовь к ней. Прятать свои чувства. Я ни с кем не мог поделиться своими переживаниями. Некоторые мои друзья догадывались, но они считали, что я просто увлечён симпатичной девчонкой, и моя дурь скоро сойдёт на нет... Но никто не знал, ЧТО кипит у меня на душе. Мне было тяжело, я постоянно жил с этой ношей...

— Но почему вы скрывали свою любовь? Чего вы боялись?

Я сглотнул.

— Понимаешь, Трейси. Это я видел в ней самую чудесную, милую, красивую, замечательную, лучшую девочку в мире, за которую можно умереть, к ногам которой я положил свою жизнь... Но что увидели бы другие? Как бы они отнеслись к нашей ситуации?.. Я был на несколько лет старше неё, Трейси. Я боялся. Боялся, что кто-нибудь узнает. За кого бы меня приняли, за маньяка? Кто поверил бы в мою любовь? Но более всего я боялся, что ЕЁ любовь иссякнет. Что она разлюбит меня. Что она пугает любовь с увлечением мною. Запретный плод сладок... Девчонок тянет к взрослым парням. Всё это невидимым саваном стало довлеть над нами. Мы стали часто ссориться. Я понимал, что не смогу дать ей всего, что она захочет. По сути, мы были совершенно разными, но противоположности обычно притягиваются. Я надеялся, что моей любви, в крайнем случае, хватит на двоих. Не хватило.

Я как зверь чуял беду, я был постоянно на нервах, я понимал, что наша сказка заканчивается. А как хотелось, чтобы она продолжалась вечно. Кто знает, возможно, это я подталкивал нас к пропасти своими постоянными придирками и ревнивыми выходками. Я искал оправдание во ввергающей меня в пучину сумасшествия любви. Или же мы чувствовали себя, после обоюдного признания, в чём-то обязанными друг перед дружкой? Это тяготело над нами обоими...

Наша любовь постепенно начала превращаться в агонию. Пока... Я хорошо запомнил тот день. Худший в моей жизни! Пока она не сообщила мне по телефону, что ошибалась, что любит меня, как друга. И короткое «прости». Сказать, что я был в шоке, значит, ничего не сказать. Свершилось то, чего я боялся больше всего в жизни. Она не любит меня... Я чуть не сошёл с ума от горя. Я всерьёз подумывал о самоубийстве. Все мои слова, способные растопить каменное сердце мраморной статуи, отскакивали от неё как горох от стенки. В один миг она превратилась в чужого, не знакомого мне человека. Который знать меня не хотел. Как будто её подменили.

Я не буду заострять внимание на том, что творилось в последующий месяц. Зачем рассказывать о том, что она говорила мне, словно вбивая каждой фразой гвоздь в моё сердце, и что говорил я, в тщетной попытке всё вернуть? Один хрен ничего не вышло... Я не жил, а существовал.

— И что, ты простил её? Я бы не смогла... Она растоптала тебя. Трудно начать жизнь заново, когда был уверен, что твоя судьба уже переопределена.

— Конечно, простил. Она была для меня всем. Я ставил её счастье выше своего. И если она будет счастлива без меня, значит, так тому и быть. Я дал себе слово, что сделаю ВСЁ для её блага. В том числе и принесу в жертву себя. И я отступил. Одному Богу известно, чего мне это стоило, но я отступил! Мы остались вроде как друзьями, иногда мне казалось, что... Ну, что её любовь ещё вспыхнет, оживёт... Я запер своё сердце у себя в груди, а ключик спрятал у неё в комнате, сказав, что я всегда буду её ждать и, если она захочет, то найдёт ключ и вновь завладеет моим сердцем...

— А она? — слёзы Трейси уже бежали не преставая.

— Она смеялась... Она говорила, что я сошёл с ума. Да я и не отрицал. Я понимал, что скатываюсь в бездну. Я отдал ей всего себя без остатка, всю любовь, что накопил за годы, не оставив себе ни — че — го. Я не знал, что делать, как жить дальше. Учёба в институте потеряла для меня всякий смысл... Жизнь потеряла смысл. Я пошёл в армию. Отслужил. Потом подписал контракт на пять лет и в течение всего этого времени пытался забыться. Я воевал, и я убивал, чтобы не убили меня. Трейси, я выбросил на ветер несколько лет жизни, я не умею ничего, кроме как убивать... Я думал, что это достаточный срок. Но я не забыл её... Продолжать служить я больше не мог. Тебе не представить столько крови и ужаса, сколько выдержал я. Я не стал продлевать контракт и уволился.

— Ты служил в спецвойсках?

— Что-то вроде того. Но окромя денег и боевых навыков я ничего не вынес оттуда. Теперь я жалею о своём скоропалительном решении. Но утерянного не вернуть, как не вернуть и оставленных за бортом лет. Я не видел её с тех самых пор. Я не держу на неё зла, потому что ей можно простить всё, а мне — нет. Я сам принёс ей немало слёз и переживаний... надеюсь, она счастлива без меня. Хотя никто не сможет подарить её и половину той любви, на которую был способен я. Теперь мне двадцать шесть лет, я совсем один и ничего в жизни не добился. Я — волк одиночка.

— Ты дурак, Алекс, — Трейси взяла моё лицо в ладонки и, давясь слезами, посмотрела на меня. — Такой здоровый и дурак... Тебе ВСЕГО двадцать шесть, и вся жизнь у тебя впереди. Я не знаю человека лучше тебя. И я хочу быть частицей твоей жизни. Пожалуйста, позволь мне.

Я провёл кончиками пальцев по её зарёванной мордашке. Как же я хотел ей сказать... Но не мог. Не имел права.

— Я похожа на... неё? — Трейси поджала губы. — Поэтому ты не захотел меня?

— Да, — я опустил взор. — У вас есть что-то неуловимо общее, хотя вы и абсолютно разные... У тебя такие же глаза, только зелёные, а не карие. Ты худее, но в целом фигура похожа. У вас схожая мимика лица. Когда ты морщишь свой носик, это так напоминает о ней... Рост... Она маленькая, как и ты. В остальном ты другая. Волосы, губы, характер...

— Ты знаешь, — улыбнулась сквозь слёзы Трейси. — Давай поднимемся с пола, а? А то у меня вся попа заледенела!

Я невольно ухмыльнулся и легко вздёрнул девушку на ноги. Мы стояли, глядя друг другу в глаза и... не знали, что сказать. Она смущённо держала меня за руку, маленькие пальчики были совсем холодными.

— Глупая. Так и заболеть недолго. Одевайся. Нам надо уходить из замка.

Сверкая голыми ягодицами, Трейси подобрала штаны. Я застегнул заплочную кобуру с пистолетами и накинул джинсовую куртку. Натянув кожаные штаны, Стюарт всунула ноги в «казаки» и притопнула каблуками.

— Надеюсь, что хоть немного, но я облегчила твою ношу. Не бойся, не смотри, что я мелкая, я могу выдержать и больше.

— Милая, я не смею больше взваливать на тебя. Ты маленькое чудо. Не вру, мне и впрямь полегчало. Даже дышать стало как-то попроще... — я подошёл к ней и обнял. — Спасибо, Трейси.

— Я никому не расскажу... Это будет нашим общим секретом, — пообещала девочка, уткнувшись носиком в моё плечо. — Спасибо тебе. Ты первый разглядел во мне человека, способного понять и... любить. Я не бездушный манекен.

— Я знаю это...

— Эти старые зажившие шрамы у тебя на спине и на плече... От чего они?

— Огнестрельное и осколочное ранения, — я приложил к губам девочки палец. — Я не хочу вспоминать об этом. Хорошо?

— Хорошо... Обещай мне, что... Что мы и дальше будем дружить. У нас разные дороги, но мне бы не хотелось терять с тобой связь в будущем.

Я не ответил. Я не знал, есть ли у меня будущее.

*Эй, кто спасёт наши души,
Кто выручит нас?
Мы кодекса не нарушим,
Мы помним приказ!
Эй, кто спасёт наши души
От гнева небес?
Эй, кто-нибудь там на суше,
S.O.S!
Харизма «S.O.S.»*

Когда мы вернулись в холл, оказалось, что только нас и не хватало для полной компании. Все остальные были уже в сборе. Коннор протянул мне бухту прочной пеньковой верёвки. Я прикинул, что в мотке не менее двадцати метров, то есть более чем достаточно. Мастерс и команда тинэйджеров браво отрапортовали, что для спуска наиболее удобен участок, расположенный меж двух надвратных башен. То есть мы должны были уйти чуть ли не по парадному!

Не мешкая более, мы вышли во внутренний двор и по каменной лестнице поднялись на стену. Я посмотрел на часы: три пополудни. До темноты успеем. Трейси ухватила меня за рукав куртки.

— Эй, ты ничего странного не замечаешь?

Я сосредоточился на великолепной панораме близлежащих окрестностей, открывающихся со стен замка и... чертыхнулся. Никаких живописных пейзажей и в помине не было. Ни далёких окраин Гринсвуда, ни соседствующего со Стиллхоллом лесного массива, ни дороги, даже гаража со сторожкой не было! Ну, я немного неправильно выразился. Конечно, никуда все вышеперечисленные мной объекты не исчезли. Просто мы их НЕ видели. Огромный замок окружила плотная стена тумана, угрожающе замерев со всех сторон на границе рва. Туман был повсюду. Небо превратилось в белесо-свинцовое полотно без единой прорехи. Мир стал пасмурным и призрачно-зыбким.

Я охренел. Хотелось выразиться покрепче, но я не люблю матерно ругаться и никому не советую. Туман был как... живой. Он словно неподкупным стражем, бездушным куполом накрыл замок и нас заодно. Как будто не хотел выпускать. Не хотел выпускать... Я похолодел. И вовсе не от предвечерней прохлады. И ещё была тишина. Глухая и непроницаемая. Туман глушил все звуки и надёжно отрезал нас от внешнего мира. Он стал недоступен для нас, одновременно близким и таким далёким. А в каком же остались мы? Совсем некстати вспомнился Стивен Кинг, что уж точно не приподняло мне настроения.

У моих сотоварищей вытянулись лица и округлились глаза. Что и говорить, после всех злоключений любой из нас может смело идти в мимы. Каких только рож мы не корчили в последнее время, переполняемые самыми разными чувствами... Но всё больше страхом и изумлением. И вот опять то же самое... Панический ужас множился на нарастающее недоумение.

— Хм, а чем это так воняет? — Кристи приложила к носу надушенный платочек. — Такой запах, словно протухла целая корзина яиц...

— Признавайтесь, кто испортил воздух? — потребовала Трейси и заработала сочащийся

отвращением взгляд Артура.

— Джентльмены, леди, мисс Нотенберг совершенно права, — принялся Бенни. — Странно. Я готов поклясться, что ещё несколько минут назад этого запаха не ощущалось.

— И, по-моему, запах усиливается, — поморщился Мастерс. Ему-то чего жаловаться? От его дыхания сера воспламеняется.

Я глубоко втянул ноздрями воздух. Отчётливо пахло чем-то приторно-сладким, примешивался аромат мускуса и... моря?! Должно быть, я совсем нюх потерял. Я подмигнул Ральфу. У опытного охотника на лице было написано растерянное удивление. Немец так же терялся в догадках по поводу происхождения настолько СТРАННОГО запаха.

— Эй, быстро посмотрите в ров! Что это за туман, вашу мать?! — подскочил на месте Дон, лениво до этого поглядывающий в низко нависающее небо, облокотившись о парапет стены, а за тем опустивший глаза.

— Откуда там взяться туману? — нахмурился Бенни. — Ты что мелешь, недоумок?

Я подошёл к самому краю стены и, высунувшись между двумя каменными, иссечёнными ветром и временем зубцами, посмотрел вниз. И... с трудом сдержал рвущиеся с губ ругательства.

— Думаю, лучше вам самим увидеть ЭТО...

Люди дружно навалились на парапет, пугливо вытягивая шеи.

— Что это? — Джессика явно не рассчитывала на ответ. Потому что ответить всё равно никто из нас не мог. Происходило нечто невероятное, граничащее со сверхъестественным. Таинственное и завораживающее зрелище, внушающее запредельный страх...

Дна неглубокого рва уже не было видно. Насколько хватало глаз, его заполнил плотной, дымчато-белесой, клубящейся субстанцией туман. Он поднимался вверх... Он жадно облизывал отвесные, изрезанные шрамами древности замковые стены. Неприятный запах всё острее чувствовался и усиливался. Туман, будто бы живой, выпускал из общей призрачной массы бестелесные щупальца, исследующие стены замка по всему пути продвижения восходящего тумана. Я сразу вспомнил, как Элис Блэр выделявала с туманом похожие фокусы, только меньшего масштаба.

— Там зло, — Герти, чьего роста едва хватало, чтобы лицезреть выкрутасы свихнувшегося тумана, мёртвой хваткой вцепилась в мою ногу. Глазёнки девочки расширились от ужаса. — Алекс, пойдём отсюда быстрее, умоляю! Нам нельзя стоять на стене! И даже не вздумай лезть вниз по верёвке, слышишь?

— Но это же всего-навсего... — я замялся. Как объяснить необъяснимое? — Всего-навсего туман...

— Это не простой туман. Это зло. Он пахнет смертью. Неужели вы не чувствуете? — тихий голосок Герти гремел оглушающим набатом и бил по ушам. — Если мы сию секунду не уберёмся со стены, мы все погибнем.

— Серьёзное заявление, — почесал в затылке Колин. — Откуда такие познания, малышка?

— Да что вы её слушаете? — вякнул Стокман. — Заткните этой дурёхе малолетней глотку и давайте начинать спуск!

— Сам заткнись, — проворчал Шнитке. Немец привычным движением потянулся за винтовкой.

Не обращая внимания на нашу перепалку, туман продолжал неумолимо подниматься со дна рва, как будто ров был не засыпанной мусором ямой, а глубокой бездонной пропастью.

Ещё три — четыре метра, и первые призрачные языки-разведчики перемахнут через край зубчатого парапета.

Запах уже мощным одуряющим духом бил в нос, становилось тяжело и противно дышать.

— Чёрт возьми, — на глазах у Стокмана выступили слёзы. — Что же ТАМ издохло такое здоровое? Неужели в ров незаметно свалился заблудившийся слон и начал тут же разлагаться?

Герти упрямо тянула меня за руку.

— Пойдём же, ну!.. Ну, пожалуйста, не стойте тут! Это плохо закончится!

— Да закройте вы ей рот, — Бенни нервно ослабил узел галстука. — Хватит каркать, истеричка, и без твоих пророчеств тошно!

Бизнесмен находился на достаточно безопасном для здоровья расстоянии от меня и храбро выпячивал узкую грудь.

— Не смейте кричать на неё, — вступилась за Герти Саша. — Как вам не стыдно! Алекс, ну скажи ему...

Я, с трудом оторвавшись от гипнотизирующей картины вздымающегося тумана, обжёг Стокмана холодными серыми глазами.

— Бенни, друг мой, я дважды повторять не буду. Устал я, понимаешь? Так что буду краток. Ещё раз хоть слово хрюкнешь — отправишься вниз. Без верёвки и страховки, понял?

Стокман подавился невысказанной тирадой и поспешно умолк.

— Друзья, — несколько неуверенно начал Мастерс. — Может, стоит послушать нашу очаровательную малютку и вернуться внутрь? Мы уже имели наглядную возможность убедиться, что всякое бывает... Так чем чёрт не шутит, вдруг и этот туман окажется совсем не туманом, а каким-то ядовитым испарением? И уж начинать эвакуацию из замка точно не следует, мало ли что!

Я и сам уже решил, что немного повременим, совать голову в очередную зубастую петлю у меня не было никакого желания.

Туман приближался, покрывая каждый квадратный сантиметр стены, словно на дне рва гремел незримый и неслышимый огромный водопад, из брызг и испарений которого и образовался этот гигантский облачно-сизый ковёр. Все подавленно молчали. Свобода была так близка, но путь к спасению из захлопнувшейся ловушки опять преграждало НЕЧТО. Определённо злой рок преследовал постояльцев Стиллхолла. Жуть какая-то...

— Алекс, ну пожалуйста... — скулила Герти, щёки девочки промокли от бегущих из перепуганных глаз слёз. — Давай уйдём, пока не поздно...

Пристально посмотрев на маленькую девчушку, я кивнул и...

Это произошло. Туман достиг верха могучих стен замка, сливаясь с внешним, окружившим Стиллхолл непроницаемым кольцом, и окутывая нас сплошным белесо-клубящимся кругом.

А потом из тумана появилась сама смерть. Смерть в невероятном, фантастическом, уродливом и кошмарном облики. Как если бы разверзлись врата в преисподнюю... Над башнями Стиллхолла воспарил многоголосый человеческий крик, исполненный первобытного страха и вгрызающегося в души ужаса.

Из сокрытой туманом пустоты метнулась добрая дюжина чудовищных щупалец болотисто-зелёного цвета. Достигая в длину десяти метров (по крайней мере, видимая часть)

и толщиной до полуметра в диаметре, щупальца были покрыты жёсткой, складчатой кожей. Извиваясь подобно выводу взбешённых кобр, гигантские отростки неведомого монстра (осьминога? кальмара? чего?!) устремились к застывшим в ступоре людям. По всей длине щупальца были усеяны бледно-розовыми присосками. Присоски непрерывно сокращались, напоминая изголодавшиеся, охочие до свежей крови пасти: розовые провалы присосок оцетинились острейшими зубами-иголками, способными перепилить наковальню.

Непонятно каким образом — глаз то в наличии у отростков не имелось, щупальца выборочно набросились на окаменевших постояльцев, словно знали, где кто стоит... Ориентировались по запаху, движениям?.. Опять же возникает вопрос — как?

Быстрее всех пришёл в себя я, богатый опыт прошлого и на сей раз не подвёл. Как только щупальца-змеи, с шипением рассекая воздух, накинулись на нас, я истошно заорал:

— Назад!! Все назад, живо! Прочь со стены!!!

Тут же схватил за руку Гerti, Джессику за плечо и, что есть силы швырнул девчонок через всю широченную стену к лестничному спуску... Развернулся и размашистым пинком отправил туда же Мартина. Юноша с воплем просунулся несколько метров и кулем рухнул на копошащихся на каменных ступенях девчонок. Жёстко, не отрицаю, но времени на светские расшаркивания у нас не осталось! Я и так достаточно протормозил...

Шустро соображать умел не я один. Издавая крики придавленной грузовиком вороны, Стокман ломанул так, что Флэш от чёрной зависти удавился бы на месте! Кристи и очнувшиеся от шока студенты не отставали от Бенни ни на шаг.

Уподобившись карающим дланям одного из чудовищных богов Хаоса, щупальца упали на замешкавшихся людей, хватая первые жертвы. Престарелый дворецкий уже не мог соперничать в подвижности с молодёжью, и грязно-зелёное щупальце обвило старика поперёк туловища, играючи подняв на пару метров. Коннор протяжно закричал... Я, моментом сориентировавшись, вскинул пистолеты и открыл шквальный огонь, стараясь не задеть дворецкого. Половина пуль промчалась мимо и поразила разве что туман, не зацепив монструозной плоти. Остальная половина яростно впилась в толстенное щупальце. По мышцам отростка прошли хаотичные судороги, во все стороны брызнула вонючая зелёная кровь, и щупальце торопливо разжалось.

Коннор тяжело упал оземь, едва не свернув шею, а щупальце, беспорядочно извиваясь, скрылось в туманной завесе. Ага, значит, для вас и обычные патроны подходят! Не утративший присутствия духа Дон Рейнолдс подхватил потерявшего сознание старика под мышки и, стиснув зубы, потащил к лестнице. Я прикрывал отступление, расстреливая наиболее наглые и храбрые щупальца, норовившие захватить ускользающую добычу. По моим вискам струился пот, в голове галопом металась сбрендившие от изумления и бесчисленных вопросов мысли. Но я предпочитал стрелять, чем напрасно ломать голову над очередным проявлением сверхъестественных сил. Если существуют оборотни, чокнутые провидицы, то почему бы не существовать и такой нелепости, как разумные гигантские клыкастые щупальца?.. Лавкрафту понравился бы этот Дагон-младший.

Мастерс вовремя пригнулся от пролетевшего над головой увесистого отростка добрых двенадцати метров длиной и кинулся наутёк, обогнав Рейнолдса, волочащего по каменным плитам порядком ободранного мажордома.

Дважды громыхнул «Экспресс». Крупнокалиберные пули вдрызг разнесли парочку особенно мерзких и вонючих щупалец. Я был готов присягнуть, что изо рва донеслось приглушенное шипение боли. Что же за тварь там засела, каких она должна быть размеров?!

Мы с Ральфом спиной к спине отступали к лестнице, пятясь к краю стены, изредка отпугивая жалящими выстрелами выпрыгивающие из тумана исходящие слизью и немилосердной вонью щупальца... И тут я заметил одну немаловажную вещь.

— Эй, да они же дальше середины стены не проникают! — я смахнул со лба испарину. — Смотри сам, щупальца остановились. Они дальше не лезут...

Немец пригладил усы. Мы были уже на ступенях, в прошлом отполированных множеством ног.

— Может, выжидают, сволочи? Или вдруг у них ограниченный радиус действия?

— Не думаю... Скорее всего, они не сочли нужным продолжать преследование. Точно! Они отогнали нас от стены и заставили убраться обратно. Это... это просто стражи! Стражи, которые не хотят, чтобы мы удрали из замка.

— Это не они хотят, а КОЕ-КТО, — ворчливо поправил меня охотник. — Стражами кто-то должен обязательно управлять. — И мне кажется, что я знаю кто... Совпадение ну очень уж подозрительное. Щупальца появились именно тогда, когда мы собрались спускаться со стен. Их кто-то вызвал, тот, кто оч-чень не хочет, чтобы мы покинули это гостеприимное местечко.

— А я что говорю!

Тем временем хищные щупальца перестали яростно извиваться и тихо-мирно исчезли в породившей их бездне. Туман без труда поглотил неистовых посланцев адских недр. В отличие от змееподобных чудовищ, туман никуда не делся, по-прежнему окружая замок белесой, клубящейся стеной-кольцом. Наши предположения подтвердились. Выполнив свою работу, щупальца выжидающе затаились...

Мы сбегали вниз по ступеням, пересекли внутренний дворик, и вошли в холл замка.

— Ну, слава Богу! — пропыхтел Мастерс, успевший налить в стакан крепкого виски. Что поделаешь, после пережитого Роберт посчитал, что немного горячительного не повредит и «раскодировался». — Почему так долго? И что с этим монстром? Не могли же вы перестрелять все эти гнусные щупальца!

— Вы закрыли двери? — на взмокшем, словно загнанная лошадь, Стокмане лица не было. — Если эти твари решат...

— Не решат, — поспешил я успокоить публику. Я прошагал к Роберту, бесцеремонно забрал у него стакан и опрокинул виски в глотку. Зажмурился, и, не замечая негодующего взгляда старика, продолжил: — Щупальца убрались обратно в туман. Мы им не нужны. Они всего лишь стерегут нас, чтобы мы и носа не высунули из Стиллхолла! Итог? Побег невозможен. Вот такие вот пироги.

Обрадованные появлением меня — живого, невредимого и колющегося сарказмом, студенты облегчённо перевели дух. Коннор, приведённый в сознание, очумело сидел в кресле, всё ещё не веря, что не отправился на корм чудовищному монстру.

— А если начистоту, то у нас с вами большие неприятности, — влил свою порцию дёгтя Шнитке. — И незапертые двери — сущий пустяк по сравнению с тем, во что мы вляпались.

— ЧТО может быть хуже того, что уже случилось? — пискнула Кристи, дрожа всем телом и с трудом сдерживая истеричные рыдания. — Ну сколько м-можно... Последнее время наши дела идут всё хуже и хуже. Куда уж дальше?.. Что нам делать?.. Я вас спрашиваю, ЧТО за бред с нами творится?!

— Для начала успокоимся, поедим и перекурим, — на полном серьёзе сказал я. — А потом поговорим. Кое о чём интересном.

Есть хотелось до бунтующего урчания, нет — завывания изголодавшегося желудка. Но спать хотелось ещё больше. Я с трудом удерживал голову гордо вскинутой, глаза периодически затеняла липкая сонная пелена. Противно и въедливо заныли помятые рёбра; полученные в схватке с оборотнем раны жгло проперчённым огнём. Короче, дело швах. Таким макаром я скоро вообще рассыплюсь на запчасти! Или старость уже подкрадывается?..

Мы отправились напрямиком на кухню, где совместными усилиями по-быстрому соорудили себе некое подобие плотного калорийного ужина. Благо за прошедшие дни мы не успели изничтожить все продовольственные запасы Стиллхолла. Коннор зажёт несколько масляных фонарей, и кухня окуталась интимным таинственным полумраком. Отужинать решили тут же, за просторным кухонным столом, на котором я совсем недавно замешивал повара, хм. Но об этом я тактично умолчал. Не скажу, что у всех был такой уж приподнятый аппетит, вилки и ложки вяло и неохотно ныряли в тарелки, но природу не обманешь. Не будешь есть — ослабнешь и протянешь ноги. А слабеть нам было нельзя.

Я уселся во главе стола, лицом к двери. Мне не нравилось, что из кухни был только один выход, но тут уж ничего не попишешь. Ход в морозилку, тьфу, в кладовку, за путь к отступлению я, конечно, не воспринимал. Да и здорово я сомневался, что этому Кроллу вздумается испортить нам трапезу прямо сейчас. Стокман, подозреваю, что чисто из пакостных побуждений, в противовес мне, сел на другом конце стола, аккуратно напротив меня. Таким образом, он, видимо хотел показать, кто в доме хозяин. Не знаю, не знаю... Но сдаётся мне, что НАСТОЯЩЕГО хозяина замка среди нас не было. Места за столом хватилс всем, и никто не оторвался от чавкающего коллектива. Ели мы неспеша и вяло, как я уже говорил, особых бесед не вели. Смех не звучал, остроты не сверкали. Наш дружеский ужин больше напоминал поминки. Ей богу, лица у всех были хуже траурных — краше в гроб кладут. Это ещё хорошо, что я не видел своей рожи! Иначе не смог бы проглотить ни кусочка.

Справа от меня уместился Шнитке. Предупредительный немец держал винтовку под рукой, что я не мог не приветствовать. У меня-то осталось всего по магазину на ствол (я же не на войну ехал, а отдыхать культурно) и огневая поддержка его базуки не помешает любому. И чем больше я думал, тем сильнее крепла во мне уверенность, что оружие нам скоро ой как понадобится... Я на практике закрепил доверие к своим инстинктам. И больше никогда не буду смеяться над уличными гадалками!

Я внимательно разглядывал своих вынужденных соратников. Всегда шикарная и вызывающе-броская Кристи заметно осунулась и потемнела кукольным личиком. В складках её рта, глаз и на лбу залегли глубокие морщинки, делающие шведку старше лет на десять. Золотые волосы Нотенберг потускнели и утратили свой блеск... Признаюсь, я испугался за её психику. Как бы у девчонки на почве всей этой потусторонней мути крыша не поехала. Я видел, как люди сходили с ума по меньшим причинам. Остальные держались вроде как и ничего... Одним словом — держались. Неважно на чём: на упрямстве, стремлении выжить, силе характера или банальной вере в то, что «всё будет хорошо». Не знаю, но я был спокоен за них. Пожалуй, ещё мистер Стокман вызывал у меня некоторые вопросы. Бенни сидел за столом как штык, с прямой спиной и отсутствующим взглядом. В глазах Стокмана я не мог прочесть ни хрена. У него был вид человека, застукавшего жену в постели с лучшим другом, и не знающим как поступить: по-джентельменски или по ситуации? Что, и у Бенни начал

чердак подтекать, или он просто задумался о смысле жизни? М-да... Обстановочка.

Шнитке распустил на брюхе ремень, откинулся на спинку стула, достал из-за пазухи обмусоленную толстенную сигару и с видимым наслаждением закурил. Трейси втянула пытливым носиком струйку, признаюсь, ароматного дыма, подёргала за колечко в ноздре и, якобы смущаясь и робея, попросила у «дяди Ральфа» лишнюю папироску. Дескать, её пачка давно пустая, а курить, дабы успокоить нервишки, хочется ну очень сильно. Шнитке приоткрыл смеженные в блаженстве глаза и тихим ровным голосом поведал, что от его сигарет у Трейси уши втянутся обратно в голову и выпадут волосы, и что будь его воля, он бы стянул с наглой девчонки штаны и по-свойски отодрал бы ремнём в назидание остальным малолетним курильщикам. Стюарт восприняла вполне резонные слова немца, как неслыханное оскорбление и, отвернувшись, угрюмо сунула нос в кружку с горячим чаем. Я молча погрозил ей кулаком. Не хватало ещё, чтобы всякие соплячки смолили в моём присутствии... Сделаю очередное признание, ребята, КАКИХ я не люблю женщин независимо от их возраста: курящих, матерящихся, и пьяных. Не люблю. Милые дамы, ну вы же созданы в противовес нам: грубым, бескультурным и невежественным мужчинам! Вы должны олицетворять нечто высокое, чистое, первозданное, одухотворённое... Ну зачем вы так часто уподобляетесь нам?.. Не понимаю!

— Итак, теперь поговорим, — я поставил локти на стол и сложил пальцы домиком. — Я рассказываю — вы молчите и слушаете. Потом устраиваем сеанс групповой терапии и делимся впечатлениями. Ну, и заодно, раз уж собрались, пытаемся найти выход из сложившегося положения.

Уф, чего-то из меня сарказм в последнее время так и прёт. Я невольно зевнул во всю пасть... Усталость, нервы, тяжёлое детство. Ладно, смеюсь!

— А... нельзя б-было сразу обо всём п-пговорить? — Мастерс нагрузился по маковку и с трудом поймал меня в фокус окосевших глаз.

— Расскажи я всё сразу и у вас пропал бы аппетит, — я гневно зыркнул на старика. Затяжное пьянство Роберта уже начало меня доставать. Хотя говорят же, что пьяному и море по колено. Может, стоит присоединиться к нему? — Стокман, вы то меня ещё слышите?

Бенджамен незамедлительно вздрогнул и уставился на меня кристально чистым незамутнённым взором чёрных очей. Настала моя очередь вздрагивать. Я помахал ему ручкой.

— Аллё, Бенни, вы с нами?

— Нет, с ними, — съехидничал бизнесмен и деловито откашлялся. — Что вы там хотели нам рассказать, молодой человек? Не томите.

Я пожал плечами.

— Слушайте.

Я уже выступал внештатным оратором, выступил и в очередной раз. Я детально, без ненужных сантиментов поведал о последних напутственных словах Герберта Уэнрайта перед смертью. О том, что некий барон Кролл от чего-то серьёзно невзлюбил нашу компанию и намерен держать нас взаперти в замке, пока рак на горе не свистнет. Главные вопросы собрания: кто такой этот Кролл, где он находится и что ему от нас надо? Ваше слово, дамы и господа.

Как я и ожидал, первым рвался поделиться соображениями мой юный друг Колин Рэнделл. Да, что-то он перестал загружать меня стихами. Выжидает чего?.. Чую, что готовит для меня целую поэму...

— Я пока могу сказать одно. Кем бы ни был этот барон, он явно искушён в такой штуке, как колдовство. Да, старая добрая магия... Окрашенная только в чёрный цвет. Согласитесь, весьма проблематично списать этот живой туман и жаждущие свежего мяса щупальца на массовые галлюцинации! То, что схватило, и чуть было не утащило мистера Коннора, не похоже на иллюзию.

— Откуда Герберт знал о нём? — Саша скептически поджала губки.

— Рыбак рыбака видит издалека, — я подавил очередной зевок. Как это остальные держатся такими бодрячками? — Как порождение ночи, Уэнрайт, по идее, должен был быть в курсе событий, связанных с потусторонним миром. Не исключено, что Кролл у монстров кем-то вроде крупного криминального авторитета числится! А?

— Но... Какое отношение он имеет к Стиллхоллу и чё он к нам пристебался? — Артур был полон искреннего негодования пополам с недоумением. — И почему, раз он такой немереной крутизны, мы до сих пор живы? Я думаю, что матёрому чернокнижнику нас прихлопнуть — плёвое дело...

Трейси заносчиво вскинулась, схватившись за вилку.

— За себя говори! Плёвое дело... Ага, щас прям я и лягу под какого-то волшебника из страны Оз. Хрена лысого!

Артур набирался мудрости на глазах! Он, вопреки обыкновению, не стал задираться, а огорошил нас следующими словами:

— Или мы ему живыми и нужны?..

— В жертву, что ли? — ухмыльнулся Мартин и под нашими озабоченными взглядами, не разделившими его повышенного веселья, осёкся. — Ой... а вдруг и правда?

Поднялся оживлённый галдёж. Каждый в одночасье родил по гарантированно единственно верной версии и спешил донести её до благодарных слушателей. Дон, утирая со лба испарину, что-то пытался втолковать Мастерсу, который уже и лыка не вязал. Кристи настойчиво выясняла у Коннора, что такое «жертва» и почему всем так не понравилось это слово. Ральф, окутался клубами дыма, тоже мне ёжик в тумане... Тинэйджеры с переменным успехом перекрикивали друг дружку, Герти к чему-то напряжённо прислушивалась. К чему, интересно? Может, на кухне завелись мыши и скребутся по углам? Не исключено. Стокман почему-то молчал. Конечно, я тут же решил, что не к добру. Не трудно догадаться, да? Впрочем, так и оказалось. Почти.

— Э-э-э... Я... я знаю одного человека по имени Кролл, — Бенни отдувался и то и дело прикладывал платочек к залысинам на башке.

Тихие слова бизнесмена заткнули всех почище угрозы немедленного расстрела! Мы обалдело уставились на него. Все как один. Даже я.

— О чём это вы, мистер Стокман? — словно боялся спугнуть клюющую рыбину, спросил Колин.

— Я знаю человека по имени Кролл, — Бенни хмуро, кривясь, но выдержал мой подобный лучам лазера взгляд. — Ну, не лично знаю... Знал. Так правильнее будет. В общем...

— Кто же это? — Джессика в ожидании привстала с места.

— Это мой дальний родственник (в чём я уже не уверен): покойный, бывший владелец замка Стиллхолл барон Кролл Галлахер. У которого я, собственно, я и унаследовал этот замок, будь он не ладен...

Тут уж и Мастерс наполовину протрезвел! Все так и сели, разинув варежки. Я глупо

моргал, а мозг, захватив бразды правления, самостоятельно выстраивал целостную картину происходящего, используя недостающие ранее элементы.

— А если это совпадение? — Артур ошалело посмотрел на меня. — Имя хоть и редкое, но...

— Да какое на хрен совпадение! — возмутилась Саша. — За последнее время любое совпадение на поверку оказывается одним из ключевых фрагментов всей этой истории. Я больше не верю ни в какие совпадения! Совпадение, куда там... Даже титул совпал!

Я торопливо промочил горло водой из кувшина:

— Стокман, интересные у вас родственнички, не находите?

— А я при чём? — огрызнулся Бенни. — Это сейчас я понимаю, что всё моё наследство шито белыми нитками! Но, когда на тебя, ни с того ни с сего, падает немалое состояние с земельным участком и приличной недвижимостью, поверишь в любых родственников. Не подумайте, что я распустил, как идиот, слюни, и не навёл справки. Навёл. Но всё было в полном порядке! И завещание, и документы. Я думаю, они и по сей день не вызывают сомнения в подлинности. А вот факт моего якобы состояния в дальнем родстве с этим покойным бароном уже кажется мне притянутым за уши.

— Уэнрайт сказал, что барон очень хитрый, что он обманул смерть, — Шнитке затушил сигару и водрузил на голову шляпу, бережно хранимую во всех наших перипетиях. — По моему, всё ясно.

— Что вам ясно? — Стокман болезненно реагировал на каждый, как ему казалось, выпад в его сторону. — Что вам ясно, дьявол вас побери?! Нашли крайнего, да?..

— Где-то я уже это слышал, — пьяно улыбнулся Мастерс. — Совсем недавно был вынужден оправдываться я...

— Я откуда знал, что так всё завертится? Мне не лучше вашего, а даже хуже во стократ! Меня... Меня кинули, как зелёного юнца, как несмышленного младенца!

— Короче, как лоха! — с радостью подсказала Трейси. Стокман махнул рукой и, скрежеща зубами от злости, умолк.

— А на фига барону, если он жив и всего лишь инсценировал свою кончину, вся эта канитель? — я подвёл неутешительные итоги. — Друзья, мы так и не нашли ответ на главный вопрос. Даже два вопроса. Зачем? И как нам с этим бороться?.. Герти, милая моя, ты так тщательно последние минуты оттопыриваешь уши, что я не могу не спросить... Что ты слушаешь? Не пугай меня, пожалуйста.

Девочка подняла на меня испуганные глазёнки и уверенно указала рукой на дверь, ведущую в кладовую.

— Там. Там что-то шевелится. Там КТО-ТО есть. Не мыши. Там СТРАННЫЙ шорох.

Странный шорох. Шевеление... Братишки, чегой то мне опять стало здорово не по себе...

— Герти, но там же, кроме продуктов, ничего нет! — дворецкий ободряюще подмигнул сжавшейся от страха девочке. — Ну что ты, испугалась картошки с луком?

Точно. Никого там нет, кроме... Кроме... Кроме... трёх трупов.

И тут мы все услышали ЭТОТ шорох.

*...Вихрем из звёзд, тенью из сна
Шепчешь последние слова -
Я экзорцист, сила дана
Верить и не сойти с ума!..
Арда «Экзорцист»
Луч прорезал небо, направляя слепо
Когти и клыки мертвецов.
И пошло начало эры тёплой крови,
Крови мудрецов и глупцов.
Крюгер «Флаг вампира»*

Жутковатый такой шорох. Могу сравнить его с трущимися жерновами, в щебень дробящими камень... С неприятным, до нутра пробирающим звуком грызущих дерево жуков-короедов... С судорожной, шаркающей поступью человека, после тяжёлой затяжной болезни делающего первые шаги... Шаги? Человека?! Ой, мама...

Я только было вскочил, чтобы подпереть дверь кладовой, пока не поздно, чем-нибудь тяжёлым... Но события уже в который раз взбрыкнули не хуже дикого мустанга и завертели в бешеной неконтролируемой круговерти. Короче, пошло-поехало!

С загробным скрипом, от которого я покрылся мурашками, как утопленник, дверь кладовки неспеша так приоткрылась... Сначала робко, на пару сантиметров. Но и этого хватило, чтобы все мы застыли с душами, поспешно ретировавшимися в область пяток. О себе я это точно могу сказать. Затем дверь, осмелев, отворилась ещё шире, пропуская в затемнённый провал кладовки испуганно задрожавший свет масляных фонарей. Осмелели и те, КТО стоял за дверью. От сильного толчка дверь резко распахнулась, с хрустом треснувших досок ударилась о стену и...

Из кладовой в кухню выпрыгнули три мёртвых человека! Три трупа! Три покойника! Кажется, многие из нас, живых, (пока!) заорали благим матом. Надеюсь, хоть я молчал. Кричать-то было от чего. В оживших мертвецах без труда угадывались наши недавние знакомцы: Грейс Брайен, Хэтфилд и Блейк! В нос шибанула вонь разлагающейся плоти, смрадный, приторно-сладкий удушливый дурман... Выглядели ОНИ не лучше, чем пахли. То, что раньше отзывалось на имя Джон Хэтфилд, представляло из себя отвратительную вонючую тушу грязно землистого цвета. Некогда белая пижама покойника превратилась в заляпанную кровью дерюгу, из прорехи в животе выпадали сизые внутренности, разорванное горло словно ухмылялось нам. Хэтфилд и при жизни был мне не больно симпатичен, а после смерти так вообще внушал кошмарное омерзение. Глаза мертвеца напоминали два бездонных провала, залитых абсолютной космической тьмой... Лицо повара выглядело кровавой маской из загнивающего мяса. Но вот оживший труп повёл головой, и эти страшные глаза остановились на мне. Как будто он видел меня. И помнил. На морде с ободранной кожей не дрогнул не один гниющий мускул.

Грейс... Мёртвая девушка с сосульками слипшихся от крови волос, такими же чёрными глазами и неестественно белой кожей, усеянной, как шкура леопарда, трупными пятнами, напоминала ведьму из ночных страшилок. Я невольно сглотнул. Пожалуй, мы зря набивали желудки... Третий покойничек был без головы. Труп Блейка казался значительно ниже

ростом, но шире в плечах. Голову он сжимал в окостеневших пальцах правой руки. Я не мог не заметить, что мертвецы чересчур быстро начали разлагаться. В кладовой прохладно, как в погребу, да и времени прошло всего ничего... Неужели опять магия? Ну да! В конце концов восстали они из мёртвых не по своей воле. Кто-то превратил убитых в зомби. Кто-то, обладающий магией. Чёрной магией.

Наша сплочённая компания отреагировала предсказуемым образом, я иного и не ожидал. Кристи беззвучно сползала в своевременном обмороке под стол. Стокман в полном здравии нырнул под этот самый стол, Дон сделал попытку вскочить на ноги, зацепился за крышку стола, упал обратно на стул, и вместе со стулом грохнулся об пол... Прокомментировать действия остальных я не успевал, потому как зомби, после минутной паузы, в полном молчании набросились на нас.

Движения мертвецов были ломанными, дёрганными и неестественными, как у марионеток, подвешенных за ниточки. Вот только кукольных дел мастера я не видел. Да и для кукол они перемещались слишком быстро. Ну и пошла потеха...

Труп Блейка размахнулся и мощным броском швырнул свою голову в толпу сбившихся студентиков. С пронзительными воплями детвора бросилась врассыпную. Блейковский кочан сбил с ног путём прямого попадания Трейси! Стюарт с трёх, нет, десятиэтажным матом шлёпнулась на пятую точку. Жуткий метательный снаряд лежал у неё на коленях. В тот же миг глаза оторванной башки, превращённой в шар для боулинга, открылись, и чернильные провалы вытарацились на Трейси! Это, пожалуй, зря. Девочку незамедлительно стошнило, и недавний ужин оказался на мертвой голове. Мне показалось, что даже Блейк, до того уверенно шаркающий на меня, замедлил шаг. Батюшки святы, да так же и свихнуться не долго!

Я выхватил «Глок» и всадил в мертвеца несколько пуль. Бесплезно, пустая трата патронов. Зомби продолжал надвигаться на меня. Как он без головы видел, где я нахожусь, ума не приложу! Я засунул пистолет в кобуру и помчался через всю кухню к плите. Размахивая руками, обезглавленный покойник шустро меня преследовал, по ходу наступив на пытающегося подняться с пола Рейнолдса. Гид едва успел протестующе пискнуть...

Ральф врукопашную схватился с Грейс. Зомби-девушка прыгнула через стол и вцепилась клешнями немцу в горло, самую малость не успевшему взяться за винтовку. Тузя друг друга, они покатались по кафельным плитам. Щерясь в мёртвой ухмылке, Грейс основательно давила охотника, тот, рыча, как тигр, пытался всеми силами оторвать от себя порождение чёрной магии. Куда там! Хрупкая девушка, после превращения в зомби, обрела мощь пещерного медведя и боролась с немцем на равных.

Покойный Джон Хэтфилд зажал в угол за камином отбивающихся сообща кочергой и увесистым сосновым поленом Мастерса с Коннором. Старая гвардия с трудом сдерживала лезущего напролом жирного мертвяка, скалящего щербатый рот в недоброй улыбке. Что-то они все слишком много улыбаются. Это нормально для воскресших трупов, изголодавшихся по свежему мясу, а? Вот и я не знаю. Хэтфилд не обращал внимания на выпадающие из брюха кишки и продолжал зажимать пенсионеров, оставляя им всё меньше места для манёвров.

Я подскочил к плите — где-то здесь должен был быть набор здоровенных мясницких тесаков. Ага, а вот и они! То, что нужно в битве с ожившими трупаками. В кино видел. Я схватил самый здоровый и еле успел развернуться и сместиться в сторону. На всех парах Блейк врезался в плиту, с отчаянным лязгом и грохотанием сметая на пол кухонную утварь.

Я не зевал! Издав боевой клич пьяного ирокеза, я с хеканьем опустил тесак на хребет мёртвого культуриста. Широкое лезвие без труда перерубило позвоночник и у трупа подогнулись колени. Не знаю, кто или что заставляло ИХ двигаться, но кое-каким законам физиологии они ещё подчинялись. Трупы, конечно, не колени! Правда, долго радоваться успешному началу у меня не получилось. Лёжа на полу, зомби вцепился своими лапами в мои лодыжки. Я заорал, дёрнулся и упал на спину. С маниакальной резвостью, достойной лучшего применения, зомби полез на меня, больно впиваясь пальцами в моё исстрадавшееся тело. Со стороны всё это смотрелось, наверно, не очень прилично...

Ребята, клянусь, я не знал, что и делать то! И по роже не дашь, в виду отсутствия таковой. Покойник почти добрался до моего горла, я уже мог пересчитать все косточки обрубка позвоночника, торчащего из шеи мертвеца... Но вдруг он неожиданно дёрнулся назад! Я с трудом приподнял чугунную голову. Изо всех сил упираясь в пол, Трейси и Колин, ухватив зомби за ноги, тянули его на себя. Вот это я понимаю!

Блейк весил за центнер, цеплялся как клещ, но подростки не сдавались. Я почувствовал, что они тянут и меня заодно! Ни хрена себе. Я, извиваясь ужом, умудрился выбраться из-под очаровательно воняющего зомби, и подняться на ноги. Зомби царапал кафель и бешено дёргался, тинэйджеры с искажившимися от запредельных усилий лицами, едва удерживали его.

— Алекс, сделай же что-нибудь, — стиснув зубы, простонала Трейси. — Я больше не могу-у...

Я подхватил тесак и в два захода откромсал мертвяку руки по самые плечи. Тоже самое проделал и с ногами. Мои спасители облегчённо выбросили содрогающиеся в чудовищных конвульсиях обрубки. Зрелище в агонии копошащихся на земле частей человеческого тела, никак не хотевших второй раз умирать, было просто умопомрачающим и тошнотворным. Трейси с руганью подфутболила подкатившуюся сзади оторванную голову Блейка, а я последним чётким ударом располовинил черепушку, как кокос, на две половинки. Во все стороны брызнули мозги и гной... Бр — р- р.

Я быстренько осмотрелся. Кристи и Рейнолдс продолжали валяться на полу... Дона, там что, окончательно затоптали? Стокман делал вид, что ищет под столом нечто очень важное, без чего и жить нельзя, скотина трусливая. Так, а где Герти?! Слава богу, девочка спряталась за шкафом с посудой и старалась быть незаметной, как мышка. На повара всем скопом навалились пришедшие на выручку старикам Мартин с Артуром. Вопя дурным голосом, они охаживали мертвеца подручными средствами типа табуретки и топора. Саша и Джесс оказывали парням посильную помощь, забрасывая зомби всякой хренью: тарелками, ложками, стаканами, кастрюлями... Дрязг стоял такой, словно в посудную лавку наведалься слон!

А что Ральф? Немец в обнимку с бойко лягающейся неуспокойной зомби по-прежнему барахтались на полу, в боевом азарте сбивая стулья и разную кухонную дребедень. Шнитке сопел натруженным бульдозером, а восставшая из мёртвых Грейс так и не издала ни звука. Молчаливые какие-то трупы попались! Ни тебе чавканья, утробного рычания, доводящих до седин загробных стонов... Одна лишь нездоровая целеустремлённость лишит здоровья нас. Ей богу, марионетки! Что их двигает, через какой канал эти твари питаются поддерживающей в них подобие неестественной жизни энергией?..

Не успел я и шагу ступить подмогнуть охотнику, как бравый ариец сам разрешил свои трудности. Полузадушенный немец оставил бесплодные попытки оторвать от горла

терзающие его нежные руки-крюки и ткнул «козой» мертвячку в глаза. Узловатые пальцы с хлопанием погрузились в «очи чёрные»... Покойница ослабила хватку, Шнитке хлебнул живительного воздуха и мощнейшим ударом в солнечное сплетение катапультировал зомби. Грейс как деревянная упала на табурет, разнеся его в щепки. Ральф, отплёвываясь и матюгаясь, подобрал винтовку и двумя артиллерийскими выстрелами, закладываящими уши, отстрелил мертвецу ноги на уровне колен. Рыжеволосая ведьма так и не поднялась с пола, сломанной игрушкой корчась в обломках табуретки... Действенный способ.

— Отойдите от него! В сторону! — командным голосом гаркнул я, взводя курок «беретты».

Вокруг беснующегося повара тут же образовалось свободное пространство... Хэтфилд, несмотря на более чем внушительные габариты, вертелся на месте волчком, далеко выбрасывая загребущие лапы и держа сплотившихся против него людей на почтительном расстоянии.

— Эй, ублюдок! — позвал я, не особо, впрочем, рассчитывая на созидательную беседу.

Хэтфилд раскачивался как сомнамбула, вонючие кишки, выпадая из его брюха, разбухнув как сытые питоны, волочились по земле... Вспучившаяся булькающей массой цвета крови рыха повернулась на мой голос. Услышал всё же. Или услышал тот, кто управлял этим телом? Чёрт, слишком много вопросов.

Безразлично-безликие глаза отыскивали меня, зомби вытянул гниющие руки и пошёл на вашего покорного слугу...

Я навскидку произвёл залп автоматическим огнём, целя в коленные чашечки трупа. Хэтфилд, что называется, слетел с катушек, но продолжал наступать, отталкиваясь от пола руками! Размочаленные культы бесполезными придатками волочились за ним, оставляя на плитке кровавые разводы... Это были его последние поползновения. Мои соратники стаей разъярённых коршунов накинулись на зомби, метеля его всем, чем придется. Через минуту всё было кончено.

На кухне воцарился форменный кавардак, обломки мебели валялись вперемешку с черепками и тарелками. Пол застилал кошмарный ковёр из конвульсивно сокращающихся кусков и конечностей расчленённых зомби и потёков чёрной, мёртвой крови... Запашок стоял, хоть святых выноси, хорошо, что у меня крепкий желудок и многолетняя закалка. Мы возвышались (ну, некоторые из нас) посреди всего этого хаоса исцарапанные, грязные, взъерошенные, усталые и злые. И напуганные. Во время бойни страх отступил на задний план, но сейчас вновь уверенно возвращался, вонзая в душу холодные, мерзко-студеные когти.

Я ободряюще прижал к себе Герти, отечески чмокнув в макушку. Ральф с винтовкой наперевес скрупулёзно осматривал поверженных мертвецов. Правильно, не хотелось бы получить очередной сюрприз в спину. Студенты, похожие на побывавших в уличной драке бродяг, молча подошли ко мне. Делиться полученными впечатлениями сил не у кого не осталось... Мастерс, трезвый как стёклышко (ещё бы, от такого и мёртвый протрезвеет) на пару с дворецким вытаскивал из-под стола несчастную Кристи. Стокман вылез сам и, испуганно озираясь, стараясь не наступить на содрогающиеся обрубки, попятился к выходу.

— Так... — я лихорадочно подыскивал нужные слова. — Как видите, чем дальше в лес, тем толще партизаны... Я полагаю, что больше не у кого не возникает сомнений по поводу причастности барона Кролла к чертовщине, происходящей здесь?.. Вот и отлично. Так... Хм...

Я покосился на часы. Вечер подкрался подло и незаметно. Семь с четвертью. Впереди ночь. Долгая тёмная ночь. Страшная и опасная, добавлю от себя. И я не рискнул бы поставить на кон уверенность, что мы доживём до утра. Не теперь. Наши шансы падали, как курс акций разоряющейся финансовой кампании. А ночью, я уверен, будет ещё хуже. Твою мать. Хотелось ругаться матом! Ну ладно мы — взрослые... А вот эти семь несмышленных, не успевших и пожить толком юных созданий? Что, и у них нет шансов? Мир — штука определённо несправедливая и не похожа на коробку шоколадных конфет. Но сколько можно? Когда добро и честь начнут побеждать?.. Может, тогда, когда мы сами приложим хоть немного усилий для этого? Каждый горазд рассуждать о вечных ценностях и ратовать за торжество справедливости, но даже когда предоставляется реальный шанс доказать свою готовность бороться за улучшение мира не на словах, а на деле, многие из нас стыдливо опускают глаза... На словах то оно всегда лучше получается. И безопасней. Это я к чему? Да к тому, что если предоставится хоть малейший шанс выжить, я зубами вцеплюсь в него. Себя не обманешь. Помирать-то неохота, пусть я и давно не подросток...

— Значит так, сплочённо, один за другим, держа ушки на макушке, выходим в коридор и идём в оружейную комнату, — говорил я спокойно и размеренно. Очень было важно, чтобы все поверили в мою уверенность в том, что я делаю. — Вооружаемся, затем двигаем в обеденный зал, баррикадируемся и держимся до утра.

— А что утром? — Артур не выпускал из рук окровавленного топора.

— Утром наступит среда и к Стиллхоллу подъедут мастера, реставрирующие замок, — напомнил я. — Думаю, что светиться перед большим количеством народа Кроллу вовсе не нужно и у нас появится шанс уйти отсюда. Единственное, что от нас требуется, ребята, это продержаться до утра. Нам надо выстоять. Во что бы то ни стало.

— Ты считаешь, что на оживших мертвецах наши злоключения не закончились? — прямо спросил Колин.

Я не стал вертеть хвостом и согласно кивнул.

— Да. Если уж ОН задействовал чёрную магию и поднял мёртвых, то будет идти до конца. У него тоже времени осталось только до утра. Либо пан, либо пропал. Или мы, или он.

Коннор и Мастерс подвели Кристи. Девушка была очень слаба, и старики поддерживали её под руки. Шведка беззвучно плакала, избегая опускать глаза вниз. Незадача... Но ничего, оклемается. Зачастую я веду себя цинично и грубо, скажете вы. И будете правы. Сам вижу. И, когда мы бились против зомби, один из которых при жизни был нравящейся мне девушкой, я, кажется, не употребил ни одного слова сочувствия в её адрес. Тоже верно. Потому как девушка, которую я знал, умерла несколько часов назад. А то, что набросилось на нас, было не Грейс. И не Блейком. И не поваром. Это были пустые оболочки, приводимые в движение чьей-то зловещей, отвратной и непостижимой адской волей. То были порождения Тьмы и Хаоса. А та девушка умерла, оставив частицу себя в моём сердце. Как и многие другие...

— Ладно, все выходим. Я первый, следом ребятня... Да, да, Трейси, не смотри так на меня. Ты тоже попадаешь под эту категорию. Потом наши почтенные старцы с Кристи, Стокман... Мистер Стокман, я к вам обращаюсь! Замыкающими идут Дон и Ральф. Всё всем понятно? Пошли.

Мы тронулись к выходу. Стокман упрямо молчал и никак не реагировал на презрительные взгляды окружающих. Ох, не нравится мне он в последнее время. Я вытащил из кобуры «Глок», а «Беретту» снова отдал к зависти остальных Трейси. Она уже стреляла из

него, никого не задела и себе ничего не отстрелила, так что вотум доверия к ней у меня имелся. Мы выстроились неровной цепочкой. Шнитке водрузил на голову помятую шляпу, утерянную во время схватки, и отсалютовал мне винтовкой. Чтобы я делал без этого, надёжного как скала, и отчаянного как берсерк, человека? Дон, всю битву провалявшийся в затоптанном состоянии на полу, выглядел несколько сконфуженным и ошалелым. Ничего, приятель, и такие казусы бывают. И... Я невольно прикусил язык. Кажется, гид пострадал больше, чем я подумал сначала. Я присмотрелся. Так и есть: коротко стриженные чёрные волосы Рейнолдса на висках словно припорошило снегом. Дон поседел. Интересно, он сам уже заметил или нет? Что ж, я не буду тем, кто первым укажет ему на это...

Я открыл дверь и с пистолетом в руке высунул нос наружу. Освещённый чадающими факелами, коридор встретил меня угрюмым молчанием и сумрачной пустотой. Я махнул рукой.

— Путь свободен. За мной.

Я отважно зашагал вперёд. Рыцарь печального образа. В который раз уже взваливаю на себя общие проблемы. Почему? Зачем? НА ХРЕНА оно мне всё одному? Да потому что больше никому... А я не могу так. Не могу прятаться за чьи-то спины.

— Алекс, — ко мне протиснулся Колин и, наклонившись, зашептал на ухо. — Я только что заметил одну нездоровую хреновину.

— Всего одну? — вскинул я бровь. — А я уже со счёта сбился.

— Не прикалывайся, — высокий юноша оттеснил недовольно зафырчавшую Трейси. — Это очень странно и настораживает.

— Я весь внимание, дружище.

— Как только мы вышли из кухни, эти... Эти куски живой мертвечины перестали шевелиться. Они застыли. Как будто окончательно умерли. Или, ну ты и сам понимаешь...

— Тебе не показалось?

— Я что — идиот? Я случайно оглянулся, когда Ральф закрывал дверь и всё увидел. Я тебе говорю!

Я втянул побольше пропахшего копотью и страхом воздуха в грудь. А вот это уже и впрямь скверно. Я прекрасно понял, на что намекал наблюдательный Рэнделл.

Вдруг смолкло всё и ветер стих,
А воздух полнится грозой...
Тоскливый вой собак возник,
И страх прокрался в мир людской.
Запахло смертью, злом, бедой,
И ужас лапой сжал сердца.
Пронёсся грохот над землёй,
Как вестник нашего конца.
Тьма и смерть, всё ближе ад,
И сбился мира страшный сон,
В ночи вдруг вспыхнул звездопад —
С небес сошёл Армагеддон!
И рухнул разум, пал закон,
Война раскрыла крылья зла.

Исторгли глотки боли стон —
И тысячи сгорят дотла.
Ангел и демон кружат в ночи,
Бьются за души вопящих людей.
С громом и треском сверкают мечи,
Чья же возьмёт, кто же будет сильней?..
Грязью струится радиоактивный туман,
Заживо кожу сдирая с детей.
И тщетно возносится к богу мольба
Голосящих от горя седых матерей...
Землю покрыли скелеты и кости,
От вони и тлена нечем дышать.
Для трупов нет места на этом погосте,
А живым остаётся скулить и страдать.
Но кто же виновник всех этих кошмаров,
Кто мир водрузил на алтарь Сатаны?
Кто кнопку нажал на своём чемодане,
Может быть, я, а, может, и ты?!
Я жить не хотел, обезумев от горя,
Готов я был мир бросить к ногам
Той, что любил до гроба, до боли.
И пальцем дрожащим я кнопку нажал...
Я вздрогнул резко и открыл глаза,
Я весь в поту и полутьме.
Скатилась горькая слеза,
Но что за бред приснился мне?
Я встал и к зеркалу прошёл,
Взглянул... О, Боже, посмотри!
Я по волосам седым провёл
Руками, что были в крови...

Как вы уже догадались, Колин, пока мы быстренько шагали в оружейную комнату, успел мимоходом нашептать мне на благодарное ушко очередной опус, рождённой его несколько, на мой взгляд, безумной фантазией, провозглашающей торжество упадка, фатализма и страданий. О чём я не преминул высказаться. Юноша горячо запротестовал, уверяя, что стих «как раз в тему». Конечно, сумбурен и сыроват, времени для шлифовки слога у него не было... Но не более того! Я в ответ неоднозначно хмыкал и пожимал плечами, не забывая смотреть в оба и под ноги. Подкатывающая то с одного, то с другого боку Трейси старательно копировала все мои движения и попутно раскритиковала подслушанное стихотворение в пух и прах. В пыль! Дескать, и коряво, и нескладно, и «мрачняково» и вообще, Колин — полная и законченная бездарность. Рэнделл запальчиво посоветовал Трейси заткнуть «хавальник», обиделся и остаток пути с нами больше не общался. Я в десятый раз показал несносной девчонке кулак — нельзя так с творческими людьми... Трейси отделалась демонстрацией высунутого языка и на этом дискуссия

завершилась.

В оружейную мы добрались без помех и всяких неприятных неожиданностей. Я не забыл снять со стены один из горящих факелов, чтобы зажечь в лишённой окон комнате светильники. Беглого осмотра вполне хватило, чтобы зафиксировать нежилую пустоту помещения. В смысле, нас никто не ждал, а за дверью не прятался какой-нибудь очередной монстр. Ральф, кивнув мне, застыл в дверях, лицом к выходу. Немец сам назначил себя временным часовым, прикрывая нас от возможной атаки из коридора. Порой наши с ним мысли совпадали до мелочей!

С несокрушимым арийцем за спиной мы начали поспешно вооружаться. Основательно и серьёзно. К «Глоку» у меня ещё было пол обоймы и не помешало бы раздобыть чего-нибудь дальнобойное. Я присмотрел себе небольшой арбалет с лёгким в обращении механизмом и колчан коротких толстых стрел с литыми стальными наконечниками. Подумал взять дагу идентичную оставленной в номере, но... Зачем мелочиться? И я выбрал прямой обоюдоострый меч, с крестообразной гардой, рассчитанный на одноручный хват. Приладив ножны с клинком за спиной, я застегнул ремень колчана на пузе, чтобы стрелы были под рукой у бедра. Ну, так значительно лучше.

Трейси, наострившаяся довольно быстро выхватывать «Беретту» из-за пояса, не погнушалась взять в довесок изогнутый, с хищными зазубринами, кинжал. Над кожаной, проклёпанной курткой она провела небольшую реконструкцию, отпоров оба рукава и превратив «косуху» в жилет. Девчонка сурово хмурила чистый лоб и сжимала кулаки. Ух!

Колин облюбовал в оружейной увесистый боевой топорик с месяцеподобным лезвием и острозаточенным шипом на обухе, на длинной, около метра, ручке. Артур, вспомнив прошлое неукротимых предков, подобно мне закинул за спину ножны с мечом. Мартин мёртвой хваткой вцепился в «Моргеншперн», но, попробовав оторвать грозное оружие от земли, понял, что силушкой богатырской явно обделён, и повесил через плечо перевязь с булатной саблей.

Дон Рейнолдс, памятуя о сразившей оборотня кавалерийской пике, вооружился похожим двухметровым копьём с длинным и очень острым вытянутым листообразным лезвием. Стокман отказался от любых колюще-режущих инструментов, продемонстрировав шестизарядный «Смит-и-Вессон» тридцать восьмого калибра! А как же иначе? Честный и порядочный бизнесмен должен уметь постоять за себя и свои капиталовложения. Особенно мне понравились его слова на счёт честности и порядочности...

Пожилые и не хвастающие отменным здоровьем Коннор и Мастерс удовлетворились железной кочергой и прямым, с локоть, кинжалом. Герти находилась под опекой Трейси и в оружии не нуждалась, да я бы и не позволил ей ничего взять. Ещё отрежет себе что-нибудь... Кристи, уже не пускающая поминутно слёзы и сопли, сославшись на неумение и нежелание, отказалась от предложенного мной кинжала, глядя на оружие, как на змею. Саша и Джессика последовали пакостному примеру разбитой шведки. Ладно, девочки... Но я всё же настоял, что бы все, в том числе и настырные упрямые бабы (милые женщины, простите, но ОНИ меня вывели!) взяли по серебряному ножу, захваченному нами из кухонно-столового гарнитура. На всякий случай.

Я спешил. Поэтому, как только все укомплектовались, я отдал приказ выступить. Обеденный зал меня привлекал немалой вместимостью, наличием трёх больших окон, солидных крепких дверей, и целой кучей полезных вещей, которые при определённом стечении обстоятельств, можно спокойно пустить в ход. С моей точки зрения — идеальное

пристанище на ночь.

... Мы шли по широкому коридору, освещая дорогу факелами и фонариками сотовых телефонов (какая-никакая, а польза от упрямо молчавших игрушек). Мы проходили под арками и куполообразными потолками, мимо закрытых дверей и холодных каменных стен, наши шаги гулким эхом взлетали вверх, отражаясь от гранитных плит пола... Мы свернули в западное крыло замка. Нам осталось преодолеть короткий широкий коридор, выйти в большой зал и остановиться перед дверьми местной столовой. Всего несколько десятков метров и мы у цели. Но... Судьба-злодейка опять решила иначе.

Мы ворвались в зал. Но ничего не увидели. Ни стен, ни предметов убранства, ни так манящих нас дверей обеденной комнаты. В помещении была одна тьма... Кромешная и непроглядная. И она преграждала нам путь. Колдовство? Не хотелось бы, чтобы эта стена мрака была начинена какой-нибудь мерзостью, подобной обитающим в окружившем замок тумане щупальцам. И чем выше к потолку, тем непроницаемей была эта темень. И она была беспокойной...

Тьма заворочалась. Тьма зашевелилась. Тьма зашипела. Тьма начала просыпаться...

Мы застыли... Невероятно плотно сгустилась тишина. Было слышно не только пугающий шорох наверху, но и ускорившееся биение человеческих сердец. Тук... Тук... Тук...

Я облизал пересохшие губы. Под потолком определённно кто-то был, кто-то затаился. Или ЧТО-ТО?..

— Ральф, быстро сюда! Колин, бери факел... Кажется, будет жарко.

— Да уж не замёрзнем, — буркнул в усы немец, поигрывая винтовкой.

— Всем встать в круг, спиной в центр, приготовить оружие и внимательно следить за потолком, — я продолжал властно отдавать команды. — Колин, подними факел повыше. У кого фонарик хороший? Артур, свети вверх. Всем, у кого огнестрельное оружие, целиться туда же. Без приказа не стрелять. Ясно?

— Э — э... Ну, в общем, если подумать...

— Дон, заткнись.

— Понял.

Я взвёл курок пистолета, взял у запасливого немца включённый карманный фонарик и осторожно перевёл яркий луч под потолок. Юноши присоединили свою иллюминацию. Спаренный свет двух фонарей выхватил из «поднебесной» тьмы чертовски странную и непонятную, если не сказать больше, картину. С угрюмого серо-каменистого свода, отделённого от пола добрыми десятью! метрами (смекаете? как будто зал вырос в высоте до приличных размеров и обзавёлся вырубленной в камне шапкой, характерной для пещер!), безжизненными неопрятными кулями свешивались какие-то продолговатые мешки тошнотворно болотисто-зелёного цвета, покрытые чем-то вроде подсохшей слизи, и затянутые необъятными сетями паутины.

— Чё это за дерьмо? — по-простецки выразил удивление Артур. — Раньше здесь не было этой хрени!

— Да ты что? — язвительно подколола Трейси. — Какой наблюдательный... Конечно, тут не было ни этой черноты, ни этих дурацких коконов!

Моя щека нервно дёрнулась. Кокон, значит. Безжизненные... Но безжизненные ли? Я замер, продолжая светить в одну точку, обрисовывая контуры наиболее мерзкого на вид гигантского бурдюка. Всего же пыльных «мешков» насчитывалось не менее двух десятков.

Внезапно курьёзная шпукенция вспучилась, замерла на долю секунды и по кожистой поверхности прошла отчётливо различимая даже в неверном свете рябь. Внутри куля что-то явно зашевелилось, распирая бока узилища в разные стороны...

Я почувствовал, как к горлу подступает желчная горечь, и судорожно сглотнул. Волнующийся кокон начал медленно опускаться вниз, растягивая крепящиеся к потолку уродливо-слизистые нити, смахивающие на пуповину или кишки. Под ноги ошеломлённых людей упали первые капли грязно-зеленой вязкой субстанции. Кокон продолжал снижаться, метр за метром...

Потянуло чудовищно неудобоваримым зловонием. Герти не выдержала и закашлялась. Морща нахальный носик, Трейси похлопала девочку по спине, не забывая держать отвратительный бурдюк на «мушке».

— Эгей... — одними губами, но так, чтоб все услышали, прошептал Мастерс. — Да остальные тоже начинают опускаться. Не нравится мне всё это... Надо срочно решать, что делать — идти дальше или повернуть назад.

— И оставить эту непонятную гадость за спиной? — отрезал я, не отрывая взгляда от дюжины других кулей, с противным хлюпаньем устремившихся к полу. — Мы должны во что бы то ни стало пробиться к дверям...

— Но это странная темнота... Она как живая! И эти дерьмовые пузыри... — Артур встал на сторону Мастера. — Интересно, какой требухой они набиты?

— Если бы только требухой, — тоскливо протянул Роберт.

Спустя буквально минуту все две дюжины буро-зелёных «мешков» зависли метрах в трёх над каменным полом. Толкание и пульсация вонючих коконов ещё больше усилилось, с «пуповин», не прекращая, стекала противная слизь. Зрелище гипнотизировало...

Я терялся в догадках, не зная, что предпринять. С одной точки зрения старик, безусловно, прав. Следовало, пока не поздно, заворачивать сани и искать другое пристанище, ночь уже дышала холодной тьмой за каждым углом. Но с другой... Оставлять в тылу незнамо что?! Тоже, извините, как-то не сурьёзно...

Решившись, я убрал фонарик, запихнул пистолет в кобуру и с шелестом потянул из ножен меч.

— Ты что задумал? — нахмурилась Трейси.

— Сейчас увидишь... Ребята, не зевайте. Ральф, прикрывай.

— Само собой, приятель.

Я храбро шагнул к наиболее низко опустившемуся кокону, мерно раскачивающемуся на уровне моих глаз, и рубанул мечом крест-накрест. Острый клинок без труда рассёк кожистую поверхность бугрящегося пузыря. Из получившейся широкой прорехи бурным потоком хлынула дымящаяся, нестерпимо вонючая, зелёная жидкость.

Огласив зал отборнейшим матом, мешая русские слова с английскими, я резвым кузнечиком отпрыгнул в сторону, избегая попадания мерзкой слизи. От моих возмущенных проклятий Саша невольно запунцовела...

С чавканьем и всхлипами из разрубленного «мешка», как из утробы, вывалилось нечто невразумительное и смачно плюхнулось на плиты пола, прямо в лужу зловонной слизи. Божья тварь... Ой, ли? Да разве Бог мог сотворить ПОДОБНОЕ? Скорее всего, это был отрывок самого Сатаны. Плевок на законы природы.

Кошмарное существо с глухим стоном заворочалось гротескной мешаниной из конечностей, складок, отростков и когтей. Но вот в серо-зеленоватой снулой куче плоти и

костей ярко, словно маяки, вспыхнули, два алых раскосых глаза. Создание дьявола раззявило в беззвучном шипении красную пасть, ощеренную острыми звериными зубами. Особенно выделялась пара отличнейших клыков в верхней челюсти. Шикарный набор.

Существо с треском разогнуло суставы и неуверенно поднялось на... Действительно, на ноги. Ростом оно не превышало среднего человека, было бесполо, костляво и изломано, покрытое пергаментно-осклизлой кожей. Лысая башка с остроконечными ушами, две дырки вместо носа, широкие скулы, кривящийся в непонятных опять-таки гримасах рот, и полыхающие багрянцем глаза с чёрными вертикальными зрачками. Зрачки эти смотрели вполне разумно и осознанно. Пятипалые кисти твари окачивались загнутыми когтями.

От ужаса никто не мог выдавить ни слова, таращась на освободившегося из заточения монстра. Подозрительный треск разрываемого полотна хлестнул по ушам. Треск исходил от зависших в двух метрах над землёй десятка мешков-утроб. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы допетрить, что и остальные коконы заняты мерзопакостными постояльцами вроде того, что угрожающе раскачивался перед нами.

И эти уроды так же рвались на свободу! Они изнутри распарывали оболочку коконов, выпрастывая наружу когтистые руки и ноги, разрывая пряди толстой жирной паутины. Зловоние и шипение слитно били по нашим обонянию и нервам.

— Чт-то-о это т-такое? — заикаясь, насилу пролепетала Джессика.

— Сдаётся мне, что это... упыри! Вампиры! — обречённо выпалил Колин. — А мы... Мы пробудили их от долголетнего сна.

Я чертыхнулся. Вот это номер. Взял, да помер... Но юноша в одном круто ошибался. Это не МЫ их разбудили.

Уже более десятка чудовищных порождений больной дьявольской фантазии копошились на полу, пытаясь восстановить подвижность атрофированных членов. Видок у них был не самый дружелюбный...

— А-а-а! — неожиданно, как оглашённый заорал Дон прямо у меня над ухом. — Вампиры-ы-ы! Вампиры, мать вашу!

Я так и подскочил и с трудом сдержался, чтобы не отвесить Рейнолдсу хорошего пинка.

— Держать строй! — рявкнул я.

Ты теперь демон, ты — вампир!
Ария «Вампир»
Скрещены клинки, в небе слышен стали звон,
Ночь разорвалась криком со всех сторон.
... Чёрная мгла пеплом всё замела,
Скрылся из глаз горизонт.
Надо идти, чтобы веру спасти,
Твёрдо смотреть вперёд!
Натиск «Скрещены клинки»
В страстных объятьях без мысли тревожной
Ангел и демон, огонь в темноте...
Ольви «Ангел и демон»

Два десятка оголодавших несуразных клыкастых тварей с улюлюкающим воем накинудись на нас, полосуюя воздух когтистыми лапами и угрожающе сияя алыми глазищами. Мы отозвались невольным дружным воплем...

— В круг, все в круг! Не ломать строй! — распинался я. — Живо, кому говорю! Герти и остальные кобылы в центр! Шевелите задницами...! Приготовиться...

Ого, ещё немного, и я стану выражаться как стопроцентный американец. Не приведи Господь!

«Кобылы» не заставили себя долго упрашивать, юркнув в середину человеческого круга, отгородившись от кошмарных ублюдков нашими бравыми спинами.

— Огонь! — взревел я. — Цельтесь в головы!..

По счастью, было похоже на то, что упыри ни хрена не смыслили в тактике и стратегии, наваливаясь всем скопом, наседая друг на друга и тем самым себе же мешая. Очнувшиеся от колдовского сна чудовища были слишком голодны, чтобы трезво рассуждать и стремились задавить нас одним числом, пытаясь проломить оборону с первого наскока.

Но и нам отступать было некуда. Позади не Москва, конечно, а «всего навсего» наши жизни, что, согласитесь, тоже не мало. Мы встали насмерть. Говорю без патетики и пафоса. Так всё и было. Громыхнул «Экспресс» — и лысая голова одного из вампиров (до окончательного выяснения личности нападающих будем называть их именно так) разлетелась, как перезрелая тыква. Обезглавленный монстр сделал по инерции ещё несколько шагов, грузно упал на живот, и тут же был затоптан алчущими поскорее добраться до свежей крови товарищами.

Невероятная волна атакующих достигла замерших в напряжении людей, и... помещение взорвалось какофонией войны и звуками жестокого боя.

Винтовка немца вторично сотрясла своды зала, пробив в груди очередного кровососа огромную рваную дыру. Не растерявшись, я ткнул мечом в эту самую дыру и насадил, как на вертел, следующего вампира, проткнув клинком вражье горло. Высвободив меч, я круговым движением съел голову ещё одному серо-зелёному вояке. Из обрубка шеи ударил фонтан вонючей зелёной крови...

Упыри продолжали тупо напирать, пуская слюни и злобно шипя. Я бегло осмотрел картину жаркой схватки, отметив, что бойцы моего отряда держатся весьма неплохо,

умудряясь не ломать построенный круг и ловко отбиваясь от завывающих тварей. Бухали выстрелы, клинки со свистом рассекали воздух, с чавканьем входя в плоть, раздавались ругань и насадное сипение. Но всё же... Всё же... Я от бессилия сжал челюсти. Я понял что в отличие от крупнокалиберной гаубицы Шнитке, револьвер Стокмана и «Беретта» Трейси не могли долго сдерживать натиск вампиров. «Экспресс» просто отхватывал от монстров здоровенные куски мяса, кроша упырей в капусту. А вот пистолетных пуль те как будто и не замечали, не обращая на кровоточащие раны должного внимания. Да и раны эти затягивались буквально на глазах.

Поэтому я, произведя несколько выстрелов из «Глока», быстро отказался от огневого подспорья и сосредоточился на рубке мечом конечностей кровопийц, лишая их возможности быстро двигаться. Света нескольких факелов и маленьких фонариков пока вполне хватало, что не позволяло клыкастым уродам использовать преимущество ночного зрения. По идее, вампиры должны видеть в темноте не хуже кошек. Но в этом вопросе мы были на равных.

Шнитке ударом ноги отшвырнул от себя давящегося слюной упыря и саданул прикладом винтовки по хребту второго, с хрустом ломая позвоночник. Перезаряжать «Экспресс» он уже не успевал, твари всё напирали, норовя вцепиться в горло. Закусив губу, Трейси выпустила последние патроны из пистолета и, отбросив оружие, взялась за кинжал и столовый нож, закручивая вокруг себя вихрь из стали и серебра. Моя ты амазонка...

Артур и Колин, встав плечом к плечу, сноровисто орудовали топором и мечом, несколько раз зацепив набрасывающихся с флангов монстров. А Колин даже со звуком лопнувшего кокосового ореха проломил одному из зловонных выродков череп острым шипом на обухе топора, расплескав мозги красноглазого по полу. Однако кровососы натиск не ослабляли. Дон шустро колол пикой, всаживая залитое зелёной слизью лезвие во впалые животы. Мастерс и Коннор отбивались, как могли, опустошивший барабан револьвера Бенни голосил как потерпевший, отпугивая истошными воплями самых отчаянных вампиров, но... Но всего этого было до обидного мало. На одном героизме выехать не получалось, упыри отказывались умирать от смертельных для человека ранений и... битва продолжалась.

Забрызганный с ног до головы зелёной вонючей кровью я выписывал мечом восьмёрки и петли, создавая непроницаемый для монстров круг. Наиболее неосмотрительные твари, имеющие неосторожность сунуться ко мне, тут же, скуля, отступали, зажимая фонтанирующие кровью культы. Но всё-таки проклятых чудищ было чересчур много, а убить их весьма проблематично. Ещё немного — и мы дрогнем. Такой темп боя не подготовленные к подобной мясорубке люди просто долго не выдержат.

Внезапно рядом со мной, как мне показалось, расцвёл гигантский огненный цветок, распугивая сгущающуюся потустороннюю тьму, и пронзительный нечеловеческий крик вознёсся к потолку зала. Я поспешно обернулся. Пламя заживо пожирало корчащуюся фигуру одного из кровососов. Трейси неверяще глядела на испачканный зелёно-болотистой слизью серебряный ножик в своей хрупкой руке, видимо, недоумевая, как столь невзрачное оружие могло ТАК поразить вампира.

Через мгновение обугленный остов брякнулся оземь и... рассыпался ворохом серого пепла...

Серебро! Я стукнул себя по лбу. Устал я, устал. Совсем туплю. Ведь, если верить тем же легендам, то, предположительно, серебро смертельно для любого вампира. Как мало мы знаем о сверхъестественном, а то, что знаем, обычно держим за бабушкины сказки. Что ж, предположение обернулось устойчивым догматом. Нас пытались сожрать настоящие упыри,

и они взаправду боялись серебра. Оборотни в этом плане совсем не одиноки.

— Режьте их серебром! — хрипло каркнул я. Все с воодушевлением взялись за столовые ножи и вилки. Со стороны это выглядело, подозреваю, комично, но нам было не до смеха.

Несколько опешившие вампиры заворчали, смеря заблестевшими настороженностью алыми глазами горстку пепла, оставшуюся от павшего товарища. Возникшая было нерешительность переплавилась я жгучее горнило мести, и гротескные чудовища, дружно взревев, с удвоенной энергией набросились на нас, никак не желавших поддаваться.

Но положение вещей кардинально поменялось. Вампиров встретила как сталь, так и серебро. Сближение вплотную, разумеется, было очень опасным, но удерживать их на расстоянии мы уже были не в силах.

Я с размаху вонзил нож в сердце налетевшего на меня упыря. Взвыв, кровосос ухватился лапой за мою руку и... из ушей, рта и глаз его так и брызнули языки потустороннего огня, быстро объявшего туловище клыкастого монстра. Я еле успел отдёрнуть руку, но, как ни странно, жара от охватившего вампира огня я не почувствовал...

Я неплохо метал ножи, и серебряные вилки покорились мне не хуже. Два броска и подкрадывающийся к Ральфу упырь схлопотал вилку в глаз, а следующий за ним — в глотку. Оба вспыхнули как факел Статуи Свободы. Численность монстров катастрофически таяла. Шнитке отоваривал напирających уродов прикладом и добавлял сверху столовым ножом. Упыри превращались в мечущиеся столбы пламени, осыпаясь затем грудой никчёмного пепла...

Трейси подпрыгнула и с лёту долбанула серокожего противника тяжёлым «казаком» в ухо, приземлилась и изящно вонзила нож в подбрюшье завизжавшему на одной высокой ноте вампиру. Отшатнувшись от загудевшего огненного тюльпана, девочка невольно заслонила ладошкой. Коннор и Мастерс идеально сработались, сообщая забывая одного из упырей на смерть, отрываясь по полной. Герти, Джесс, Саша и Кристи, сжимая в кулачках ножи и вилки, плотно скупились, испуганно тараща глаза. Слава богу, все целы! Мы остановили волну нечисти и опрокинули её. И монстры не задели девчонок ни когтем.

... Последнего вампира уложил сам мистер Бен Стокман. Рейнолдс метким броском послал копьё вдогонку улепётывающему монстру (похоже, красноглазый скумекал, что дело туго, и надо сматывать удочки), проломив затылок. Вампир запнулся и упал на каменный пол. Стокман, откуда и храбрость взялась? подскочил к копошащемуся уродцу и всадил серебряное лезвие меж лопаток. И этот вампир горел на славу. Тишина вновь окутала зал. Мы невольно задержали дыхание, стоя посреди луж крови, слизи и груд вонючей золы.

— Отбились никак, — неверяще прошептал Мастерс, осоловело обводя поле боя мутными глазами. — Вот это... Вот это посерьёзней, чем охота на лисиц!

Роберт нервно засмеялся.

— Ура! — радостно воскликнул Артур. Глаза юноши сверкали как звёзды, грудь судорожно вздымалась и опадала. — Мы побили этих недоношенных вырожденцев! Клянусь жизнью, побили! Да расскажи кому, никто же не поверит... Уф, ну и...

— Надо ещё дотянуть до того момента, когда можно будет рассказать хоть что-то, хоть кому-то, — подал голос Ральф, опираясь на забрызганный вампирской кровью приклад винтовки.

Мне показалось, или клубящийся в комнате сумрак действительно поредел, боязливо рассасываясь от нас в стороны? Видимость заметно улучшилась. Я, не особо напрягаясь, разглядел большие двустворчатые двери, ведущие в обеденный зал. Чтобы попасть туда, нам

осталось пересечь чуть было не ставшее нашей братской усыпальницей помещение, пропахшее пороховой гарью, зловонием, смертью и страхом.

— Да... Повезло нам. Мы легко и без потерь отстояли друг друга. Всё могло закончиться гораздо плачевней, — я тронул свисающий с пояса бесполезный арбалет. И зачем я его взял, спрашивается? Ну не выбрасывать же теперь. Кто знает, а вдруг пригодится...

— Отстояли? Легко? — вылупился на меня Стокман. — А что же, по-вашему, трудно?

— Противники слабоваты оказались, — я пнул носком ботинка обугленную головешку. — Силой они не превосходили обычного человека. И никаких сверхспособностей я за ними не заметил. Так... простые невзрачные уроды. В них не оказалось ничего от легендарных мощи и титанической силы истинных вампиров.

— Угум, — согласно хрюкнул Рэнделл. — Алекс прав. Но не скажу, что я разочарован!

Саша с надеждой спросила:

— Так может, такие всеильные только в кино и встречаются?

— Скажем спасибо, что с подобными мы и не столкнулись, — буркнул Ральф, перезаряжая винтовку. — Потому и живы остались.

— И надеюсь, что не встретим, — я хлопнул немца по плечу. — Так, все живы-здоровы? Ну и прекрасно. Идёмте.

Ральф тронулся первым, остальные за ним. Я остался прикрывать, пересчитывая по головам проходивших мимо меня людей.

— Быстрее, ребята, быстрее! Не бойтесь этого сумрака, он сам вас боится. Власть этого барона не беспредельна... Был бы он круче вареных яиц, сам бы нами занялся.

Я подбадривал своих товарищей, как мог. Зачастую человек нуждается в элементарной поддержке и доброй шутке. Это здорово поднимает боевой дух. Я знаю, что говорю. Пусть у самого и кошки на душе скребли...

— Эй, Артур, выкинь на некоторое время из головы скабрзные и пошлые мысли о девчачьих попках, перестань глазеть на Джессику, и быстрее шевели лапами! И дружку своему передай... Кстати, а где он, где Мартин то?

Артур удивлённо покрутил головой, но... Скотта рядом не было.

— Не понял, — Артур ошеломлённо заморгал. — Куда он, в натуре, делся? Он же всё время был со мной! По-моему. Наверно...

Шеренга застопорилась. Все, возбуждённо загалдев, принялись оглядываться, но Мартин отнюдь не был иголкой и потеряться под ногами он не мог. Его нигде не было!

— Твою мать, — подавленно проскрежетал я. — Как же мы ухитрились его потерять?! Он вообще входил вместе с нами в этот зал?

Все поражённо разводили руками, но факт оставался фактом. Мартин Скотт бесследно исчез.

А дело было так. Бредущий в середине колонны Мартин как-то незаметно для самого себя начал отставать, переместившись в «хвост» цепочки. Проигнорировав удивлённый взгляд Шнитке, юноша медленно брёл, опустив голову и едва не наступая на пятки охотнику, замыкающему до недавней поры шагающую ленту людей.

Мартин шёл, как лунатик, еле передвигая ноги и устало осунувшись. На него грузной тяжестью навалилась непонятная неприятно-удушливая апатия, мысли превратились в сумбурное месиво. Спроси сейчас у Скотта, как его имя, и он бы затруднился ответить...

Перед глазами повисла какая-то пелена, отгораживающая юношу от внешних звуков и шествующих впереди него таких далёких людей-фантомов...

И лишь одно невероятно укрепившееся и обостренное чувство безраздельно завладело Мартином. Всецельно и поглощающе. Желание. Дикое, граничащее с безумием, сексуальное влечение. В сочетании с вялостью и накатившей сонливой подавленностью это выглядело более чем странно и... подозрительно. Но Мартин словно не замечал своего чудного состояния, терзаемый мучительно-сладостными желаниями.

Он отставал от других всё больше и больше, поступь его всё замедлялась. Широкая спина Ральфа маячила где-то в невообразимой дали. Юношу снедали страсть и похоть. Кристи, Джесс, Саша и Трейси представляли в его сознании в разной степени раздетости, и в самых невероятно-возбуждающих позах, заманчиво стреляя томными глазками... Обнажённые груди, шелковистые бёдра, стройные ножки завораживающей призрачной каруселью обволакивали пускающего слюну Мартина. Да что там Кристи или Джесс! Даже малышка Герти стала казаться Скотту довольно таки зрелой и аппетитной дамой, с которой тоже можно неплохо развлечься.

Юноша посекундно облизывал пересохшие губы. Низ живота горел в сладостном нетерпении, горло перехватывало сладкой же истомой... Он был готов, уподобившись насильнику, накинуться на первую попавшуюся особь женского пола, невзирая на различия в возрасте и расовые предрассудки. Сквозь пелену в глазах вдруг проступило что-то тёмное и большое. Ух ты! Мартин чуть не врезался носом в обитую железными полосами дубовую дверь, успев в самый последний момент затормозить. Откуда взялась на его пути дверь? Неужели это конец коридора? Но где же тогда все остальные? А кто это — остальные? Разве кроме него здесь ещё кто-то есть?..

Мартин никак не мог сообразить, что плетясь со скоростью пьяной черепахи, он отклонился от заданного курса и, свернув в одно из бесчисленных сумрачных ответвлений, в конце концов, упёрся в эту самую дверь. Юноша замер. Чувство вождления, желание обладать податливым женским телом возросли в геометрической прогрессии, взлетев чуть ли не выше сводчатого потолка. Из-за таинственной двери исходили настолько мощные волны ответного ЖЕНСКОГО возбуждения, что он едва не взвыл, прожигая двери лихорадочно блестящими глазами. Сильнейшие эманации невидимой женской сексуальности увесистой дубиной лупили в висок и пах Мартина.

Юноша прочистил горло и упёрся ладонями в холодную поверхность двери. Та легко поддалась напору и приоткрылась внутрь... комнаты. Мартин на ватных ногах переступил порог, и... застыл, уронив нижнюю челюсть на грудь.

Тому, что дверь за его спиной так же бесшумно сама собой захлопнулась, Скотт не придал никакого значения, полностью замороженный открывшимся пред его глазами зрелищем.

Мне очень, очень тяжело далось это решение. Решение, на какое при других обстоятельствах я бы ни за что не пошёл. Совещание длилось считанные минуты. Моё слово оказалось самым весомым, сломив всяческие разногласия и сопротивление оппонентов. Мартин Скотт был оставлен на произвол судьбы. Никто из нашего отряда не пойдёт к нему на выручку. Да и где его искать? Куда угораздило запропасться несносному юнцу? Просто испариться он не мог, значит, получается, что Мартин потерялся в одном из закоулков огромного замка. Но опять-таки, где именно и каким образом? Ральф рвал на голове от

досады волосы, кляня и всячески себя обзывая. Немец полагал, что во всём виноват он. Ведь видел же, что Мартин отстал и какое-то время топал за его спиной... Но в какой из моментов юноша исчез, Шнитке ума приложить не мог. Что произошло? Мартин сам куда-то свернул или кто затянул насильно? Вопросы... Сплошные бесконечные вопросы.

Артур и Джессика?! особенно напирала на необходимости незамедлительного спасательного рейда, пока ещё не поздно. Я тактично смолчал, что, возможно, уже поздно... Взбеленившаяся ни с того ни с сего испанка чуть ли не с кулаками наскакивала на меня, требуя предпринять хоть что-то для пропавшего юноши. Стиснув зубы, и чувствуя себя полным ничтожеством, я отвечал взбешённой девушке, что не имею права поставить жизнь одного человека, пусть даже и подростка совсем, превыше жизни других доверившихся мне людей. Кто знает, что произойдёт, если мы разделимся или всей толпой бросимся на выручку... Вдруг пленившие (в теории, разумеется) юношу Тёмные силы только и ждут подобной оплошности с нашей стороны? Надежда на спасение зиждется на сплочённости и единстве, на сжатом кулаке. И я не допущу, чтобы загадочный чернокнижник переломал нам все пальцы по отдельности.

Если Мартин угодил в плен, то, как только настанет утро, и в Стиллхолл придут строители, мы вызовем полицию, службу спасения, гвардейцев королевы, прочешем весь замок с верху до низу, но отыщем пропавшего юношу. Если же Скотт, не дай Бог, уже мёртв, то в любом случае ему уж ничем не помочь... А подставиться под новый удар у нас получится просто здорово. Несомненно, будь я один, то, не раздумывая, уже ломился бы в каждую из дверей, но... не сейчас. Джесс в бессилии волчицей смотрела на меня, но больше не произнесла ни слова.

— Ну, что же ты стоишь в дверях?.. Проходи, проходи, я не... кусаюсь.

— Я-я-а... это... Я вам не помешал?

— О силы Тьмы, ну что за прелестный мальчик! Красивый, мужественный, сильный, и вдобавок воспитанный. Я прямо вся млею... Конечно, ты мне не помешал, милый. Подойди поближе, ну что же ты?..

— С удовольствием, если вы не возражаете...

— И прекрати говорить мне «вы»! Или я настолько старо выгляжу?

— Нет, нет! Что в... ты!

— Вот и замечательно. Садись рядом со мной.

На подгибающихся от охватившей его слабости ногах Мартин прошкандыбал к королевских размеров кровати и тяжело бухнулся на роскошные простыни. Затуманенное сладострастной негой сознание юноши воспринимало всё происходящее в одной колее, не сходя со стези желания и всепоглощающей страсти. Он не придал особого значения тому (при нынешних то обстоятельствах!) что комната, в которой он оказался, весьма необычна и загадочна. Комната подчёркнуто шикарная и утопающая в мягких коврах, пуфиках, креслах, пухлых подушках и озарённая тремя-четырьмя массивными канделябрами из меди, утыканными дюжиной приглушенно мерцающих восковых свечей... В центре помещения располагалась вышеупомянутая кровать, настоящее ложе любви, увенчанное вычурным балдахином. Интимный полумрак и общий фон комнаты отдавали вызывающим ало-розовым цветом.

Но юноша и на эти изыски не обратил должного внимания, не в силах отвести поражённо вытаращенных глаз от ТОЙ, что в расслабленно-небрежной позе возлегала на

кровати, буквально утопая в мягких перинах.

Несомненно, это была самая красивая и желанная женщина из всех, что он когда-либо видел. Принцесса, королева, богиня... Чувствительнейший удар по психике любого здорового мужчины. Само совершенство... Волна густых иссиня-черных волос окаймляла хорошенькое личико с огромными насмешливыми зелёными глазами, точёным носиком, высокими скулами и просто потрясающими полными, чуть влажными, губами...

Она, как кошка, зажмурилась, сладко потянулась и изящно перевернулась на живот, зазывно улыбаясь. Мартин от волнения дышал с трудом. Из его глотки вырывались какие-то всхрипы, но он не мог произнести ни единого связного слова, лаская загуманенным взором плавные очертания восхитительного тела красавицы-незнакомки. Ибо она была обнажена. Полностью. Абсолютно. Юноша сидел ни жив, ни мёртв, обливаясь потом и чувствуя, как в паху извергается жаркий вулкан... Она мягко встала на четвереньки и, прогибаясь в пояснице, мурлыкая, подползла к нему. Мартин едва не терял сознание, у него было такое ощущение, что он вот-вот взорвётся от распирающего организм желания.

Незнакомка утвердилась на коленках и, откинув на спину гриву волос, ласково взяла Скотта за мелко трясущуюся руку.

— О, ты весь дрожишь, мой мальчик, — голос у неё был низкий, грудной, чувственный. — Что с тобой?

Мартин замедлил с ответом, тупо пялясь на совершенные груди, изящный изгиб талии, крутые бёдра, тёмный треугольничек шелковистых волос в низу плоского живота... Все проблемы, дом, друзья, замок, барон Кролл, мир за пределами этой комнаты прекратили для Мартина своё существование. Всё это осталось в далёком призрачном прошлом. В настоящем были только ОН и ОНА.

— Ну, почему ты молчишь?

— Ты очень красивая.

Она с хрипотцой рассмеялась. Упругие груди с выпуклыми тёмными сосками заколыхались в такт... Мартин в изнеможении простонал сквозь до боли стиснутые зубы.

— Рада, чертовски рада, что я тебе нравлюсь, — обнажённая красавица блеснула ровными, как на подбор, белоснежными зубками. — Ты мне тоже симпатичен... Скажу по правде, малыш, увидев тебя, мне захотелось засунуть между ног пальцы. Твои пальцы...

Переварив услышанное, Мартин окостенел, хватая раскрытым ртом тёплый душный воздух. В комнате было жарко...

— Э-э... Взаимно.

— Ха-ха! Ты просто чудо, милый. Раздевайся, я хочу тебя. Прямо здесь и сейчас. Хочу твою силу, твою энергию.

Торопливо срывающий с себя одежду, так, что пуговицы летели, юноша вновь проигнорировал раздающиеся в висках молоточки тревоги, во всю мочь вопящие об опасности. Смертельной опасности. Но он хотел ЕЁ, хотел до боли! Оголившись, Мартин в нерешительности замер. Она беззастенчиво разглядывала обнажённое худое юношеское тело, задержав огромные глаза на чреслах Скотта. Там жизнь, что называется, была ключом.

— Внизу ты ещё краше, сладкий.

— Вам виднее, — Мартин покраснел как рак.

— Ляг на спину, расслабься... Я всё сделаю сама. Ты получишь ни с чем несравнимое наслаждение. Наслаждение, которого вот уже столько лет не достаивался ни один из рода смертных.

Скотт упал на подушки, раскинув руки и ноги. На его физиономии застыло предвкушение невиданного чуда. К слову сказать, за исключением поцелуев и взаимных нежных ласк, у него ни разу не было полноценного сексуального опыта. И то, что с минуты на минуту должно было произойти, приводило его в неистовый трепет.

Она ловко села на Мартина сверху, крепко зажав его бёдра своими и, наклонившись, вскользь поцеловала в губы, проведя языком по лбу и носу юноши. Мартин изо всех сил вцепился пальцами в простыни.

— О, а это что такое? — черноволосая красавица поддела пальчиком с длинным острым ногтем покоящийся на груди Мартина нательный крестик, удерживаемый золотой цепочкой. — Милая безделушка, но, увы, совершенно бесполезная против таких, как я. Мы появились задолго до рождения вашей веры... И священные атрибуты вашей религии не в состоянии причинить нам вред. Тут нужны совсем другие амулеты, более древние и могущественные.

Мартин вполуха слушал её голос, в корне не воспринимая смысла произносимых ею слов. Она слегка приподнялась, упираясь ладонями в скользкую от пота грудь юноши, и резко опустилась, слившись с ним воедино... Мартин громко застонал, она запрокинула голову и торжествующе выкрикнула:

— Ну наконец-то, слава Тёмным богам, это свершилось! Я столько ждала...

Следующие несколько минут томная красавица приседала на глухо стонущем от наслаждения студенте, тонко вскрикивая в унисон. Температура в комнате повысилась, с обнажённых, распаренных страстью, любовников ручьями сбегал пот. Мартин, освоившись с новой для себя наукой, сноровисто ухватил незнакомку за тугие ягодицы, ускоряя движения. Перед его глазами мелькало то прекрасное, изнеможённое негой, лицо, то покачивающиеся полушария груди с налитыми сосками... И больше он не о чём не думал. И не хотел думать.

— О-о!.. Великолепно, мой мальчик, просто великолепно! Ты так горяч, так энергичен... Я выпью тебя всего, без остатка! Ну же, излей в меня себя, ну...

Мартин выгнулся дугой, так сжав атласные бёдра зеленоглазой, что на нежной коже отпечатались белые пятна, и, не сдерживаясь, закричал. Она, сотрясаясь от оргазма, безвольно распласталась на юноше. Несколько ударов сердца они пролежали молча, обнявшись и тяжело дыша. Затем Скотт попробовал пошевелиться, но... Не тут-то было! Она так его придавила, что Мартину показалось, будто бы хрупкая красавица весит не менее тонны! В затуманенную голову Скотта прокрались первые признаки беспокойства. Вдавлив Мартина в перины, она приблизила ангельское личико к его размякшей физиономии.

— Ты готов? Готов отдать мне свою силу?

— Чего? — прохрипел юноша, ещё раз попытавшись освободиться от стальных объятий. Тщетно.

— Приготовься...

Она мягко прикоснулась губами к шее Мартина. Тот невольно дёрнулся, опутавшие утомлённый мозг тенета колдовской паутины начали рваться. Она широко раскрыла рот, её язык нервно облизнул белые зубы. И тут... Он не поверил своим глазам. Резцы обнажённой красотки начали стремительно расти, увеличиваясь в размерах! Миг — и во рту у неё матово заблестела пара чуть загнутых, бритвенно-острых клыков. Зрачки зелёных глаз неуловимо растянулись, сузившись в вертикальные полумесяцы...

Она весело улыбнулась и невероятно быстро приникла к шее Мартина. Челюсти преобразившейся красавицы сомкнулись, клыки впились в плоть, прокусывая кожу. Молодая

алая кровь хлынула в ненасытную глотку... суккуба!

Мартина охватила дикая, несусветная боль, место укуса жгло раскалённым железом. Он начал стремительно терять силы. В самом прямом смысле этого слова. Проклятая тварь высасывала с кровью все жизненные соки. Чудовищная боль в момент прочистила мозги Скотта. Он словно бы вынырнул из тёмного омута на спасительную поверхность. И он стал бороться.

Яростно заорав, юноша предпринял уже третью по счёту попытку сбросить с себя ненасытного суккуба. Но та присосалась как пиявка, испачкав рот вкусной свежей кровью. Ногти её переплавились в крюкообразные когти, разрывая кожу Мартина. Однако студент решил сражаться до конца. Путём сверхчеловеческих усилий освободив правую руку, он нанес, как ему показалось, несколько довольно солидных ударов по прекрасному лицу суккуба. В ответ она ещё сильнее сжала челюсти, отмахнувшись от руки Скотта, как от назойливой мошки.

Корчась от боли, Мартин зашарил пальцами рядом с собой. Он слабел и слабел, ещё немножко, и он не сможет и века поднять... Судорожно мечущаяся рука неожиданно наткнулась на что-то твёрдое, выпирающее из-под вороха его одежды, брошенной тут же на кровати. Непослушные пальцы юноши сомкнулись на рукояти выпавшего из-за ремня в спешке снимаемых штанов серебряного столового ножа. Не раздумывая, Мартин в последнем усилии взметнул руку и всадил клинок меж лопаток трапезничающего суккуба. Нож вошёл в обольстительную спинку, как в подтаявшее масло.

Она в ту же секунду оторвалась от терзаемого горла юноши, прогибаясь назад, и издала пронзительный, скрежещущий вопль, от которого Мартина бросило в дрожь. Отчётливо понимая, что на повторный удар у него не будет ни времени, ни возможности, Скотт вогнал нож под левую грудь суккуба, по самую ручку.

Нежное горлышко голы девушки исторгло низкий рёв взбешённого носорога, и падкая до крови тварь в каком-то невероятном прыжке взвилась под самый потолок. Мартин тут же скатился с кровати, грохнувшись на ковёр, долей секунды позже суккуб рухнул обратно на забрызганное человеческой кровью ложе. Из её ран не показалось ни кровинки...

Пошатываясь, Мартин кое-как взгромоздился на колени и облокотился о кровать, наткнувшись на мёртвый взор остекленевших зелёных глаз с кошачьими зрачками. Челюсти суккуба свело предсмертной судорогой, исказив рот в злобной гримасе. Одна рука безвольно свесилась с кровати.

— Твою мать, — прогундосил Скотт, рассматривая убитого им кровососа. Он лапнул себя за шею и машинально вытер окрасившиеся кровью пальцы о простыню. Поразительно, но место укуса больше не болело... Боль сменилась саднящим пощипыванием, а кровь начала сворачиваться. Чары суккуба рассеивались.

— Надеюсь, после случившегося член у меня не отвалится, — промычал юноша, мимоходом глянув на поникшее достоинство.

Резкий, удушливый запах смачно ударил в нос. Вонь была настолько резкой, что Мартин закашлялся. Подняв голову, он увидел, что безупречное тело суккуба истаивает, истлевет, превращаясь в костлявую, обтянутую дряблой пергаментной кожей мумию. Роскошные волосы обратились в хворые спутанные колтуны, зубы покрылись коричневым налётом...

— Твою мать! — на этот раз во весь голос взвыл Мартин. Он отпрянул от кровати в сторону, схватился за живот, и его вырвало. Утирая с губ едкую желчь, Скотт прохрипел:

— Ну и встрял же я... Да еще неизвестно где саблю потерял. Алекс меня убьёт!

*Ночь — ты как бездна глубока,
 Ночь — ты безбрежная река.
 ...Ночь — бархат чёрной тишины,
 Ночь — состояние души...
 Театр Теней «Ночь»
 Вечная битва за место под солнцем
 В наших глазах разжигала запал.
 В наших сердцах крепла вера господня
 И наша религия — хэви-метал!
 Крюгер «Вера и религия»*

Саша Зверева украдкой, в платочек смахивала слёзы. Такие горячие и едкие. Разумеется, она плакала и раньше, но сейчас... Сейчас совсем другая ситуация, ни имеющая ничего общего с мелкими житейскими проблемами и неурядицами. Саша крепилась, сколько могла, читай, всю дорогу, но сколько же много смертей она увидела за эти несколько дней... Более чем предостаточно для юной девушки. Джон Хэтфилд, Грейс Брайен, Эдвард Блейк, теперь вот ещё Мартин исчез. А все эти ужасы и страсти? Колдовство, ожившие мертвецы, мороки, упыри, оборотни, страшные тайны... Саша порой сомневалась в собственном рассудке. Может, она уже давно сошла с ума, и всё это потустороннее безобразие живёт лишь в её больном воспалённом сознании? Ещё неизвестно, какой из вариантов более предпочтителен!

Зверева шмыгнула носом, из-под непослушной чёлки осматривая поредевший, порядком потрёпанный, израненный и удручённый отряд расположившихся в обеденном зале людей. Как только последний человек забежал в огромную комнату, прочные двери заперли на ключ, растопили камин и зажгли все свечи и лампы. Вскоре в зале стало тепло и светло. На окнах задёрнули шторы, поскольку вид стерегущего снаружи тумана многих откровенно нервировал. Ночь давно вступила в неоспоримо законные права, поглотив огромный замок и вплетая мазки угольной черноты в клубящиеся пары живого тумана. До утра оставалось около семи часов. Так мало и так много...

Джессика сидела за длинным обеденным столом, сложив в молитвенном жесте ладошки, и что-то горячо шептала по-испански. Артур уселся напротив неё, уронив вихрастую голову на грудь и непроизвольно вздрагивая во сне. Колин привалился спиной к стене рядом с жарким камином, молча уставившись в одну точку. О чём он думал, одному Богу известно... Трейси... Саше показалось, что она в кои-то веки видит настоящую Трейси, не ту, что способна обескуражить и высмеять кого угодно, и не ту, что без зазрения совести признается в пристрастии к «розовой» любви, а другую, истинную, которая прячется где-то глубоко внутри нарочито показной грубиянки и стервы.

Стюарт облокотилась о спинку высокого резного стула и нахохлилась. Лицо девочки было невероятно бледным, правую скулу украсила синюшная ссадина, огромные зелёные глаза намокли, короткие чёрные волосы стояли дыбом, как у разгневанного ёжика колючки. Трейси втихомолку плакала. Невиданное зрелище.

На беспокойно дремлющего в глубоком кресле Алекса вообще было страшно смотреть. Молодой парень под грузом чудовищной ответственности выглядел гораздо старше своего

возраста. Постоянная тревога прорезала морщины на его лбу, а усталость нарисовала мешки под глазами и общий крайне нездоровый цвет лица. Болотин напоминал измученного и больного человека. Саша нахмурилась. А вдруг и в самом деле Алекс серьёзно занемог? Девочка видела перебинтованные раны и синяки на мускулистом теле Болотина. Может, Алекс подхватил заражение крови, или ещё чего похлеще?.. Саше стало плохо. Как она сразу об этом не подумала... Оставив бдительного и надёжного Ральфа Шнитке за старшего, молодой человек, едва опустившись в кресло, тут же погрузился в сон, предварительно положив под руку меч. Он как будто провалился в горячечный обморок. Не менее измученная, Герти примостилась подле своего взрослого друга на полу, обхватив Алекса за ногу и склонив черноволосую головку ему на бедро. Картина была просто умиляющей. Саша поспешила промокнуть глаза.

Немец разложился за столом, невозмутимо затачивая и без того острый охотничий нож. Винтовку он держал на расстоянии вытянутой руки и очевидной усталости не проявлял. Перехватив внимательный взгляд Саши, забравшейся с ногами в кресло, немец ободряюще подмигнул и раздвинул густые усы в улыбке. Девушка беспомощно улыбнулась в ответ. У неё немножко отпустило сердце. Стойкий охотник умел внушать уверенность одним своим видом.

Стокман понуро сидел под одним из окон, сцепив руки на коленях, обширная тень накрывала его. Бизнесмен напоминал общипанную ворону, ни желая ни с кем говорить. Дон Рейнолдс с поседевшими висками и пока ещё трезвый Мастерс о чём-то тихо перетирали в стороне. Коннор, заложив руки за спину, шаркающим шагом неторопливо мерил пространство зала, скорбно поджимая тонкие сухие губы. В зале веяло подавленностью и унынием. Зарёванная Кристи держалась на одном честном слове. Забившись в самый дальний уголок, она постоянно вздрагивала и боязливо оглядывалась. Голубые глаза её были полны ужаса и обречённости...

Саша вновь обратила внимание на Трейси. Стюарт то и дело, когда думала, что никто не видит, бросала на спящего Алекса исполненные мольбы, тоски и затаённой надежды взгляды, откровенные и... Саша недоверчиво нахмурила строгие брови. Нежные? Трейси делает нежные, ласковые и покорные глазки? Да быть того не может! Это же противоречит всем законам природы. Трейси и вдруг... Да нет, ерунда всё это.

Словно почувствовав, что стала объектом для пристального внимания, Трейси обернулась и наткнулась на отсутствующий взгляд Саши. Стюарт было по привычке скорчила надменную физиономию, но... подбородок её предательски задрожал. Трейси показалась Саше до того беззащитной, маленькой и глубоко несчастной, что она отбросила все сомнения, выбралась из кресла, подошла и крепко прижала девушку к себе, обняв за плечи. Тело Стюарт инстинктивно затвердело твёрже камня, но не прошло и секунды, как она обмякла, зарывшись лицом в густые распущенные волосы Саши. Зверева успокаивающе погладила Трейси по спине.

— Ну всё, всё, милая, не смей больше реветь.

— На себя посмотри, — глухо проговорила Трейси.

— Я — другое дело. А вот от тебя, такой железной и неприступной, повышенного слёзоотделения никто не ожидал... Вон Колин до сих пор сидит с отвисшей челюстью.

— Да ладно тебе...

Они немного помолчали. Наконец Стюарт выдавила:

— Спасибо...

— За что?

— За то, что не задаёшь глупых вопросов.

— Ой, ну чего ты... Да, кстати...

— Что?

— Не вздумай меня лапать.

Трейси с утробным смешком легко ущипнула Сашу за круглую ягодицу.

— Договорились, хотя и трудно сдержаться, — в голосе девочки появились шутливые нотки.

— Умница, я знала, что ты всё понимаешь.

— Просто мне больше нравится Джессика.

Девчонки неуверенно хихикнули и... засмеялись сквозь слёзы. Насторожившаяся Веласкес и очнувшийся Артур недоумённо пялились на них, Колин поднялся на ноги и развёл руками. Мол, неисповедимы пути господни.

... - сейчас сами всё услышите!

— Ты знаешь, я уже слышала кое-что из твоего весьма сомнительного творчества...

— И что, настолько всё плохо? Только не ври.

— Ты, дружок, нелеп и бездарен.

— Ну, знаешь, что... Закрой тогда уши!

— И не подумай. Надо же кому-то раскритиковать тебя.

— Трейси, прекрати. Не слушай её, Колин, она просто завидует. Рассказывай.

— И ничего я не завидую! Чему завидовать то?! Ладно, ладно, молчу...

Ночь набрасывает сети на город,

Мне становится легче дышать.

Я снова чувствую жажду и голод,

И тебе от меня не убежать!

Я тенью крадусь под полной луною,

В надежде устроить себе славный пир.

Чёрным плащом свою жертву накрою,

Я — дитя Ночи, демон, вампир!

Мой лик ужасный сводит с ума,

Бледная кожа, хищный оскал.

И алым огнём полыхают глаза,

Обо мне мистер Стокер давно рассказал.

Тебя я настигну — поздно бежать,

Я чую, как зверь, твой сладкий запах.

На людские законы мне наплевать —

Я наслаждаюсь болью и страхом.

Вот ты и попалась, принцесса моя,

Из груди твоей рвётся отчаянья крик.

Мольба глаз прекрасных не сдержит меня,

Мне надо продлить бытия вечный миг!

Ты безвольно обмякла в объятьях моих,

Всё это похоже на злую любовь...
К твоей нежной шейке я плавно приник,
Ища взглядом вену, несущую кровь...
Но, только коснувшись твоей дивной кожи,
Я замер, в бессилии спрятав клыки.
На кого — то из прошлого ты очень похожа,
И в тёмной душе разлилась боль тоски.
Ты так красива в лунном сиянии,
Словно легла отдохнуть и уснула.
Я застыл над тобою в полном молчании,
И мёртвое сердце вдруг что — то кольнуло...
На колени тихонько я опустился,
Твоего лица нежно коснулся рукой.
Резко поднявшись, во тьме растворился,
Очнувшись, забудешь, что было с тобой...

Эмоциональные юношеские голоса, звучащие на пониженных тонах и очередная нетленка мистера Рэнделла было первым, что я услышал, проснувшись. Представляете? Вот если вдуматься, как должны себя вести люди, впутавшиеся в такой переплёт, как мы? Заточённые во спасение в каменном мешке и ждущие спасительного рассвета? А вокруг, предположительно, сгущаются силы Тьмы и толпами бродят исходящие голодной слюной чудовища? Я и сам до последнего не знал! Теперь знаю. Люди в подобной ситуации спокойно сидят, разговаривая вполголоса, читают стихи и рассуждают о морали и поэзии. Охренеть!

Спал я плохо. Крепко и беспробудно, но снилась такая фигня, что лучше бы вообще не засыпал. Хотя я настолько вымотался, что больше не мог сопротивляться усталости. Исходя из услышанного, я понял, что ничего страшного за время моего выпадания из сознания не произошло. Отдых был необходим, голова моя раскалывалась на части, все кости ломило, раны продолжало обжигать болью. И хоть головная боль после кошмарных сновидений никуда не исчезла, но усталость отступила, а жжение где-то затаилось внутри. И то хорошо. С депрессивным постоянством меня на всём протяжении терзал один и тот же сон. Мёртвый Герберт, торжествующе ухмыляясь, хлопал меня по плечу, неся сомнительную галиматью, а Элис Блэр печально и скорбно качала головой, говоря, что я не послушал её, не только влез в Обитель Тьмы, но и впустил Тьму в себя. И ещё снился какой-то мерзкий, седой старикашка, который мне кого-то смутно напоминал, но я так и не понял кого... И так снова и снова, в одной и той же последовательности. Герберт улыбался, Элис сокрушалась, подозрительный старик терялся во мраке. Бред, одним словом.

Я открыл глаза. Студенты кучковались вокруг меня, сдвинув поближе кресла и стулья. Герти первая заметила моё пробуждение.

— Алекс! А уже два часа ночи!

— Порядок, значит? — я с хрустом потянулся. — Колин вам не полное собрание сочинений впаривает?

Подростки заулыбались. Чертовки приятно, скажу вам, когда за тебя искренне беспокоятся и рады, что с тобой всё в норме. Ну, я пытался держаться в норме. Не знаю,

насколько меня хватит. Надеюсь, что до утра уж точно... Герти залезла на подлокотник кресла и ласково провела пальчиками по моей небритой щетинистой щеке. Глазёнки девочки смотрели с тревогой и заботой. Я не мог подвести ТАКИЕ глаза... А от взгляда Трейси, который от раза к разу становился всё более странным, вообще хотелось провалиться под землю. Ральф сидел за столом, вдумчиво перебирая свои охотничьи прибабасы, Стокман кемарил под окном, Кристи застыла в дальнем уголке, Мастерс помахал мне фляжкой (когда она у него уже опустеет?!), Коннор остановился неподалёку и доброжелательно кивнул. Дон безмятежно дрых на краю стола. Счастливчик. Так, глядишь, если всё нормально будет, и до утра спокойно проспит. Я машинально пересчитал детвору: Трейси, Саша, Джесс, Колин, Артур, Мар... Я прикусил губу. Мартина с нами больше не было.

Колин показательно ждал реакции на продекламированный стих. Трейси демонстративно фыркала, кривилась и делала вид, что её вот-вот стошнит, остальные отнеслись более положительно. Артур одобряюще хмыкнул, а Саша, так та вообще поедала засмуцавшегося юношу влюблёнными глазами. Я понимающе усмехнулся и сказал:

— Мне понравилось, приятель. Классная вещь. Стоящая. Давно сочинил?

— Сегодня ночью, — Колин покосился на Сашу. — Это хороший стих. Один из лучших, что у меня есть.

Последние слова он произнёс с явным нажимом. Трейси, оседлавшая верхом один из стульев, поёрзала на жёстком сидении и примиряюще бросила:

— Ну... Согласна, не так уж и плохо. Сюжетец интересный, душевный такой... Но вот если бы ты сочинил что-нибудь в стиле метала... Гимн там или... Ну, я не знаю!

Это был вызов. И внезапно улыбнувшийся Колин принял его. Он театрально откашлялся. Трейси, почувствовав близость поражения, кисло сникла.

— Это одно из старых стихотворений. Я написал его после концерта AC/DC...

— Ты БЫЛ на концерте AC/DC? — Трейси так и подпрыгнула. — Не гони!

— А вот и был! Я же австралиец, — Колин победно показал девчонке язык.

Трейси чуть не удавилась от зависти, а Колин начал:

Мы надвигаемся мощной стеною,
Эй, прочь с дороги, кто не дурак!
В пыль разнесём мы ваши устои,
Водрузив над руинами хард-рока знак!
Мы — это рок, мы сила и честь,
Реют знамёна и поднят наш флаг.
Мы не исчезли, мы были и есть,
Вскинув в едином порыве кулак!
Мы свежая кровь прогнившего царства,
Мы ярость и вызов всем и всему.
В горниле борьбы закалённое братство,
Мы начинаем святую войну!
Кожа, заклёпки — вот наша броня,
В наших глазах полыхает огонь.
Скоро начнётся стальная заря,
И мир содрогнется, почувствовав боль.

Мы хищные волки, мы — это рок,
Мы уже близко, слышите нас?
Рэп, эмо, попсу мы сотрём в порошок,
И нам не нужен особый приказ.
Мы патриоты Отчизны своей,
Мы ненавидим, когда в нас плюют.
Вы содрогнётесь от наших идей,
Слышите, твари, часы уже бьют!
Мы — это рок, мы живая лавина,
Мы армия жизни во мраке теней.
Идём, не сгибаясь, сомненья отринув,
Следуя воли не чужой, а СВОЕЙ!
Мы — Рок!!!

Это зажигательно-провокационное творение вызвало настоящий неподдельный резонанс в нашем маленьком сплочённом обществе! Наш лагерь разделился на две группы. Ни дать ни взять ток-шоу в прямом эфире! С одной стороны невидимого барьера я — едва не прослезившийся от восторга, суровый шотландский парень Артур, которого добрый папаша пичкал «Nazareth» с молоком матери ещё с пелёнок и Трейси. Оправившись от первоначального шока, Стюарт едва не расцеловала явно довольного произведённым фурором Колина. Всё, братцы, теперь они друзья до гроба, серьёзно. Трейси (и как только у неё язык повернулся?!) официально заявила, что жестоко ошибалась в юном поэте! приносит ему свои извинения! и зачисляет в почётный список тех немногих личностей мужского пола, к коим не испытывает отвращения! По-моему, Рэнделл так и не осознал до конца, какой чести удостоился...

С противоположного берега в Колина камнями и тухлыми яйцами швырялась Джессика при молчаливой поддержке Саша. Гerti, честно не понимая, в чём суть подоплёки, воздержалась от комментариев. Испанка возмущённо набрасывалась на Колина, обвиняя в необъективности, предвзятости и расизме! Дескать, нельзя так облыжно и грубо высказываться на столь скользкие темы. На вкус и цвет товарищей нет, и кому-то может не понравиться столь откровенная хула. Надо быть корректней и думать о чувствах других людей. Колин откровенно недоумевал. Саша, замаявшись (видно, что ей не хотелось идти против юноши, но и не высказать своё мнение она тоже не могла), то и дело открывала рот, но воспламенившаяся Джессика не давала подруге и слова вставить. Испанка горячо тарабанила, что ничего хорошего в рок-музыке не видит, идей не понимает, и всюю отстаивала Рики Мартина и Энрике Иглесиаса. Да и сама поп музыка — лучшая музыка в мире! От такой кощунственной тирады Трейси едва не выпрыгнула из кожи и посоветовала смуглой испанке засунуть всю поп-музыку себе в одно место схожее по названию... Джессика словно не слышала, продолжая митинговать. Вскоре мы узнали, что и Бритни Спирс и Дженнифер Лопес тоже ничего. Колин полностью разделял это мнение, сказав, что да, попа у Джей Ло очень даже ничего. Джессика в бессилии зарычала. Хорошо, что среди нас не оказалось фанатов рэпа и эмо! И так веселуха была та ещё.

— Джессика, ты вообще понимаешь, на кого бочку катишь? — Трейси грудью встала на защиту всея «хард & хэви». — Что ты можешь знать о философии, тематике и идейной

составляющей рок-музыки, и групп, играющих её? Это не Колин, это ты ведёшь себя необъективно и опрометчиво, рассуждая о тех материях, в которых ни хрена не смыслишь.

— А ты смыслишь дальше некуда!

Стюарт чуть не поперхнулась. А кто же тогда смыслит, да?

— Милая моя девочка, — язвительно процедила Стюарт. — Я не просто смыслю в этом... Это смысл моей жизни. Я живу ЭТИМ. Понимаешь, рок или метал это не просто музыка, звуки, тексты, нет. Это явление. Это искусство с большой буквы. Это часть мировой культуры.

— И ножом, как я погляжу, вы владеете неплохо, — к нашей взбудораженной компании незаметно присоединился Энтони Коннор. — Чувствуется, что у вас уверенная и поднаторевшая рука.

Подозрительно взглянув на престарелого дворецкого, Трейси осторожно спросила:

— Куда вы клоните, дядя?

— Да всё туда же, — устало вздохнул Коннор. — К безвозвратно испорченным креслам и перилам, к вашей любви к личностям вроде Дио и Удо...

Трейси прикусила готовую сорваться с языка шпильку. Отпираться не было никакого смысла, она сама напросилась.

— Э-э... Сэр, вы что, отшлёпаете меня?

— Зачем? — прокряхтел мажордом. — В любом случае я уже не считаю себя ответственным за сохранность чужого имущества. Если Господь сподобит оставить меня в живых, и мы выберемся из этой заварушки, то какая разница, сколько вы изрезали мебели в замке слуги самого дьявола! Кроме того... Кроме того, признаюсь, что подслушивал и прошу прощения... Я и сам в молодости увлекался тяжёлым роком. Да и по сей день иногда обращаюсь к старой доброй музыке семидесятых.

— Вы?!

— Ну да, а что в этом удивительного? Неужели я произвожу впечатление заплесневелого старого сухаря?..

— Ну...

— То-то же, мисс Стюарт. Я, между прочем, бывал на живых выступлениях «Uriah Heep», «Slade» и «Led Zeppelin»...

— Ух, ты! — восторженно приподнялась Трейси. — И вы видели Роберта Планта, Ноди Холдера и Гарри Тейна?

— Да, видел. Мистер Тейн, да упокоится он с миром, был величайшим бас — гитаристом своего времени. Он играл, как бог.

— Ну... У меня просто нет слов, сэр. Круто!

Я обречённо закрыл глаза. Всё, Трейси оседлала своего любимого конька и не слезет с него, пока за уши не стянут. Похоже, это поняли и другие. Джессика выпустила пар и теперь спокойно улыбалась. Неглупая девочка, совсем неглупая. Я почесал Герти за ушком. Маленькая подлиза положила голову мне на плечо и ровно дышала, иногда попискивая от удовольствия. Как же мало надо для счастья этому несчастному, забитому, измученному жизнью ребёнку... Совсем мало. Я приложил руку к правому боку и поморщился. Чёрт, видимо без квалифицированной помощи врача всё же не обойтись. А стоит ли?..

— Наверно, как только вернусь домой, сразу соберу тебе посылочку с моими старыми дисками, — небрежно сказал я. — Как на счёт того, чтобы приобщиться к русскоязычному металлу, Трейси?

— Отлично! — у Трейси в предвкушении загорелись изумрудные глаза. — Я уже вся в нетерпении.

— Ты такой же чокнутый, как и она! — Джессика неверяще смотрела на меня. — Вы меня пугаете!

Мы опять рассмеялись. Что-то мы много смеёмся... Как бы потом не пришлось плакать, нехстати подумалось мне. Я посмотрел на часы. Без пяти минут три. Ну, ещё немножко, ещё чуть-чуть, последний бой — он трудный самый. Да, так и вышло. Я, не изменяя себе, вновь накаркал.

*Зло всегда рождает зло,
Зло бессмертно и оно
Дарит радость лишь своим рабам.
Покорив послушный мир,
Зло устроит страшный пир,
Вознесёт хвалу своим богам.
Легион «Хозяин зла»
Страх, разрушенья и голод, страдания,
Смерть, разрушенья живого — вот цель моя!
Перед собою хочу видеть пустоту,
В ней я построю свой замок, свою мечту!
Эпидемия «Без сердца и души»*

Всё началось, с того, что проснулся Дон Рейнолдс. Он перевернулся на бок, и с видимым любопытством прислушивался к нам, подперев голову ладонью. Парень, как и я, выглядел не самым лучшим образом. Гид был болезненно бледным, с запавшими глазами и преждевременно поседевшими висками. Похоже, что он устал не меньше моего. А, может, испытал такой стресс, что и врагу не пожелаешь. За здорово живёшь благородным серебром не покрываешься...

Рейнолдс зевнул и с ленцой протянул:

— Было довольно интересно и познавательно... Вынужден это признать. Но признаю и тот факт, что мне надоело вас слушать. Пустопорожняя глупая болтовня всегда меня раздражала. Как можно тратить своё драгоценное время, коего осталось и так не много, на досужие бессмысленные бредни?

— Ты решил поупражняться в остроумии? — я ошеломлённо посмотрел на гида. Что на него нашло?

Дон спрыгнул со стола, подтянул поближе к камину последнее из трёх кресел и с комфортом расположился в нём, закинув ногу на ногу. Полыхающее пламя камина создавало за спиной Рейнолдса причудливый красно-багряный фон, бросая на фигуру сидящего человека суматошно мечущиеся тени.

— Да надоело мне уже... — Дон белозубо улыбнулся. У него что, крыша поехала? — Приелось всё. Вы. Ваш панический страх. Ваше фатальное ожидание смерти. Боязни проявления нового всплеска запредельной чертовщины. Вы до ужаса боитесь барона Кролла... Я чувствую ваш страх. Он витает в этой комнате, пронизывая ледяными иголочками ваши взбудораженные мысли.

— Хочешь сказать, ты не боишься? — я выпрямился в кресле. Тревога пожарной сирены редела в моём мозгу. Вот оно...

— Я — нет.

— Да ладно тебе, выпендрёжник, — я махнул рукой, позволив себе скупую улыбку и до последнего надеясь, что мои опасения напрасны. — Не ровен час, зайвится Кролл, увидит, как ты насмехаешься, и задаст тебе перцу.

— Болгарского, что ли? — удивилась Джесс.

— Ага, — я сжал кулак. — И английского тоже.

Дон беспечно рассмеялся. Мне не понравился его смех. В нём звучали презрение, насмешка и превосходство... над нами.

— Вот за что я всегда вас ценил, так это за неунывающее чувство юмора! Вы — забавные существа.

Артур натянуто хохотнул, тут же поперхнулся и вылутился на ехидно улыбающегося Рейнолдса.

— Не п-понял...

— Ещё бы. С твоим куцым, узким умственным интеллектом это совсем не удивительно.

Коннор возмущённо засопел.

— Ты что несёшь, паршивец?! А ну немедленно извинись. Не забывайся, сынок, какое положение ты занимаешь в этом замке. И веди себя соответственно ему.

Дон продолжал холодно улыбаться.

— Я НЕ ЗАБЫЛ. Я вообще ничего никогда не забываю. И я веду себя согласно СВОЕМ положению, Тони.

У старого дворецкого от праведного гнева вздулись на лбу вены. Я же, резко встав на ноги, едва не сплюнул от досады. Тревожная сирена в моей голове выжигала все мозговые извилины. В черепе словно щёлкнул выключатель, проливая поток света на сумбур мельтешащих мыслей.

— Эй, дружок... А ты же совсем не тот, за кого себя выдаёшь! Ты не Дон Рейнолдс. И уж точно не гид.

— Продолжай, — величаво кивнул Дон.

— Осмелюсь предположить, что ты засланный агент барона, чтобы следить за нами и подстраивать всяческие козни и пакости. Я угадал?

Коннор с нарастающим ужасом таращился на своего подчинённого, сбивчиво лепеча:

— Быть того не может... Он же гид! Носильщик, слуга, мой помощник! Он не может быть ни кем иным, кроме как Доном Рейнолдсом. Ты, бездельник, прекращай ломать комедию, и немедленно извинись перед всеми!

— Заткните этого идиота, — прошипел Дон, вонзив пальцы в подлокотники кресла.

Мастерс твёрдо взял дворецкого под локоть.

— Успокойтесь, старина, не надо горячиться. Я уверен, что всё прояснится в самое ближайшее время.

Я не спускал с Рейнолдса пронизывающих серых глаз.

— Ну, отвечай, я прав? Ты работаешь на Кролла?

— Отчасти, — Дон склонил голову на бок, с жалостью и презрением изучая меня. — Но бери выше.

— Насколько выше?

— Мой юный друг, я и есть барон Кролл Галлахер!

Поражённо присвистнув и помянув одну общеизвестную мать, я покосился на своих товарищей-студентов, задаваясь невольным вопросом: у меня такой же офигевше-пришибленный видок, как у них, или ещё похлеще?

— Врёшь, сукин сын! — вырвалось у Энтони. Как бы старика удар не хватил... — У меня так и чешутся руки намылить тебе шею за идиотские выходки. Кролл он...

Рейнолдс умоляюще-беспомощно закатил глаза, театрально простонав:

— Нет, ну что за народ, о Боги Тьмы! Говоришь им, что ночь черна, а день светел, и то

они ставят эти незыблемо изначальные догмы под большущий знак вопроса! Право слово, люди — те ещё индивидуумы... Вам нужны доказательства?

Исподлобья смерив разглагольствующего Дона тяжёлым взглядом, Ральф сказал:

— Желательно. И пусть это будет более весомым, чем твоя вдруг ставшая академической речь.

— И прекрати нас запугивать, — потребовала Саша, отважившись высунуться из-за спины застывшего угрюмой жердью Колина.

Растянув губы в белозубой улыбке, гид пафосно провозгласил:

— Быть по сему. Предлагаю всем сбросить маски. Но, чур, я первый...

Сжавшись, как стальная пружина, я уловил в словах Рейнолдса затаённую усмешку. Мерзавец что-то не договаривает, пряча в рукаве пару козырных тузов. Хреново.

Дон Рейнолдс, гид замка Стиллхолл, на миг смежил веки, сосредоточившись и замерев каменным сфинксом. Ещё миг и по телу Дона пробежала рябь, напоминая расходящиеся от брошенного в пруд камня волны. Мы все давно стояли на ногах, невольно затаив дыхание и ожидая продолжения, замороженные мистическим зрелищем. Ещё один миг и вместо молодого смазливового человека в кресле оказался поджарый старикан неприятно злодейского типажа.

— Н-не м-может быть, — начал заикаться Коннор. — Не может быть...

Я, упрямо выдвинув подбородок, уставился в чёрные глаза барона Кролла Галлахера, истинного владельца замка Стиллхолл. Кролл производил впечатление крепкого жилистого старика лет шестидесяти с длинной гривой подёрнутых платиновой сединой русых волос. Именно производил. Кто знает, какой он внутри под внешне человеческой оболочкой? И какой ещё облик способен принять? Я не поставил бы и надкушенный бублик на то, что мы видим единственно изначальную ипостась барона. Кролл был одет в серый балахон простого покроя с наглухо застёгнутым воротником. Впалые щёки, кустистые брови, тяжёлая нижняя челюсть, ястребиный нос и два чёрных алмаза убийственно сверкающих глаз... Я внутренне содрогнулся. Кролл был **ОЧЕНЬ** опасным человеком. Человеком или кем-то или чем-то большим?

— Значит, ты всё это время был рядом с нами, — прохрипел я, стараясь привести в норму сбившееся дыхание. — Мы бегали от тебя, опасаясь, не зная толком чего, по всему замку, а ты постоянно был у нас под носом! Гениально.

— Не плохо, — снисходительно неопределённо произнёс Кролл. Голос человека, сидящего в кресле, тоже изменился, перейдя от приятного тенора Рейнолдса к хрипловатому баритону.

— Но почему... Почему... Зачем, дьявол тебя побери, тебе понадобилось втягивать нас во все эти игры?!

Кролл досадливо поморщился.

— Вся ирония в том, что я не собирался вас не во что втягивать...

Трейси, покраснев от злости, выкрикнула:

— Да?! А ты, стало быть, по старческому маразму забыл нас предупредить, что собираешься убить нас всех? И больше по доброте душевной, чем по злему умыслу, натравливал на нас своих монстров? Скажешь, нет?!

Барон улыбнулся, но глаза его заиндевели.

— Умница, девочка... Будь у меня на голове шляпа, я бы снял её перед тобой. Люблю нестандартных людей...

— Сам ты... нестандартный, — обиделась Трейси. — Ублюдок.

Ральф Шнитке положил на сгиб локтя винтовку и пробурчал:

— Так это ты незамеченным проник в кабинет Стокмана и разбил телефон, да?

— Конечно, я. Это не составило большого труда. И я же разбудил Туманных Стражей, этих милых очаровательных зверушек...

— Зачем?

— Должен же я был хоть что-то предпринять, чтобы вы не покинули замок! Я не мог допустить, чтобы вы все ушли живыми и невредимыми, иначе моя задумка пошла бы чёрту под хвост. И всё из-за этого ненасытного чокнутого кретина Уэнрайта!

— Вы были знакомы! — воскликнул Артур и тут же нахмурился. — Но ты... ты же сам убил его.

— Мне пришлось это сделать, — Кролл с усмешкой потёр подбородок. — Но мы не знали друг друга. Для меня проникновение в МОЙ замок вервольфа было такой же неприятной новостью, как и для вас. Он ну никак не вписывался в мои планы! Неконтролируемая сущность зверя и вечная жажда сыграли с ним дурную шутку. Как и с вами, впрочем. Да и мне он насолил предостаточно, косматый недоумок! Он заслужил ту смерть, что получил. Он, как и всякое дитя Ночи, был наслышан обо мне, но это его не остановило... Самодовольный выродок, он рискнул выступить против МЕНЯ! Он был формажором. Вам не повезло с попутчиком, вот и всё. Поэтому вы все, так или иначе, до утра умрёте...

— У тебя одни слова рознятся с другими, — у меня засосало под ложечкой.

— Вы — всего лишь расходный материал, необходимый минимум, который пойдёт в жертву обстоятельствам...

— Ты кого это называешь материалом, факир недоношенный? — воинственно пролаял Мастерс. — Мы люди, а не...

— Довольно! — гортанно прорычал барон. — Да, вы люди. Но ЧТО и КТО такое люди? Не знаете? А я знаю. Люди — это свора алчных, злобных, жадных, подлых и погрязших в пороках тварей, готовых удавить друг друга за жалкий грош! Алкоголь, наркотики, пошное распутство — вот чем отмечено ваше нынешнее племя! Люди? Нет. Стадо овец, чья участь пасть на алтарь Тьмы и отдать свою грязную, но почему-то такую жгучую, живую, кипящую кровь во славу Сатаны!

Кролл почти выплёвывал каждое слово, кривя тонкие губы и всем своим обликом выражая брезгливое презрение к роду человеческому. Его чёрные глаза разгорелись опасным потусторонним огнём.

Наполненный треском сгораемых в камине дров, отблесками свечей и сгущающимися тенями зал погрузился в напряжённую, перенасыщенную бурлящими эмоциями тишину. Мы, внезапно устыдившись самого слова «люди», подавленно переглядывались. Наверно, каждый из нас сознавал горькую обидную правоту Галлахера. Понимал это и Мастерс, и Трейси, и Шнитке... И я.

— Но ты же... Ты сам человек, — мёртвым голосом громко сказал я. — В тебе течёт кровь ЛЮДЕЙ.

— Разбавленная кровью сил Хаоса, — не замедлил поправить меня Кролл. — Не надс давить на жалость и ставить меня на одну доску с собой. Я давно наблюдаю за вами. Изучаю. Поверь, мы абсолютно разные.

— Люди — это не только грязь, порок и безнадёга, — упрямо гнул я, сощутив глаза. —

Отчасти я с тобой согласен, но лишь отчасти. Когда люди доведены до отчаяния, в каждом из них просыпается... Знаешь, кто?

Кролл издевательски пропищал:

— Ой, не знаю, ой, боюсь! Кто?! Ну кто может проснуться в пустой и презренной оболочке, наполненной смрадом умственного разложения? Зверь, что ли?

Он хитро, по-особенному глянул на меня... Скотина. Я невозмутимо усмехнулся.

— Бери выше, колдун. Человек. В каждом просыпается ЧЕЛОВЕК. Тебе знакомо это понятие? Ты ещё не забыл? Человек — это сила, мужество, доблесть, доброта, сострадание... Человек — это честь, самопожертвование, отвага. Ты, верно, забыл об этом, Кролл. А, может, ты никогда и не знал, каково это — быть НАСТОЯЩИМ человеком? Сколько ты живешь — сто, двести лет? Разуй глаза! За уйму лет ты так и не понял, каким может быть человек, и что не следует его недооценивать.

Кролл поджал губы, с очевидной неприязнью уставившись на меня.

— Ну ты ему и вмазал! — восхищённо заявил Артур. — Полный нокаут.

Чернокнижник обвёл каждого из нас испытующим взором и как-то устало вздохнул. Подперев подбородок сжатым кулаком, Кролл изрёк:

— Ты недурной оратор, Алекс. И ты действительно подходишь под вышеописанные тобой человеческие достоинства. Нет правила без исключения... Но послушайте, что я хочу вам рассказать. Это долгая и по большому счёту покрывшаяся нафталином история. Но у нас пока есть время. А я хочу выговориться. Это в вашем духе, не правда ли? Я похож на опереточного злодея? Сейчас я поведаю душещипательный рассказ о своей нелёгкой судьбе, а потом мы с тобой сойдёмся в поединке до последней капли крови! Ха-ха, таков закон жанра, да?

Этот коварный старикашка умудрялся острить! Вот сукин сын. Но особого выбора у нас не было. Пока здесь ОН диктовал условия.

— Давным-давно, почти тысячу лет назад, в средние и тёмные века, в местечке, удалённом от торговых дорог и путей, был построен замок. Замок, известный вам под названием Стиллхолл. Уже ни осталось среди смертных тех, кто помнит его истинное имя — Клостер Даркнес... Замок был заложен бароном Кроллом Галлахером, первым хозяином сего домена и сопредельных владений. Первым и... последним. Ибо своё положение при дворе, связи, титул и деньги нищий рыцарь Джером Галлахер получил, заключив сделку с извечным врагом рода человеческого. С самим Сатаной! В обмен безвозвратно отдав свою душу, и условившись раз в поколение проводить Большую Дьявольскую Мессу, воздавая дьяволу обильные человеческие жертвоприношения... И дабы мог барон жить, не старея и верно служить своему сюзерену, даровал Сатана ему жизнь вечную и силу колдовскую могучую. Но лишь до той поры простиралась власть и продолжалась жизнь Кролла, покуда жертвенный алтарь щедро и своевременно орошался кровью невинных...

Слушать откровения кровожадного чернокнижника было удовольствием ниже среднего. Но я слушал. Как слушали и все остальные...

— И построил новоиспечённый барон замок, переложив камни костями, а раствор смешав с кровью людской. И назван был замок Клостер Даркнес — Обитель Тьмы (я мысленно взвыл — так вот что за «тьму» имела в виду Элис Блэр, когда предупреждала меня!..). Неслучайно назван. Много детей Ночи нашло надёжный кров и пристанище за мрачными стенами, спасаясь от светлой веры христовой и поборников её — Церкви святой и священников благочестивых. Не думайте, Кролл не был упёртым до безумия сатанистом! Он

был очень хитёр и осторожен, что в итоге и позволило ему прожить столько лет. Например, королю и честному народу Обитель Тьмы была известна, как самый что ни на есть рыцарский замок Стиллхолл, верная опора трону и церкви. Так он и вошёл во все исторические анналы. Владелец замка исправно «умирал» либо от старости, либо в неравном бою, как и полагалось всякому порядочному дворянину. Каждый «новый» хозяин замка, «прямой наследник» «покойного», вёл, как правило, затворнический и размеренный образ жизни, а немалые чародейские навыки барона в области смены личин довершали дело. Таким образом, никто не догадывался, что Стиллхоллом на протяжении столетий управляет один и тот же человек. Вот только с каждым годом всё меньше человеческого оставалось в этом существе...

Шли века. Галлахер исправно проводил обряды, приносил жертвы, попутно оттачивая своё чёрное искусство мага. И дьявол в свою очередь держал слово, одаривая слугу своего милостью, силой и долголетием, радуясь, видя, какие мерзкие пороки и тщеславные амбиции способны процветать в душах человеческих. Много людей загубил барон, реки крови пролились в Клостер Даркнес... И всё сходило с рук колдуну! Зело хитёр и коварен он был, да и Сатана заботливо присматривал за одной из самых обильных кормушек своих. Как бы там ни было, почти никто не догадывался, какие ужасные злодеяния творятся за несокрушимыми стенами замка. А те, кто догадывался, быстро умирали, так и не успев ни с кем поделиться своими догадками. Умный и проницательный барон быстро вычислял слабые места своего благополучия, и, не затягивая, устранял тех, кто мог помешать ему жить вечно... Иногда собственными руками, но чаще подсылая к заведомо обречённым различных созданий Ночи. Жители подвластных барону земель и не подозревали, с КЕМ якшается их хозяин. Крестьяне исправно трудились, выращивали хлеб, пасли скот, платили налог, проезжий купеческий люд — пошлину. В принципе, Кролл мог прекрасно обойтись и без всего этого. Но к чему лишний раз вызывать подозрения? А дворянин при таком роскошном домене, да без поданных, личной гвардии, да ещё непонятно, за счёт чего живущий, согласитесь, выглядел бы ну очень подозрительно! Но всё равно атмосфера животного ужаса и липкого страха постоянно витала в воздухе, и редкий простолюдин, обратив взор на мрачнющую на фоне закатного неба чёрную громаду замка, не осенял себя крестным знаменем.

Ну а что люди пропадали, то там, то здесь... Ну так времена то были тёмные, на всё воля божья, любому происшествию молва находила объяснение. А одиноких проезжих путников и не искал никто! К тому же Кролл всегда знал меру и палку не перегибал. А непосредственно для самих месс жертвы готовились заранее и привозились издалека. Благо нищих, юродивых, да и просто никому не нужных людей в те времена хватало. А сколько бедных семей, не в силах прокормить многодетное потомство, с радостью отдавали своих чад в руки заезжим «благородным господам» в услужение, а то и вовсе продавали за горсть монет! Такие случаи не были редкостью. Вот только детей, попавших в лапы подручных Кролла, уже никто никогда не видел...

Так продолжалось около тысячи лет. Пока не наступил просвещённый двадцатый век. И барон Галлахер начал сдавать позиции. Не рыцари в сверкающих доспехах и не рьяные служители церкви, осенённые дланью господней, потеснили власть Тьмы. Нет, не они одолели чернокнижника, а... цивилизация. Государство стало заботиться о своих поданных, построив и отладив машину правосудия и наделив её огромными полномочиями. Появились службы юстиции, полиция, отделы криминалистической экспертизы и внутренних

расследований, сыскные конторы... Появились вечно сующие свой длинный нос, куда их не просят, вездесущие журналисты и репортёры! Теперь пропажа даже одного человека, пусть и самого низкого сословия, вызывала огромный резонанс в обществе, шум, панику, заставляя власти реагировать адекватно и пускать по следу полицейских ищек. Положение барона ухудшалось. Он залёг на дно. А прогресс шагал семимильными шагами, не давая барону опомниться. Привыкший жить по старинке, чернокнижник к своему ужасу понял, что не поспевает за сумасшедшим бегом времени. О кровавых ритуалах, не говоря уже о полноценных Мессах, пришлось забыть! И барон начал терять силы... Соратники его покинули, порождения Хаоса погрузились в беспробудный сон, сам замок обветшал, ров пересох, а Кролл превратился в местную притчу во языцах, в полубезумного одинокого старика, обитающего в «замке с привидениями», предметом горячих споров всех окрестных мальчишек. Бывшие деревушки, объединившись, превратились в достаточно зажиточный городишко под названием Гринсвуд, жители которого уже и не помнили, что были времена, когда их предки называли себя вассалами, и вздрагивали каждый раз, как ослепительные вспышки молний в непогоду озаряли страшный силуэт Обители Тьмы...

Дьявол отвернулся от Кролла. Владыке Ночи не нужны неудачники! Барон начал стареть, превращаясь в обычного человека, в дряхлого старика... Он умирал. Он не провел две последних Мессы, алтарь не обагрился невинной чистой кровью, Сатана не продлил молодость. Впервые за долгие годы Кролл испугался, испугался, что умрёт, и в аду Хозяин его не будет к нему благосклонен. Спасти барона могла только Большая Дьявольская Месса. Но два срока он уже упустил, и не был уверен, что сможет провести следующий. Но если он этого не сделает, то... всё. Конец. Он просто умрёт от старости, не дождавшись, когда звёзды вновь сойдутся на небе в нужном порядке, приоткрывая небольшую щель, портал, из нашего мира в мир Тьмы, дабы Дьявол мог беспрепятственно получить свои жертвы. Времени у Кролла осталось всего год. Один жалкий год против тысячи прожитых лет. И старый чернокнижник пошёл ва-банк, на крайние меры, призвав всю свою хитрость и последние быстро тающие силы.

Я уже понял, ЧТО он придумал... Но я не спешил перебивать впавшего в словоблудие мага.

— Барон в очередной раз инсценировал свою кончину, и... нашёл наследника! Выбор пал на Бенджамена Стокмана, бизнесмена из Манчестера. Кролл перебрал множество кандидатур, но Стокман подходил по всем статьям. Хитрый, цепкий, хваткий, состоятельный и жёсткий, не брезгующий ничем для достижения личных целей. И плюс ко всему — владелец сети гостиниц. План барона был прост и гениален. Купившийся на неожиданно-негаданно свалившееся на него наследство, Бенджамен захотел получить из этого прибыль. Для человека его склада ума — пустяковое дело. Превратив замок в современную роскошную гостиницу, можно зарабатывать немалые деньги, сдавая номера богатым туристам и любителям средневековой эстетики. И люди, которые впоследствии наводнят замок, станут его, Кролла, очередным билетом в вечную жизнь. Сказано — сделано. Первый этап операции барона прошёл на ура. Окрылённый «наследник» рьяно взялся за дело. Кролл постарался на славу, и сверхосторожный бизнесмен ничего не заподозрил. Замок начал возрождаться усилиями недалёковидности и алчности людской... Сам же барон обретался рядом под маской Дона Рейнолдса, «нанявшегося» в замок помощником дворецкого. Кролл сжигал последние силы, но выбора у него не было... Он не хотел умирать.

Барон умолк и соединил кончики пальцев, не спуская с нас пронзающего взгляда. Мы

подавленно переваривали услышанную историю. Кролл наслаждался произведённым эффектом.

— Но в мои грандиозные планы вмешался случай, — Кролл злобно скривился и сплюнул. — Ваше появление не шло вразрез с моим замыслом. Хорошая реклама будущей гостинице, не более! Но этот, устроивший бессмысленную НЕ НУЖНУЮ мне резню тупо мозгляк... О, как я жалею, что нельзя убить его дважды! Он всё испортил! Да после всей этой бойни, особенно если всплывут кое какие подробности, никто никогда и на пушечный выстрел не приблизится к замку. И что дальше? Дурная слава о Стиллхолле разбежится пожаром во все стороны. И крах моих надежд очевиден!

— Но зачем нас убивать? Зачем поднимать из спячки своих кошмарных приспешников? — я сжал пальцами переносицу. — Ты наследил даже больше, чем Герберт! Ну, ушли бы мы — и что с того? Я понимаю, чего ты опасаясь... Но неужели ты думаешь, что в наши рассказы об оборотне кто-нибудь поверит? Да любой из нас будет молчать до могилы! Мы не хотим в психушку. Никакой огласки, окрашенной пугающей чертовщиной, не произошло бы. А слух о том, что в этом замке закончил свои дни знаменитый Потрошитель, только пошёл бы на пользу всему твоему делу! Я не понимаю тебя...

Кролл, сверкнув чёрными угольками глаз, прорычал:

— За себя, ты говоришь за себя, идиот! А ты можешь поручиться за всех остальных? Ломаный медяк — цена вашему слову и разуму! Кто-то обязательно, да проболтается... Когда о секрете осведомлены более чем два человека, это уже не тайна. И ты знаешь это не хуже меня, Алекс! А я НЕ МОГУ рисковать. Второго шанса у меня нет, и не будет. Вы слишком много видели, а знаете ещё больше. И уже одного этого достаточно, чтобы вы ВСЕ умерли.

Я подумал, что успею достаточно быстро выхватить из кобуры пистолет... Но меня смущало излишнее спокойствие барона. Всё-таки, маг здорово ослаб, власть над проснувшимися силами зла давалась ему тяжело. Одна потеря контроля над внешним обликом Дона Рейнолдса чего стоила... Был бы он посильней, и мы уже не числились бы в списках живых. Жаль, я не умею играть в покер.

— И что же мы будем делать? — я внутренне напрягся. — Время работает против тебя, барон. Что дальше?..

— Дальше... — хмыкнул Кролл и звонко щёлкнул сухими пальцами. — Для начала уравновесим наши силы... Я всего лишь слабый, дряхлеющий старик и без верных помощников мне никак не обойтись!

Что? Я невольно потянулся за пистолетом... Кристи Нотенберг давно покинула облюбованный ею дальний угол и тихо, как мышка, стояла среди нас. Внезапно кроткие голубые глаза Кристи превратились в бездонные колодца, заполненные ночью. Обольстительная шведка сделала стремительное движение к Герти и жёстко сграбастала девочку за волосы, запрокидывая голову и приставляя к тонкому девичьему горлышку тускло блестящее лезвие серебряного столового ножа. Герти, надо отдать ей должное, при всём ужасе и изумлении, сообразив, что сопротивляться чревато, замерла, опустив руки и стараясь не дышать. Её огромные выразительные глазёнки округлились от страха. Она умоляюще смотрела на меня. Спаси, спаси меня, ну пожалуйста, беззвучно шептали её глаза....

Я едва не заорал от бессилия, Трейси и Ральф в унисон выругались, Саша до крови закусил нижнюю губу.

— Кристи, ты что, мать твою, делаешь? — Артур не мог поверить в происходящее. Джессика рванулась на выручку малютке, но Колин вовремя перехватил испанку за запястье.

— Стой, ты сделаешь только хуже...

— Но эта... Эта сука может убить Герти!

Кристи, продолжая тупо смотреть перед собой, никак не реагировала на окружающих, как пиявка вцепившись в Герти.

— Полноте, дети, — милостиво проворковал чернокнижник. — Отныне Кристи будет слушать одни лишь МОИ приказы. И ничьи более. Знаете, разум этой недалекой девушки оказался весьма мягким и податливым, таким же, как и её чудесное тело... И я не упустил возможности воспользоваться и тем и другим. И теперь она полностью в моей власти. Поверьте, если я попрошу нашу златокудрую подружку перерезать девочке горло, она сделает это без колебаний. Понимаешь, Алекс, это я тебе всё говорю.

— Понимаю, — сдавленно процедил я, опуская руки. — Не по-джентельменски, ваша светлость, поступаете...

Кролл весело отмахнулся от меня.

— Дьявол, ты до сих пор веришь в честную игру?! Извечно печальный удел многих великих заключается в некомпетентности и слабоволии окружающих, — приняв трагичную позу, поделился внутренними соображениями Кролл. — Увы, я не являюсь единичным счастливымчиком, избежавшим этого, и вынужден нести бремя ответственности подчас бездарного окружения... Чертовски трудно найти в наше время верных, сообразительных и приносящих пользу вассалов. Впрочем, я несколько преувеличиваю. Хороших слуг всегда было трудно подыскать, и сто, и двести лет назад. Но нынче ситуация усугубилась ещё глубже, хуже некуда.

Господа, скажу без обиняков: я нуждаюсь в миньонах. В преданных и сильных, не побоюсь этого слова, компаньонах.

— Ушам своим не верю! — взбешённо взвыл я. — Ты на что намекаешь, морда? Неужели ты надеешься подкупить нас, переманить на свою сторону?

— Да ты большой псих, чем кажешься! — высказался Мастерс.

Поймав очередной беспомощно — умоляющий взгляд Герти, я резко добавил:

— И, Кролл, слушай теперь ты меня внимательно. Если с девочкой хоть что-нибудь...

Это развеселило барона ещё больше.

— О, Люцифер! Пожалей мои уши, Алекс, и избавь от банальных угроз. За свою подчёркиваю, достаточно долгую жизнь, я столько раз слышал подобные слова, что давно сбился со счёта. Если бы все угрозы моих недругов воплотились в реальности, то я бы уже перестал существовать, превратившись в бестелесное облачко кровавой пыли!

— И что же вы предлагаете, сеньор злодей? — дрожа от страха и ярости спросила Джессика, кусая полную нижнюю губку, заработав возмущённое карканье Стюарт в свой адрес.

Галлахер откинулся на спинку кресла и вытянул ноги.

— Вы не настолько глупы, как я уже было решил. Похвально. Да, я предлагаю вам сотрудничество. Вы доказали, что сильны и напористы, да и отваги вам не занимать. Плюс сообразительность. Ну, а верность... Верность дело наживное. Да и, заключив союз с силами Тьмы, уже невозможно повернуть вспять. Это путь в один конец, без обратного билета. Но хорошая служба должна соответствующе вознаграждаться, верно?

Моя благодарность может быть безграничной. Ну, например, чтобы ты, Алекс, сказал,

если бы я помог тебе? Ну, ты понимаешь, о чём я, верно, дружок?.. (Чёрт, этот ублюдок видел меня насквозь!)

Кролл хищно улыбался, из его чёрных глаз не исчезал довольный блеск.

— Роберт, старина, у тебя появится уникальный шанс вернуть утраченные годы, вновь ощутить себя молодым и полным сил! Энтони, тебе, хоть ты и здорово потрепал за всё время нашего знакомства мои нервы, я предлагаю то же самое. Молодость. Поверь мне, это **СТОЯЩИЙ** дар. Ральф, мне очень симпатизирует твоя страсть к охоте. Ты получишь уникальнейшую возможность выслеживать и убивать таких тварей, о каких и помыслить не мог! Монстры ада станут твоими домашними трофеями...

Детишки, мои милые. Для вас — всё, что угодно! Любые ваши капризы будут исполнены. Артур, Колин, вы получите самых сочных, сладких, истекающих негой девушек... Готовых на **ВСЁ** ради вас. Джесс, стоит тебе ткнуть пальцем, и понравившийся мальчик упадёт к твоим ногам... Саша, Гертти, лапушки, принцы Тьмы будут умолять разрешить им умереть по вашей первой прихоти... Трейси, я думаю, ты не откажешься пообщаться с умершими героями так любимого тобой рока? Клянусь, я могу устроить и это, приоткрыв завесу между миром живых и миром мёртвых. Силы Хаоса безграничны!

До боли в суставах сжав кулаки, я несколько запальчиво рявкнул:

— Шёл бы ты... куда подальше, отморозок!

— Ах, Алекс, Алекс, ты опять говоришь за одного себя... Не стягивай с других одеяло.

Трейси мечтательно скорчила гримаску.

— Кози Пауэлл, Дэвид Уэйн, Фредди Меркури... Какие имена, какие это были люди! Но... пусть они навсегда останутся в моей памяти действительно великими легендами... в **ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ** облики. Я всё равно их не забуду, они живут в моей памяти и мне этого вполне хватает. Мой ответ — нет, засранец.

— Ну что, подонок? — презрительно сказал Роберт Мастерс. Расхрабрился что-то старик... И это он ещё наполовину трезвый! — Не ожидал?

Успокаивающе подняв правую руку, я невзначай брякнул:

— Стойте, стойте... Вы ничего не заметили, ребята? Нет? Хреново. Единица за внимательность. Кролл, а почему ты ничего не предлагаешь... Стокману? Нам всем наобещал с три короба, в надежде, что мы клюнем на твои гнусные уловки, но... Но Бенни ты ничего не сказал. Почему? Ты не хочешь его купить?

— В этом нет никакой нужды, — не моргнув и глазом барон. — С Бенджаменом я уже успел поговорить. Мы всё обсудили и пришли к единогласному решению.

— Э? — у меня на затылке встали дыбом волосы.

— Мистер Стокман оказался на редкость умным и рассудительным человеком. Он всё понял с полуслова, — чернокнижник повелительно прищёлкнул пальцами. — Бенджамен, ваш выход, пожалуйста.

Стокман, до последнего момента молча подпиравший стену, так же, молча, улыбнулся и под нашими ненавидящими взглядами невозмутимо зашагал к двери.

— Ублюдок ты, Стокман, — презрительно сказал Роберт Мастерс. — Продался с потрохами, Иуда?

Так вот почему тогда, на кухне у Бенни был такой пришибленный видок... И «Дон», помнится, здорово вспотел. Ещё бы! Сначала мысленно прополоскал мозги бизнесмену, а затем оживил мертвецов. И тогда же он и «поседел»... Н-да, мелочи, смысл которых понимаешь слишком поздно.

— Я — предприниматель, — холодно отвечал Бенни, не глядя на нас. — А мистер Галлахер предложил контракт на выгодных условиях. Поэтому разрешите откланяться.

Бенни двинул дальше, но дорогу ему преградил старый дворецкий. Коннор заложил руки за спину, глядя на хозяина спокойно и выдержано.

— Куда вы собрались, сэр? Мы все остаёмся здесь, в этом зале. И вы не исключение.

— С дороги, тупоголовый осёл! — раздражённо прикрикнул Стокман. — Не разыгрывай из себя героя.

— Вы никуда не уйдёте, — Коннор был непоколебим.

— Ты не оставляешь мне выбора.

Стокман, поразив меня, неуловимо быстрым движением выхватил из-за пояса револьвер, наставил на опешившего мажордома и нажал на крючок. Сухой выстрел и несколько отчаянных криков слились в одну палитру... Бенни спокойно переступил через упавшего на пол дворецкого, вставил в замочную скважину ключ, провернул, вышел наружу и захлопнул дверь. Я услышал, как ключ провернулся ещё раз. Чёрт, вот мразь... Он запер нас. Оставил наедине с чернокнижником и отрезал единственный путь к отступлению. И... Неужели он убил бедного старика?

— Ваше последнее слово, господа подсудимые, — с издёвкой произнёс Кролл.

Я внезапно с ошеломляющей ясностью понял, что настало время принимать решение. Едва ли не самое важное решение всей своей жизни. И именно от моих дальнейших действий будет зависеть судьба окружающих меня людей. Не говоря уже о моей собственной... Но вот только хоть убей, а придумать что путное я не мог.

Ральф как бы невзначай направил на барона винтовку, с самым невинным видом глядя в потолок. Кролл холодно улыбнулся и щёлкнул пальцами. Я передёрнулся. Блин, его дурацкая манера уже начала меня доставать! Ральф же с истошным воплем выронил «экспресс» и торопливо задул на обожженные красные пальцы, от лязгнувшей о каменный пол винтовки поднимались сизые струи пара. Немец неверяще уставился на предавшую его «боевую подругу» — все металлические детали «экспресса» раскалились добела...

— Пошло и примитивно, но всё ещё действительно, — снисходительно сказал барон. — Итак, ваше слово? И советую больше не принимать скоропалительных решений.

Чёрт, чёрт, чёрт! Старый хрыч давал понять, что не стоит его недооценивать лишь потому, что он давно покрылся плесенью и поменял резвого рысака на кресло-качалку. Совсем плохо. Кролл весь подался вперёд, привставая с кресла. Кристи передвинулась поближе к хозяину, погрузив кромку ножа в кожу Герти. По шее девочки скатилась рубиновая капля крови. Герти старалась вовсе не дышать... Время застыло, поплыло медленно, поползло, как муха, угодившая в вязкую патоку. А счёт шёл уже не на минуты, а на секунды.

Я обливался потом, лихорадочно пытаюсь сообразить хоть что-нибудь. Но, увы, Кролл оказывался прав по всем статьям: чернокнижник владел ситуацией, не мы... И тут номер выдала Джессика, да такой, что у меня сердце ёкнуло. Смуглая девушка испустила протяжный стон и зарыдала в три ручья, размазывая по лицу слёзы и сопли, и сотрясаясь всем телом! Трейси подпрыгнула, как ошпаренная, покрутила пальцем у виска и шмыгнула мне за спину...

Всхлипывая, Джесс завывала не своим голосом:

— Не хочу!.. Я не хочу у-умира-а-ать!.. Я не м-могу. У меня мама, папа, куча сестёр! Я хочу дом-ой! Я хочу к маме...

Галлахер виновато развёл руками.

— Сожалею, но твоё желание категорически неприемлемо. Поздно ты спохватилась, дорогуша. Надо было и впрямь сидеть дома, факт!

— П-пожалуйста, мистер Кролл, не убивайте меня, — плача, девушка с трудом выговаривала слова, срываясь на родной испанский. Огромные тёмные глаза затянуло поволокой слёз, бегущих непрерывным потоком. — Por favor... Не убивайте меня, señor, я боюсь с-смерти. Я... Я отслужу, отработаю, клянусь la vida! Только не надо...

Кролл оживился!

— О, а вот это уже интересно! Наша черноволосая испанская шлюшка, похоже, взялась за ум. Очень похвально. Продолжай, дитя.

Мастерс еле слышно процедил сквозь зубы.

— Чёртов сукин сын, ещё наслаждается...

— Я сделаю всё, что вы захотите, — Веласкес подняла заплаканное личико, с надеждой, по-телячьи глядя на барона. — Я... Я готова на ВСЁ. Честно. Хотите меня? Я согласна, здесь и сейчас... Только не убивайте, ну пожалуйста...

Бездонные зрачки Кролла блеснули. Маг потрянул седой гривой и изрёк:

— Не верю, querida.

Джесс, едва не разрыдавшись с новой силой, трясущимися пальцами взялась за пуговицы кофточки... У Артура и Колина глаза начали вылезать из орбит. Я про себя матюгнулся. Какого хрена?! Что она делает? Неужто Джесс от страха свихнулась?.. Саша закрыла лицо ладонками, не в силах смотреть на унижающуюся подружку.

Расстегнулась последняя пуговица, и испанка последовательно избавилась от кофточки, майки и белого ажурного лифчика. Обнажилась довольно-таки внушительная для её возраста тугая, округлая грудь. Это произвело фурор! Эффект разорвавшейся бомбы. Секс-бомбы. У Мастерса отвисла челюсть, юноши были на грани обморока... Кролл одобрительно крякнул. А плотающая слёзы Джесс взялась за пояс джинсов. В итоге оставшись в одних узких стрингах, демонстрируя великолепные, от природы смуглые бёдра, и сапожках, девушка прошептала:

— Мне п-продолжать, señor?..

— Джессика, дура полоумная, прекращай! — взревел Шнитке. — Не унижайся перед этим ублюдком, ты слышишь? Не смей! Не...

— Заткнись, не мешай девочке, — Кролл так и прилип замаслянившимся взглядом к полуобнажённой Джесс. Видимо, колдун весьма падок на женский пол, и прелести молоденькой студентки не оставили равнодушным иссохшее старческое сердце. И тело.

— Она классная... — пробубнила трущаяся за моей спиной Трейси. Господи, она что, не нашла лучшего времени для своих озабоченных... И... Я почувствовал, как Трейси осторожно приподняла край джинсовой куртки и сунула мне за ремень что-то угловатое и твёрдое. Пистолет. «Беретта». Разве у неё ещё остались патроны?..

Веласкес упрямо «закусила удила», подцепив пальцем резинку белых трусиков... напряжение в зале нарастало.

— Я готова пойти на ВСЁ. Если вы сохраните мне жизнь.

Джессика откинула с глаз чёлку, и на секундное мгновение её взор пересёкся с моими горящими глазами. Меня продрал мороз. До самых костей. Это МНЕ предназначались те слова! «Я готова пойти на ВСЁ...» адресовалось мне, а не Кроллу! Тёмнокарие глаза девушки просили... Нет. Они умоляли, кричали, орали: действуй! Действуй, недогадливый

дурак, пока я его отвлекаю! Я с хрипом втянул в лёгкие порцию живительного воздуха. Да я же сейчас всё на свете просплю...

Без малейшего шороха, на одном дыхании я рванул из заплечной кобуры «Глок» правой рукой, в левой оказалась взведённая (Трейси-ты чудо!) «Беретта». Время для меня замедлилось ещё больше. Каким-то периферийным зрением я смог увидеть всю картину происходящего целиком и разом. Джессика плашмя упала на пол, заблестевшие похотью глазки чернокнижника с нарастающим раздражением повернулись ко мне, Кристи... Кристи ждала приказов.

Раскинув руки в разные стороны, я смежил веки и одновременно нажал на «собачки», в душе молясь, чтобы наработанная интуиция и безошибочный глазомер, позволяющие мне с лёгкостью высчитывать расстояние до цели, вносить корректировки и выбирать оптимальный угол стрельбы, и на этот раз не подвели.

Девятимиллиметровая пуля попала прямёхонько в плечо Кристи, пробив мягкую плоть на вылет и не задев кость. Рука, державшая нож, разжалась, и шведку силой удара отшвырнуло на несколько шагов назад. Герти, отделавшись неглубокой царапиной, рухнула на колени, схватившись за горло... Кристи беззвучно приземлилась на пол и замерла.

Вторая пуля вошла в контакт с переносицей барона Галлахера. У чернокнижника словно открылся третий глаз — маленький и красный. Я знал, что с обратной стороны у него оторвало половину черепа. Ноги барона подогнулись, он шлёпнулся на колени, простоял так секунды три и упал навзничь. Остекленевшие глаза его навсегда застыли в несусветном изумлении...

Я посмотрел на отъехавшие затворы обоих пистолетов. Магазины были пусты! И в «Глоке» и в «Беретте» было всего по одному патрону! По одному!

— Ни хрена себе.

Колин вытер измождено-потное лицо, его изрядно трясло, бросая то в жар, то в холод.

— Чёрт, так недолго и обделаться... Извиняюсь за вульгарность, но нервы уже сдают, сдают...

Герти, поднявшись, со всех ног кинулась в мои объятия... Мастерс, не утратив присутствия духа, подбежал к неподвижно лежащей Кристи и прощупал пульс. Слава Богу, златокудрая шведка была жива, но пуля вышибла из неё всё сознание. Грудь Кристи порывисто вздымалась и опадала, полуоткрытые губы испускали хриплое дыхание. Роберт осмотрел простреленное плечо.

— Вы настоящий снайпер, Алекс! Пуля прошла навывлет и ничего серьёзного не задела... Хирургически точное попадание! Правда, меня беспокоит несколько сильное кровотечение, но это поправимо...

— А меня беспокоит, как бы она после того, как очухается, не впала в буйство и не набросилась на кого-нибудь, — Шнитке был как всегда предельно лаконичен и прямолинеен. Он подошёл к навеки упокоенному барону Кроллу и покачал головой. — Чудеса, да и только! Отличный выстрел, дружище, в самое яблочко. Ты уложил двух зайцев одним махом. Грохнул чёрного мага, как обычного смертного. Ха.

— Да, я такой и есть. Крутой, — я вымученно улыбнулся. Я лукавил слегка. Я и сам не понимал, как в моём состоянии, в убийственной спешке и сильнейшем напряжении я попал, куда целился. Я наклонил голову и зарылся лицом во взъерошенные волосы прижимающейся ко мне Герти, вдыхая её запах. Девочка вкусно пахла кремом, карамелью и молоком, начисто забивающим слабый запах гари и крови. Я подумал, что с ароматом ускользнувшего

из объятий смерти ребёнка не сравнится ни один дезодорант.

— Мне кажется, что с Кристи у нас проблем не возникнет, — поделился соображениями Рэнделл. — По идее, после смерти Кролла, душа Кристи освободилась от влияния тёмных сил. Колдовские чары должны исчезнуть.

— По идее, — буркнул немец.

— Ну разумеется.

Я склонился над недвижимым дворецким. Храбрый старик был мёртв. Стокман хладнокровно и безжалостно убил Энтони Коннора. Ну ничего, сочтёмся...

— Прощайте, старина, — прошептал я, мягким касанием закрывая глаза покойного. — Вы мне нравились...

— Он был хорошим человеком, — надо мной возвышался покусывающий кончик усов немец.

— Отличным человеком, — Трейси была тут как тут, шмыгая носом и с жалостью глядя на Коннора. — А что Стокман? Он так и уйдёт от нас?..

— Никуда этот ублюдок не денется, — твёрдо пообещал Ральф. Почему-то я был склонен верить охотнику.

Джессика Веласкес успела натянуть джинсы и прикрывала обнажённую грудь сложенными крест-накрест руками. Вид у неё был, не смотря на мои благодарно-ободряющие подмигивания, до нельзя смущённый. Растроганная Саша без лишних слов обняла испанку. Плотно поглядывающие на раздетую девушку, Артур с Колином притворялись, что ничего не замечают.

— Знаешь, ты очень натурально ревела, даже я купилась на твои театральные экзерсисы, — призналась Саша. — Ты просто молодец, Джесс! Если бы не ты...

— Я не больно-то и притворялась, — Джессика зябко повела плечами. — Слезы у меня вышли самые что ни на есть настоящие... А в остальном пришлось полагаться на импровизацию и надежду, что у барона ещё остались кое-какие влечения и желания... В нём, как бы он не кичился превосходством над нами, было слишком много от простого заурядного человека. Мужчина, одним словом.

Трейси протянула испанке свёрток одежды, в которой та опознала собственную кофточку.

— Одевайся, нечего вводить наших джентльменов в искушение. Хотя, конечно, будь у меня такие классные сиськи, и я бы не упустила случая продемонстрировать их окружающим.

Трейси инстинктивно зажмурилась, справедливо ожидая бурю негатива и возмущённых криков, но Джессика неожиданно улыбнулась и постучала Трейси по лбу костяшками пальцев... Открыв глаза, Трейси опешила...

— Даже и не надейся, дорогая, никуда я тебя посылать не собираюсь. И я сделаю вид, что не замечу твоих слов. И забуду обо всех твоих прошлых выходках, колючий ты ёжик!

Оторопевшая Стюарт стыдливо потупилась.

— Прости...

— Но с одним условием!

— С каким это? — наострила уши Трейси.

— Не смотри больше на меня ТАК.

— Как это ТАК?

— А вот ТАК, — Джесс сделала страшные глаза, пытаясь достоверно изобразить

томные взгляды маленькой металлистки.

Трейси не удержалась и прыснула со смеху.

— Замётано. ТАК смотреть не буду. А жаль... Грудь-то всё равно у тебя классная!

Джессике ничего не осталось, как перетянуть Трейси по голове кофточкой. Саша не скрывала счастливой улыбки. Я с обжигающей теплотой в душе смотрел на подростков. Какие же вы все молодцы, ребята... Вы даже не представляете.

— Господа, — Мастерс в упор смотрел почему-то на меня одного. — А как мы откроем дверь? Выбить её представляется мне проблематичным.

— А если прострелить замок? — Колин тоже уставился на меня.

Я отрицательно махнул головой.

— У меня пусто. Ральф?

С ужасом и болью держа на вытянутых руках остывшую винтовку, как лучшего погибшего друга, Шнитке выдавил:

— У моей малышки стволы повело от жара... Я хочу убить ЕГО повторно!

Я спрятал улыбку, немец бы меня не понял... И тут... Как уже надоело это избитое «и тут»! И тут мы услышали, как во входной двери с тихим шелестом повернулся ключ! Стокман решил проверить, чем всё закончилось? Или?.. Одна из створок осторожно, тихонечко приоткрылась и... в проёме показалась голова Мартина Скотта! А затем и весь он собственной персоной, целый и невредимый. Джессика радостно запищала, Ральф вторично выронил винтовку, у меня отвисла челюсть.

— О. Жив, что ли, мать твою?!

— Я тоже рад всех вас видеть, — Мартин улыбался от уха до уха. — Кстати, там за углом сидит Стокман и смеётся, как идиот... Чего вы на меня вылупились? Честно вам говорю, ржёт ну как вылитый псих!

*Ангел крылья распахнул, грудь руками разорвал,
Вырвал сердце и с небес в пропасть страшную упал.*

Крюгер «Ангел»

*Я беглец, властелин колец, победитель зла,
Я беглец, я понял, наконец — мир сгорит дотла...*

Харизма «Беглец»

В твоей душе звучит фаэтон, наркотик твой — адреналин.

Дурманит разум дерзкий обгон, как ЛСД и героин.

Не испугает слово «нельзя», мотора рёв не даст остыть.

Лишь только смерть сумеет тебя остановить...

Химера «Фаэтон»

В мои глаза било ослепительное, не по-осеннему жаркое солнце. Я недовольно морщился, жалея, что не имею с собой чёрных солнцезащитных очков. День выдался тёплым и ясным, я распахнул джинсовую куртку, засунув большие пальцы за ремень. От душившего нас все последние дни тумана не осталось и воспоминаний. Небо было чистым и бирюзовым, а промозглая сырость испарилась вместе с туманом...

— Занимательно мы провели время, да? — Шнитке, безрадостно ухмыльнулся, дымя зажатой меж зубов сигарой.

— Будет о чём вспомнить на старости лет, — не стал спорить я.

— Угу, и рассказать внукам, — кивнул немец и внезапно ну просто «конкретно наехал на меня»! — Слушай, а ты чего до сих пор холостой ходишь? А? Чего ты выкобениваешься?..

— Боже мой, приятель, ну хоть ты не истязай меня, — я набычился. — Не говори, как моя мама! Ты не похож на неё...

— А что? Ну, ежели надумаешь-таки, то не забудь прислать пригласительную открытку. Иначе я обижусь и... И всё! Ты не представляешь, насколько я ужасен в гневе!

— Да ну тебя...

Роберт Мастерс добродушно похлопал немца по широкой спине и сказал:

— Ну, ну, друзья, не подеритесь... Кстати, молодой человек, как вы намереваетесь поступить с боевыми трофеями? Повезёте домой? Не бойтесь осложнений?

— А то как же, — неопределённо ответил Ральф и надулся, понимая, куда клонит старик. Ушлый охотник насобирав целое ожерелье из вампирских клыков и не поленился повыуживать из останков сгоревших упырей уцелевшие в потустороннем огне кости и головешки. Всё это добро немец бережно упаковал в отдельный узелок.

Я засмеялся.

— М-да... При таможенном досмотре Ральфу придётся приложить все усилия, чтобы объяснить, что он не каннибал и не последователь Ганнибала Лектора!

Ральф насупился. По его представлению выходило, что раз он знаменитый охотник, то имеет полное право на добытые в бою заслуженные трофеи. И плевать он хотел на дотошных таможенников. Немец и так пошёл на уступки, поддавшись моим уговорам не забирать отрезанную голову Герберта Уэнрайта. Скрепя сердце, Ральф согласился, что заспиртованную голову уж точно воспримут неадекватно.

— А вы с утра, как я погляжу, пока при памяти, — язвительно заметил немец, не желая

оставаться в долгу. — Ах, совсем забыл... У вас впереди целый день, вы же не придерживаетесь закона об ограничении потребления спиртных напитков. Всегда сумеете наверстать упущенное. По части виски, разумеется.

Мастерс одёрнул лацканы пиджака и снисходительно усмехнулся.

— Милый мой, вы поражаете меня своей исключительной ненаблюдательностью. Где вы видите виски? Здесь? — и в самом деле трезвый Роберт помахал под носом у Шнитке пустой фляжкой. — С виски покончено, друзья, ровно, как и с другими напитками крепче кока-колы. Больше ни капли алкоголя... Ну, за исключением пары кружечек пива вечером перед телевизором в ожидании игры «Ливерпуля»!

— Неужели завязали? — хмыкнул я.

— Совершенно верно. Иногда сильный стресс может оказывать положительное влияние на психику человека. Вплоть до исцеления от алкогольной зависимости.

Ральф пыхнул дымом.

— Волшебство!

— Не иначе.

— Это же как мне надо шугануться, чтобы бросить курить?

Мы рассмеялись. Мы втроём стояли на заасфальтированной площадке подле гаража и неторопливо болтали меж собой, изредка бросая хмурые взгляды на закрывающую полнебосвода тёмную громаду замка Клостер Даркнес. Рядом с нами на солнце прогревался вызывающе красного цвета старенький пассажирский автобус марки «Мерседес», НАКОНЕЦ-ТО добравшийся до этих дремучих мест.

Когда окончательно рассвело, и мы поднялись на стены, живого тумана и замерших в нём жутких монстров не было и в помине. Со смертью Кролла, как и предполагал Колин, развеялись и все колдовские чары, наводнившие страшный замок... Мы спустились вниз по верёвкам и из сторожки вызвали все необходимые службы (сторож ожидаемо был мёртв... таким образом, число жертв оборотня официально дошло до четырёх человек). Наверняка после чудовищных событий, потрясших своды замка, самые невероятные слухи, обрастая всё новыми подробностями, с быстротой молнии облетят всю округу. И Стиллхолл приобретёт воистину жутковатую славу на долгие годы вперёд.

Первыми же прикатила бригада строителей-реставраторов. Парни жутко подивились нашему внешнему виду и словам, что в их услугах больше нет нужды. Все претензии возмущённых трудяг мы ловко перевели на мистера Стокмана... Сомневаюсь, что они смогут добиться от него большего, чем от нас. Медики и пожарные, прибывшие следом, быстро взялись за дело. Кристи была оказана первая помощь и девушку увезли в больницу. Напоследок она клятвенно пообещала, что возьмётся за ум и после выздоровления сразу же улетит домой, в Швецию, под папино крылышко. Самое мудрое её решение из слышанных мною! Истерично рыдающему Стокману, периодически переходящего на демонический хохот и вопящего о мертвецах, оборотнях и поедающем людей тумане, так же не отказали во внимании. Спятившего бизнесмена сноровисто скрутили, запеленали в смирительную рубашку и запихнули в одну из машин. Я видел его глаза: с расширенными зрачками, уставившимися в одну точку, и навсегда поселившимся в них безумием... Так оно и получается, Бенни, не рой другому яму. Или ментальное вмешательство Галлахера, или что иное было причиной, но как бы там ни было, а Бенджамен Стокман сбрендил почище шахида-смертника. И знаете, мне не было жаль его.

Местная полиция во главе с комиссаром МакКаферти прибыла немного позже и с

радостью ухватила за выдвинутую нами версию о неуловимом Потрошителе, которым оказался лорд Герберт Уэнрайт, окончательно спятившим на маниакальной форме и устроившим в замке настоящий террор. Комиссар, уже мысленно представляя себя работающим не в абы где, а в Скотланд-Ярде, ограничился поверхностным протокольным допросом, не зацкливаясь на куче нестыковок и расхождений в нашем рассказе. Он ещё больше удивится, если всё же решит копнуть поглубже и непременно наткнётся на множество необъяснимых с точки зрения здравого смысла странностей. Ну и ладно, меня к этому времени здесь уже и близко не будет. С миром отпустив нас, МакКаферти укатил в Гринсвудский участок. Ему предстояло выполнить огромный объём бумажной работы и раздать десятки распоряжений подчинённым. Для провинциального городка десятков трупов — это явный перебор! Скорая, пожарная бригада и мастера-строители, не мешкая, последовали за полицейскими, оставив нас в гордом одиночестве. Что ж, им ещё предстоит поломать голову над тем, как опустить подъёмный мост замка. Но, это уже, как я говорил, без меня!

Наша пёстрая компания выглядела настоящим отребьем, чего уж там. Грязные, побитые, в рваной одежде, усталые как собаки, но... живые. А это было самым главным. И нам было всё равно, что подумают окружающие о нашем внешнем виде. А окружающих хватало с избытком. Половину автобуса занимали пассажиры, спокойно и безмятежно прожившие все эти дни в гостинице «Король Ричард». Эти люди даже не представляли, НАСКОЛЬКО им крупно повезло. Спенсер вдвоём с водителем «Мерседеса» деловито обходили автобус по кругу, пиная ногами скаты и профессионально рассуждая о преимуществе инжекторных двигателей над карбюраторными.

— Ты с нами не едешь, верно? — спросил Ральф, кивая на автобус.

— Нет, — покачал головой я. — Думаю, вам и без меня будет достаточно весело. С нашими детишками скучать вам не придётся.

Мастерс глубоко вздохнул.

— Ну что ж...

Автобус плавно заурчал, вклиниваясь в наш разговор. Водитель был готов к отъезду. Подошла пора расставаться. Я мимоходом оглянулся. В десяти метрах от автобуса в ожидании замер «прихватегизированный» мною роскошный «ягуар» мистера Стокмана. Ему-то эта машина уж точно не понадобится! А мне пригодится... На заднем сидении вертелась, как заводная, Герти, то и дело радостно, счастливо улыбаясь. Оно и понятно... Разве могла бедная забитая двенадцатилетняя девчушка, находящаяся под опекой садиста-извращенца отчима мечтать о лучшей жизни, чем та, что она вела до последнего времени? Конечно, нет. Я выступал в роли такого мессии-спасителя, ангела, сошедшего с небес, дабы защитить и обогреть несчастного ребёнка... Ангел. Как же. Скорее уж демон.

Ко мне, беззаботно треща, подошли шестеро студентов, как-то неуловимо изменившихся за эту неделю. Ставших более зрелыми, взрослыми, что ли...

— Ну... Не люблю я долгие прощания, — буркнул Ральф. — Для меня это чересчур сентиментально. Давай, дружище, может, ещё свидимся.

Немец по-медвежьки облапил меня, стиснул мою ладонь своей клешней и повернул к автобусу. Мастерс крепко пожал мне руку и похлопал по плечу.

— Знаете, я не жалею об этих днях. Помимо горестей, я испытал и много хорошего. Вы же так и остались полны тайн и сюрпризов... Успехов вам, молодой человек.

— Берегите себя, — улыбнулся я. Бывший алкоголик улыбнулся в ответ и вслед за

Шнитке нырнул во чрево «Мерседеса».

Колин, Артур и Мартин скопом накинулись на меня и повисли как собаки на медведе. Я вынуждено пошатнулся!

— Удачи, чувак!

— Кореш, наш уикенд неоправданно затянулся, но ЭТО было нечто.

— Бывай, Алекс. И спасибо за всё.

Я от души пожал каждому из юношей руку, напутствуя «так держать» и в дальнейшем. А Колину я прямо сказал:

— Парень, у тебя отличные стихи, но... Взгляни на мир немножко под другим фокусом. Всё не так уж и плохо, в конце концов. Вокруг нас немало и хороших вещей. Как и людей. Побольше позитива, идёт?

Рэнделл понимающе усмехнулся. Сообразительный мальй, я же говорил... Саша крепко, по-дочернему прижалась ко мне и поцеловала в щетинистую щёку. Джессика же подставила для поцелуя свою смуглую атласную щёчку, чем я тут же и воспользовался.

Ну а Трейси... Трейси несколько отстранённо чмокнула меня и под удивлёнными взглядами быстро побежала к автобусу. Распрощавшись со мной, ребята, посекундно оглядываясь, цепочкой втянулись в «Мерседес». Звук работающего на холостых оборотах двигателя изменился, став более низким и уверенным.

Я круто развернулся и зашагал к «ягуару», вновь засунув большие пальцы за ремень. Сзади доносился гул отъезжающего автобуса. До «ягуара» осталось пройти шага три, Герти, высунувшись в окошко, послала воздушный поцелуй... И... «Мерседес» за моей спиной заглох и остановился, раздалось шипение открываемой двери. Я непроизвольно напрягся и замедлил шаг.

— Алекс! Алекс, подожди меня! Пожалуйста!

Я медленно развернулся на дрожащий от волнения, грудной, с приятной хрипотцой голос Трейси.

Так и есть. Цокая каблуками «казаков», ко мне со всех ног неслась Трейси. Маленькая стройная фигурка, одетая в кожаные штаны и куртку с оторванными рукавами. Короткие чёрные волосы девушки торчали во все стороны, солнечные лучи игриво преломлялись на прорезе в ноздре вечно наморщенного носика колечке, огромные зелёные глазищи часто моргали...

— Подожди!

Стюарт затормозила в каком-то метре от меня. Она нервно ломала пальцы. Я терпеливо выжидал, не роняя ни слова. Притихшая Герти демонстративно отвернулась, изучая дорожную кожаную обивку салона.

— Адрес, — выпалила Трейси.

Что — «адрес»? — не совсем понял я, изрядно смешавшись.

— Ну как же! Ты же не знаешь моего адреса! Как ты собираешься выслать мне диски? Куда будешь писать?..

— На деревню дедушке, — сказал я.

— В смысле? — вытаращилась девочка. — Да хватит тебе!.. Я же не шучу. Вот, держи.

Трейси настырно запихала мне в карман куртки какую-то скомканную бумажку.

— Здесь мой адрес и номер домашнего телефона. Так что, если надумаешь...

— Ты на ходу выпрыгнула из автобуса только для того, чтобы сообщить мне свой адрес?..

Она неопределённо передёрнула плечами.

— Ну-у-у... Как бы тебе сказать, чтоб не соврать...

— Врать не рекомендуется, учти. Так почему?

— Я забыла тебе сказать кое-что **ОЧЕНЬ** важное, — Трейси гордо, вызывающе вскинула головку, не спуская с меня изумрудных глаз. — Тогда, в твоём номере... Когда ты не взял меня...

Я сдавленно крикнул. Вот о чём она...

— Трейси, родная, всё же, как не крути, но разница между нами, да и вроде мы...

— Да пошёл ты со своей разницей! — закричала Трейси и захлопала носом. — Что ты всё заладил — «возраст», «ты ещё маленькая», «я слишком стар»! Заколебал ты своими рассуждениями и оправданиями! Понял? За-ко-ле-бал!

Под натиском брызжущей слюной и слезами девушки я невольно сжался и отступил на шаг назад. Трейси продолжала напирать.

— Почему! Почему! Да потому, что я люблю тебя, придурок недобитый! Ясно тебе? **ЛЮБЛЮ!**

Задыхаясь от душивших слёз и ярости, Трейси пыхтела как паровоз, воинственно сжимая кулачки. Я так и сел. В переносном смысле этого слова, конечно. Я не мог поверить, что Трейси всё же сказала ЭТО.

— Ну что, устраивает тебя такое объяснение? — торопливо зашептала севшим хриплым голосом Стюарт. — Я не спрашиваю, любишь ли ты меня... Можешь не отвечать, я подожду. Но обещай мне, что непременно, слышишь, непременно мы с тобой увидимся. Не ограничивайся одной перепиской, понял? Ну, в смысле... Мне начхать на всех остальных и на косые взгляды окружающих, ты знаешь это. Я люблю тебя и этим всё сказано! И я **БУДУ** ждать тебя, не сомневайся.

Я мысленно собрал всю волю в кулак. Я **ДОЛЖЕН** был сказать эти слова. Должен! Не видит бог, как же я ненавидел себя в тот момент! Но по-другому я не мог. Не имел права. Я постарался говорить как можно более ровным голосом:

— Трейси, у тебя вся жизнь впереди... У тебя всё будет хорошо, я более чем уверен в этом. Ты — чудесная девушка, достойная многого, поверь мне. Я вижу это. Но... **НЕТ.** Не жди меня.

Я вонзил ногти в ладони... Боль не давала мне раскиснуть и сказать всю правду. Я должен устоять. Должен.

— Ч-что? — глаза Трейси поглотил океан слёз... Она навзрыд разрыдалась и ударила меня рукой в грудь, в плечо, по лицу. Я стоял, не двигаясь... — Как ты можешь... Ну как?! Почему?..

Глядя поверх её головы, я отстранённо сказал:

— Ты видела фильм «От заката до рассвета»? В финальной сцене главный герой говорит: я, конечно, негодяй, но не до такой же степени... Это и обо мне тоже, Трейси. Я не могу быть с тобой. Просто поверь мне на слово.

— Не-е-ет... Я не хочу в это верить, — закрыв ладонями лицо, рыдала железная Трейси Стюарт. — Ты... Ты врешь! Я же вижу, что ты сам не веришь в то, что мне говоришь!.. Но зачем ты так со мной поступаешь?.. Элис говорила, что я смогу помочь тебе... Спасти! Что с тобой?!

Она плакала... Из-под пальцев мокрыми дорожками стекали обильные слёзы, плечи девушки судорожно вздрагивали. А я стоял напротив неё, сунув руки в карманы и изо всех

сил стараясь казаться спокойным и непоколебимым. И как же я проклинал себя... А так хотелось... Стоп. Сейчас уже не важно, что я хочу, и к чему это может привести. Важно, что Трейси обязана забыть меня. Пусть даже мне для этого придётся стать распоследним мерзавцем в её глазах.

Трейси отняла руки от зарёванной мордашки... У меня внутри всё сжалось. КАК же мне было жаль её! Как я желал обнять и утешить бедняжку, нашептав ей на ушко ласковых и успокаивающих слов! Таких простых, но вместе с тем сложных, которые мы так часто забываем или не решаемся произнести вслух, когда есть и время, и необходимость... Я до крови прикусил щёку изнутри, смакуя языком солоноватую жидкость...

Трейси протянула руку. Я подумал, что она ударит меня, и я не стал бы ей мешать. Но девушка распахнула мою куртку и впилась пальцами в грудь... Сделала вид, будто ухватила что-то и рванула на себя. Я удивлённо наблюдал за её манипуляциями... Затем Трейси нежно и бережно как бы вытянула нечто представляющее для неё огромную ценность из моей кричащей от душевной боли грудной клетки. До меня постепенно стал доходить весь смысл. Она взломала несуществующую дверцу и забрала моё сердце.

— Я сделала это без ключа, — выдавила из себя Трейси. — Понимаешь, мне не нужен никакой ключ! И твоё сердце теперь моё. Навечно. Сможешь ли ты жить без него?..

— Оно давно мертво, — прошептал я, стыдясь смотреть в глаза Стюарт.

— Когда ты захочешь забрать его, ты сможешь меня найти. Я не буду прятаться. Я стану хранить твоё сердце рядом со своим. И я не запираюсь на ключ. Тебе будет достаточно постучать...

Я отвернулся. Господи, девочка моя, как же ты не понимаешь... Трейси проглотила остатки слёз и, крутанувшись на каблуках, побежала к автобусу. Я ещё долго смотрел ей вслед. Вслед уносящейся вдаль несбыточной мечте, которой так и не суждено стать постоянством моей жизни. Я смотрел вслед тронувшемуся с места автобусу, и провожал его затуманенным слезами взглядом до тех пор, пока он не превратился в едва различимую мелкую чёрную точку. Многое осталось непонятным... И роль чудаковатой уличной провидицы во всей этой истории. И странное серебряное кольцо на двери гостиницы Ричарда Бонема... Совпадение? Вы уже знаете, что я перестал верить в них. И... Ладно забыли.

Я открыл дверцу «Ягуара» и сел за руль. Взъерошил голову тихонько плачущей Герти и положил дрожащие руки на баранку.

— Почему?.. — Герти всхлипнула и шмыгнула носом, свернувшись клубочком на заднем сидении.

— Милая... Как сказал однажды Харви Дент: «либо умираешь героем, либо живёшь, пока не станешь негодяем». Не плачь. Всё будет хорошо.

Я повернул ключ в замке зажигания. Мощный двигатель послушно отозвался рокочущим низким гулом. Вот и всё. Закончилась очередная глава моей, в общем-то непутёвой жизни. Началась новая. Но она будет до обидного короткой. До следующего полнолуния. Мне остался всего один месяц. Один месяц на то, чтобы пристроить Герти в добрые надёжные руки и утрясти кое-какие проблемы. Месяц на то, чтобы решить, умереть ли героем или стать негодяем... Герберт меня укусил. Чёртов ублюдок успел цапнуть меня за бок во время нашей схватки. Как этого никто не заметил, ума не приложу. И через месяц у меня начнутся серьёзные проблемы. Я не хотел превращаться в монстра, постоянно терзаемого алчной жадой человеческой плоти. У меня был месяц, чтобы решить, как уйти из

жизни. У меня не было будущего. Но Герти этого знать не обязательно... Как и моим родным. Смирился ли я с этим? Не знаю. Хватит ли у меня воли пустить себе серебряную пулю в лоб? Не знаю. Смогу ли я добровольно покончить с собой? Тот же ответ. Но у меня впереди ЦЕЛЫЙ месяц.

Я тронул машину с места. Я жалел лишь об одном. О том, что так и не сказал, как же я сильно ЕЁ люблю. Мою маленькую стервочку. Мою Железную принцессу...

КОНЕЦ.

Больше книг на сайте — Knigoed.net